

63.3(2-2М)4
У78

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКИ СУДЬБЫ

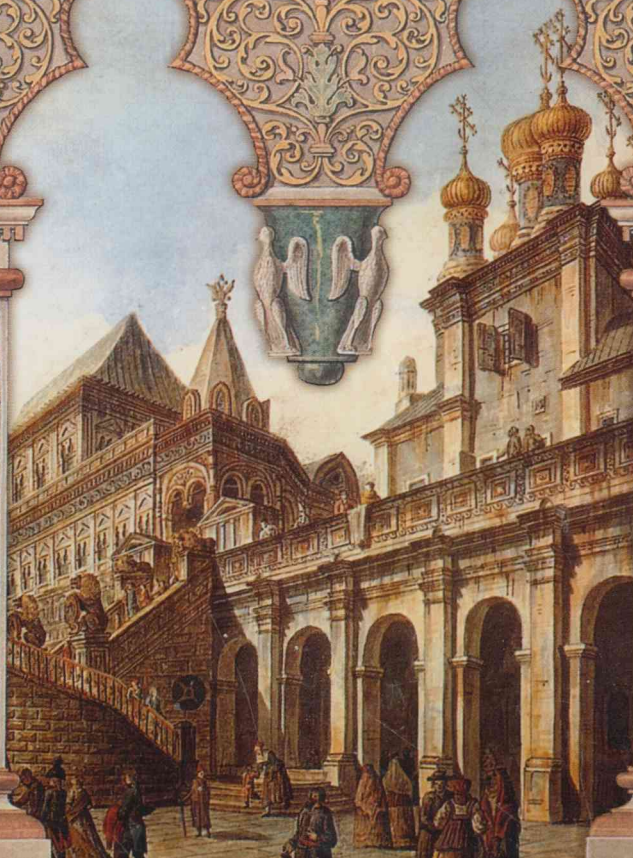
СЕРГЕЙ
ШОКАРЕВ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

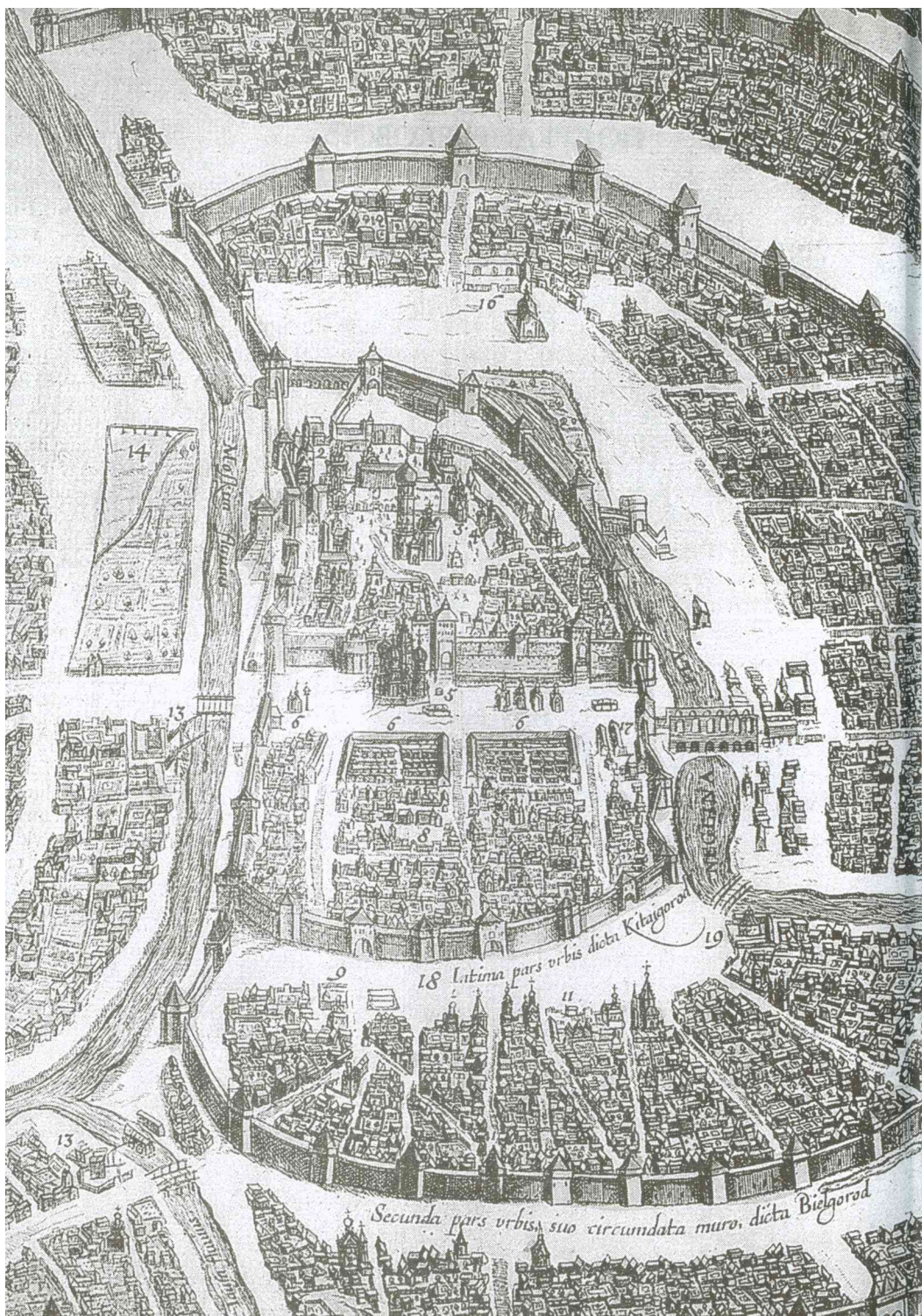
ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ

МОСКВЕ

РАЗГОВОРЫ
С ПРОШЛЫМ

18 Intima pars urbis dicta Kitajgorod

Secunda pars urbis, suo circumdata muro, dicta Bielgorod

ПУ Т Е В О Д И Т Е Л Ь
ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МОСКВЕ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 908
ББК 26.89
Ш78

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
Е.Ю. Шурлаповой

В оформлении книги использованы карты, разработанные
С.Ю. Шокаревым и ООО «Феория»

Шокарев, С.Ю.

Ш78 Путеводитель по средневековой Москве / Сергей Шокарев. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. — 448 с.

ISBN 978-5-227-05090-8

Данный путеводитель не вполне традиционен. Он посвящен средневековой Москве — городу XII—XVII веков, в границах городской черты первых лет царствования Петра Земляного города. За прошедшие столетия Москва кардинально изменилась внешне, но в облике ультрасовременного мегаполиса скрытно проступают черты древнего, деревянного и белокаменного города. Прошлое продолжает говорить с нами, рассказывая о себе через московскую топонимику и памятники старины.

УДК 908
ББК 26.89

© Шокарев С.Ю., текст, 2014
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014

ISBN 978-5-227-05090-8

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МОСКВЕ

ВВЕДЕНИЕ

История московских путеводителей насчитывает более двух столетий. Первый из них, автором которого был Василий Рубан, вышел из печати в 1782 г. С тех пор увидели свет сотни путеводителей, посвященных Первопрестольной. Общие, специальные (например, «Пушкинская Москва» или «Булгаковская Москва»), по отдельным районам и даже улицам, они могут удовлетворить самого взыскательного читателя. Но, к счастью, пока еще не все возможности этого жанра исчерпаны и, видимо, не будут исчерпаны никогда.

Данный путеводитель не вполне традиционен. Он посвящен средневековой Москве — городу XII—XVII вв., в границах городской черты первых лет царствования Петра — Земляного города. За прошедшие столетия Москва кардинально изменилась внешне, но в облике ультрасовременного мегаполиса скрытно проступают черты древнего, деревянного и белокаменного города. Прошлое иногда говорит с нами, рассказывая о себе через московскую топонимику и памятники старины. Об этой связующей нити времен прекрасно сказал художник Василий Суриков: «Я на памятники, как на живых людей, смотрел, расспрашивал их: «Вы видели, вы слышали, вы — свидетели». Только они не словами говорят... А памятники все сами видели: и царей в одеждах, и царевен — живые свидетели. Стены я допрашивал, а не книги». Несмотря на катастрофы прошедших столетий, в Москве еще есть древние шершавые стены, прикоснувшись к которым можно почувствовать невнятный ропот средневекового города... Есть в Москве и нетронутые потаенные места, где сохранились древний ландшафт, старинные деревья, замкнутые участки древней застройки, заброшенный, поросший травой надгробный памятник...

Я приглашаю вас совершить путешествие в прошлое Москвы, передвигаясь во времени и пространстве, умозрительно побродить по дощатым мостовым средневековой столицы Московского государства. За воротами боярских дворов, церковными оградами и монастырскими стенами мы увидим галерею примечательных лиц — москвичей той далекой эпохи, трудами которых хорошел и развивался древний город. Многие из этих людей вошли в московские предания, стали легендарными — преподобный Андрей Рублев, спаситель Отечества князь Дмитрий Пожарский, бунтарь протопоп Аввакум, могучий патриарх Никон, стрелецкий «батька» князь Иван Хованский...

Порой представляется, что средневековая Москва очень далека от нас, а иногда кажется, что в общих чертах город изменился совсем мало. В этом таится одна из загадок столицы — она умеет пребывать одновременно в разных временах. Попробуем и мы погрузиться в волшебную стихию Средневековья, о которой удивительный историк Лев Гумилев писал:

Зачем бояться снов?

Средневековьем

Пренебрегать мы больше не должны.

Оно прижалось к нашим изголовьям;

Не нам оно, а мы ему нужны.

В гудках авто, в громадах серых зданий

И блеске электрических огней

Не слышно нам старинных заклинаний,

Не видно оживающих камней.

В добрый путь!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ ГРАДА «МОСКОВЪ» К СТОЛИЦЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Начало Москвы

Происхождение и древнейший этап истории Москвы и поныне под покровом тайны. Начальная история города интересовала москвичей еще в эпоху Средневековья. Не один книжник задавался вопросом: «И почему было Москве царством бытии, и хто то знал, что Москве государством слыти?» Ответить на этот вопрос были призваны несколько повестей «о начале Москвы», появившиеся в конце XVI-XVII в.

Одна связывала рождение столицы с кровавой рознью между князем Юрием Долгоруким и «боярином» Кучко. Другая повествовала об убийстве князя Андрея Боголюбского, сына Юрия, его «блудолобивой» княгиней и ее любовниками Кучковичами (существовал вариант, в котором место Андрея занимал некий Даниил Суздальский, имя которого было заимствовано у первого московского князя Даниила Александровича). Согласно преданию, на месте «красных сел» боярина Стефана Кучко, где пытались обороняться и были убиты Кучковичи, и возникла Москва. Наконец, третья повесть рассказывала о явлении князю фантастического чудовища («зверь треглав, пестр пестринами, пречюден, красен»), который привел его к хижине отшельника Букала, на месте которой впоследствии возник город¹.

В самом конце XVII столетия иеродьякон Тимофей Каменев-Рвовский, опираясь на польскую историографию XVI в., связал происхождение Москвы ни много ни мало с библейским праотцем Мосохом, сыном Иафета и внуком Ноя. Иеродиакон писал, что «Мосох Иафетович» пришел в «страну Скифскую великую» и поселился на месте Москвы. От сочетания имен са-

¹ См.: *Салмина М.А.* Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964.

мого Мосоха и его жены Квы произошло название города, а река Яуза получила наименование в честь их детей — сына Я и дочери Вузы. Затем Мосох якобы создал «градец малый» на горе в устье Яузы (поздняя Швивая горка) и, поселившись здесь, стал родоначальником «не токмо же Скифо-Москво-Словено-Российским людем, но и всем нашим своєсродным государствам премногим и народам и землям и племенам и коленам Скифским»¹.

Научное исследование московских древностей началось в XIX столетии. Еще в 1820-х гг. З.Я. Доленга-Ходаковский и К.Ф. Калайдович обратились к изучению подмосковных курганов. В 1838 г. их первые раскопки осуществил А.Д. Чертков, нумизмат, археолог, основатель Исторической библиотеки. В том же году было сделано еще два значимых открытия: при земляных работах в Кремле были обнаружены остатки земляного рва первоначальной московской крепости XII в. и вышла книга Н.С. Арцыбашева «Повествование о России», в которой впервые была установлена точная дата упоминания Москвы в летописи — 4 апреля 1147 г. Позднее, независимо от Арцыбашева, об этом написал известный знаток московской старины И.М. Снегирев.

Наблюдения при строительных работах и случайные находки все более и более пополняли копилку знаний о древней Москве. В 1867 г. И.Е. Забелин обнаружил деревянные мостовые средневековой Москвы, вскрытые при прокладке газового освещения. Соратник Забелина по созданию Исторического музея князь Н.С. Щербатов в 1894 г. провел исследование кремлевских стен, обнаружив разветвленную сеть подземных сооружений — слухов, колодцев, камер. Первые полноценные археологические раскопки в городе были начаты в Заяулье в 1946 г. М.Г. Рабиновичем. С этого времени московская археология прошла долгий путь. Исследования велись на всей территории города, как в его исторической части, так и за пределами средневековой Москвы². Тем не менее начальные страницы истории столицы, дата рождения города, обстоятельства его создания и первоначальное расположение — все это служит предметом научных дискуссий.

¹ Цит. по: *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1990 (репринт). С. 26.

² См.: *Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007.

Историческим центром Москвы является Боровицкий холм — высшая точка водораздельного плато, бравшего свое начало у впадения реки Неглинной в Москву. Холм представляет собой неправильный треугольник, расширяющийся в восточную сторону и вознесенный над уровнем Москвы-реки на 26—28 м. Именно здесь находилась первая московская крепость, о возрасте которой ведутся споры как в специальной, так и в популярной литературе. В качестве возможной даты возникновения Москвы назывались XI в. и даже X в. И хотя поселения этого времени на территории современной Москвы обнаружены (например, славянское селище на месте современного Свято-Данилова монастыря), новейшие исследования доказывают, что возникновение города произошло почти одновременно с его первым упоминанием¹.

Историки изучили первое упоминание о Москве в Ипатьевской летописи чуть ли не под микроскопом, вытянув из короткой летописной записи массу подробностей. Интересующее нас событие связано с перипетиями междоусобной войны ростово-суздальского князя Юрия Владимировича (поздние источники придают ему прозвище — Долгорукий) с племянниками Мстиславичами. Весной 1147 г. князь Юрий во время военного похода пригласил союзника черниговского князя Святослава Ольговича в свои владения: «И прислав Гюрги рече приди ко мне брате в Московъ». Святослав с сыном Олегом, союзником князем Владимиром Святославичем и малой дружиной отправился к Юрию.

Вперед был послан молодой князь Олег, который подарил Юрию «пардуса», о природе которого существуют разные версии. Словом «пардус» греки именовали барса, однако так называлась на Руси также и рысь. Так что же заключал в себе дар Олега — рысь, барса, шкуру хищника, а может быть, прирученного гепарда, с которыми охотились в степях половецкие ханы, союзники черниговских князей? Увы, мы не можем ответить. Любопытно, что в 1160 г. такой же дар Святослав Ольгович пре-

¹ Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2003. С. 14—17, 24—25. При этом на территории Кремля прослежено существование в VIII—III вв. до н. э. небольшого городища дьяковской культуры железного века, носителями которой были предшественники славян в Волго-Окском регионе.

поднес Ростиславу Мстиславичу — «пардус, и два коня борза, оу ковану седлу».

Встреча князей состоялась в пятницу пятой недели Великого поста на Похвалу Пресвятой Богородицы, то есть 4 апреля. На другой день Юрий повелел устроить «обед силен и створи четь великоу им». Затем, одарив союзника, Юрий простился со Святославом, который отправился в поход к Лобынску¹.

Летописная запись дает немало косвенных свидетельств о том, как выглядела Москва в середине XII в. Очевидно, что здесь существовал терем, в котором было не стыдно принять гостей, палаты, в которых разместились сотни две дружинников Святослава и самого Юрия, а также конюшни. Были здесь и амбары с продовольствием, погреба с медами, слуги, которые организовывали встречу. Возможно, существовала и церковь. На 4 апреля приходился 40-й день со времени смерти княжича Ивана, сына Юрия Владимировича, посланного на помощь Святославу и умершего в походе. 5 апреля приходилось на субботу — день поминовения усопших. Вероятнее всего, в этот день и отслужили поминальную службу по князю Ивану, возможно в патрональной ему церкви Иоанна Предтечи на Бору, которая, согласно преданию, считалась древнейшей церковью Москвы. Не исключено, что «обед силен» был поминальной трапезой по Ивану; не случайно летописец упомянул именно это слово, а не слово «пир», означавшее веселье с песнями и плясками. Впрочем, пребывание Святослава и Юрия в Москве могло быть окрашено не только печалью. И.Е. Забелин предположил, что здесь произошло обручение князя Олега с дочерью Юрия, свадьба с которой состоялась в 1150 г.

Таким образом, уже с самого начала своей истории Москва предстает сравнительно большим поселением, опорным пунктом ростово-суздальских князей на западных границах их владений. Были ли в первоначальной Москве крепостные стены, позволявшие ей считаться «градом»? Ни летопись, ни археология не дают ответа на этот вопрос. Однако не случайно следующее упоминание

¹ *Полное собрание русских летописей* (далее — ПСРЛ). Т. II. С. 340, 504; *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1990. С. 4; *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. XII—XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV—XVI вв. / Сост. Л.И. Шохин; под ред. С.О. Шмидта. М., 1992. С. 10—11; *Рапов О.М.* Кто срубил град Москву на Боровицком холме. М., 1997. С. 15-17.

Свадебный пир. Гравюра из книги А. Олеария
«Описание путешествия в Московию и через Московию
в Персию и обратно». 1656 г.

о Москве в Тверской летописи под 1156 г. повествует о строительстве князем Юрием Владимировичем здесь крепости — «па устниже Неглинны, выше реки Аузы». Историки спорят о том, мог ли Юрий заниматься строительством этой крепости, поскольку другие летописи сообщают о его активной деятельности на юге. Иногда строительство московских укреплений приписывают сыну Юрия, князю Андрею Боголюбскому.

Остатки этой крепости были обнаружены в 1959—1960 гг. при раскопках, предшествовавших строительству Большого Кремлевского дворца. Это следы земляного вала и рва, а также деревянные дубовые конструкции, называемые «хаковыми» (от польского слова *hak* — крюк, костыль), которые являлись внутренним креплением земляного вала, предохраняя его от оползания. Ныне деревянные бревна времен Юрия Долгорукого находятся в экспозиции Музея Москвы. Любопытно, что такие конструкции в Северо-Восточной Руси неизвестны, зато встречаются в Польше, что свидетельствует о приглашении князем зод-

Украшения из вятичских курганов
на территории Москвы. XII–XIII вв.
Собрание Музея Москвы

чих с запада Южной Руси, где был известен польский строительный опыт.

Московская крепость эпохи Юрия Долгорукого в плане представляла собой неправильный овал, охватывая самый край Боровицкого холма вплоть до современной Соборной площади. Археологические находки указывают на то, что в московской крепости XII в. находились богатая, видимо княжеская, усадьба, а также мастерские — косторезная, сапожная, кузнечная, ювелирная. На месте Успенского собора XV в. располагался деревянный храм, при котором существовало кладбище. На нем находятся погребения XII—XIII вв., причем в женских захоронениях встречаются украшения, свойственные славянским вятичским захоронениям. Также там найдены дорогие византийские ткани, происходящие из захоронений знати XIII в.¹

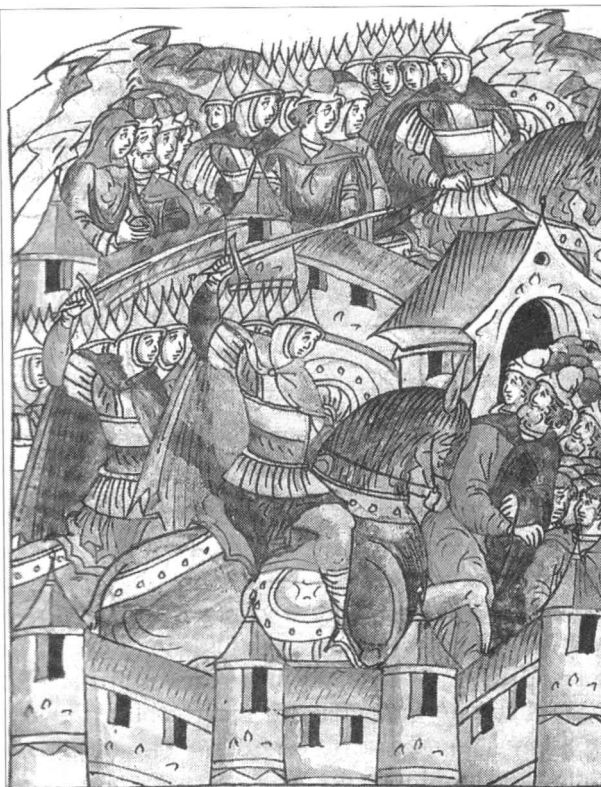
¹ *История Москвы. XII—XVIII века. М., 1997. Т. 1. С. 19; Панова Т.Д. Указ. соч. С. 25.*

Во второй половине XII в. город неоднократно упоминается в летописях. Наряду с современной формой названия — Москва — в летописях также встречаются и первоначальные: «в Московь», «на Московь», «до Москве», «из Москъве». Очевидно, что, как и большинство древнерусских городов, Москва получила свое имя от одноименной реки. Высказывались предположения о балтском, финно-угорском и славянском происхождениях названия Москвы-реки. Согласно славянской версии, название Москва связано с корнем «моск/мозг», означающим сырость (отсюда — «промозглый»). Балтийская модель («москы») также связывается со словами, означающими «болотистая, слякотная река», «сырая местность». Наконец, финно-угорская версия имеет сразу несколько вариантов объяснения этого гидронима, связанных с различными финно-угорскими языками, — «темная вода», «коровья река» и «медвежья река». Таким образом, каждый москвовед имеет возможность избрать в качестве основной любую из трех версий либо констатировать, что при наличии трех возможных вариантов решения этого вопроса пока нет¹. В Ипатьевской летописи упоминается также и еще одно название Москвы — Кучково (1176 г.). В этом часто видят свидетельство достоверности преданий XVII в. о боярине Кучко.

Как пограничная крепость Владимиро-Суздальского княжества, Москва упоминается при описании военных походов. Как уже говорилось выше, во второй половине XII — первой трети XIII в. Москва неоднократно упоминается как военная крепость Владимиро-Суздальского княжества. В 1174 г. в Москве остановились по пути из Чернигова во Владимир князь Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич. В 1175 г. в Москве собирались дружины Михалка и Всеволода Юрьевичей и их союзников князей Черниговских, выступивших против Ростиславичей, грабивших Владимирскую землю. В 1176 г. князь Глеб Ростиславич Рязанский, воюя против Всеволода Большое Гнездо, приступил к Москве «и пожже город весь и села». После этого укрепления Москвы были перестроены, а площадь города увеличилась до 14 га. Высота валов достигла 7 м, а ширина в основании — не менее двенадцати. В 1207 г. в Москве собирались полки Всеволода Большое Гнездо для похода на Чернигов. В 1208 г. Всеволод сжег Рязань, но в следующем году рязанские князья предпри-

¹ *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 110—115.

Люди ели зѣнша, дѣтѣ рыхъ и до
 младенца. ѡгнѣхъ и плаѣхъ попе
 дѣша. и мѣсто и мѣсто
 взѣмше
 ѡи
 до
 ша

Взятие Москвы монголами в 1238 г.
 Миниатюра Лицевого летописного свода

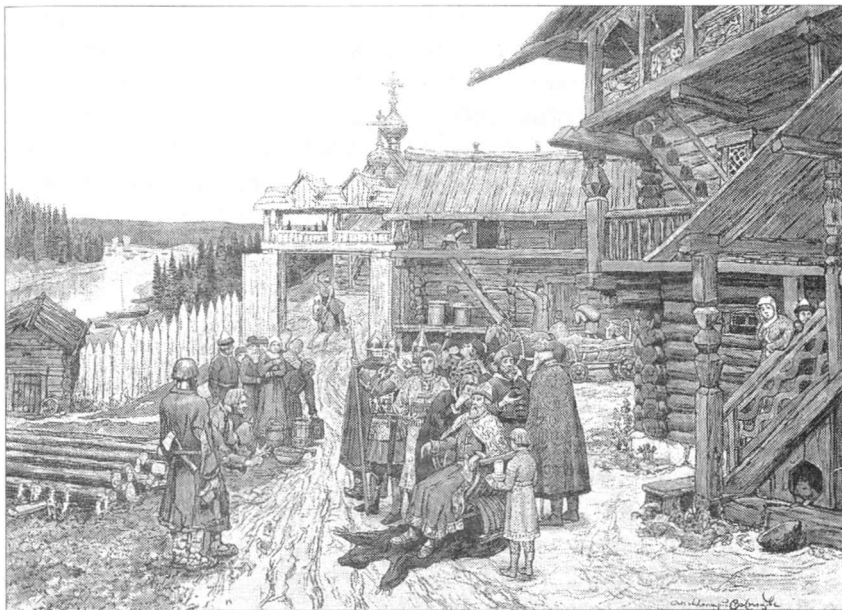
няли ответный поход, пограбив села «около Москвы». В 1213 г. во время междоусобной войны сыновей Всеволода Большое Гнездо один из них, Владимир, укрепился в Москве.

Уже в это время городские поселения выходили далеко за линию крепостных стен. Торгово-ремесленный посад занимал пространство по линии современных стен Кремля. Отдельными участками он простирался на территорию современного Китай-города. Культурный слой XII—XIII вв. обнаружен при раскопках в Зарядье, на Манежной площади, на Ильинке, в районе Никольской. Основная же территория современного Китай-города и берегов Неглинной вплоть до Бульварного кольца была занята пашней. В районе современных улиц Волхонки, Ленивки, при слиянии Яузы и Москвы найдены следы сельских поселений домонгольской эпохи. Это и были «села», страдавшие во время набегов на Москву.

В январе 1238 г. Москва, как и другие города Владимиро-Суздальского княжества, была захвачена и сожжена армией монгольского хана Бату. В это время в городе находился один из сыновей великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича — Владимир Юрьевич. Монголы убили воеводу Филиппа Няньку (возможно, он был «дядькой», воспитателем княжича Владимира), перебили все население города, сожгли город и села, а княжича увели в плен. Впоследствии он был убит под стенами Владимира. Следы пожара Москвы 1238 г. обнаружены при раскопках на Ильинке и Манежной площади. В то же время археологически не прослеживается длительного периода запустения города. В отличие от других древнерусских городов, погибших в результате монгольского нашествия (Рязань, Ярополч, Стародуб), Москва довольно скоро восстановилась и ее рост возобновился.

МОСКВА БЕЛОКАМЕННАЯ

Одним из результатов монгольского нашествия стало активное переселение жителей Южной Руси на северо-восток, подальше от хищных степных кочевников. Киевская и Переяславская земли запустели, зато росли и развивались города Северо-Восточной Руси — Белоозеро, Ярославль, Тверь, Москва, Суздаль, Нижний Новгород. Закономерно, что в XIII в. они стали центрами новых удельных княжеств. Первое упоминание о московском князе от-

А.М. Васнецов. Двор удельного князя

носится к 1247 г. Правителем Москвы назван князь Михаил Ярославин по прозвищу Хоробрит (сын Ярослава Всеволодовича), который в 1248 г. захватил Владимир и изгнал с престола дядю, Святослава Всеволодовича, и в том же году погиб в битве с литовцами на Протве. Академик М.Н. Тихомиров указывал на говорящее прозвище этого князя. Хоробрит происходит от древнерусского слова «хороброваги» — храбриться. В литературном памятнике того времени «Слово Даниила Заточника» сказано: «...Лучше един мудр десяти хоробующих без ума». Судьба непутевого Михаила Ярославина вполне оправдывает эту мудрость¹. Правда, он назван «московским князем» в поздней летописи, и существование Московского удела князя Михаила Хоробрита подвергается сомнению.

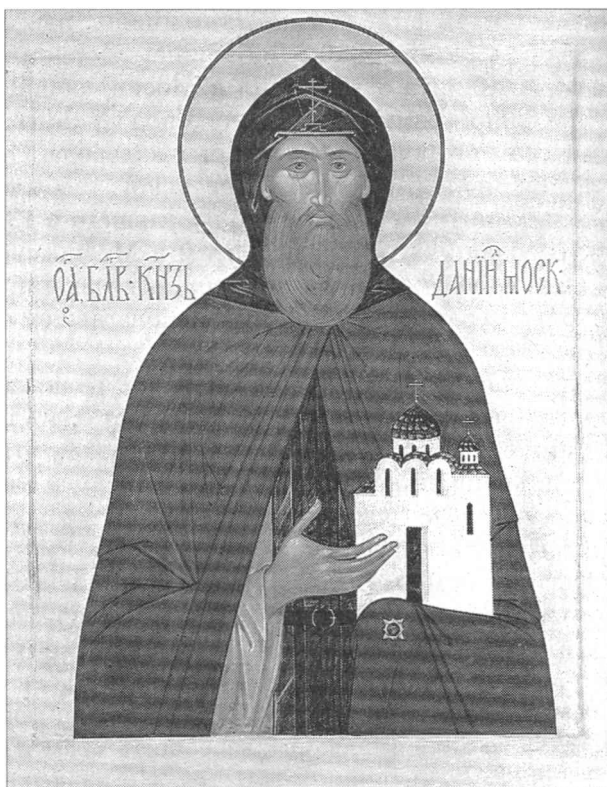
В 1263 г. по завещанию Александра Ярославина Невского младший из его сыновей, Даниил (родился в 1261 г.), получил в удел Московское княжество. Первоначально, по малолетству князя Даниила, городом и княжеством управляли наместники его стар-

¹ Тихомиров М.Н. Древняя Москва... С. 20.

ших братьев, великих князей. В 1282 г. Даниил впервые упоминается как самостоятельный деятель — в этом году он вместе с тверским князем Святославом Ярославичем выступил против старшего брата Дмитрия Александровича Переяславского.

В последние десятилетия XIII в. Северо-Восточная Русь была охвачена длительной междоусобицей старших сыновей Александра Невского — Дмитрия Переяславского и Андрея Городецкого. Тверской и московский князья выступали в союзе то с одним, то с другим соперниками, но едва ли не решающую роль в борьбе имела поддержка татар. Оба князя не раз прибегали к татарской помощи, приводя на Русь отряды ордынцев. Наиболее страшным был поход войска Тудана, брата золотоордынского хана Тохты, с которым явился в 1293 г. Андрей Александрович. В русские летописи этот разрушительный поход вошел под названием «Дюденева рать». Татары разорили и сожгли главнейшие города Северо-Восточной Руси — Суздаль, Владимир, Муром, Юрьев-Польской, Переяславль, Дмитров, Углич, Волок Дамский. Подойдя к Москве, татары «московского князя Даниила обольстиша (обманули), и тако въехала в Москву... и взяша Москву всю, и волости и села». Вероятно, обмануть князя помог и Андрей Александрович. Даниил не простил брату разорения своей столицы, стал его непримиримым врагом и сблизился с сыном Дмитрия Александровича — Иваном Дмитриевичем. После кончины Дмитрия Александровича Даниил Московский возглавил борьбу против Андрея. На его стороне выступали тверской и переяславский князья. Даниилу Московскому удалось временно утвердиться даже в Новгороде, который обычно признавал только великих князей.

В самом начале XIV в. Даниил Московский предстает крупным политическим деятелем, без которого не решалось ни одной серьезной проблемы в Северо-Восточной Руси. В эти годы он активно расширяет свои владения. В 1302 г. к Москве по завещанию князя Ивана Дмитриевича Переяславского отошел Переяславль. Вероятно, тогда же в состав московских владений был включен Дмитров. После похода на Рязань в состав Московского княжества вошла Коломна, а вскоре после смерти Даниила его сыновья захватили Можайск, ранее входивший в состав Смоленского княжества. В результате все течение реки Москвы от истоков до впадения в Оку оказалось в руках московских правителей.

Святой благоверный князь Даниил Московский

Даниил Александрович скончался 5 марта 1303 г., приняв перед смертью монашество и схиму. Он был погребен в Даниловой (Свято-Даниловом) монастыре, который, видимо, был основан по его велению. Впоследствии обитель пришла в упадок, но при Иване Грозном совершилось исцеление у гроба Даниила Московского, было установлено местное почитание святого князя, а монастырь возобновлен. 30 августа 1652 г. были обретены мощи святого князя Даниила Московского, а его церковное почитание в лике святых установлено в конце XVIII — начале XIX в.

При сыновьях Даниила Юрии и Иване Москва вступает в жестокую борьбу с Тверью за лидерство на Руси, которая завершилась победой московских князей только во второй половине XIV в. при Дмитрии Донском. В истории города особое

место занимает правление Ивана Даниловича, известного по прозвищу Калита (1325—1340). Добившись перелома в борьбе с Тверью, Иван Калита осуществил в Москве обширную градостроительную программу, призванную подчеркнуть властные амбиции московского князя и новый статус города. Строительство главного каменного собора — Успенского — было связано с деятельностью митрополита Петра, избравшего в 1322 г. Москву своей резиденцией. В связи с этим в Московском Кремле возник обширный митрополичий двор, уступавший по своим размерам только великокняжескому, располагавшемуся по соседству.

Житие митрополита Петра, написанное вскоре после его кончины, сообщает, что святитель дал князю «совет благ» построить церковь во имя Успения Божией Матери и связал с этим строительством дальнейшее возвышение Московского княжества: «...И сам прославишися паче инех князии, и сыновей и внуци твои в род, и град сѣи славен будет в всех градах Руских, и святители поживут в нем, и въздут «руки его на плеща враг его», и прославится Бог в нем»¹. Митрополит сам избрал место своего упокоения в алтаре храма и, согласно Житию, своими руками создал будущую гробницу. Создание храма началось 4 августа 1326 г., в самом конце строительного сезона. Зодчие торопились; видимо, князь стремился поскорее завершить храм из-за ухудшения самочувствия митрополита Петра. Но владыке было не суждено увидеть заверченный собор. В ночь с 20 на 21 декабря 1326 г. святитель скончался и был торжественно погребен в еще недостроенном храме. Осветили собор 14 августа 1327 г., в канун праздника Успения Божией Матери. Мы не знаем, как выглядел первый Успенский собор XIV в., вероятно, он был выстроен в традициях владимиرو-суздальского зодчества и являлся одноглавым.

Храм и гробница митрополита Петра сделались главными святынями Москвы. Согласно известиям Жития и московских летописей, от мощей митрополита совершались многочисленные чудеса. Первые из них произошли вскоре после погребения святителя: «По двадистих же днех еже в гробе положения его уноша некий, от рождения своего имея руци раслаблении отнудь

¹ Клосс Б.М. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. Т. II. С. 43.

Святой митрополит Петр. Икона XV в.

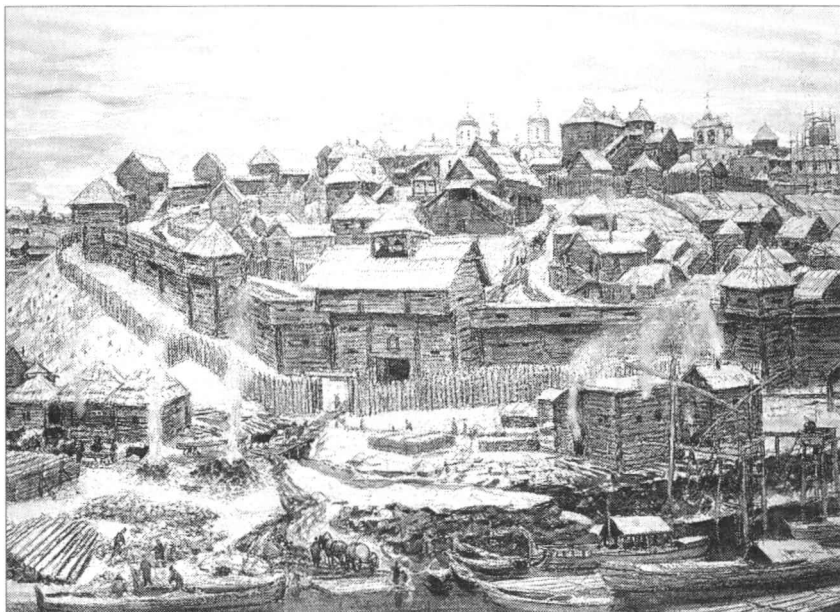
недвижимы, яко ни к устом мощы принести их, съи убо с теплою верою к гробу святого притече, с слезами моляса, и абие исцеление получи. Потом же слукому исцеления дарова, слепому же зрение подаст» (1326 г.). В 1348 г. «прощена бысть некая девица у гроба великого чудотворца святителя Петра, имевше бо рuce к переем прикорчене, и тогда пришед исцеление получи мая 26» (1348 г.). В 1357 г. перед поездкой митрополита Алексия в Золотую Орду «загореся свеща сама собою у гроба чудо-

творца Петра августа 18...». В 1372 г. «месяца августа в 15 на Успение Богородицы бысть чудо на Москве у гроба чудотворца Петра: некий отрок имеяше руку к переем прикорчившуюся и нему сущу ему. Егда же преосвящены митрополит Алексеи кончеваше литургию, и тогда проглагола отрок и простресе рука его и бысть, яко жеи другая». Летописи также отмечают чудеса, происходившие у гроба святителя в 1395, 1416, 1472 и в другие годы¹. Преемник Петра, митрополит Феогност, провозгласил его святым и не захотел удаляться от гроба чудотворца. Уже в 1339 г. признал святость Петра и константинопольский патриарх.

В 1329 г. Иван Калита выстроил новый храм, который был освящен во имя византийского святого Иоанна Лествичника, покровителя московского князя. Строительство этого храма велось быстро — с 21 мая по 1 сентября. Храм строился в новой и редкой для Руси форме — «иже под колоколы». В самом начале XVI в. во время строительства нового храма-колокольни во имя Иоанна Лествичника церковь 1329 г. была разобрана. Однако сохранилось свидетельство, благодаря которому возможна реконструкция ее внешнего облика. В 1913 г. при земляных работах по нивелировке Соборной площади был обнаружен фундамент странного белокаменного сооружения, который ученые того времени ошибочно сочли остатками часовни XVIII в. Три сохранившиеся фотографии позволили установить, что это были фундаменты храма 1329 г., который имел уникальную восьмиугольную форму. По своим размерам храм 1329 г. сильно уступал колокольне Ивана Великого, выстроенной в 1505—1508 гг., однако теперь стало очевидно, что именно храм эпохи Калиты стал прообразом этого монументального восьмигранника. Очевидно, церковь Иоанна Лествичника 1329 г. была двухъярусной, башнеобразной, с закомарами, барабаном и главой². В верхнем ярусе располагались пять колоколов, отлитых мастером Борисом в 1346 г. при князе Семене Гордом, преемнике Калиты. В том же году к Успенскому собору была пристроена церковь во имя Поклонения вериг апостола Петра (строилась с 13 августа по 14 октября), ставшая приделом над гробницей митрополита Петра. В 1330 г. на

¹ Клосс Б.М. Указ. соч. С. 44; ПСРЛ. Т. 25. С. 177, 180, 187, 222.

² Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура Средневековой Москвы XIV-XVII вв. М., 1995. С. 66-83.

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите. 1921 г.

месте деревянного собора кремлевского Спасского монастыря (храм Спаса на Бору) (эта обитель упоминается в 1319 г.) был возведен каменный, а в 1333 г. построен каменный храм в честь Михаила Архангела, ставший усыпальницей московских князей. 25 ноября 1339 г. начались работы по строительству новых деревянных стен Москвы, закончившиеся в Великий пост 1340 г. После строительства новых стен территория московской крепости возросла до 19 га.

При Иване Калите и его сыновьях Семене Гордом (правил в 1340—1353 гг.) и Иване Красном (правил в 1353—1359 гг.) существенно выросла и территория Москвы, простиравшаяся за крепостными стенами. Об этом свидетельствуют летописные записи о московских пожарах. Москва горела в 1331, 1335, 1337 гг. В 1343 г. «погорел город Москва, згорело церквей 28». Особенно крупным был пожар 1365 г., который получил название Всехсвятского из-за того, что начался от церкви Всех Святых. В этот год погорели Кремль, Загородье (посад, располагавшийся к востоку от Кремля) и Заречье (территория к югу от Кремля, позднее Замоскворечье). Согласно летописи, «в единь час или

въ два часа весь градъ безъ остатка погоре»¹. Частые пожары вызывали к жизни интенсивное деревянное строительство. Подмосковные леса еще не были вырублены, и при новых постройках материал был всегда под рукой.

Во время Всехсвятского пожара сильно пострадали деревянные стены Московского Кремля. Обстановка была тревожной, и город не мог оставаться без защиты. Юный московский князь Дмитрий Иванович, внук Ивана Калиты, который впоследствии получит прозвание Донского, приказал начать строительство каменных стен. Зимой 1366 г. начали возить в Москву камень, а весной 1367 г. приступили к спешному строительству. Залежи белого известняка, из которого строились стены, известны в Подмосковье в районе села Мячкова по берегам Москвы-реки и Пахры. И поныне на Пахре сохранились обширные Сьяновские пещеры (их ходы тянутся на 17 км), вырубленные многими поколениями древних каменотесов. Мячковский известняк издавна славился своими прекрасными качествами. Из него выстроены храмы Владимиро-Суздальской Руси, выполнен архитектурный декор храмов в Нижнем Новгороде и Астрахани. Существовали разработки, находившиеся еще ближе к Кремлю, — каменоломни у села Дорогомилова, на Яузе, у Данилова монастыря².

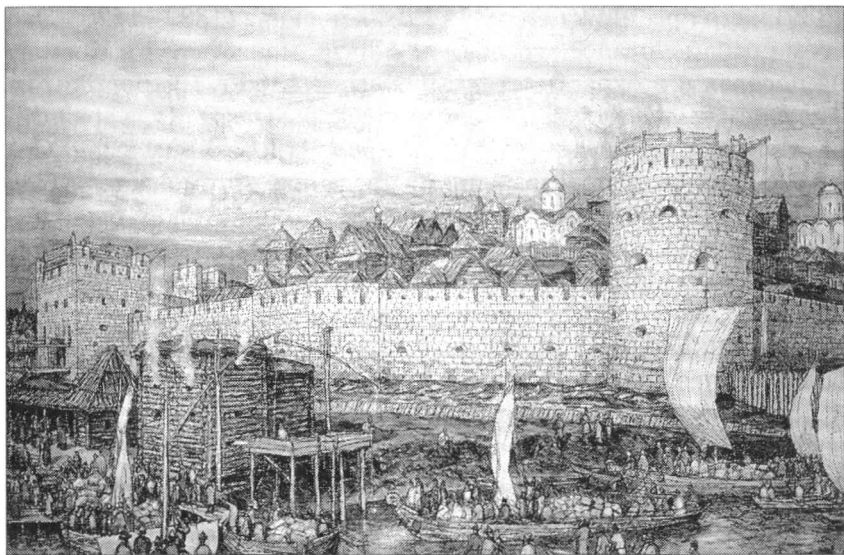
Основная часть стен была построена уже к 1368 г. Окруженная ими территория (23 га) была больше Кремля Ивана Калиты и почти равна территории современного Кремля. Белокаменная крепость являлась монументальным сооружением. При археологических работах открыты ее фундаменты, ширина которых колеблется от 2,2 м (при глубине заложения 2,8 м) до 9 м (!)³.

Летописные известия XV в. свидетельствуют о существовании пяти проездных ворот белокаменного Кремля — Никольских, Боровицких, Тимофеевских, Пешковых, Фроловских (Спасских). Трое из них располагались на восточной стороне, соединяя Кремль с посадом и Загородьем; другие выходили на юг к реке Москве; еще одни — на север, к Неглинной. Своим названием Никольские и Фроловские ворота были обязаны кремлевским церквям во имя святителя Николая чудотворца Мирликийского и во имя святых

¹ 11СРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 46, 48, 55, 80; *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва... С. 38—39; *История Москвы*. Т. II. С. 40.

² *Зверев В.Л.* Москва белокаменная. М., 2001. С. 91—96.

³ *Панова Т.Д.* Историческая и социальная топография Московского Кремля... С. 27.

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском. 1922 г.

Фрола и Лавра; Тимофеевские были названы по имени боярина Тимофея Васильевича Вельяминова, двор которого располагался рядом с ними; Пешковы — вероятно, также по имени дворовладельца, носившего прозвище Чешко. Им мог быть Даниил Чешко (Чешка), упоминающийся в 1425 г. как служилый человек князя Юрия Дмитриевича, сына Донского. Известно и название одной из глухих башен — Свиблова, — произошедшее от прозвища боярина XIV в. Федора Андреевича Свибло. Возможно также, что бояре вкладывали средства в строительство укреплений, возводимых рядом с их владениями, что дало и иное основание называть ворота и башни их именами. Завершение этого строительства пришлось очень кстати. В 1367 г. Москва вступила в новый виток борьбы с Тверью. Союзник Твери великий князь Литовский Ольгерд в 1368, 1369 и 1370 гг. безуспешно осаждал Москву, которую надежно защищал белокаменный кремль.

Строительство белокаменного Кремля произвело огромное впечатление на современников. Каменных крепостей на Руси тогда были единицы. С тех пор в народные предания и исторические песни Москва вошла с эпитетом «белокаменная».

Летописные и иные источники дают достаточное полное представление о Москве в эпоху Дмитрия Ивановича Донского (1359—

1389) и его преемника Василия I Дмитриевича (1389—1425). Это время ознаменовалось созданием многих монастырей в Кремле, на посадах и в окрестностях Москвы. В 1365 г. митрополитом Алексием была заложена в Кремле церковь в честь Чуда архангела Михаила в Хонех — главный собор Чудова монастыря. Согласно широко распространенному преданию, этот монастырь был основан на месте ордынского подворья, земли которого были подарены митрополиту ханшей Тайдуллой в благодарность за исцеление. Специальное исследование Т.Д. Пановой установило недостоверность этого предания. Ни летописи, ни акты не сохранили упоминаний об ордынском подворье в Кремле в XIV в. и в более раннее время¹. Под 1374 г. впервые упоминается Богоявленский монастырь на посаде, основанный, согласно археологическим данным, в самом конце XIII в. В 1360-х гг. благодаря активной деятельности митрополита Алексия были основаны еще три московских монастыря — Высоко-Петровский монастырь (его архимандрит Иоанн впервые упоминается в 1379 г.), Алексеевский (позднее — Зачатьевский) и Спасо-Андроников, первым игуменом которого был ученик Сергия Радонежского Андроник. В 1370 г. другой ученик и племянник радонежского подвижника преподобный Феодор основал Симонов Рождественский монастырь, который в 1379 г. был перенесен на новое место, где его главный храм был освящен во имя Успения Божией Матери. При Дмитрии Донском был основан и Афанасьевский монастырь в Кремле, находившийся слева от въезда в Фроловские (Спаские) ворота. Также в Кремле первоначально находился Рождественский монастырь, в котором в 1390 г. похоронили княгиню Марию Ивановну, вдову князя Андрея Ивановича и мать Владимира Андреевича Хороброго. Вероятно, в конце XV в. он был перенесен на современное место — на Рождественку. Также в 1390 г. впервые упоминается монастырь Николы Старого на Никольской улице, по-видимому давший ей наименование. Точное время его основания неизвестно. В 1397 г. великий князь Василий I и митрополит Киприан создали Сретенский монастырь в память о чудесном спасении Москвы от нашествия Тамерлана. Обитель была основана там, где москвичи встретили чудотворную икону

¹ *Панова Т.Д.* Татарское подворье в Московском Кремле: миф или реальность? // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.): Доклады научной конференции (Москва, 7—8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 23—32.

Владимирской Божией Матери, заступничество которого спасло Москву. В 1407 г. вдова Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна основала в Кремле Вознесенский монастырь, каменный собор которого стал усыпальницей женской половины великокняжеского дома. В первой трети XV в. были основаны Златоустовский и Новинский монастырь, память о которых сохранилась только в московской топонимике¹. Таким образом, за полстолетия в Москве появилось более двух десятков монастырей, что было связано с энергичной деятельностью монастырской школы преподобного Сергия Радонежского, активизацией церковной и монашеской жизни, культурными и духовными процессами «русского Возрождения».

Значительно росла также территория города и численность его жителей. Как и ранее, о росте Москвы свидетельствуют летописные записи о пожарах. Во время разгрома Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г. «город взят и огнем пожжен, церкви разорены, а людей множество безчисленно лежащих». Дмитрий Донской повелел хоронить мертвых и платил могильщикам по рублю за погребение 80 мертвецов. Различные летописи колеблются в общей оценке погибших; по одним, на погребение было потрачено 150 рублей, по другим — 300, таким образом, число павших колеблется от 12 до 24 тысяч человек. 22 июня 1390 г. загорелся двор армянина Авраама на посаде и сгорело несколько тысяч дворов. В 1395 г. новый пожар в Москве также уничтожил несколько тысяч дворов на посаде. В 1415 г. «погоре град Москва, в стены и посады»; сгорело 15 церквей. Эти данные свидетельствуют не только о масштабах города, но и быстрых темпах его восстановления — между 1390 и 1395 гг. москвичи успели отстроить несколько тысяч дворов².

Другим источником сведений о территории столицы является «Запись о душегубстве», составленная в первые годы правления Василия II Васильевича, внука Дмитрия Донского, и определявшая порядок ведения розыска по уголовным делам в Москве. Она разделяет город на пять судебных округов. Первый округ охватывал Заречье (Замоскворечье) и простирался далеко на юг до села Данилова, находившегося рядом с Даниловым монастырем. Вто-

¹ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV вв.) по данным археологии / Отв. ред. Г.К. Вагнер. М., 1995. С. 97—98, 173—175, 178-201.

² ПСРЛ. Т. II. С. 80, 81, 122.

А. Феррари. Спасо-Андроников монастырь. 1856 г.

рой включал Заяузье со Спасо-Андрониковым монастырем. Третьим округом был посад, территория которого с юга ограничивалась Москвой-рекой (вдоль нее шла наиболее оживленная улица посада — Великая). На востоке третий округ ограничивался Острым концом, то есть границей позднейшего Китай-города, а на севере — улицей Варваркой (или Варьской). Четвертый округ включал территорию от Варварки, район Сретенки вплоть до реки Неглинной (Неглимной). Наконец, пятый округ охватывал Занеглименье и два отдаленных подмосковных села на западе — Дорогомилово и Семчинское. Как можно видеть, территории, входившие в округа, были неравнозначны. Очевидно, деление было произведено по населенности. Более всего жителей населяли посад. Замоскворечье, Заяузье и Занеглименье, наоборот, были заселены слабо. Не случайно к Замоскворечью и Занеглименью в судебном отношении были присоединены достаточно удаленные от города села.

Уже Василий I Дмитриевич задумался о необходимости защитить посад от возможного вторжения неприятеля. В 1394 г. он приказал рыть ров, который охватывал территорию большую, чем позднейшие стены Китай-города, — от Сретенского

монастыря к Москве-реке. Глубиной этот ров был в рост человека, шириной в сажень. По-видимому, завершить это дело москвичам оказалось не по силам — «и много бысть людемъ убытка, хоромы розметывали, и много трудишася и ничтоже доспеша»¹. Новое строительство укреплений на посаде началось спустя 140 лет.

МОСКОВСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ

Очевидно, что Москва эпохи Юрия Долгорукого стояла на пересечении не только речных, но и сухопутных дорог. По-видимому, сюда сходились пути из Киева, Владимира и Рязани. По мере того как город развивался, росло его политическое, торговое и транспортное значение. «Центральное значение Москвы быстро очень сделало из нее подлинный узел сухопутных дорог важного значения», — отмечает М.Н. Тихомиров².

Современная реконструкция, выполненная на основании средневековых письменных источников и картографических материалов, показывает трассы десяти крупных дорог, сходящихся в Москву XIII—XV вв.³ Одной из древнейших была Переяславская (Стромынская) дорога. Вероятно, она являлась первоначальным путем во Владимир, который шел через Переяславль-Залесский, а не напрямую. На ней существовали села Красное (упоминается в 1423 г.), Елох (Елохово), Рубцово. Второе наименование этой дороги связано с селом Стромынь, располагавшимся по дороге на Киржач, известным с 1379 г.

Позднее возникла Владимирская дорога, ориентированная на восток. Она начиналась от Фроловских (Спасских) ворот и проходила через посад. В 1360-х гг. на Владимирской дороге возник Спасо-Андроников монастырь, позднее — села Васильевское на Рогоже, Перово, Кусково. С Владимирской дорогой еще в Заяулье соединялись Коломенская дорога, которая у современного Таганского холма разделялась на две — Болвановскую и Брашевскую (через Николо-Угрешский монастырь). От Коломны далее двигались на Рязань, к Дону, в Золотую Орду.

¹ ПСРЛ. Т. II. С. 156.

² Тихомиров М.Н. Древняя Москва... С. 87.

³ Карта «Памятники археологии второй половины XIII—XVI вв.» (автор — С.З. Чернов) // История Москвы. Т. II. С. 398—399.

Волоколамский кремль

С юга к Москве подходило две дороги — Боровская, продолжавшая древний путь из Киева, и Ордынская, которая шла мимо деревни Котлы и Данилова монастыря. Соединяясь в Замоскворечье, они выходили к переправе через Москву-реку у современного Васильевского спуска. Также из-за Москвы в районе села Дорогомилова подходила к Кремлю Можайская (Смоленская) дорога.

Еще четыре дороги вели к Москве с севера. Волоцкая (от Волока Дамского, ныне — Волоколамск) шла параллельно Москве-реке, подходя с северо-запада к монастырю Спаса на реке Вхотине, известному с конца XIV в. Этот монастырь был основан в вотчине боярина Ивана Родиновича Квашни, один из потомков которого Василий Иванович Туша сохранил дедовские владения в этих местах и дал наименование местности — Тушино. Тверская дорога являлась одной из наиболее оживленных. По ней ехали в Москву не только из Твери, но и из Новгорода. С Волоцкой и Тверской дорогами в Занеглименье сближалась Дмитровская. Из-за Неглинной они выходили к Никольским воротами Кремля. Наконец, к северной окраине посада подходила

Переяславская (Троицкая) дорога, соединявшая Москву с Троице-Сергиевым монастырем, Ростовом, Ярославлем, Вологдой и северными землями.

Впрочем, средневековые маршруты не были жестко привязаны к конкретным пунктам. Так, из Новгорода в Москву ехали не только по Тверской, но и по Волоцкой и Дмитровской дорогам. В 1461 г. князь Юрий Васильевич Дмитровский дал властям Троице-Сергиева монастыря грамоту на беспошлинный проезд через Дмитровский удел из Новгорода в Москву «с товаром зиме на триста возах, а лето на триста телегах». Интересны здесь и другие подробности — внушительный объем товарооборота только одной Сергиевой обители (до 600 возов и телег!) и равное значение летнего тележного и зимнего санного путей.

В истории Москвы дороги сыграли огромную роль. Они не только являются свидетельством ее обширных торговых связей и мощного экономического роста. По мере того как увеличивалась территория города, дороги, ориентированные по всем сторонам света, становились опорными линиями уличной сети. Об этом ярко свидетельствует московская топонимика, сохранившая «говорящие» наименования улиц — Тверская, Дмитровка, Стромынка, Ордынка, куст наименований, связанных со Смоленской улицей (ныне — Арбат), и другие. В дальнейшем, с появлением кольцеобразных линий московских стен — Белый город, Земляной город, — сформировалась радиально-кольцевая схема развития Москвы, неоднократно повторенная в дальнейшем кольцами и радиусами Московской окружной железной дороги, Московского метрополитена, МКАД, Третьего транспортного кольца¹.

Расцвет средневекового города

В 1453 г. завершилась многолетняя уособица между князьями московского дома, известная как Феодальная война XV в. Внуку Дмитрия Донского Василию II Васильевичу противостояли сначала его дядя, Юрий Дмитриевич Звенигородский, затем двою-

¹ О московских и подмосковных дорогах более позднего периода см.: Бродский Г.Е., Тихонов И.С. Дороги войны 1812 г.: историко-географическое исследование. М., 2013.

Святой митрополит Иона.
Икона письма монахини Иулиании (Соколовой)

родные братья Василий Юрьевич Косой и Дмитрий Юрьевич Шемяка. Война завершилась победой Василия II, которая чуть не стала для него пирровой — великий князь был ослеплен и от этого получил прозвище Темный. За время Феодалной войны строительная деятельность в Москве остановилась, но с наступлением мира развернулась в полной мере.

Еще в 1450 г. казначей Владимир Григорьевич Ховрин построил на своем дворе новую каменную церковь Воздвижения. В том же году митрополит Иона заложил на своем дворе каменную палату с церковью Ризоположения. В 1458 г. кирпичная церковь Введения Богородицы была построена в подмосковном Симоновом монастыре. В 1459 г. — каменный придел Успенского собора в честь Похвалы Богородицы. В 1460 г. на подворье

Троице-Сергиева монастыря в Кремле заложили еще одну каменную церковь — Богоявления, а в следующем — каменную церковь Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. Сообщая о ее постройке, летопись XV в. замечает: «А преж была деревянная, глаголют же, яко та первая церковь на Москве: на том-де месте бор был, и та церковь в том лесу срублена». Вполне вероятно, что в этом храме в 1147 г. отслужили поминальную службу по князе Иване Юрьевиче, сыне Юрия Долгорукого. Этот храм простоял до 1847 г., когда, несмотря на заступничество ревнителей старины, был разобран¹.

В 1462 г. скончался Василий II, и престол перешел к его сыну Ивану III Васильевичу, при котором Москва становится столицей единого Российского государства, а в самом городе разворачивается огромная градостроительная программа, призванная продемонстрировать силу и мощь московского государя-самодержца.

Прежде всего, должен был обновиться главный храм Москвы — Успенский собор. Инициатива перестройки собора принадлежала митрополиту Филиппу и была поддержана Иваном III. По идее митрополита, новый собор должен был по своим размерам и архитектуре повторять Успенский собор во Владимире.

Строительство началось в 1472 г. и продолжалось два года. Руководили этими работами мастера Иван Кривцов и Мышкин (вероятнее всего, они были московскими зодчими). К 1474 г. храм был почти закончен, но 20 мая собор неожиданно рухнул. Согласно некоторым летописцам, разрушение собора произошло из-за редкого в Москве природного явления — землетрясения. Однако основной причиной катастрофы стали инженерные просчеты строителей (так, археологически доказано свидетельство русских летописей о том, что строительный раствор был «не клеевит»). Очевидно, что мастера, строившие ранее гораздо меньшие по размерам постройки, не рассчитали многих неизвестных им параметров.

После этой неудачи великий князь взял руководство строительством в свои руки. По совету второй жены Софьи Фоминичны Палеолог (их венчание состоялось 12 ноября 1472 г. в недостроенном Успенском соборе), племянницы последнего византийского императора, воспитывавшейся в Риме, Иван III от-

¹ Забелин И.Е. История города Москвы... С. 62—66.

Великий князь Иван III Васильевич.
Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1584 г.

правил посла С.И. Толбузина нанять мастеров в Италии. Весной 1475 г. Толбузин вместе с архитектором Аристотелем Фиораванти возвратился в Москву. Фиораванти был уже немолодым человеком; его хорошо знали в Италии, Венеции и Венгрии. Он был автором многих архитектурных и инженерных сооружений — мостов, крепостных стен, зданий и т. д. На жалованье заезжему мастеру московской казне пришлось раскошелиться на весьма значительную сумму. Но не зря — Аристотелю удалось создать выдающийся шедевр отечественной архитектуры.

Начав строительные работы, Аристотель применил немало новшеств: использовал специальные приспособления для раз-

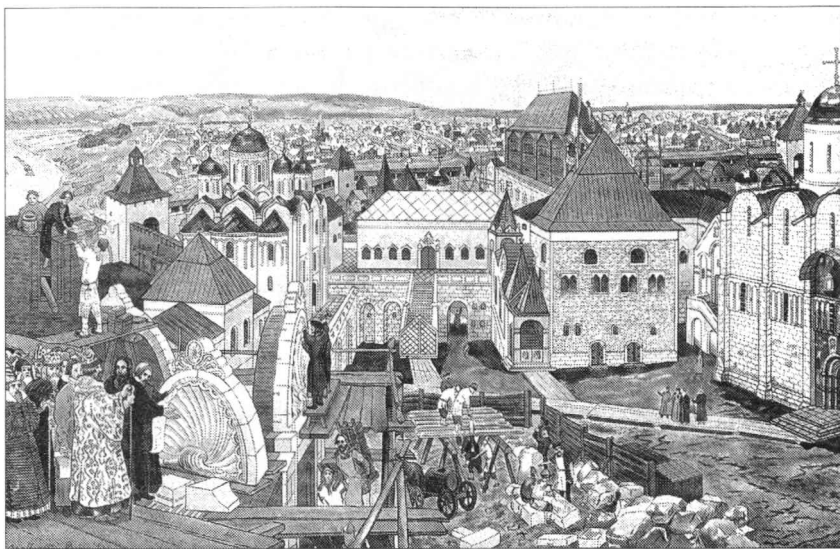
борки остатков старого сооружения, ввел изготовление более прочного, узкого и продолговатого кирпича (аристотелева), использовал механизмы для поднятия наверх тяжелых архитектурных деталей и строительных материалов. 12 августа 1479 г. собор был освящен. Храм поражал современников своими монументальными пропорциями и размерами; церковь, по выражению летописца, получилась «чюдна вельми величеством и высотой, светлостью и зъвоностью и пространством». Мастеру удалось воплотить в облике храма идею единовластия, имеющего божественный характер, — главную идеологическую основу грядущего московского самодержавия. Благодаря идеальным пропорциям и монументальной четкости всей постройки в целом, Успенский собор стал популярным образцом для подражания. Его облик вдохновил зодчих на строительство многих монастырских и городских соборов по всей России.

Вслед за постройкой Успенского собора развернулось активное строительство храмовых и гражданских зданий в Кремле и на посаде. В 1479—1481 гг. на посаде, в Садах (на восток от Кремля) псковские мастера возвели каменную церковь Иоанна Златоуста. В 1482 г. начали строить церковь Сретения на Сретенке; в 1483 г. была заложена кирпичная церковь Спаса за Яузой; в 1484 г. — каменный Благовещенский собор в Кремле и начата перестройка великокняжеского дворца.

К началу правления Ивана III Московский Кремль сильно обветшал и достраивался деревянными стенами. Недаром венецианцу Амброджио Контарини, посетившему Москву в 1476—1477 гг., он показался деревянным. Еще в 1462 г. реконструкцию стен на участке от Свибловой башни до Боровицких ворот провел известный зодчий Василий Еролин. Он же создал две скульптуры, установленные на Фроловских (Спасских) воротах, — святого Георгия Победоносца и святого Димитрия Солунского. Фрагмент одной из них — святого Георгия Победоносца — сохранился и находится в собрании Государственной Третьяковской галереи¹. Но частичная реконструкция не устраивала Ивана III, и в 1485 г. началось строительство новых стен Кремля.

К нему были привлечены итальянские мастера, по примеру Аристотеля Фиораванти приезжавшие в Москву и много работав-

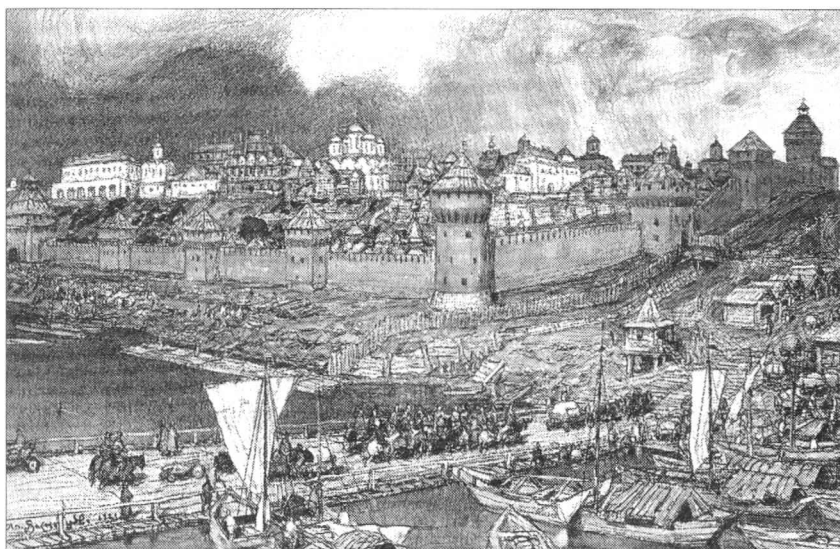
¹ Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV веков. М., 1980. С. 204—219.

А.М. Васнецов. В Московском Кремле

шие здесь. Это Антон Фрязин (то есть итальянец), Марко Руффо, Пьетро Антонио Солари (Петр Фрязин) и др. Они возводили крепость по всем правилам европейского фортификационного искусства, с подземными ходами, тайниками, «подошвенным боем» (камерами для ведения боя с нижнего яруса башни), узкими амбразурами. Строительство Кремля было закончено только в начале XVI в. при Василии III. Со строительной деятельностью итальянских мастеров связано множество преданий о подземных ходах в Кремле, подземной Москве и таинственной библиотеке Ивана Грозного.

К концу правления Ивана III Москва предстает огромным по тем временам городом (30—40 тысяч жителей), который делился на различные по архитектурному, экономическому и социальному облику части. Политическим, духовным и административным центром города был Московский Кремль, который в летописях именуется «градом». Кремль был плотно застроен и по числу обитателей и по площади мог равняться со столицей небольшого русского княжества. Его сакральным центром была Соборная площадь, образованная монументальными Успенским, Архангельским и Благовещенским соборами и великолепным великокняжеским дворцом. От огромного комплекса великокняжеского (позднее

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Иване III. 1921 г.

царского) дворца, занимавшего в XV—XVII вв. весь юго-западный угол Кремля, до наших дней сохранилась только каменная Грановитая палата, выстроенная итальянскими мастерами Марко Руффо (в русских источниках — Марк Фрязин) и Пьетро Антонио Солари в 1487—1491 гг.

С северной стороны от Успенского собора располагался Митрополичий двор. В 1450 г. митрополит Иона заложил на нем каменную палату и при ней церковь во имя Ризоположения (в 1484—1486 гг. — перестраивалась). В 1473—1474 гг. после пожара, испепелившего значительную часть Кремля, митрополит Геронтий поставил кирпичную палату и «нарядил» кирпичные ворота, которые впоследствии назывались Святыми. Возле них была воздвигнута кирпичная Столовая палата. После пожара 1493 г. при митрополите Зосиме были выстроены три новые каменные келии с подклетами.

Кремль также был местом жительства бояр, дворцовых мастеров, купцов, духовенства кремлевских церквей и расположения подворий дальних монастырей. Между ними проходили улицы (Спасская, Никольская, Чудовская, Житницкая), имелись и площади — Соборная, Ивановская и другие. Застройка Кремля была очень тесной, что вызвало специальные меры

Ивана III по благоустройству кремлевской территории. Около 1500 г. при его приказу были проложены прямые улицы от Спасских (Фроловских) ворот и Никольских ворот к Соборной площади Кремля. Ширина этих улиц была незначительной и примерно соответствовала ширине проезда в кремлевских воротах.

К востоку от Кремля простирался Великий посад. Его естественными границами были Москва-река и Неглинная. В конце XV в. на посад распространились меры Ивана III по благоустройству города. В 1493 г. великий князь приказал снести все дворы за Неглинной на расстоянии 110 саженей от Кремля, дабы расчистить место для строительства новых стен и сохранить их от возможных пожаров. В 1495 г. подобная мера была обращена на строения, находящиеся за Москвой-рекой, в Заречье.

Есть предположение, что забота Ивана III о благоустройстве Москвы этим не ограничивалась. Возможно, что под влиянием итальянских архитекторов, которые принесли в Москву возрожденческие представления об идеальном городе, великий князь приказал принять меры к регулированию городской застройки (в первую очередь Занеглименья), содействуя формированию радиально-кольцевой планировки города, окончательно сложившейся в конце XVI в.

Густонаселенный посад отделялся от кремлевских стен торговой площадью, носившей в XVI в. название Пожар, а впоследствии названной Красной. В 1504 г. на посаде было указано завести деревянные решетки, которыми улицы перегораживались на ночь, и при них стражу, чтобы предотвратить разбои.

Древнейшей частью посада был Подол, спускавшийся к Москве-реке и называвшийся в XVI в. Зарядьем, то есть местностью «за рядами» (торговыми). По Подолу параллельно Москве-реке шла Великая улица, на которой стояла церковь Николы Мокрого, покровителя путешественников, особенно моряков. В древности там располагалась пристань купеческих судов, приплывавших из Рязани и Нижнего Новгорода. Подол был очень плотно застроен. Толщина культурного слоя XV в. в этой части посада равняется 1 м.

Такая же толщина культурного слоя и в северо-восточной части Кремля. Плотная застройка наблюдается и в более северных частях Великого посада — срубы и мостовая обнаружены в Историческом проезде. В одном из срубов найдена первая в Мо-

скве берестяная грамота, содержащая фрагмент судного списка 1410-1430-х гг.¹

За посадом в XV в. находились уже пригороды. Церковь во имя Святого равноапостольного князя Владимира (в районе современной Солянки и Старосадского переулка) располагалась возле великокняжеского терема в Садах, отчего носила название церковь Святого Владимира в Старых Садах.

Занеглименье, то есть территория от Кремля за рекой Неглинной, в XV в. было заселено неравномерно. Наиболее населенной его частью был район, непосредственно примыкавший к Кремлю, между Арбатом (будущей Воздвиженкой) и Москвой-рекой. Там стояла церковь Всех Святых на Чертолье. В 1475 г. в Занеглименье начался пожар «меж церковей Николеы и Всех Святых и погоре дворов много». Занеглименье пересекали несколько крупных дорог: Смоленская, Дмитровка, Волоцкая, Тверская. Улица Арбат (Орбат), примыкавшая к Смоленской, впервые упоминается в источниках под 1475 г. Хорошо освоена и застроена местность, называвшаяся Старым Ваганьковым (территория между современной Российской государственной библиотекой и Музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина).

Менее заселена была местность к северу от Арбата. Село Кудрино, название которого сохранилось в наименовании современной Кудринской площади, в начале XV в. считалось загородным и принадлежало князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому Хороброму. В конце XV в. вокруг Кудрина располагалось «всполье» — простирались поля ржи и большие луга. Слабо заселены были территории и между Кудрином и Москвой-рекой. В конце XV в. там еще вырубали лес и ставили новые дворы.

На протяжении XV в. основная часть Занеглименья застраивалась дворами, принадлежавшими великому князю и населенными его слугами и ремесленниками, боярами, церковными феодалами, слободками ремесленников и промысловых людей. Они строились около крупных дорог, которые по мере заселения преобразовывались в улицы. Уже в середине XV в. Занеглименье было окружено валом, возможно проложенным по линии позднейших стен Белого города. Окраинные монастыри — Сретенский, Рождественский, Высокопетровский — стояли на границах освоенной местности, за которой начиналось «всполье».

¹ *История Москвы*. Т. II. С. 99.

Другая крупная часть Москвы, Замоскворечье, была застроена еще более слабо, чем Занеглименье. Деревянные строения подходили в основном к Москве-реке, что приводило к тому, что пожары, начинавшиеся в Замоскворечье, легко перекидывались в Занеглименье и на «город», то есть Кремль. Это и вызвало уже упоминавшиеся противопожарные меры Ивана III в 1495 г. Эта часть была наиболее бедной (в источниках нет упоминаний о строительстве там каменных церквей) и уязвленной для татарских нападений с юга. Это и предопределило заселение Замоскворечья во второй половине XVI в. стрелецкими слободами.

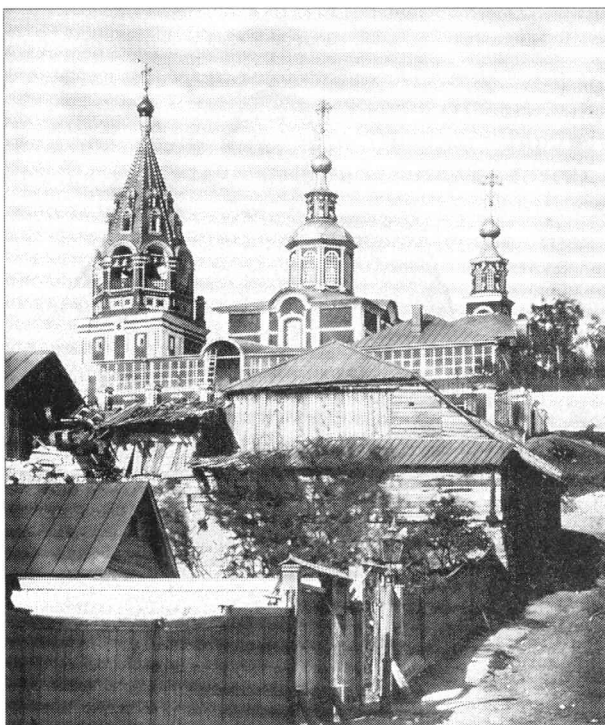
С городом Замоскворечье связывалось «живыми» или наплавными мостами. Зимой на льду Москвы-реки шла оживленная торговля, происходили кулачные бои и совершались казни. Замоскворечье пересекала Ордынская дорога, давшая начало названиям улиц Большая и Малая Ордынка. Вообще, тюркский элемент присутствует в названиях улиц Замоскворечья более, чем в топонимике других районов Москвы, что свидетельствует о существовании здесь поселений татар.

В Заяузые (территории, отделенной от Кремля и посада Яузой) располагались крупные ремесленные слободы — Гончарная и Кузнецкая. Гончарная слобода складывалась вокруг церкви Никиты Мученика. В этом же районе находился Спасский монастырь, игумен которого в 1483 г. построил кирпичную церковь. Через Заяузые шли две крупные дороги — Владимирская и Коломенская. На Владимирской дороге возвышался Спасо-Андроников монастырь, а южнее — Симонов монастырь.

Москву XV столетия окружали многочисленные села, деревни, пашни, мельницы, заливные луга. Наименования этих селений, вошедших в XVII—XX вв. в черту города, встречаются в духовных грамотах великих князей Московских и других документах XV в. Одной из наиболее освоенных была территория по реке Яузе — местность заливных лугов, высоко ценившихся в великокняжеском хозяйстве. Там стояли многочисленные мельницы, принадлежавшие князьям, боярам и землевладельцам помельче.

На Яузе известны села Луцинское «с мельницей и псарнею», Воронцово (предположительно вотчина бояр Воронцовых-Вельяминовых; ныне это район улицы Обуха), севернее стояли села Рубцово и Красное. Село Красное впервые упоминается в 1423 г. в духовной Василия I, а археологические свидетельства подтверждают его существование в XVI в.

Церковь Никиты Мученика.
Фотография начала XX в.

Выше по Яузе находилось село Серкизово (Черкизово), получившее свое название от имени татарского царевича Серкиза, которому оно было пожаловано около середины XIV в. По духовной митрополита Алексия, это село перешло во владение Чудова монастыря.

В верховьях реки Неглинной находилось село Напрудное, храм которого — церковь Трифона в Напрудном — уникальный памятник московской архитектуры конца XV в. — сохранился до нашего времени (Трифоновская ул., 38). Западнее, за Неглинной находилось село Сущево, «что у города». Далее на запад, у Волицкой дороги, — села Хлыново, Кудрино и слобода Новинского Введенского монастыря. Чуть в стороне от них, на реке Пресне, — двор и при нем село на Трех горах, принадлежавшее князю Владимиру Серпуховскому. Найденные на территории Московского зоопарка фрагменты надгробий первой половины XVI в. могут

Церковь Трифона в Напрудном

быть предположительно соотнесены с кладбищем при церкви этого села¹.

По течению реки Москвы от Восточни (район Тушина), где стоял Спасский монастырь, принадлежавший боярскому роду Квашниных-Тушиных, до села Хвили (Фили) располагались заливные луга. На берегах реки стояли: село Тушино, Троицкое-Лыково, Хорошево, Крылатское (Крылатское, «што было за татаром» (то есть во владении некоего татарина или татар), великий князь Василий I завещал своей супруге), Хвили (Покровское-Фили). Близ города находилось Дорогомилово — место каменоломен XIV—XVI вв.

На юге Москвы располагались крупное село Коломенское (в духовной Ивана Калиты упоминается как Коломнинское), ставшее в XVI в. любимым местом отдыха московских государей. К Коломенскому «тянули» окрестные села: Дьяково, Нагатин (Нагатин), Капотня. Эта местность, богатая заливными

¹ Чернов С.З. Некрополь в Московском зоопарке на Пресне и локализация Большого двора князя Владимира Андреевича «на Трех горах» // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты: В 3 т. М., 2005. С. 456–478.

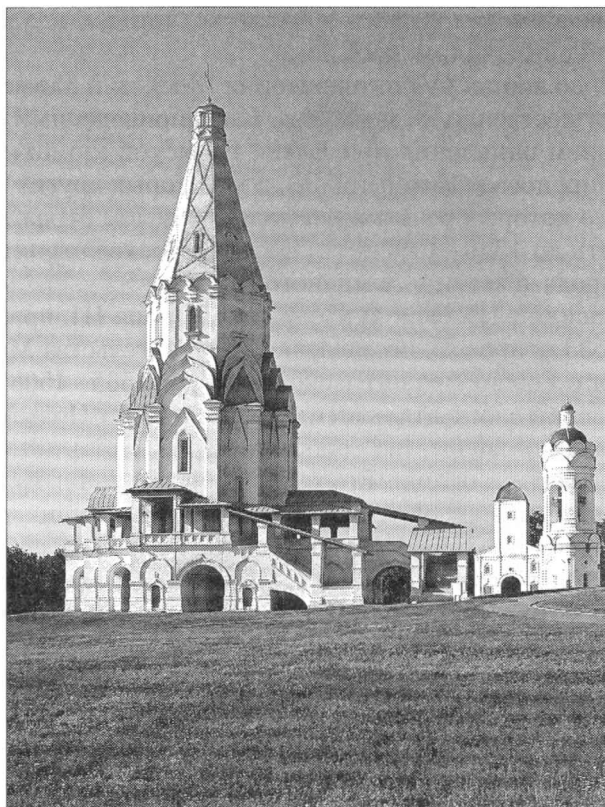
лугами, издавна находилась в числе вотчинных владений московского великокняжеского дома.

Вплоть до конца XVI в. территория Москвы и характер ее застройки существенно не менялись. Вышеприведенный обзор (за исключением появления при Елене Глинской кирпичных стен, окруживших посад (Китай-город), и некоторых других знаковых объектов, о которых речь пойдет далее) в целом отражает ситуацию вплоть до 1580—1590-х гг., когда в Москве строятся стены Белого города, а затем и Земляного города.

При Василии III, сыне и наследнике Ивана III, правившем с 1505 по 1533 г., происходит завершение строительства Московского Кремля и нового Архангельского собора (1505—1508). Строил Архангельский собор итальянец Алевиз Фрязин Новый, придавший второму по значению собору Москвы черты итальянского (венцианского) палаццо. Его богатый резной рельеф, восходящий к ренессансным образцам, уникален в архитектуре XVI в. Также, еще при Иване III в 1505 г., была начата перестройка церкви Иоанна Лествичника «иже под колоколы». Ее вел другой итальянец — Бон Фрязин. В 1508 г. он закончил строительство новой колокольни (два нижних и часть третьего яруса нынешнего столпа), внутри которой была вновь устроена церковь Иоанна Лествичника.

Как и при Иване III, при Василии III в Кремле и на посаде строились новые каменные храмы. Наиболее крупное строительство было связано с важнейшим внешнеполитическим событием княжения Василия III — захватом Смоленска у Литвы в 1514 г. В связи с этим в окрестностях Москвы, на Девичьем поле по обету великого князя был основан монастырь, впоследствии получивший название Новодевичий. В 1524—1525 гг. возвели монастырский собор во имя Чудотворной Смоленской иконы Божьей Матери. Пятиглавый монументальный храм, близкий по архитектуре к Успенскому собору, возможно, был выстроен кем-то из мастеров-итальянцев.

Другой выдающийся памятник архитектуры эпохи Василия III — церковь Вознесения в Коломенском. Считается, что она возведена великим князем в ознаменование рождения у него долгожданного наследника — Ивана IV (будущего Ивана Грозного) в 1532 г. Возможно также, что ее строительство началось по обету — как моление великого князя о будущем наследнике. Вероятно, автором этого сооружения может быть итальянский зодчий

Церковь Вознесения в Коломенском

Петрок Малый. Архитектура этого удивительного храма пронизана гармоничной эстетикой западноевропейского Возрождения¹. Для отечественной архитектуры форма Вознесенского храма необычна и находит аналогию только в деревянных шатровых церквях Русского Севера. Высокое шатровое завершение церкви Вознесения вытягивается из столпа-восьмерика, который, в свою очередь, стоял на четырехугольном основании-четверике. Здание было окружено галереей на арках с лестницами. Среди множества достоинств храма и заслуг архитектора стоит и удачно выбранное место на берегу Москвы-реки.

¹ *Беляев Л.А.* Церковь Вознесения Господня в Коломенском — шедевр мировой архитектуры, памятник ЮНЕСКО. М., 2009. С. 9, 10.

В правление Василия III начались работы по строительству еще одной московской крепости — кирпичных стен вокруг посада. В 1534 г. посад был обнесен земляным валом, а в 1535—1538 гг. уже при вдове Василия III, Елене Глинской, были возведены по линии вала кирпичные стены. Строительством стен руководил итальянский зодчий Петрок Малый.

Эти стены получили название Китай-город, которое впоследствии распространилось и на весь район посада. Традиционно название кирпичных стен связывали с предшествовавшими им старыми укреплениями, основу которых якобы составляли плетеные изгороди и корзины, заполненные землей. Подобные плетенки и назывались китой. Такое объяснение довольно сомнительно, и в первую очередь с точки зрения правил русского языка. Московед С.К. Романюк, изучивший все версии происхождения этого загадочного топонима, пришел к выводу, что название Китай-город с наибольшей степенью вероятности можно связать с тюркским словом «китай», означавшим крепость («кытай», «кытань»). Этот термин широко употреблялся в Подолии и в Южной Руси, откуда мог быть перенесен в Москву великой княгиней Еленой Глинской, родившейся в Подольской земле. Тем не менее точного и окончательного объяснения наименования Китай-город пока нет¹.

Общая протяженность стен Китай-города 2567 м. Высота стен — 6,5 м, средняя толщина — 6 м. На некоторых участках толщина стен доходила до 8—9 м, но при этом в них располагались крупные помещения для орудий. Стены Китай-города были рассчитаны на применение артиллерии как осаждавшими, так и оборонявшимися. Кирпичная стена была приспособлена для тройного боя — подошвенного, среднего и верхнего. Подошвенный бой велся орудиями крупного калибра, средний (на парапете стен) — мелкокалиберными пушками; верхний — ручным огнестрельным оружием и метательными орудиями. В башнях Китай-города хранились большие белокаменные ядра, сбрасывавшиеся со стен на неприятеля. Склад таких ядер был обнаружен при раскопках в Кузьмодемьянской башне Китай-города. Перед стенами был вырыт широкий ров, которому предшествовали и вал и берма — укрепления, состоявшие из досок с вбитыми в них гвоздями.

Первоначально из Китай-города вели несколько проездных ворот: Владимирские (Никольские, Сretenские) стояли у конца

¹ Романюк С.К. Москва. Китай-город: Путеводитель. М., 2007. С. 7—10.

Варварские ворота Китай-города. Фотография начала XX в.

Никольской улицы и выезда к Лубянке; Троицкие (Ильинские) — в конце Ильинки; Всехсвятские (Варварские) — в конце Варварки. Со стороны Москвы-реки были устроены Водяные ворота, которые выходили к «живому», наплавному мосту через реку. С северной стороны стояли Львиные (Неглименные; с второй половины XVII в. — Воскресенские) ворота, которые выходили к Воскресенскому мосту через Неглинную и далее к Тверской дороге (улице). Впоследствии число проездных ворот увеличилось до семи. Всего крепость насчитывала четырнадцать башен, имевших различную форму — круглые, полукруглые, четырехугольные, шестиугольные¹.

МОСКВА В ЭПОХУ ИВАНА ГРОЗНОГО

Многолетнее (с 1538 по 1584 г.) и богатое событиями правление Ивана Грозного не стало этапным для развития города. Территория города росла постепенно, прирастая за пределами

¹ Стеллецкий И.Я. Китайгородская стена // Старая Москва. М., 1914. Вып. 2. С. 53—60.

Китай-города, на окраинах Занеглименья, в Замоскворечье и Заяузье за счет дворцовых, военно-служилых и черных (плативший налоги, тяглых) слобод. При этом за полувековое царствование Ивана Грозного новых укреплений в Москве не строили. Правда, есть указания на то, что царь приказал обновить земляной вал, который, вероятно, тянулся от речки Рачки (район Мясницкой улицы) до среднего течения ручья Черторый в районе Арбата¹.

При Иване Грозном Москва испытала два страшных пожара, уничтожившие всю территорию города, — в 1547 и в 1571 гг. (при нашествии крымского хана Девлет-Гирея). Трагедии 1547 г. предшествовали радостные события. Зимой 1547 г. Москва торжественно праздновала принятие молодым государем титула царя, который ранее на Руси употребляли только по отношению к императорам Византии и ханам Золотой Орды. Торжественное венчание на царство прошло в Успенском соборе 16 января. Коронационные торжества сменились свадебными — 3 февраля семнадцатилетний царь обвенчался с московской боярышней Анастасией Романовной, «и была радость велиа о государьском браце». Но не зря говорят, что вслед за большой радостью приходит большое горе.

Весна и лето в тот год выдались на редкость жаркими. «...Бе бо тогда засуха велика», — сообщает летописец. В апреле трижды горел Великий Новгород, тогда же запылала и Москва. 12 апреля загорелась одна из лавок в Москотинном (Москательном) ряду, где торговали дегтем и красками; выгорели две тысячи лавок с товарами, огонь уничтожил приречную часть посада к югу от Ильинки и добрался до Соляного двора. В башне у реки загорелся порох, и ее разорвало, «размета кирпичие по берегу реки». Было много жертв. Той же ночью сгорело десять дворов в Чертолье. 15 (по другим данным — 20-го) апреля занялось Заяузье, сгорела церковь Спаса в Чигасах, в которой погибли фрески Дионисия, «погореша Гончары и Кожевники», «и Лышиково погоре по Язуу». Огонь уничтожил 2200 дворов². Но апрельские гари были только прелюдией.

«Великий пожар» начался 21 июня от Воздвиженского монастыря «на Арбатской улице»: «...И бысть буря велика и потече

¹ *Фехнер М.В.* Москва и ее ближайшие окрестности в XV — начале XVI вв. // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М.; Л., 1949. Вып. 12. Т. II. С. 116.

² *ГІСРЛ.* Т. 13. С. 152; *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 85-86.

Митрополит Макарий

огнь, якоже молния, и пожар силен промче в един час Занеглименье огнь и до всполия Неглимною, и Черториа погоре до Семчиньского селца възле реку Москву, и до Феодора Святого на Арбатской улице». От сильного ветра огонь перекинулся на Кремль, где загорелись соборные храмы и святыни, сгорели царская казна и Оружейная палата. В Чудовом монастыре погибли 18 старцев и 8 слуг (по другому источнику — 56 монахов), в Вознесенском — 10 монахинь. Несчастные задохнулись в погребях, где пытались спрятаться. Митрополит Макарий едва не стал жертвой пожара — «опалеста ему очи от огня», и чудом был спасен.

Огонь охватил Китай-город, уничтожив новопостроенные дворы и лавки. Горела восточная часть города, примыкавшая к Большому посаду: Кулишки, Воронцовский сад, Старые сады у церкви Владимира, Мясники. Занеглименье было уничтожено полно-

стью, «до всполья». Пожар бушевал вечером и ночью. «Бяша бо дотолє видети град Москву велик и чюдєн и много людєй в нем и всякого узорочья исполнен и в том часє изменися, егда бяше погоре. Не видети иного ничєго же, но токмо дым и земля и трупия мертвых многолежаще. Много церквей святых погоре, а каменья стояще выгорєша внутри и огорєша в ней несть видети в них пєния и звонєния», — говорит летописец. Никоновская летопись сообщает, что «в един час» погибли 1700 человек¹. Вероятно, реальное число погибших было еще более значительным — несколько тысяч человек.

После «великого пожара» гнев москвичей обратился на ненавистных князей Глинских, родственников царя по матери. Глинских, прибывших при Василии III из Литвы, опасались и не любили за притеснения, чинимые москвичам. Когда 26 июня московские бояре, выехав на площадь, стали вопрошать народ: «Кто поджигал Москву?» — то слышали в ответ: «Княгиня Анна Глинская с детьми!» Бабку царя (она происходила из сербского знатного рода и считалась вдвойне иноземкой) обвиняли в том, что она «вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила и оттого Москва выгорела». Другие прибавляли, что княгиня Анна по ночам превращалась в сороку, «летала да зажигала». Самой княгини в это время не было в Москве, но «черные люди», собравшись «вечем», схватили в Успенском соборе ее сына Юрия, убили его «камением на площади», а тело бросили на Торгу, «идеже казнят». Вслед за этим толпа разгромила дворы ненавистных Глинских и их земляков, северских дворян².

Расправы над князем Юрием восставшим показалось мало — они жаждали крови княгини Анны и ее второго сына Михаила. В поисках Глинских мятежники, возглавляемые городским палачом, двинулись в Воробьево. Приход вооруженной толпы испугал царя. Позднее он вспоминал: «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой». Ивану IV удалось убедить москвичей, что он не прячет у себя родственников, и народ разошелся. Некоторое время спустя царь приказал ловить зачинщиков выступления, но побоялся прибегнуть к широким ре-

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 152—154; Т. 34. С. 29—30; *К истории московских пожаров 1547 г.* // Исторический архив. 1962. № 3. С. 224—227.

² Там же. Т. 13. С. 456.

Крымский хан Девлет-Гирей I

прессиям. В то же время, чтобы успокоить недовольство горожан, им по государеву велению раздавали деньги.

Пожар 1571 г., по-видимому, был еще более масштабным. В 1547 г. по крайней мере уцелели Замоскворечье и Заяузые, тогда как в 1571-м говорили, что не осталось даже столба, чтобы привязать лошадь.

Когда весной 1571 г. стало известно, что крымский хан Девлет-Гирей готовит набег, русские войска приготвили их встречать на берегу Оки у Тулы и Серпухова — в обычных местах, где выставлялся заслон против татар. Однако татары благодаря перебежчику Кудеяру Тишенкову обошли оборону с запада, разбили у Серпухова опричный полк воеводы Я. Волынского и двинулись к Москве. Иван Грозный бросил столицу и армию и уехал на север. Воеводы все же успели отойти к столице и за-

пять оборону. Начались небольшие стычки между противниками, в одной из которых был ранен земский главнокомандующий князь И.Д. Бельский. Но татары не стали ни биться с русским войском, ни штурмовать столицу — 24 мая они подожгли ее незащищенные предместья.

Огонь быстро охватил Китай-город. Город сотрясся от взрывов — это взлетали на воздух «зеленые» погреба в башнях Кремля и Китай-города: «...Вырывало две стены городских: у Кремля пониже Фроловского мосту против Троицы, а другую в Китае против Земского двора». Многие тысячи москвичей гибли в пламени и дыму. Горел и Кремль. «Колокола на храме, вместе со стеной, на которой они висели, обрушились, а тех, кто рассчитывал там спрятаться, насмерть побил камнями. Храм был охвачен огнем снаружи и внутри, церковные башни со всеми украшениями и святыми изображениями; остались только стены. Расплавившиеся и поврежденные колокола, висевшие на колокольне посредине крепости, обрушились, некоторые расколовшись на части; самый большой упал и треснул», — вспоминал немец-опричник Генрих Штаден.

Армия, стоявшая в городе, несла огромные потери. «В живых не осталось и 300 способных к бою», — пишет Штаден. Сохранял боеспособность только полк князя Михаила Ивановича Воротынского, стоявший на Таганском лугу и отбивавшийся от татар. В это время в городе погибла от пожара дочь князя Агриппина Михайловна — ее надгробие в соборе Новодевичьего монастыря сохранилось до наших дней. Согласно Пискаревскому летописцу, за три часа Москва выгорела целиком «и людей без числа згорело всяких»¹. Чтобы восполнить потери среди горожан, царь приказал «сводить» в Москву купцов и ремесленников из других городов.

До нашего времени сохранилось не много архитектурных памятников эпохи Ивана Грозного. Связано это не только с плохой сохранностью сооружений того времени, но еще и с тем, что Иван Грозный, в отличие от деда, не вел активного строительства в Мо-

¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 191; *Трубникова О.А.* История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. — 30-е гг. XX в.) // *Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана.* 1991. М., 1991. С. 109, 110; *Штаден Г.* Записки о Московии / Публ. нем. текста Е.Е. Рычаловский; пер. С.Н. Фердинанд; ред. Е.Е. Рычаловский при участии А.Л. Хоропгкевич: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 177, 178, 435.

Русский конный воин. Западноевропейская гравюра. XVI в.

скве, предпочитая обустривать новые «столицы» — Александрову слободу, Вологду. В 1547 г. в честь венчания на царство юного царя Ивана IV по инициативе его родичей по матери, князей Глинских в подмосковном селе Дьяково была выстроена церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Она представляет собой соединение пяти восьмигранных стопов-церквей, самый высокий из которых возвышается в центре, а более низкие располагаются вокруг вокруг него. Все столпы церкви были объединены низкой крытой галереей. И хотя центральный столп храма Иоанна Предтечи имеет иные пропорции, нежели шатер церкви Вознесения в Коломенском, расположенной неподалеку, эти здания имеют между собой общее конструктивное единство.

В 1555—1560 гг. был выстроен уникальный памятник русской архитектуры — Покровский собор, что на Рву, более известный как собор Василия Блаженного, по имени юродивого, погребенного около собора. Он стал памятником взятию столицы Казанского ханства, которое состоялось в День Покрова Пресвятой Богородицы. Строился он с 1555 по 1560 г. архитекторами Бар-

Покровский собор и Лобное место. Гравюра из книги А. Олеария
«Описание путешествия в Московию и через Московию
в Персию и обратно». 1656 г.

мой и Постником Яковлевым. Не исключено, что это был один и тот же человек, у которого имя Постник сочеталось с прозвищем Барма.

Покровский собор воплотил в себе архитектурно-композиционные черты, которые были присущи храмам Коломенского и Дьякова. Он объединил вокруг центрального, шатрового столпа девять 8 столпов-церквей, расположенных по кругу. Их окружала галерея на арках с лестницами. Цветовая гамма собора в XVI в. выглядела более скромно, чем в позднее, в XVII в., и в настоящее время. При Иване Грозном она представляла собой сочетание красного (кирпич) и белого (белый камень) цветов. Историками русской архитектуры подробно исследована символика архитектурной структуры этого храма, многое еще остается неясным, однако очевидно, что Покровский собор представляет собой уникальное явление в русской средневековой архитектуре.

Покровский собор положил начало широкому распространению в московском зодчестве шатрового типа. Тем не менее создать что-нибудь подобное ни в XVI, ни в XVII в. никому не удавалось. С этим связана легенда, согласно которой Иван Грозный приказал ослепить мастеров (или мастера), дабы они уже не смогли повторить уже раз созданное. Это предание, многократно повторяемое в популярной и художественной литературе, впервые встречается на страницах иностранных описаний Москвы XVII столетия. Таким образом, его достоверность не велика, и рассматриваться оно может лишь как один из московских мифов.

Иностранные описания XVII в. именуют Покровский собор Иерусалимом, что связано с процессией «шествия на ослиати», ежегодно в Вербное воскресенье направлявшейся к нему из Кремля. «Шествие на ослиати» символически изображало Вход Христа в Иерусалим. Во главе процессии был патриарх, сидевший на лошади, задрапированной под осла. Лошадь под уздцы вел царь, что символизировало смирение царя земного перед Небесным. Шествие двигалось из Кремля в Покровский собор, а москвичи, стоявшие по сторонам парадно убранной дорожки, бросали под ноги «осляти» вербу. В Покровском соборе патриарх служил службу, а затем процессия возвращалась обратно в Кремль. Обряд «шествия на ослиати» появился в Москве в середине XVI в. и первоначально проходил в Кремле. После сооружения Покровского собора, один из приделов которого был посвящен Входу Иисуса Христа в Иерусалим, шествие переместилось из Кремля к этому храму.

Шествие на осляти. Гравюра из книги А. Олеария
«Описание путешествия в Московию и через Московию
в Персию и обратно». 1656 г.

В сакральной топографии средневековой Москвы Покровский храм стал символическим Иерусалимом, о чем свидетельствуют авторы иностранных описаний города. Все они именуют собор Иерусалимом или Иерусалимским, указывая на то, что сами москвичи так называют эту церковь.

После сооружения Покровского собора до конца XVI в. в столице не велось крупного строительства, как церковного, так и крепостного. Исключением является сооружение Опричного двора, территория которого в недавнее время (1996—2002) была хорошо исследована археологически. Результаты этих раскопок, а также подробное описание Опричного двора, оставленное Г. Штаденом, дают возможность реконструировать внешний облик этого внушительного комплекса.

В 1565 г. при учреждении опричнины Иван Грозный включил в свой удел западную часть Москвы — от Никитской до Москвы-реки, а также несколько ближайших подмосковных слобод. Опричный двор был возведен в центре этой территории — между современными улицами Воздвиженка, Большая Никитская, Мо-

В.М. Васнецов. Иван Грозный. 1897 г.

ховая и Романов переулоч. Позднее здесь находился двор бояр Ивана Никитича и Никиты Ивановича Романовых, в связи с чем эта местность получила наименование Романова двора, а с 1790-х гг. здесь разместились корпуса Московского университета. Строительство Опричного двора началось в мае 1566 г., а на новый двор царь переехал 12 января 1567 г. Подробное описание Опричного двора оставлено Штаденом:

«Великий князь приказал снести к западу от крепости на высочайшем холме дворы многих князей, бояр и торговых людей, находившиеся на расстоянии ружейного выстрела по четырехугольнику, и обнести эту площадь стенами высотой в сажень от земли из тесаных камней, две же сажени были из обожженного кирпича. Наверху стены были заострены, без крыши и защитных ходов вокруг, примерно в 130 саженой в длину и столько же в ширину с тремя воротами: одними — на восток, другими — на юг, третьими — на север¹. Северные ворота находились напротив крепости и были окованы листами железа, покрытого оловом. Внутри — там, где эти ворота открывали и закрывали, — в землю были вбиты два толстых массивных дубовых бревна, в которых были сделаны два больших отверстия, так что через эти массивные бревна можно было протащить или продеть бревно, укрепленное в стене — когда ворота были закрыты, — до другой половины стены по правую руку. Эти ворота были покрыты жестью. У этих ворот были установлены два резных и расписных льва — на том месте, где у льва находится глаз, были вставлены зеркала и резной деревянный выкрашенный черным двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один лев был с раскрытой пастью и смотрел в сторону земщины, другой же смотрел во двор. Между этими двумя львами находился двуглавый черный орел с раскрытыми крыльями, грудью к земщине. В этом дворе были построены три массивных здания, и на каждом сверху на шпигле помещался деревянный выкрашенный в черное двуглавый орел с раскрытыми крыльями, грудью к земщине. От этих особых главных строений шел переход по двору до юго-восточного угла.

Там был построен перед избой и палатой невысокий покой с горницей, вровень с землей; стены здесь были на добрые полса-

¹ Таким образом, высота стен Опричного двора достигала почти 6 м, а ширина составляла 260х260 м.

жени ниже на всем протяжении, где они обрамляли этот покой и горницу, для доступа воздуха и солнца.

Здесь великий князь всегда по утрам или в обед имеет обыкновение есть. Перед этими покоями находился погреб, полный больших кусков воска. Досюда простиралась особая площадь великого князя. Эта площадь была посыпана белым песком высотой в локоть из-за сырости. Южные ворота были небольшие, только чтобы там можно было въехать и выехать. Здесь были построены все приказы, и здесь правили со всех должников и били батогами и плетью до тех пор, пока священник не выносил даров и не ударял в колокола... На западе ворот не было, а была большая внутренняя площадь, ничем не застроенная. На севере были большие ворота, обитые железными листами, покрытыми оловом; здесь были все кухни, погреба, хлебни и мыльни...

Здесь были небольшие ворота, так чтобы из кухонь, погребов и хлебень в правый двор можно было доставлять еду и питье... Здесь были две лестницы, по которым можно было подняться до больших покоев; одна была напротив восточных ворот. Перед этими лестницами стоял небольшой помост, похожий на четырехугольный стол; на него становился великий князь, садясь на коня или слезая. Опорой этим лестницам служили колонны, на них находилась крыша и деревянный свод; на колоннах и на своде была резьба в виде листвы. С лестниц шел свод во все покои вплоть до стены, чтобы великий князь мог пройти по этому переходу из верхних покоев до стены и через нее — в церковь, что находилась перед двором за окружной стеной на востоке. Эта церковь была построена в форме креста и имела фундамент высотой в восемь дубовых бревен от земли и три года стояла непокрытой... Другая лестница была по правую сторону, если входить в восточные ворота. Под этими двумя лестницами и переходами пятьсот стрельцов еженощно несли караул в покоях или в палате, в которой великий князь имел обыкновение есть. На юге ночной караул несли князя и бояре. Вся эта постройка была из настоящего елового дерева, рубили все это дерево в лесу, называемом Клину»¹.

Раскопками, проводившимися на месте Опричного двора, была вскрыта северная, хозяйственная часть комплекса. Уникальной для Москвы особенностью этой территории является скопление

¹ Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 181—189.

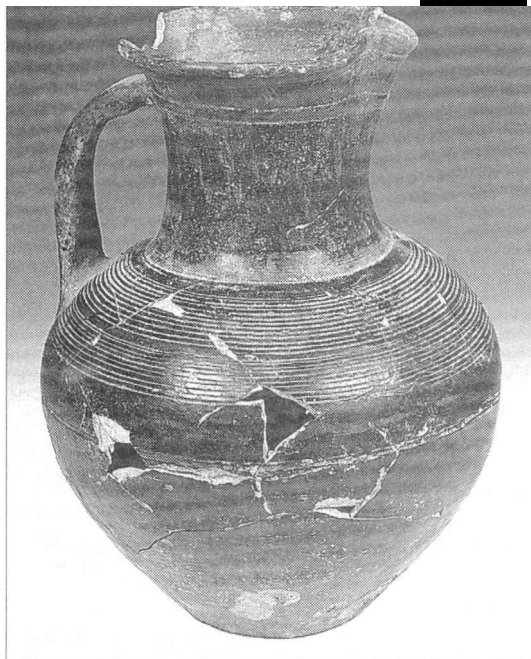
Красноглиняный изразец. XVI в. Собрание Музея Москвы

здесь большого количества печей. Даже на крупных боярских дворах известно по письменным источникам и данным археологии не более трех печей. Здесь же на площади 900 м² было выявлено десять печей с четырнадцатью топочными камерами — яркое свидетельство существования крупного хозяйственного комплекса, о котором говорит Штаден. Также раскопаны и исследованы следы хозяйственных ям-погребов и остатки срубной наземной постройки.

Согласно заключению археологов, исследованные печи являлись своего рода полевыми кухнями — на них готовили еду в больших железных котлах. Их расположение на дворе, под открытым небом было вызвано стремлением избежать возгорания и пожара. Штаден пишет о сотнях стрельцов и служилых людей, которые несли службу на Опричном дворе. Если прибавить к этому проживавших там же царя и свиту, то большие масштабы готовки становятся очевидными¹. На Опричном дворе также об-

¹ *Археология* Романова двора: предыстория и история центра Москвы

² XII—XIX вв. / Автор-составитель Н.А. Кренке (Материалы охранных

Чернолощенный кувшин. XVI в. Собрание Музея Москвы

наружены многочисленные фрагменты кувшинов и стеклянных изделий, наконечники стрел, пули и другие предметы быта. Редкой находкой является роговая пороховница с изображением мужчины, изготовленная в Западной Европе во второй половине XVI в.

Археологами выявлены следы пожара 1571 г., уничтожившего Опричный двор. По сообщению Генриха Штадена, Опричный двор, к большой радости земских, сгорел дотла так, что даже расплавились колокола дворцовой церкви. А.Л. Юрганов создал реконструкцию того, как Опричный двор воплощал в своей архитектуре и топографии эсхатологические воззрения царя Ивана Грозного. По мнению исследователя, гибель опричного двора в пожаре Москвы 1571 г. явилась для царя и его современников

археологических исследований. Т. 12). М., 2009. С. 18—23, 67—76. Об Опричном дворе см. также: *Лекомцев М.* Опричный двор Ивана Грозного // Царские и императорские дворцы. М., 1997. С. 81—86).

свидетельством того, что политика опричнины не угодна Богу. Историки выдвигали разные предположения о судьбе Опричного двора после пожара 1571 г. Данные археологии поставили точку в споре о судьбе опричной резиденции после пожара и отмены опричнины в 1572 г. Было выявлено, что хозяйственный комплекс на Опричном дворе возродился и продолжал функционировать, хотя и не в тех масштабах, до смерти Ивана Грозного. Видимо, именно здесь царь жил в 1575—1576 гг., когда выехал из Кремля, уступив «великое княжение» Симеону Бекбулатовичу. Возможно также, что бывший Опричный двор стал административным центром двора — особой, параллельной структуры власти, унаследовавшей традиции опричного управления. После смерти Ивана Грозного и окончательной ликвидации двора бывшая опричная резиденция продолжала оставаться в ведение казны, а в начале XVII столетия была пожалована боярину Ивану Никитичу Романову¹.

Накануне Смуты

Недолгий хронологический промежуток от смерти Ивана Грозного до начала Смуты ознаменовался важнейшими переменами в градостроительной структуре и внешнем облике стольного града. Эти перемены были связаны с деятельностью правителя государства при царе Федоре Ивановиче — боярина Бориса Федоровича Годунова. Годунов осуществлял активную деятельность по восстановлению экономики страны, разоренной опричниной и многолетней Ливонской войной. В числе других мер было и «посадское строение» — восстановление экономического благосостояния и соответственно платежеспособности городского населения. Годунов также особенно заботился и о городском каменном строительстве. Вероятнее всего, и инициатива строительства новых московских укреплений принадлежала Годунову.

В 1585—1591 гг. (по другим данным — окончание строительства приходится на 1593 г.) был возведен еще один ряд московских укреплений — стены Царева, или Белого, города, окружив-

¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 382—393; *Археология* Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII—XIX вв. Т. 12. С. 18—23, 67—76.

А.М. Васнецов. У Мясницких ворот Белого города в XVII веке.
1926 г.

шие территорию по линии современного Бульварного кольца. Руководил строительством русский зодчий «государевых дел мастер» Федор Савельевич Конь. Вероятнее всего, организация строительства находилась в ведении Каменного приказа (Приказа каменных дел), который, вероятно, был создан в 1584 г. Для строительства этих укреплений был введен особый сбор с жителей Москвы, затронувший даже тех, кто имел налоговые льготы.

Стена Белого города тянулась на протяжении 9 км от устья Яузы до устья ручья Черторый (ныне — район Пречистенской набережной). По описанию австрийского посла Николая Варкоча, она была «бело-набело выкрашенная и украшенная множеством (27—30) башен и зубцов». Очевидно, из-за белого цвета стен это укрепление и получило свое название. Белый город имел 10 проездных ворот — Яузские, Покровские или Кулижские, Фроловские (Мясницкие), Сретенские, Петровские, Тверские, Никитские, Арбатские, Чертольские (позднее — Пречистенские) и Водяные.

В Занеглименье новые стены прошли в основном по линии деревянно-земляных укреплений более раннего времени, существовавших еще в XIV в. и обновлявшихся при Иване Грозном. С запада их трасса определялась руслом ручья Черторья, впадавшего в Москву-реку, в северной части они были привязаны к цепочке монастырей — Высокопетровского, Рождественского и Сретенского. С востока стенами был обнесен значительный ремесленный район вплоть до устья Яузы. Помимо Черторья, в оборонительные рвы Белого города были заключены безымянный ручей, текший от современной Пушкинской площади к Трубной и впадавший в Неглинную, и речка Рачка, протекавшая по современному Чиспорудному бульвару и образывавшая пруд, в XVII столетии известный как Поганный, а позднее ставший Чистым. Стены Белого города прошли также и по берегу Москвы-реки, примкнув с западной стороны к Кремлю, а с восточной — к Китай-городу. Строительство Белого города придало Москве монументальный столичный масштаб. Однако, несмотря на размеры новой крепости, за пределами Белого города по всему периметру крепостных стен оставалась значительная зона неукрепленной застройки.

Именно эти районы подверглись разорению и сожжению во время набега на Москву крымского хана Казы-Гирея. Летом 1591 г. Казы-Гирей подступил к Москве и расположился лагерь к югу от столицы. Татары попытались штурмовать стены Белого города, но были встречены яростным огнем артиллерии и затем, обратив в пепел московские посады, внезапно отступили. Руководители обороны князь Ф.И. Мстиславский и Годунов были щедро награждены, получили награды и другие воеводы и отличившиеся в боях ратники — их жаловали «золотыми» и «полужолотыми» — своеобразными золотыми монетами-медалями с государственной символикой. На месте сражения с татарами в благодарность за небесное заступничество иконы Пресвятой Богородицы Донской, написанной, возможно, Феофаном Греком в 1392 г., а в 1591 г. находившейся в русском стане, был основан монастырь, который получил название Донской.

Стремление защитить посады, лежавшие за пределами Белого города, вызвало распоряжение о строительстве нового кольца укреплений — Земляного города, который также известен под названием Деревянного города, или Скородома. Особенность этих укреплений заключается в том, что стены их строились из дерева

с земляной присыпкой, чем и объясняется их название. Третье наименование — Скородом — вызвано весьма быстрыми темпами строительства. Земляной город был возведен в 1591—1592 гг. и имел 12 ворот и 57 башен. Общая протяженность стен достигала 15,6 км. Они охватили кольцом всю территорию столицы, окончательно завершив формирование городской структуры Москвы по так называемому радиально-кольцевому принципу.

Строительная деятельность Бориса Годунова не ограничилась московскими стенами. При нем развернулось обширное строительство в Кремле. В 1600 г. по приказу Бориса Годунова колокольня была надстроена на 12 саженей, а торжественная надпись под самым куполом и ныне гласит: «Изволением Святыя Троицы, повелением Великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всея Руси Самодержца и сына его, благовернаго Великаго Государя Царевича Князя Феодора Борисовича всея Руси сий храм совершен и позлащен во второе лето царства их 108 (1600 г.)».

Надстройка колокольни была частью задуманного Борисом Годуновым плана строительства в Кремле на Ивановской площади грандиозного храма Святая Святых, который должен был явиться, вероятнее всего, копией иерусалимского храма Гроба Господня — одной из главнейших христианских святынь. По словам Пискаревского летописца, строительство началось «на площади за Иваном Великим. И камень, и известь, и сваи — все было готово, и образец был деревянной зделан по подлиннику, как составляеца Святая Святых». Для этого храма из тонкого золота была изготовлена плащаница с изображением Христа, Божией Матери, двенадцати апостолов, Иосифа и Никодима. Для него также предназначались золотые фигуры Иисуса Христа и ангелов — невиданное новшество в русском церковном искусстве. К сожалению, после свержения Годунова плащаница была уничтожена, а скульптуру Христа Лжедмитрий I отправил в Польшу.

В царствование Бориса Годунова на кремлевской горке — «Взруб», — на том месте, где при Иване Грозном стояли палаты царевичей Ивана и Федора, был построен каменный дворец. В 1600 г. значительная часть кремлевских стен была украшена каменными зубцами. Продолжались масштабные строительные работы и во время страшного голода, охватившего страну в 1601—1603 гг. Царь использовал их как средство помощи неимущим, обеспечивая их заработком.

Летом 1591 г. пожар охватил обширную территорию «от Чертольских ворот до Неглинной». Правительство оказало существенную помощь погорельцам, а на главной торговой площади, с XVII в. известной как Красная площадь, на средства казны были построены каменные лавки. Позднее из камня было возведено здание Торговых рядов. В 1602 г. соорудили каменный мост через Неглинную, связавший Китай-город с Тверской улицей. Для развития частного строительства Годунов выделил Каменному приказу сумму 25 тысяч рублей, приказав изготавливать материалы для каменного строительства и раздавать всем желающим с рассрочкой оплаты на 10 лет¹.

В правление Годунова, а также при его непосредственном участии строились многочисленные храмы, архитектурная стилистика которых носит наименование годуновской школы. При нем делались попытки планирования московских улиц, улицы расширялись и выпрямлялись, на окраинах Москвы были созданы ямские слободы. Катастрофические события Смутного времени остановили развитие города, а разрушения поставили перед новой законной династией задачу восстановления былого величия Москвы.

Москва в XVII столетии

В Смутное время Москва подверглась страшному разорению и разграблению. Наиболее драматические события произошли в городе весной 1611 г. В это время от имени «короля Владислава Жигимонтовича» (польского королевича, приглашенного на русский престол Семибоярщиной) Москвой управлял наместник Александр Гонсевский. Офицеры и солдаты польско-литовского гарнизона, размещенного в Кремле и Китай-городе, притесняли москвичей, вели себя нагло и вызывающе. Обстановка постепенно накалялась, и поляки стали опасаться народного восстания. Глава патриотической оппозиции патриарх Гермоген по распоряжению Гонсевского был взят под стражу, но 17 марта освобожден для торжественного обряда «шествия на ослати». На этот раз процессия была малолюдной — горожане были напуганы слухами, что поляки начнут убивать ее участников.

¹ *Сытин П.В.* История застройки и планировки Москвы. Т. 1. 1147—1762. М., 1950 (Труды Музея истории и реконструкции Москвы). С. 59—60.

Патриарх Гермоген.
Миниатюра из Титулярника.
1672 г.

Тем временем солдаты Гонсевского спешно укрепляли город, к которому подходило Первое ополчение. Они принялись втаскивать дополнительные пушки на стены Кремля и Китай-города и понуждали к тому же городских извозчиков. Те отказались, поднялись крик и ругань. Драка переросла в сражение, а затем в бойню — в Китай-городе началась страшная резня, во время которой погибло до семи тысяч человек.

Жители Белого города встретили врага саблями. К этому времени в столицу уже проникли передовые отряды Первого ополчения. Участник событий поляк Николай Мархоцкий пишет: «Страш-

ный беспорядок начался вслед за тем в Белых стенах (Белом городе. — *С. III.*), где стояли некоторые наши хоругви (роты. — *С. III.*). Москвитяне сражались с ними так яростно, что те, опешив, вынуждены были отступить в Китай-город и Крым-город (Кремль. — *С. III.*). Волнение охватило все многолюдные места, всюду по тревоге звонили в колокола... И мы решили применить то, что ранее испробовали в Осипове (Иосифо-Волоколамском монастыре. — *С. III.*): выкурить неприятеля огнем»¹.

В тот же день поляки запалили Белый город. Согласно Новому летописцу, первым запалил свой двор боярин-изменник Михаил Салтыков. Пока пожар разгорался, на улицах шли жестокие бои. По словам немца Конрада Буссова, сражавшегося на стороне поляков, они вернулись с боя на Никитской «похожие на мясников: рапиры, руки, одежда были в крови, и весь вид устрашающий». Тем временем огонь распространялся по деревянному городу. Благодаря этому, пишет Буссов, «наши и победили, ибо русским было не под силу обороняться от врага,

¹ *Мархоцкий Н.* История московской войны / Подгот. текста, пер., вступ. ст., коммент. Е. Кукиной. М., 2000. С. 89. См. также: *Шокарев С.Ю.* Москва в эпоху Смуты. 1604—1613 гг. М., 2009. С. 116—120.

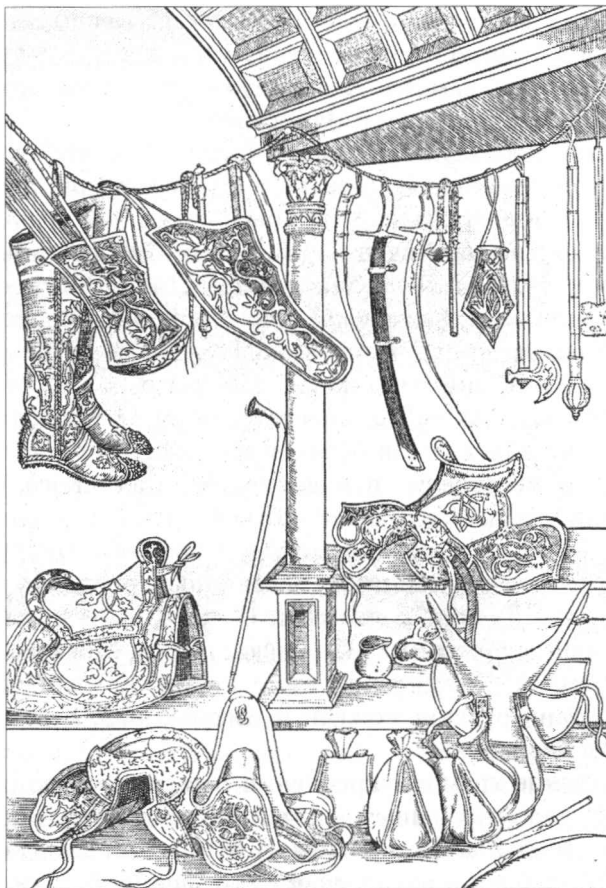
тушить огонь и спасать оттуда своих, и им пришлось поэтому обратиться в бегство и уйти с женами и детьми из своих домов и дворов, оставив там все, что имели». На другой день интервенты подожгли Чертолье и Замоскворечье¹.

Москвичи побежали из выжженного города. «В тот день мороз был великий, они же шли не прямой дорогой, а так, что с Москвы до самой Яузы не видно было снега, всё люди шли», — сообщает Новый летописец. Пожар уничтожил всю городскую застройку в Белом и Земляном городе. Поляк Маскевич вспоминал: «До прихода нашего все три замка обнесены были деревянною оградою, в окружности, как сказывают, около 7 польских миль, а в вышину в 3 копя. Москва-река пересекала ее в двух местах. Ограда имела множество ворот, между коими по 2 и по 3 башни; а на каждой башне и на воротах стояло по 4 и по 6 орудий, кроме полевых пушек, коих так там много, что перечесть трудно. Вся ограда была из теса; башни и ворота весьма красивые, как видно, стоили трудов и времени. Церквей везде было множество и каменных, и деревянных: в ушах гудело, когда трезвонили на всех колоколах. И все это мы в три дня обратили в пепел: пожар истребил всю красоту Москвы. Уцелели только Кремль и Китай-город, где мы сами укрывались от огня; а впоследствии русские сожгли и Китай-город; Кремль же мы сдали им в целости»².

Возрождение храмов, укреплений и жилой застройки стольного града стало важнейшей задачей, вставшей перед правительством царя Михаила Федоровича. В 1614 г. был выстроен новый деревянный дворец и началось его украшение. В 1619 г. он сгорел во время пожара, а в следующем году был восстановлен и постепенно прирастал «мыленками», «сенничками», «избушками», пока новый пожар 1626 г. не уничтожил плоды этих трудов. В 1635—1636 гг. мастерами Баженом Огурцовым, Антипой Константиновым, Трефилом Шарутиным и Ларионом Ушаковым был выстроен великолепный комплекс каменного Теремного дворца. Новый царский дворец был надстроен над Мастерской палатой

¹ Буссов К. Московская хроника 1584—1613 // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец» / Сост. А.А. Либерман, Б.Н. Морозов, С.Ю. Шокарев. С. 151—152.

² Новый летописец // Хроники Смутного времени... С. 356; Маскевич С. Дневник Маскевича 1594—1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 60-61.

Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов.
Гравюра из «Записок о Московии» С. Герберштейна. 1556 г.

XVI в., основанием которой, в свою очередь, стали стены великокняжеского дворца XV в., возведенного Аристотелем Фиораванти. На имеющихся двух этажах мастера возвели еще три, создав сложную многоярусную систему, сочетавшую парадные и жилые помещения, лестницы, гульбища, площадки, дворцовые храмы и т. д. Внутренние помещения дворца, стены и иконостасы дворцовых церквей были расписаны выдающимися иконописцами того времени.

Постепенно восстанавливались и кремлевские стены. В 1620-х гг. на Фроловских (Спасских) воротах англичанин Христофор Гал-

лоуэй установил часы с вращающимся циферблатом и неподвижной стрелкой. Позднее часы появились на Тайницкой и Троицкой башнях. Тот же Галлоуэй вместе с русским мастером Баженом Огурцовым в 1624—1625 гг. возвели шатровое завершение Фроловских (Спасских) ворот. Остальные башни (кроме Никольской) были достроены в 1672—1688 гг. Подъемные мосты заменили арочными, а на стене, обращенной к Красной площади, появилась декоративная Царская башня. В 1624 г. Б. Огурцов пристроил к колокольне Ивана Великого Филаретову звонницу. Это строительство связывают с именем патриарха Филарета (в миру Федора Никитича Романова), отца царя Михаила Федоровича, бывшего его соправителем в 1619—1633 гг.

Избавление Московского государства от гибели в Смутное время современники связывали с заступничеством Пресвятой Богородицы. Зримым свидетельством этого заступничества стали для москвичей события 1 октября 1618 г. В этот день, на праздник Покрова Божией Матери, от стен Москвы был отбит приступ гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного. В ознаменование этого в дворцовом селе Рубцове была выстроена церковь Покрова (1619—1626), сохранившаяся до настоящего времени.

Вероятно, с этим же событием связано строительство главой Второго ополчения князем Д.М. Пожарским в своей вотчине, подмосковном селе Медведкове, деревянной Покровской церкви в 1623 г. В 1634—1635 гг. она была перестроена в камне и представляет собой выдающийся памятник шатрового зодчества.

Князь Пожарский был создателем еще одного знаменитого памятника событиям Смуты — Казанского собора на Красной площади. Первоначальный храм, выстроенный князем по обету, был деревянным. В нем Пожарский поместил святыню, находившуюся в стане Второго ополчения во время боев с поляками, — икону Казанской Божией Матери. В 1632 г. деревянный храм сгорел, а в 1635—1636 гг. его восстановили в камне на средства казны. К этому храму дважды в год (на 8 июля — день обретения Казанской иконы Божией Матери и на 22 октября, день взятие стен Китай-города в 1612 г.) совершались «большие» крестные ходы из Кремля, в которых принимали участие патриарх и царь. От основной процессии отделялись «малые» крестные ходы, которые шли по стенам Китай-города, Белого города и Земляного города и кропили святой водой городские укрепления.

Казанский собор на Красной площади

Строительство в Кремле продолжилось и при преемниках царя Михаила Федоровича. В 1651 — 1652 гг. боярин И.Д. Милославский, тесть царя Алексея Михайловича, выстроил на своем кремлевском дворе трехэтажный дворец. Впоследствии он перешел в казну и получил название Потешный, поскольку здесь в 1670-х гг. проходили представления придворного театра. В 1652—1656 гг. при патриархе Никоне построили Патриаршие палаты с церковью Двенадцати апостолов (до 1681 г. — церковь Святого Филиппа Митрополита). Территория Патриаршего двора и пространство дворца были существенно расширены. В середине XVII в. были перестроены каменные здания приказов на Ивановской площади. Вместо П-образного двухэтажного здания XVI в. были возведены высокие корпуса с множеством крылец, протянувшиеся от Архангельского собора до Фроловских (Спасских) ворот. Строительство в Кремле и украшение кремлевских храмов, дворцов и других сооружений велось на протяжении всего XVII столетия. Современники отмечали, что царь Федор Алексеевич кремлевские «церкви украсиша предивным благо-

лепием, и град Кремль поновися, и на башнях верхи изрядно построишася».

Разоренные пожаром 1611 г. районы Белого города восстанавливались довольно быстро. Уже в 1621 г. царь запретил жителям черных (тяглых, плативших налоги) слобод продавать свои земли дворянам. Очевидно, что к этому времени пустующие земли были уже разобраны и дворяне начали наступление на чернослободцев. Правительство стремилось упорядочить не только порядок взывания налогов, но также и городскую застройку. Так, после крупного пожара 1626 г. был издан указ о расширении главных улиц Китай-города до 12 саженей, а переулков до 6 саженей, как было установлено еще при царе Федоре Ивановиче «для береженья от пожаров». Аналогичный указ вышел после пожара 1629 г., охватившего восточную часть Белого города. Но, как можно видеть, подобные меры осуществлялись после пожаров, когда дворы и теремы отстраивались заново.

В первые годы правления царя Михаила Федоровича были восстановлены стены Земляного города. Они сослужили службу Москве уже в 1618 г. во время похода на Москву королевича Владислава. В 1633—1640 гг. эти укрепления были обновлены, а ров расчищен и углублен.

XVII в. стал расцветом московских слобод. Черные и белые (жители первых платили тягло — поземельный налог, вторые были от него избавлены, поскольку служили царю, патриарху, монастырям или боярам), ремесленные, военно-служилые, монастырские, иноземные, они плотно заселяли территорию Белого и Земляного городов. По подсчетам историка Москвы С.К. Богоявленского, в городе насчитывалось 144 слободы, из которых большую часть составляли дворцовые — 51 слобода. Количество остальных слобод распределяется таким образом: 33 военных, 27 монастырских и владычных, 25 черных (тяглых) и 8 иноземных.

Большинство дворцовых (ремесленных и кормовых) слобод располагалось в Земляном городе, там же, подальше от центра, находилось и основное количество военно-служилых слобод. В Белом городе было больше всего черных слобод. Часть слобод было вынесено за пределы города. Так, в 1652 г. на Яузе, согласно царскому указу, была образована Иноземная (Ново-Немецкая) слобода. Ее территория была четко распланирована — чем выше было

служебное положение иноземца, тем больше площадь земли, отводимой под его дворовладение¹.

В 1671 г. на северной окраине города была образована другая слобода — Мещанская. Здесь поселили выходцев из Белоруссии и Литвы, выведенных в Москву во время русско-польской войны 1654—1667 гг. В основном это были ремесленники (особенно славились своим искусством белорусские гончары, распространившие в Москве умение изготавливать изразцовые плафоны), а также живописцы, музыканты, учителя и другие. Мещанская слобода была многолюдна. К 1684 г. в ней насчитывалось 692 двора². По соседству с Мещанской слободой возникла Бутырская солдатская слобода, где жили служилые первого русского солдатского полка Матвея Кравкова.

Новым явлением в жизни Москвы стали первые промышленные предприятия — казенные мануфактуры. Под стенами Новодевичьего монастыря в 1630-х гг. возник Хамовный двор — текстильная мануфактура. При ней образовалась и слобода, получившая название Хамовная. Первоначально она была небольшой (около 40 дворов), а к 1682 г. уже насчитывала 127 дворов. Другие мануфактурные производства — стекольные и железоделательные заводы, пороховые и бумажные мельницы, принадлежавшие как царю, так и иноземным предпринимателям, — также находились в ближайших окрестностях Москвы. За городской чертой располагались царские усадьбы Коломенское, Измайлово, Преображенское, находился Сокольнический двор, обеспечивавший царскую соколиную охоту. Пространство столицы незримо расширялось; помимо царских мануфактур и усадеб, за стенами Земляного города находились огороды, покосы и скотные выгоны монастырей, бояр, дворян, купцов и слобожан.

В самом городе на протяжении всего XVII столетия постоянно увеличивалось число каменных строений. К концу века почти все крупные московские монастыри состояли в основном из каменных зданий. Много было выстроено каменных храмов и правительственных зданий.

Еще в 1643 г. голландец Иван (Яган) Кристлер предложил царю проект строительства каменного моста через Москву-реку

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 1. 1649-1675. СПб., 1830. С. 273.

² Богоявленский С.К. Московская Мещанская слобода в XVII в. // Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII в. С. 9—170.

*А.М. Васнецов. Всехсвятский Каменный мост.
Москва конца XVII века. 1901 г.*

из Китай-города в Замоскворечье. Царь Михаил Федорович заинтересовался проектом и повелел создать «мостовой образец», который живописец Анц Детерс (Ганс Детерсон) расписал суриком, чернью и белилами. 31 июля 1644 г. в Посольском приказе Кристлер представил посольским дьякам Григорию Львову и Степану Кудрявцеву модель моста и чертеж «на три статьи». В тот же день «мостовой образец» осматривал царь, и в результате проект Кристлера был одобрен. 12 августа 1644 г. голландец подал в Посольский приказ смету на строительство, и вскоре начались подготовительные работы. Но после кончины в 1645 г. Кристлера и царя Михаила Федоровича проект каменного моста через Москву-реку был надолго забыт¹.

Вернулись к нему в правление царевны Софьи Алексеевны, видимо по инициативе князя Василия Васильевича Голицына, придававшего особое значение каменному строительству в столице. В 1687 г., взяв за основу план Кристлера, возведение моста возглавил «мостового каменного дела мастер» монах Филарет. Мост было решено строить не на месте Живого моста, соединявшего Васильевский спуск и Балчуг, а между Садовниками и районом Алексеевского монастыря. От Всехсвятской башни Белого

¹ *Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII в. / Отв. ред. И.А. Бондаренко; науч. ред. И.Л. Бусева-Давыдова. М., 2008. С. 354—355.*

города, к которой мост примыкал, он получил наименование Всехсвятский Каменный. Основу моста составили дубовые сваи, вбитые в русло реки. Строительство велось пять лет и встало казне в весьма значительную сумму, что породило в Москве приткзку: «Дороже каменного моста».

Двенадцатиарочный мост имел в поперечнике 11 сажений, то есть был шире большинства московских улиц. Со стороны Замоскворечья была выстроена украшенная часами предмостная башня с шестью проездными воротами, завершавшаяся двумя шатрами, увенчанными двуглавыми орлами. В конце столетия в башне находились Корчемная канцелярия и тюрьма для арестованных за незаконную продажу спиртного. У отводных быков были выстроены две мельницы, а на самом мосту в конце XVII в. стояли различные торговые и иные заведения¹.

Правительство всячески стремилось поощрять горожан строить каменные дома, справедливо считая это действенной мерой против распространения пожаров. Еще в 1633 г. царский указ обещал желающим «ставить палаты каменные»: «...И тем людям от государя и отца его государева великого государя святейшего патриарха будет милостивое слово».

Однако число каменных домов увеличивалось медленно, и к концу столетия царские указы изменили тональность. 23 октября 1681 г. указ «о покрытии палатного строения тесом или дранью и о делании каменного строения» уже требовал, чтобы «всякое палатное строение крыли тесом, а сверх тесу усыпали землей и укладывали дерном; или крыть дранью на подставках, чтобы легче тесу для того, чтобы в пожарное время можно было для отъемки кровли сломать скорее, чтобы от того пожары не множились». Кроме этого, объявлялось: «...У которых у вас дворы по большим улицам, к городской стене к Китаю и к Белому городу, и которые ныне погорели, и тем людям указал Великий Государь делать каменное строение; а на то строение пожаловал Великий Государь, велел Вам дать кирпичу из приказу Большого дворца по указной цене по полтора рубля за тысячу, в долг, а деньги в Свою Государеву казну взять с вас погодно в десять лет... А кому за чем каменного строения строить не в мочь, и тем по большим улицам, вме-

¹ *Снегирев И.М.* Всехсвятский Каменный мост в Москве // Русские достопамятности. М., 1883. Т. 2. С. 1—13; *Муравьев В.Б.* История Москвы в пословицах и поговорках. М., 2007. С. 188—199.

Петров чертеж». План Москвы из «Атласа Блау». 1662 г.

сто забору, строить стенки каменные неотложно по весне, для того, что большие улицы, во многих местах тесны, и в пожарное время свободно было стрельцам от пожара дворы отымать». Видимо, никто не спешил воспользоваться царской милостью, поэтому 1 сентября 1685 г. и 3 октября 1688 г. правительство царевны Софьи повторило этот указ, прибавив: «Деревянного строительства отнюдь никому не делать, а кто сделает какие хоромы или чердаки высокие, у тех строение велеть сломать»¹.

Несмотря на это, вплоть до конца столетия Москва оставалась в основном деревянным городом. Даже в 1787 г. число каменных домов в городе составляло 18 процентов. С учетом каменного строительства, которое велось в XVIII в., можно полагать, что веком ранее число каменных домов не достигало и 10 процентов. Связано это было не только с дороговизной каменного строительства (не случайно говорили: «От трудов праведных не наживешь палат каменных»), но еще и с тем, что русские справедливо полагали, что в деревянном доме жить здоровее и лучше.

К концу XVII столетия стольный град Московского государства приобрел четкую и завершенную градостроительную структуру. Ее основу составляли несколько колец московских укреплений, пронизанных радиальными лучами крупных улиц, связанных сетью мелких переулков. Центральная часть — Кремль и Китай-город — была занята крупными соборами, дворцами, боярскими усадьбами, монастырскими комплексами. Более обширные территории Белого города и Земляного города застраивались вперемешку дворами лиц разного социального происхождения. Особыми компактными поселениями были слободы, каждая из которых имела свои религиозный — храм — и административный центры — избу. Причудливые линии на четком радиально-концентрическом рисунке плана Москвы изображали реки — Москва, Неглинная, Яуза... Крепостные рвы наполнялись водой рек и подземными водами. Раскинутый на обширном пространстве, величественный город был разным в своих многочисленных частях и вместе с тем единым общей схемой развития, общей идеей и общим московским духом.

Крепостные стены и реки делили город на несколько обособленных территорий, каждая из которых воспринималась как са-

¹ Цит. по: *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 163-164.

мостоятельная структурная единица. Иностранцы, посещавшие Москву в XVI—XVII вв., отмечают в ней наличие Кремля, Китай-города, Белого города, Земляного города, а иногда и Замоскворечья. Иностранные наблюдатели сумели подметить и различия в социальном составе жителей, населявших каждую из основных частей Москвы. От Кремля, где жили царь, патриарх и бояре, до окраин Земляного города, где обитали простые тяглецы, мелкие ремесленники, ямщики, стрельцы, огородники, слобожане, все более и более росла численность жителей и, напротив, уменьшалось социальное значение каждого. Таким образом, Москва представляла собой своеобразную пирамиду, вершиной которой был Кремль, а подножиями — обширные «загородья» вокруг Земляного города. Выражалось это и в пространственном отношении. По подсчетам историка Москвы П.В. Сытина, в конце XVI в. Кремль занимал площадь 27,5 га, Китай-город — 64,5 га, Белый город — 533 га, Земляной город — 1878 га¹.

¹ *Сытин П.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 58.

Часть вторая

«САМ ГОРОД — ДЕРЕВЯННЫЙ И ДОВОЛЬНО ОБШИРЕН...»

Внешний вид средневекового города

Русские средневековые авторы, повествуя о Москве, употребляют общие выражения, которые не дают возможности представить внешний вид города. Например, патриарх Иов так рассказывает о строительной деятельности Бориса Годунова: «И самый царствующи богоспосаеми град Москву, яко некую невесту, преизрядною лепотою украси: многия убо в нем прекрасные церкви камены созда и великие полаты устрой, яко и зрение их великому удивлению достойна; и стены градные окресть всея Москвы превелики камены созда и величества ради и красобы проименова его Царьград; внутрь же его и полаты купеческий созда во упокоение и снабдение торжником...»¹

Гораздо более информативны описания иностранцев, обращавших на общий вид Москвы особое внимание. Далеко не все иноземные путешественники были в восторге от увиденного, однако наблюдатели сходятся в одном — их поражает огромное пространство. «Сам город — деревянный и довольно обширен, — пишет австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву в 1517 и 1526 гг., — а издали кажется еще обширнее, чем на самом деле, ибо весьма увеличивается за счет пространных садов и дворов при каждом доме. Кроме того, в конце города к нему примыкают растянувшиеся длинным рядом дома кузнецов и других ремесленников, пользующихся огнем, между которыми находятся поля и луга. Далее, неподалеку от города заметны какие-то домики и заречные слободы, где немного лет тому назад государь Василий выстроил своим телохранителям новый город

¹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1987. С. 88.

Nali... Недалеко от города находятся несколько монастырей, каждый из которых, если на него смотреть издали, представляется чем-то вроде отдельного города. Следствием крайней обширности города является то, что он не заключен в какие-либо определенные границы и не укреплен достаточно ни стенами, ни рвом, ни раскатами»¹. Путешественник мог обозревать панораму Москвы с Поклонной горы на Смоленской дороге (той, которая в XIX в. осталась единственной из многих Поклонных гор, существовавших на каждом направлении).

Автор «Трактата о двух Сарматиях» (1517 г.) Матвей Меховский сам в Москве не был, но составил ее описание со слов путешественников, посещавших столицу России: «Москва — столица Московии. Это довольно большой город: вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии... Москва вся деревянная, а не каменная. Имеет много улиц, притом где кончается одна улица, не сразу начинается другая, а в промежутке бывает поле. Дома также разделены заборами, так что непосредственно не примыкают друг к другу. Дома знати большие, дома простых людей низенькие»².

Англичанин Ричард Ченслор, побывавший в городе в 1553 г., сравнивал его с английской столицей: «Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с его предместьями. Но она построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении»³.

Антонио Поссевино — иезуит, присланный папой в Россию в 1581 г. для посредничества на переговорах между Иваном Грозным и польским королем Стефаном Баторием, — также не впечатлился Москвой: «И какое бы впечатление ни производил город на человека, подъезжающего к нему, когда приезжий оказывается на небольшом расстоянии (я не говорю уже о въехавшем), открывается картина, более соответствующая истинному положению дел: сами дома занимают много места, улицы и площади (а их несколько) широки, все это окружено зданиями церквей, которые, по-видимому, воздвигнуты скорее для украшения города, чем для

¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М., 1988. С. 132.

² *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 114.

³ *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.* / Пер. Ю.В. Готье. М.; Л., 1937. С. 56.

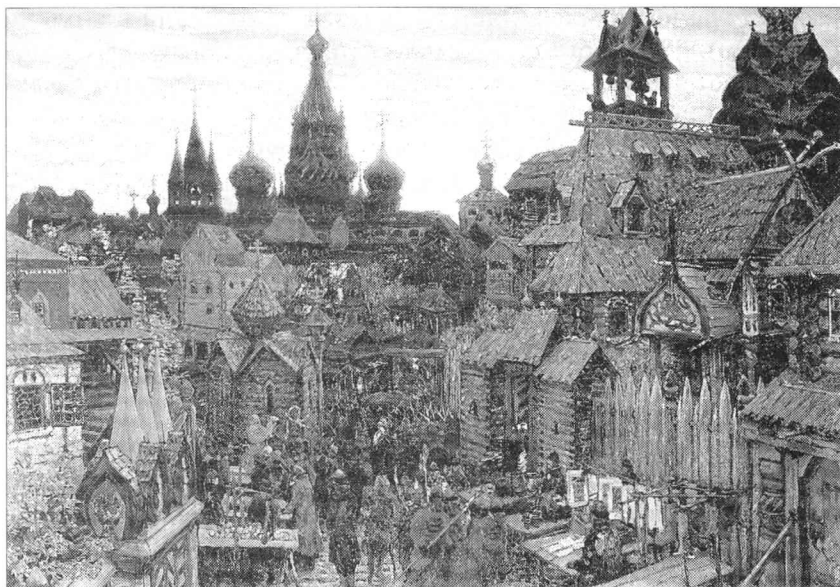
совершения богослужений, так как по большей части почти целый год заперты. Конечно, и при нынешнем государе Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами, большая часть жителей погибла при пожаре и все было сведено к более тесным границам. Сохранились следы более обширной территории в окружности, так что там, где было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль. И так как быки, коровы и прочие подобные животные, ежедневно выгоняемые на пастбища, содержатся в городских домах, большая часть которых окружена изгородью или плетнем, дома имеют вид наших деревенских усадеб». Очевидно, Поссевино, впечатленный величественной панорамой русской столицы, оказался разочарован ею, когда увидел деревянную застройку, домашнюю скотину и т. д.

Вместе с тем взыскательный иезуит отметил, что в московских крепостях (Кремле и Китай-городе) «есть нечто великолепное»: «Одну из них украшают несколько замечательных храмов, построенных из камня (в то время как остальные храмы города деревянные), и княжеский дворец, другую же — новые лавки, которые расположены каждая на своей улице по характеру представленного в них товара»¹.

Зимой 1599/1600 г. Москву посетило посольство персидского шаха. Его первый секретарь Орудж-бек, впоследствии принявший католичество с именем Хуан (Жуан) и ставший известным как Дон Жуан Персидский, оставил интересные заметки об этом посольстве, проехавшем из Персии через Россию и Европу в Испанию. Любопытно, что Орудж-бек умудрился не заметить укреплений Белого и Земляного города — в его описании Москва защищена только стенами Кремля. Упоминая о мнении Джованни Ботери, что Москва в окружности не превышает 2 лье (4,5 км), Орудж-бек пишет: «Но я с особым вниманием обошел ее вокруг, исследуя это дело очень тщательно. Население города, я подсчитал, составляет 80 тысяч дворов (или 360 тысяч душ) и более. Они живут в отдельных домах с сараями и амбарами, и, следовательно, количество земли, занимаемой здесь людьми, более чем необходимо. Действительно, населенная площадь, показалось мне, полностью занимает окружность по меньшей мере в три лье, а может

¹ *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 44—45.*

*А.М. Васнецов. Старая Москва. Улица в Китай-городе.
Начало XVII в. 1900 г.*

быть, больше»¹. В подсчетах относительно размеров Москвы Оруджбек оказался близок к истине — протяженность стен Земляного города составляла 15,6 км, — а количество жителей сильно преувеличил. В начале XVII в. население Москвы немного превышало 100 тысяч человек и лишь в конце столетия достигло 200 тысяч.

О том, что Москва в пределах деревянной стены больше, чем Париж, писал француз Жак Маржерет, служивший последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и польскому королю Сигизмунду III. Капитан одновременно был прав и ошибался. Протяженность окружавших Париж стен равнялась 16 км, но диаметр охваченной ими территории составлял более 2,5 км. Длина стены Скородома была не больше, зато диаметр городской территории составлял от 4 до 4,8 км².

¹ *Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята — Дон Жуана Персидского* / Пер. с англ., введ., коммент, и указ. О. Эфендиева и А. Фарзалиева. СПб., 2007. С. 154-155.

² *Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: Тексты, комментарии, статьи* / Под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 133, 223.

Англичанин Джильс Флетчер (посол, побывавший в столице России в 1588 г.), обычно точный в деталях, сообщает, что в Москве до пожара 1571 г. насчитывалось 41 500 домов¹. Эти сведения так же фантастичны, как и подсчеты Орудж-бека, голландца Я. Стрейса (1675 г.) (90 тысяч дворов) и других авторов. Первая общемосковская перепись 1701 г. зафиксировала 16 357 дворов².

«Город, однако, не обнесен стеной и стоит на открытой местности, и защитой ему служат болота, реки и лагуны, окружающие его, — пишет Орудж-бек. — Огромный дворец (Кремль) окружен стеной, и он настолько обширный, что сам по себе является приличного размера городом... Кремль так велик, что вся знать, которая служит князю, живет в Кремле. Я не знаю в действительности общее число тех, кто его населяет, но домов, которые видны за его стенами, насчитывается более шести тысяч»³. Очевидно, персидский дипломат не только не заметил стен Земляного и Белого города, но также объединил в одну крепость Кремль и Китай-город.

Измерять Москву в окружности пытались и другие путешественники. Немец Адам Олеарий (1674 г.) пишет, что размеры Москвы — три немецкие мили, курляндец Яков Рейтенфельс (1680 г.) говорит о четырех. Если учесть, что в разных областях Германии применялись мили от 5,7 до 7,5 км, то оценить эти сообщения будет еще труднее. Стрейс, очевидно измерявший расстояние ногами, пишет, что город достигает «9 часов в окружности». Его соотечественник, также голландец Николаас Витсен, бывший в России в 1664—1665 гг., объехал вокруг города на лошади, что заняло у него три часа. «Два раза переехали реку Москву, а Неглинную и Яuzu один раз, — пишет Витсен. — Вал очень запущен, частокол из бревен упал. С одной стороны видны несколько неупорядоченных бастионов из земли, с другой много деревянных башенок, с третьей — вал, но это плохой бруствер. Вокруг него идет канава — сухой ров». Объезжая Москву по периметру, Витсен наблюдал укрепления Земляного города, которые к 1665 г. действительно пришли в упадок, поскольку утра-

¹ Флетчер Д. О государстве русском. М., 2002. С. 30.

² Стрейс Я. Три путешествия // Московия и Европа: Григорий Котошихин. Патрик Гордон. Ян Стрейс. Царь Алексей Михайлович / Сост. А.А. Либерман, С.Ю. Шокарев. М., 2000. С. 327; *История Москвы с древнейших времен до наших дней*. Т. 1. С. 282.

³ *Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята...* С. 155.

тили свое оборонное значение. Эти методы измерения, конечно, не вполне корректны — и всаднику, и пешеходу приходилось перебираться через реки, двигаться по пахотным землям, преодолевать овраги и т. д.¹

Наблюдатели XVII столетия отмечают, что в панораме города появился новый элемент — каменные храмы. Действительно, в то время их число существенно увеличилось и они стали заметным украшением города. «Что же касается кремлевских церквей, — повествует Олеарий, — то в них колокольни обтянуты гладкою густо позолоченною жестию, которая при ярком солнечном свете превосходно блестит и дает всему городу снаружи прекрасный облик...»

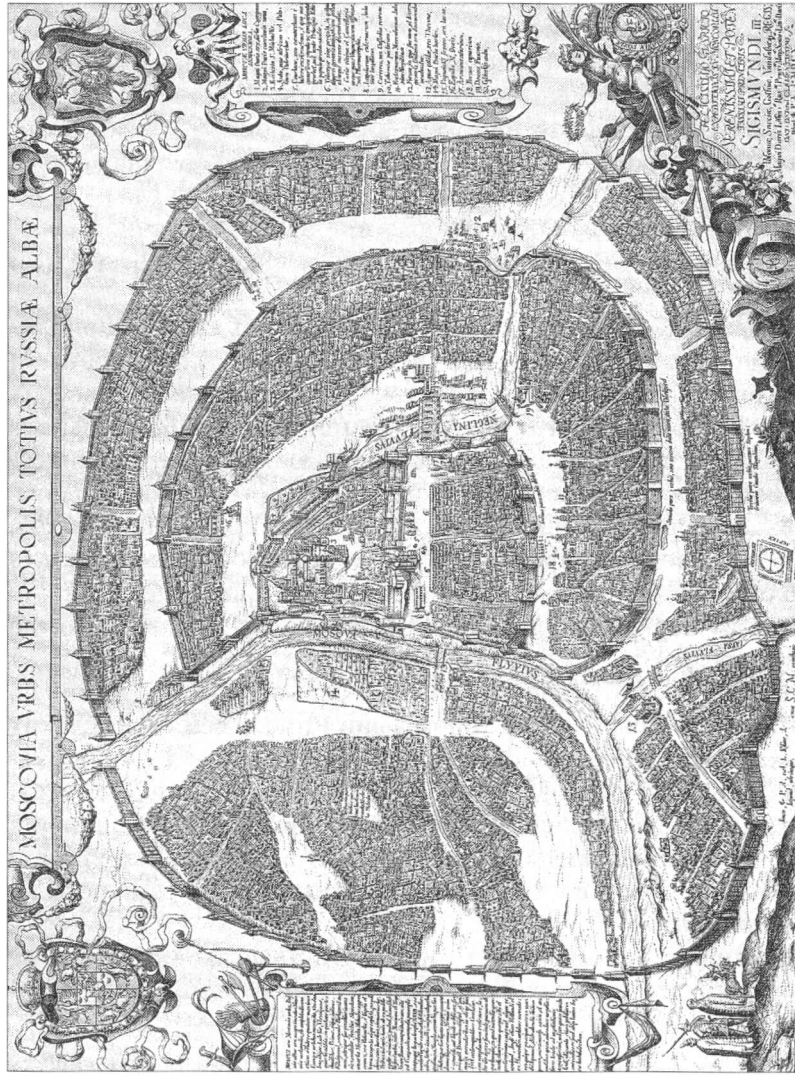
Рейтенфельс пишет, что Москва «поражает своими приблизительно двумя тысячами церквей, кои почти все каменные и придают городу великолепный вид». О двух тысячах московских храмов говорят и другие авторы (например, Олеарий), однако эта цифра явно преувеличена. Аксель Гюльденстиерне, приезжавший в Россию в свите несчастного датского принца Иоанна, жениха царевны Ксении Годуновой, пишет о тридцати пяти храмах в Кремле и четырехстах во всем городе. Эти подсчеты, в свою очередь, преуменьшают число церквей в столице. Согласно подсчетам церковных историков, в конце XVII в. в ней было 943 храма².

Рейтенфельс отмечает холмистый рельеф города, упоминая, под влиянием мифической топографии Рима, о семи московских холмах: «Этой внешней красоте немало способствуют семь умеренной высоты холмов, на которых она отлого возвышается». Итальянец Эрколе Зани, опубликовавший в 1690 г. реляцию о путешествии в Московию, также сообщает о легендарном московском семихолмии и восхищается громадными размерами российской столицы:

«Я удивился громадности города. Он превосходит любой из европейских и азиатских. Благодаря этому пешком ходить невоз-

¹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 145; *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. С. 304; *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 327; *Витсен Н.* Путешествие в Московию. 1664—1665. Дневник / Пер. В.Г. Трисман. СПб., 1996. С. 131.

² *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 304; *Олеарий А.* Указ. соч. С. 147, 150; *Иностранцы о древней Москве (Москва XV—XVII вв.)* / Сост. М.М. Сухман. М., 1991. С. 142.

Сигизмундов план Москвы. 1610 г.

можно, а надо ездить — зимой на санях, летом в повозке. Для этого при начале каждой улицы стоят наготове извозчики с санями и повозками. В нем живет несчетное множество народа — иные насчитывают миллион, а иные, более сведущие, немногим больше 700 тысяч. Без сомнения, он втрое больше виденных мною Парижа и Лондона. Он заключает в своей окружности семь холмов; церквей, и там и сям рассеянных, насчитывают свыше 2 тысяч. Все они — каменные; главы и колокольни либо вызолочены, либо раскрашены, что издали представляет приятную картину... Хотя большая часть строений там из дерева, однако снаружи они довольно красивы и попеременно с хоромами бояр представляют чудесный вид. Улицы широки и прямые; много обширных площадей; вымощены они толстыми, круглыми сплошными бревнами и укатываются санями, кои ездят по ним во множестве»¹.

Въезжая в Москву, иностранцы миновали несколько рядов городских укреплений, что также производило на них большое впечатление. «Сначала мы вступили чрез земляной вал и большой ров, окружающие город, — пишет архидиакон Павел Алеппский (побывал в Москве в свите патриарха Макария Антиохийского в 1654—1656), — потом въехали во вторую, каменную стену, которую соорудил дед теперешнего царя (Алексея Михайловича. — *С. III*.) Феодор (имеется в виду царь Федор Иванович. — *С. III*), коим насыпан также и земляной вал. Окружность вала 30 верст; он снабжен кругом деревянными башнями и воротами. Вторая же, каменная стена имеет в окружности семь верст. Затем мы вступили в толстую окружную стену, также из камня и кирпича, а потом в четвертую, называемую крепостью. Она совсем неприступна, с весьма глубоким рвом, по краям которого идут две стены и за которыми еще две стены с башнями и многочисленными бойницами. Эта крепость, составляющая дворец царя, имеет по окружности пять ворот; в каждом воротах несколько дверей из чистого железа, а посредине решетчатая железная дверь, которую поднимают и опускают посредством машин. Все бойницы в стенах этого города имеют наклон к земле, так чтобы можно было стрелять в землю, а потому никак нельзя ни скрыться под стенами, ни приблизиться к ней, ибо бойницы весьма многочисленны»².

¹ *Иностранцы о древней Москве*. С. 355.

² *Павел Алеппский*. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. Г. Муркокса. СПб., 1898. Ч. 3. С. 113—114.

Никольские ворота Китай-города. Фотография начала XX в.

Архидиакон въехал в Москву с восточной стороны, а чех Бернгард Таннер в 1678 г. — с северо-запада. Еще на последней перед городом остановке на реке Ходынке Таннер и его спутники наблюдали «золоченые башни, дворцы и прочее великолепие». Литовское посольство, в составе которого находился автор, торжественно двигалось по Тверской дороге:

«Мы миновали предместье Slobodow, имея пред собою столь разнообразное зрелище и сами служа предметом зрелища для многочисленной толпы, и подъехали к городским воротам, где был сильный караул и пушки. Часть эта называется Земляным городом. Проехав здесь опять длинную улицу, вымощенную круглыми, очень неудобными для езды в экипажах бревнами, мы достигли площади, где стояли солдаты и трубачи, приветствовавшие нас торжественною музыкой. Потом мы проехали в другую часть города, стены коей белы, почему она и зовется Белым городом. Ворота ее тоже были заняты вооруженным отрядом и пушками; по длинной и широкой ее улице расставлена была пехота, а на площади — конница, встретившая нас разными приветственными звуками.

Наконец подъехали к Китай-городу, укрепленному лучше прочих частей, на воротах коего на наш въезд глядел сам царь, а что-

бы лучше было видеть, посольству велено было остановиться на полчаса. Проехав этими воротами, мы достигли площади, которая вся была вымощена гладкими бревнами, где... встретили... отряд воинов с крылатыми драконами на пиках, впереди коего было шесть барабанщиков, кои били палками в огромные барабаны, удивительно ровно и согласно все двигая вокруг головы руками и раскачиваясь телом. Проехав площадь, мы повернули в улицу налево и на великолепном, построенном для иноземных послов подворье 17 мая положили желанный конец своему путешествию в 219 немецких миль»¹.

Таким образом, проехав через Красную площадь, Таннер и его спутники прибыли на Ильинку, где остановились на Посольском дворе, о котором будет более подробно рассказано далее.

«ПО УЛИЦЕ МОСТОВОЙ...»

Улицы средневековой Москвы по сравнению с узкими улочками западноевропейских городов казались иностранным наблюдателям очень просторными. Например, шведский военный агент Петр Петрей, побывавший в России в Смутное время, сообщает: «Везде большие и широкие улицы, так что могут ехать четыре телеги рядом. В дождик всюду бывает такая слякоть и грязь, что никому нельзя выйти без сапог, оттого-то большая часть их главных улиц имеют деревянную мостовую».

Ему вторит Стрейс: «Улицы в городе широкие, но не мощеные, как и во всей стране, вследствие чего после сильных дождей нельзя было бы перейти улицу, если бы московиты не настелили местами балок и не перебросили мосты через канавы». Англичанин Чарлз Карлейль, побывавший в Москве в 1663 г., напрямую связал ширину улиц с противопожарными мерами: «Улицы довольно широки, и местами, чтобы препятствовать силе огня, оставлены промежутки»².

Русские документы свидетельствуют, что для поддержания достаточной ширины улиц и надлежащего качества их мощения

¹ *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 48-49.

² *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей / Сост. А.А. Либерман. М., 1997. С. 161; *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 329; ЧОИДР. 1891. Т. 3. С. 160.

властям приходилось прикладывать значительные усилия. Вероятно, уже в правление Ивана III были выработаны общие представления о том, какой ширины должны достигать улицы. В 1508 г. великий князь направил в Новгород Василия Бобра «улиц мерити, болши старого учиниша: 4 сажени ширина; дворы велики давати людем, и ряды торговые переведе по своему обычаю, не яко преже было, а от стены не быти двором 40 сажень». Московский посланец не только по-новому измерил улицы, но и распланировал торговые ряды — отодвинув их от городской стены, вероятно опираясь на московский опыт. В 1531 г. московские дьяки вновь мерили новгородские улицы, в частности Великую улицу, по-видимому, также неспроста, а для дальнейшей перепланировки¹.

К сожалению, данные о регулировке ширины московских улиц в XV в. пока не обнаружены. Самое раннее свидетельство об этих мерах правительства относится к правлению царя Федора Ивановича. Указ от 12 мая 1626 г., изданный вскоре после очередного крупного пожара, информировал подданных, что остановить распространение огня не удалось «потому, что в те поры ветры были великие, да и потому, что улицы и переулки и тупики были перед прежним тесны, а прежде сего блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси для береженья от пожаров учинены были улицы большия в ширину по двенадцати сажен, а переулки по ш[ес]ти сажен, и от городовыя стены дворы ставлены были далеко». Поскольку «после Московского разорения тех улиц и переулков приняли много во дворы всякие люди и к городской стене поставили дворы близко, а у иных дворов меж города и проезду нет, поставили дворы до стены», все это, по справедливому выводу составителей указа 1626 г., стало одной из причин распространения огня на обширной территории Китай-города и Кремля².

Исправить это положение должны были окольный князь Г.К. Волконский и дьяк В. Волков, которым царь поручил «измерите и описати улицы большия, и переулки, и тупики, в государеву указную сажень» — какова была их ширина до пожара и царе Федоре Ивановиче — и представить проект расширения:

¹ Кушпир И.И. Градостроительство Новгорода во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 156.

² Переписные книги города Москвы. 1738—1742 гг. М., 1881. Т. 1. С. 3—4.

*А.П. Рябушкин. Московская улица XVII века в праздничный день.
1895 г.*

«Сколько ныне у дворов с обе стороны в прибавку к улице и к переулку земли отойдет против прежних мер». Эту работу чиновники провели довольно быстро — уже 21 мая великие государи патриарх Филарет Никитич и царь Михаил Федорович по их докладу вынесли решение: расширить большие улицы до 6,5 сажени, малые — до пяти сажений, переулки — до 4 сажений и восстановить проезды у городских стен шириной до 2,3 сажени. Как видим, по сравнению с досмутным временем властям пришлось сильно ужать проезжие территории.

Однако и эти требования не были реализованы в полной мере. Щадя каменную застройку, государи указали: в случае если каменные строения занимают уличное пространство, такие строения не трогать, а «впускать в улицу», а расширять проезжую часть за счет противоположной стороны; если же палаты стоят с обеих сторон, оставить «по-прежнему»¹.

В Кремле были расширены 29 улиц и переулков и восстановлен переулоч, ведущий к храму Рождества Богородицы, «позади Николы Гостунского», захваченный князем Ф.И. Мстиславским под конюшню. В Китай-городе расширить Никольскую улицу у Кремля помешали «столбы и стены каменные»; в результате в этом месте улица сохранила ширину в 5 сажений. По этой же причине была оставлена прежняя ширина в начале Ильинки. Основную же

¹ *Переписные книги города Москвы. С. 4—5.*

часть Никольской и Ильинки, а также Варварку, где стояли деревянные строения, удалось расширить до «указных» 6,5 сажени¹.

После пожара, охватившего в апреле 1629 г. почти весь Белый город, аналогичные меры со ссылкой на указ царя Федора Ивановича были осуществлены в западной (от Тверской до Чертольи) части Москвы. Занимались измерением улиц и их дальнейшей перепланировкой окольных Л.И. Долматов-Карпов и дяк И. Грязев. Сложность заключалась в том, что царь указал беречь «целые (уцелевшие от пожара. — С. III.) дворы». В результате и улицы, и переулки на западе Белого города получили различную ширину: Чертольская улица в начале была шириной в 5 сажений, у ворот Белого города — семь, а в середине — от шести до девяти; Знаменская расширена до 4 сажений, «а где было до пожара больше того, и тут указали быть по-прежнему»; Арбат (Воздвиженка) был в узких местах расширен до 5,5 сажени, с оставлением «по прежнему» мест, шириной превышающих «указную»; ширина Никитской улицы также составляла теперь 5,5 сажени, «а где было до пожара семи или шти сажени, тут быти по прежнему»; Тверская была раздвинута до 6,5 сажени, кроме оставшихся неизменными более широких мест. Переулки были расширены до 2,5—3 сажений, часть старых переулков и проездов была восстановлена, проезды между городской стеной и жилой застройкой увеличены до 3 сажений².

Проанализировав эти мероприятия, С. К. Богоявленский писал: «Из указа можно установить, что границы дворов шли по улице не прямыми, а ломаными линиями, один двор выступал вперед, другой отступал назад, третий стоял боком и одним углом далеко выдавался в улицу... Новая планировка 1629 года, выпрямляя в большинстве случаев линии дворов, иногда достигала противоположного результата. Именно, в тех случаях, когда на улице попадался уцелевший от пожара двор, тогда улица расширялась только за счет противолежащего погоревшего двора, который, таким образом, отступал за общую линию улицы, тогда как уцелевший двор более или менее выдвигался вперед сравнительно со своими соседями».

¹ *Переписные книги города Москвы*. С. 8—10; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 86—88.

² Из истории Москвы (Опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.) // Красный архив. 1940. № 4. С. 198—228; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 89—90.

Хаотичная застройка создавала много проблем при стандартизации ширины улиц. Мероприятия по расширению проезжей части, проводившиеся после крупных пожаров, давали лишь частичные результаты из-за стремления сохранить каменные дома, а иногда и деревянную застройку, уцелевшую от пожара.

Иностранные путешественники обращали внимание на деревянное мощение московских улиц. «На улицах, вместо мостовых лежат обтесанные деревянные сосновые бревна, одно подле другого», — пишет Флетчер. «Улицы вымощены не камнем, а деревянными бревнами или колыями, положенными в один непрерывный ряд, постоянно, впрочем, покрытыми грязью или толстым слоем пыли, и бывают довольно гладки только зимою, когда снег и лед сровняют всё», — сообщает Рейтенфельс¹.

Результаты археологических раскопок свидетельствуют, что первые деревянные мостовые появились в Москве еще в XII в. Они были обнаружены во время раскопок в Кремле в 1963—1965 гг. На Тверской были найдены четыре яруса мостовых, относящихся к XIV в., у Кутафьей башни — девять ярусов. При археологических работах, проводившихся на Ильинке в 1995—1998 гг., обнаружены 23 яруса мостовых — больше, чем где бы то ни было в Москве. Самые ранние ярусы имеют ширину 4,5 м, позднее она сократилась до 4 м (встречались и отдельные поперечные плахи длиной 3,2 м). Мостовые состояли из двух (позднее — трех) продольных лаг, на которые укладывались плахи из бревен, расколотых вдоль. Подкладки под лаги и края плах встречаются крайне редко, а подрубки или пазы, которые должны были служить для лучшего соединения деревянных конструкций, и вовсе не были обнаружены. В этом отношении московские мостовые заметно уступали новгородским, на которых пазы присутствуют всегда. По сторонам мостовой существовало открытое пространство, которое иногда занимали заборы городских усадеб. Вероятно, усадьбы то подступали к улице, то отступали от нее после принятия правительственных мер по регулировке застройки².

¹ Флетчер Д. Указ. соч. С. 31; Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 304.

² Векслер А.Г., Кондрашев Л.В., Лагутин А.Б. Древние мостовые у начала улицы Ильинки в Москве: предварительные итоги исследования // Труды Музея истории города Москвы (далее — ТМИГМ). Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. С. 8—11; Век-

Деревянные мостовые изображены на планах Москвы конца XVI—XVII в. «Сигизмундов план» (1610) показывает деревянную мостовую даже на удаленной от центра Ордынке, план М. Мериана (1638) — на Таганной улице в Заяузье. Переписи Москвы XVII столетия свидетельствуют, что мостовые укладывались только на главных, «больших» улицах, которые соответственно именовались «большими мостовыми улицами». Именно в это время в русском обиходе появляется слово «мостовая», и тогда же возникает популярная народная песня:

По улице мостовой,
По широкой столбовой,
Шла девица за водой,
За ней парень молодой...

Слова песни отражают и другие реалии средневекового города:

Ах ты, парень, паренек,
Твой глупенький разумок!
Не кричи во весь народ:
Мой батюшка у ворот,
Зовет меня в огород,
Чесноку, луку полоть,
Маку сеяного,
Луку зеленого.

Все это — и парадные ворота, и огород с луком и чесноком — являлось неперменным элементом московской городской усадьбы в Средневековье.

Деревянными были и набережные. Раскрытая во время археологических работ набережная Неглинной в районе Троицкой башни представляла собой частокол из вертикально врытых бревен. Красный пруд имел набережную из вертикальных брусьев, скрепленных поверху горизонтальным. Уже в XV в. появляются деревянные сооружения — трубы, подземные водостоки. Первоначально воду отводили в реку, но после строительства стен Китай-города это стало невозможным. С первой трети XVI столетия в Китай-городе рыли колодцы, доходившие до песчаного слоя и поглощавшие сточные воды, а к ним вела система деревянных труб. К кон-

слер А.Г. Новые археологические данные о преградии Московского Кремля // Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремль России» (Москва, 23—26 ноября 1999 г.) [//www.rusarch.ru/vekslerl.htm](http://www.rusarch.ru/vekslerl.htm).

План Москвы М. Мериана. 1638 г.

А.М. Васнецов. Земский приказ на Красной площади. 1922 г.

цу XVII в. строительство водоотводных сооружений становится общепринятой практикой.

Мощением улиц занимался Земский приказ, собирая с дворов «мостовые деньги». По всей видимости, такая практика окончательно сложилась в XVII в., поскольку ранее обязанность мостить улицы лежала на самих дворовладельцах. Так, в 1585 г. Троицкий Болдин монастырь должен был «мостить на Покровской улице мост с московского двора» (то есть напротив своего подворья), для чего было куплено 50 двухсаженных бревен и уплачено за работу плотникам, а всего израсходовано 32 алтына. Чудов монастырь в апреле 1586 г. для мощения своего участка (6 саженей) в Кремле приобрел 100 бревен, 30 сосновых досок и 100 гвоздей «больших» — общий расход обители по этой статье составил 7 рублей 2 гривны и 16 алтын. Как видим, в Кремле мостовые делались более тщательно, чем на посаде, — поверх бревен клали доски и прибивали их гвоздями¹.

¹ *Бахрушин С.В.* Новые источники по истории Москвы. Приходно-расходные книги монастырей // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 49; Хо-

С начала XVII в. встречается замена натуральной повинности деньгами. В 1607 г. Иосифо-Волоколамский монастырь заплатил в казну 2 рубля за 2,5 сажени мостовой на Ильинке напротив его московского подворья¹. При Петре I взимали мостовые деньги даже со дворов, расположенных за пределами Земляного города. В 1720—1725 гг. за границами Земляного города собирали по 6—10 денег с одной сажени по двум сторонам двора («поперечнику» и «длиннику»). Размер «мостовых денег» в Кремле, Китай-городе и Белом городе был в несколько раз выше — от одной до четырех гривен с сажени, к которым добавляли еще и «решеточные деньги». Впрочем, и мостовых за Земляным городом практически не было. Правда, сохранились документы о мощении улиц в 1700—1702 гг. в отдельных слободах, например в Иноземной (Ново-Немецкой)².

Активное мощение улиц проводилось Земским приказом (ведомством управления Москвы) на протяжении всего XVII столетия. Царь Михаил Федорович указал мостить улицы в Земляном городе, за Сретенскими и Покровскими воротами, взимая деньги с расположенных там лавок. Спустя несколько лет мостовые были уже и в Заяузье. О масштабах работ по мощению улиц свидетельствует «Роспись, что мостится из Земского Приказу мостов из сборных денег», относящаяся к 1645—1648 гг.:

«В Китае-городе мостят Земскаго двора от мосту, которой мост от Спасских ворот (Москворецких) Плоучего мосту до Фроловских ворот 139 саж. Да от Ильинскаго мосту мощено, против новаго овощнаго ряду, через грязь, 8 саж.; да от Неглиненских от обоих ворот мимо Отдаточнаго двора 29 саж.

В Белом каменном городе от двора боярина князя Бориса Александровича Репнина до богаделен 57¹/₂ саж.; от Боровицкаго мосту до двора князя Михаила Пронскаго 7 саж.; да на Чертольском же мосту горелое место мощено 18 саж., да от Неглиненских ворот через Неглинну на клетках до Мушного ряду в две ряды 70 саж., а от Мушного ряду до Житной решетки в один ряд 25 саж.; да через Неглинну к Пушечному двору на клетках 40 саж.

зайтвенные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подгот. текста С.Н. Богатырева. М., 1996. С. 98—99.

¹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 50.

² Из актов собрания Н.Ф. Самарина // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Смесь. С. 1—3; Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 176—320.

За Белым за каменным городом, за Чертольскими вороты, от ворот съезду 8 саж., да через ручей 8 саж. Да за Арбатскими вороты, от ворот съезду 17 саж. За Тверскими вороты, от ворот 377 саж., да через грязь $9\frac{1}{2}$ саж.; да за Стретенскими вороты от ворот 159 саж.; да за Фроловскими вороты через ров 12 саж. За Покровскими вороты, от ворот до ц[еркви] Иоанна Предтечи 360 саж. За Яузскими вороты, от Яузскаго моста к Таганным воротам, мощено в трех местах 184 саж.; да за Таганными воротами через ров 10 саж.

Всего мостится мостов, опричь рундуков и дву труб, 1793 $\frac{1}{2}$ саж. да байдашными досками побивается 313 $\frac{3}{8}$ сажень».

Общая площадь замощенной территории, по подсчетам П.В. Сытина, составила 33 гектара. В 1650 г. было указано замостить 128 саженьей за Москворецким мостом — на Болоте и у Серпуховских ворот¹. Из описания Таннера известно, что Красная площадь целиком была замощена бревнами. С 1705 г. площади и улицы Кремля, а также основные радиальные улицы начали мостить камнем.

НОЧЬ НА МОСКОВСКОЙ УЛИЦЕ

Характерной особенностью московских улиц были решетки, представлявшие из себя несколько бревен, которыми они перегородивались на ночь. При решетках существовал караул во главе с решеточным приказчиком. Эта мера, служившая для охраны порядка и предупреждения преступлений, была введена еще Иваном III в 1504 г.²

Одним из первых сообщает о решетках Герберштейн: «В некоторых местах улицы запираются положенными поперек бревнами и при первом появлении сумерек так стерегутся приставленными сторожами, что ночью после определенного часа там ни для кого нет проходу. Если же кто после этого времени будет пойман [сторожами], то его или бьют и обируют, или бросают в тюрьму [если только это не будет человек известный и именитый: таких людей сторожа обычно провожают к их домам]»³.

¹ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 92, 105-106.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 258.

³ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 133.

А.М. Васнецов. Уличная решетка. Ночь

Именитого человека отличали от уличной рвани по фонарю или факелу, который несли слуги. Об этом сообщает итальянец Павел Иовий, сам в Москве не бывавший, но писавший о ней со слов посла Дмитрия Герасимова, отправленного Василием III к папе Клименту VII: «Караульную же стражу несет верное городское население; ибо всякий квартал города заграждается воротами и рогатками и ночью не позволено просто так бродить по городу или не иметь при себе светильника». Венецианец Марк Фоскарино, посетивший Москву в 1557 г., пишет: «На каждой улице имеются свои ворота и рогатки, так что ночью нельзя ходить по городу, не имея при себе светильников»¹.

Ему вторит поляк Самуил Маскевич, участник событий Смуты: «Боярин, выезжая из дому, садится в сани, запряженные в одну рослую, по большей части белую лошадь с сороком соболей на хомуте. Правит ею конюх, сидя верхом, без седла. Сани вы-

¹ *Россия* в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., вступ. ст., примеч. и указ. О.Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 288; *Иностранцы о древней Москве*. С. 55.

стилаются внутри медведем, у богатых белым, у других черным. О коврах не спрашивай. Санные передки обыкновенно делаются для защиты от грязи и так высоки, что из саней едва можно видеть голову конюха, сидящего на лошади. Множество слуг и рабов провожают боярина: одни стоят на передках, другие посередине, боком к нему, а некоторые сзади, прицепившись к саням. Ночью же или по захождению солнца челядинец, стоящий впереди, держит большой фонарь с горящею свечою, не столько для освещения дороги, сколько для личной безопасности: там каждый едущий или идущий ночью без огня считается или вором, или лазутчиком. Посему и знатные, и незнатные во избежание беды должны ездить и ходить с фонарем; а кто попадется в лапы дозора без огня, того немедленно отправляют в крепость, в тюрьму, откуда редкий выходит»¹.

Требование передвигаться ночью с фонарем или светильником вовсе не было блажью. Честному человеку нечего было опасаться ночной стражи, а вот тать предпочитал скрываться, поскольку караул смотрел также на одежду и имел право допрашивать: кто идет и куда? Состоял этот ночной дозор из местных жителей, которых было трудно провести. Припозднившихся горожан, доказавших свою благонадежность, караульщики должны были передавать от одной решетки к другой — «расспроси провожать до тех мест, куда едет или идет».

Уличные решетки довольно часто упоминались в документах XVII в. и попали в названия некоторых церквей. Например, церковь Николы на Берсеневке именовалась «за Берсеневою решеткою», церковь Иоанна Милостивого на Арбате в 1690 г. названа «в Кисловке у решетки», к названию церкви Космы и Дамиана в Шубине прибавлялось: «...за золотой решеткой». В 1632 г. на всех улицах Кисловской слободы между Никитской и Воздвиженкой были установлены решетки, в свою очередь получившие названия по монастырям или храмам. Так, решетка, перегораживавшая улицу, которая вела к Воздвиженскому монастырю, именовалась Здвиженской; Никитская стояла возле Никитского монастыря, Ивановская — у церкви Иоанна Милостивого².

Организацией решеточной стражи занимались объезжие головы — им предписывалось «по улицам расписать решеточных

¹ Маскевич С. Указ. соч. С. 54—55.

² Сорокин В.В. Белый город. М., 2009. С. 83.

Н. Матвеев. На страже. 1895 г.

приказчиков и уличных сторожей, а кто именно у них будут десятские, составить роспись и отдать в Земской приказ». В сторожа брали по человеку с десяти мелких дворов или с одного большого. На устройство заграждений и содержание сторожей Земского приказа дворовладельцы платили «решеточные деньги».

Караул должен был наблюдать, чтобы «в улицах и в переулках бою и грабежу, и корчмы, и табаку, и никакого воровства, и блядни не было... чтоб воры нигде не зажгли, и огня на хоромы не кинули, и у заборов с улицы ни у кого ни с чем огня не подложили». Те же задачи стояли и перед дневными охранниками — сторожами и десятскими Земского приказа. Им пред-

присывалось уделять особое внимание соблюдению мер противопожарной безопасности¹.

Сторожа были вооружены рогатинами, топорами и водоливными трубами. Ночная караульная служба была «замочная» и «кровельная»: одни охраняли запертую на замок решетку, всматриваясь в тьму ночной улицы, другие с крыши следили, не появится ли где огонь, нет ли какого беспорядка во дворах, не крадется ли ночной вор. Сторожа перестукивались, подавая друг другу сигналы, и, чтобы не уснуть, пели песни. Посланник А. Мейерберг пишет, что сторожа «каждую ночь, узнавая время по бою часов, столько же раз, как и часы, колотят в сточные желоба на крышах или в доски, чтобы стук этот давал знать об их бдительности шатающимся по ночам негодьям и они из боязни быть схваченными отстали бы от злодейского дела, за которое принялись».

Австрийский дипломат имел возможность лично убедиться в бдительности русской стражи. Посольский двор и днем и ночью охраняли сорок стрельцов: «Один из часовых, по распределению мест, должен был стоять на карауле под окошками моей спальни. В летние ночи он не давал мне спать диким пением либо нелепыми играми с сослуживцами. А зимою, чтобы согреться, бил в ладоши и скакал, притоптывая ногами»².

Объезжие головы, десятские и решеточные приказчики должны были наблюдать за тем, чтобы сторожа «не спали и не бражничали и ни за каким воровством не ходили». Проверки караулов осуществлялись регулярно. В июле 1674 г. во время такой проверки объезжий голова не застал сторожа у запертой решетки. Наконец после долгих призывов тот появился. Сторожа взяли на съезжий двор и подвергли битью батогами, обвинив в более серьезном проступке, чем сон на посту, — объезжий голова заподозрил, что тот, заметив приближение проверяющего, бросился будить караульных по всей улице.

Сторожевая повинность была населению в тягость, и ее стремились избежать. Мелкие торговцы Ветошного ряда, уклонявшиеся от обязанности нести караул у своих лавок, оправдывались: «Лавок у нас малое число, а иные лавки пустые». Из Соляного

¹ ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 164-166.

² *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс / Сост. А.А. Либерман. М., 1997. С. 96—97.

ряда как-то не присылали ни десятских, ни караульчиков целое лето. Кстати, саму караульную службу горожане несли весной, летом и ранней осенью; зимой «лихим людям» должна была противостоять сама природа.

Решетки были единственным действенным средством от ночных грабителей. Тем не менее С.К. Богоявленский констатирует: «Нельзя сказать, чтобы объезжие головы, решеточные приказчики и сторожа всегда были на высоте призвания. Нередко жители терпели от них больше, чем от воров: то решеточный приказчик окажется руководителем шайки ночных грабителей, то стрелец убил и ограбил мирного жителя»¹. Слабую эффективность общественной организации охраны порядка заметило наконец и правительство, и к концу XVII в. сторожевая повинность посадских людей была постепенно заменена денежным налогом.

На крестце

Перекрестки улиц, именовавшиеся в средневековой Москве крестцами, были центрами деловой и общественной жизни: здесь ставились храмы, часовни, кресты, стояли торговые лавки или «шалашы», толпился народ, ожидали седоков извозчики, просили подаяние нищие... Художественную реконструкцию крестца сделал А.М. Васнецов (1902). В очерке «Облик старой Москвы» художник дает литературное описание к картине «На крестце в Китай-городе»:

«В Китай-городе — кружала и харчевни, погреб в Гостином дворе с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных кувшинах и кружках... Здесь же, на крестцах неожиданно раздававшийся вопль и причитание о покойнике говорили о том, что родственники узнали в выставленном божедоми покойнике своего родственника... Здесь же зазывали прохожих в кружала и притоны словоохотливые веселые женщины с бирюзовыми колечками во рту («знак продажности бабенок», — по объяснению иностранца-дипломата того времени. — *Примеч. А.М. Вас-*

¹ Шереметевский В.В. Темное царство: Черты из жизни Московского Китай-города в XVII в. // Русская старина. 1909. № 140. С. 61, 62; Кудряшов К.В., Яновский А.М. Москва в далеком прошлом: Очерки городской жизни, быта и нравов Москвы XVI—XVII вв. М., 2010. С. 227—230; Богоявленский С.К. Управление Москвой в XVI—XVII вв. С. 430.

А.М. Васнецов. На крестце в Китай-городе. 1902 г.

нецова). Слышен был плач детей-подкидышей, вынесенных сюда в корзинах все теми же божедами, собирающими добровольные приношения на их пропитание... Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домрами... Раздастся оглушительный перезвон колоколов на низкой деревянной колокольне на столбах... Склоняются головы и спины перед проносимой чтимой чудотворной иконой... Разольется захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников... Гремят цепи выведенных сюда для сбора подаяния колодников... Крик юродивого, песня калик перехожих... Смерть, любовь, рождение, стоны и смех, драма и комедия — все завязалось неразрывным непонятным узлом и живет вместе как проявление своеобразного уклада средневекового народного города»¹.

Не менее любопытную картину представил историк Москвы И.М. Снегирев:

¹ *Васнецов А.М. Облик старой Москвы // Москва в творчестве А.М. Васнецова: Сб. / Сост. Е.К. Васнецова; науч. ред. А.Г. Векслер. М., 1986. С. 119-120.*

«На московских крестцах, особенно в Китай-городе, стояли часовни от разных церквей, монастырей и пустынь; туда прихаживали крестцовые попы служить молебны требовавшим... Крестцы были свидетелями разных событий, удобным и любимым у народа местом сходбища, пристанищем мелкой торговли предметами, необходимыми для удовлетворения насущных потребностей жизни. На них теснились стрелецкие подлавки, шалаши, рундуки, скамьи и веки мелочных торговцев с разными товарами, между прочим, рукописными и печатными книгами; также выставлялись бочки, кади с квасом и выносные очаги, на которых блинники пекли блины, лепешки и оладьи... Там объявлялись и царские указы, кликали клич, т. е. объявляли о каком-то распоряжении правительства, вызывали военных людей к походу или желающих смотреть разные казни в Преображенском, как это было при Петре I.

На перекрестках обыкновенно стекались отовсюду нищие, лежачки, калеки, юродивые, певцы Лазаря и Алексия Божия человека; с чашкой в руке они просили встречных и поперечных. Там можно было увидеть полуобнаженный смердящий труп и подле него открытый гроб, в который прохожие клали деньги на свечи и на ладан, куски холстины и саваны. Это безродный тюремный сиделец, умерший от истомы в душной и мрачной тюрьме или замученный пытками в застенке; он переходит из рук палачей в руки божедома, который собирал деньги на погребение...

Тогда еще не было Воспитательного дома, и сторож Убогого дома содержал подкидышей мирским подаванием... На городском распутии, среди плача и писка безродных малюток, раздавался унылый речитатив божедома, обличительный для утаивших себя родителей: «К-ин сын, батька, к-на дочь, матка, подайте своему дитятке!» Такое разнообразное зрелище представляли крестцы на Москве до самого XVIII века. Собравшаяся там толпа народа бесечно толковала о разных делах; но вдруг слышался голос: «Языков ведут!» При этом возгласе никем не гонимые, с перекрестка все разбегались в разные стороны, кто куда попало. Что это за страшные языки? спросят ныне. Почти до конца XVIII века языками назывались колодники из Разбойного или Сыскаго приказа, из Черной палаты, которых водили по городу скованных, с полужакрытым лицом, впрочем, так, чтобы они могли смотреть и говорить, водили для отыскания участников в их преступлениях... Нередко по затаенной злобе на кого-нибудь либо по науще-

нию подъячих языки опутывали невинных. Лишь только на кого закричат они роковое «слово и дело», тотчас хватают его к допросу и розыску в застенок...»¹

Сохранились любопытные свидетельства о количестве нищих, промышлявших на московских крестцах. Так, в 1672 г. на похоронах патриарха Иоасафа II было роздано милостыни на 760 рублей 26 алтын и 4 деньги, при этом «по мостам да по крестцам» раздали 8 рублей. Обычно при таких раздачах давали по 4—6 денег на человека; следовательно, по мостам и крестцам было облагоустроено от 266 до 400 нищих!²

И.Е. Забелин писал, что крестцами именовались не только собственно перекрестки, но «даже и целые улицы, на которых сходились из одной в другую многие переулки»: Никольская, Ильинка, Варварка, «прорезанные целою сетью перекрестных переулков, составлявших в этих улицах сплошные крестцы»³. Скрещение нескольких улиц в Китай-городе дало, в частности, наименование храму Иоанна Предтечи, «что на Пяти улицах», располагавшемуся на левой стороне Варварки. Другие Китайгородские храмы именовались «на Ильинском крестце», «у Варварского крестца» и т. д.

Самым известным из Китайгородских крестцов был Никольский, изображенный на картине А.М. Васнецова. Здесь находился знаменитый Большой Крест, у которого происходили клятвы при судебных разбирательствах. От наименования этого креста даже древнейший Никольский монастырь (Николы Старого или Николо-Греческий) именовался также «Никола у Большого Креста»⁴ или «Никольский монастырь на Никольском крестце». Общемосковское значение Большого Креста на Никольской было официально закреплено указом царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета от 20 мая 1625 г., предписывавшим: «...у крестного целования у Николы Старого целовати крест, который крест будет написан с Роспятием и с Деянием, а крестов медных не носить и

¹ *Снегирев И.М.* Москва: подробное историческое и археологическое описание города. М., 1875. Ч. 1. С. 187—189.

² *Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы по определению Московской городской думы, собранные и изданные И.Е. Забелиным (далее — Материалы...):* В 2 ч. М., 1891. Ч. 1. Стб. 1058—1059.

³ *Забелин И.Е.* История города Москвы. С. 630.

⁴ *Снегирев И.М.* Указ. соч. Ч. 1. С. 190; *Романюк С.К.* Москва. Китайгород. С. 50—54.

меденых крестов не целовати...»¹ Само сочетание Креста и крестца, перекрестка имеет глубокий смысл. Скрещения дорог почитались еще в языческие времена (вспомним вещей «горюч камень» русских былин), а с началом христианской эпохи на них ставились кресты для молитв перед началом нового пути. Интересно, что Никольских крестцов в Москве было два — второй находился в Кремле, на перекрестке Никольской и Чудовской улиц.

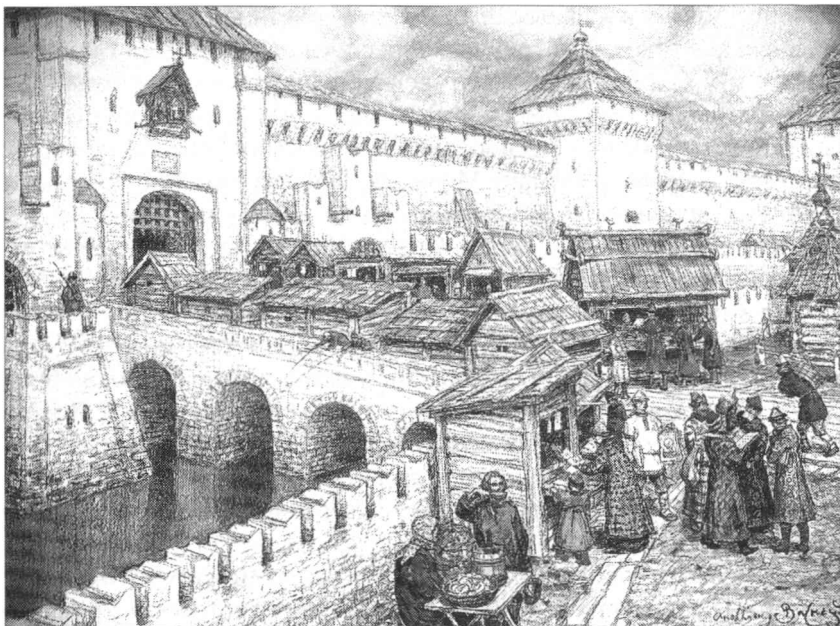
Не менее знаменит был и Спасский крестец, находившийся перед Спасскими (Фроловскими) воротами Кремля. Собственно, на самом деле это был не крестец, а, скорее, образованная торговыми рядами и соседними строениями небольшая площадь перед Спасским мостом, переброшенным от одноименных ворот через Алеизов ров, проходивший под Кремлевской стеной. Жизнь Спасского крестца подробно описана И.Е. Забелиным в «Истории города Москвы». Приведем выдержки из его сочинения, наиболее полно отражающего все своеобразие этого культурного центра средневековой Москвы:

«Спасский мост... отличался от Никольского тем, что, в силу большого торгового движения вблизи него, он был застроен по сторонам небольшими торговыми лавками, в которых главным товаром была грамотность, т. е. рукописные, а потом печатные книги и тетради, а также и лубочные картины и фряжские листы (иноземные гравированные эстампы) и т. п. В том отношении Спасский мост представлял в древней Москве средоточие все-народных потребностей именно в той грамотности, если не просвещении, какая в то время господствовала во всем составе народного знания или образования...

Главными производителями этой литературы, по всему видно, были низший разряд церковников, отставленные священники, дьяконы, пономари, монахи, даже вообще грамотные люди из простонародья, которые во множестве толпились на площади у Спасского моста как особый отряд общей великой толпы, заполнявшей всю Красную площадь походячею торговлею.

В XVII ст. на Спасском крестце собирались безместные попы (наймиты), нанимавшиеся отправлять церковные службы в домовых и приходских церквях. От этого крестца они так и прозывались крестцовскими попами и по случаям требования тор-

¹ *Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией* (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 3. С. 94.

А.М. Васнецов. Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке.
1916 г.

говали божественною литургиею, как выразился про них первый из патриархов Иов.

Но об этом самом крестце упоминает уже известный Стоглав, или Стоглавый собор 1551 г. ...В 69 главе своих установлений он свидетельствует, что «в царствующем граде Москве в митрополичьем дворе исконивечная тиунская пошлина ведется глаголема Крестец, не ведем како уставися кроме священных правил. Изо всех городов Русской митрополии архимандриты, игумены, протопопы, священноиноки, священники и дьяконы, приедет [кто] по своей воле, за своими делами, иные за поруками и приставами в боях и грабежах и в прочих различных делах, — да живучи на Москве, сходятся на Крестце, на торгу, на Ильинской улице да наймутся у московских священников по многим святым церквам обедни служить; да о том митрополичу тиуну являются и знамя (письменный документ. — *С. III.*) у него емлют одни на месяц, иные на два, другие же множае и пошлину ему от того дают на месяц по 10 денег, иные по два алтына. А которые не доложат тиуну начнуть служить, и он на них емлет промыты (штраф. — *С. III.*)

по два рубля, а о том не обыскивает, есть ли у них ставленные и отпускные грамоты и благословенный». Собор установил без явки таких грамот не давать разрешения служить обедни по найму, а тем, кто придет в Москву тягаться по суду, или попавшим под суд, если и грамоты представят, совсем не давать разрешения».

Священники и дьяконы собирались на Спасском крестце, поскольку там располагалась Тиунская изба — орган, «заведывавший порядками поповского управления и собиравший упомянутые, как и другие различные и крестцовские пошлыны с церковников в доход патриаршаго дома». Это собрание сильно раздражало ревнителей благочестия, и патриарху не раз поступали жалобы на безместных попов, которые «безчинства чинят великия, меж себя бранятся и укоризны чинят скаредныя и смехотворный, а иные меж себя играют и борются и в кулачки бьются; а которые наймуются обедни служить, и они с своею братьею, с которыми бранились, не простясь, божественную литургию служат».

На протяжении XVII в. духовные власти тщетно пытались привести шумную братию к порядку и добиться того, чтобы попы «стояли б у правила со страхом Божиим и смехословия никакого и безчинства у них бы не было; а служить им наймоватися с патриаршаго указу...». В 1722 г. Синод намеревался ликвидировать это собрание, но ввиду большого спроса на совершение различных обрядов в домашних храмах и часовнях крестцовские попы и дьяконы никак не исчезали от Спасских ворот. Ситуация не изменилась и во второй половине XVIII столетия. Красочную картину «неблагоповедения» крестцовских попов и дьяконов изобразил в 1768 г. московский архиепископ Амвросий: «В Москве праздных священников и прочего церковного причта людей премногое число шатается, которые к крайнему соблазну, стоя на Спасском крестце для найму к служению по церквам, великия делают безобразия, производят между собою торг и при убавке друг перед другом цены вместо подлежащего священнику благоговения проносят с великою враждою сквернословную брань, иногда же делают и драку. А после служения, не имея собственного дому и пристанища, остальное время или по казенным питейным домам и харчевням провождают или же, напившись допьяна, по улицам безобразно скитаются».

Это заключение привело Амвросия к окончательному решению ликвидировать неблагочестивое сборище, что произошло уже после его трагической гибели во время Чумного бунта в 1771 г.

«Так как народное возмущение началось и сильно распространялось по поводу молебнов у Варварских ворот пред иконою Боголюбской Божией Матери, а главное, по поводу собираемых за молебны денег, то по связи всех обстоятельств невозможно избежать предположения, что в распространении возмущения и ненависти против архипастыря участвовал и разоренный им Спасский крестец», — заключает И.Е. Забелин¹.

«Размеря против наказу...»

В Средние века церковное и частное землевладение как в городах, так и за их пределами существенно уступало царскому. Вотчина — частное владение землей, находящейся в сельскохозяйственном обороте, — не сильно отличалась от поместья — условного владения (при условии и на срок службы). Их хозяева были обязаны нести государеву службу, выступать в поход «конно, людно и оружно». Разница между вотчиной и поместьем состояла в том, что первую можно было продавать, завещать, давать в монастыри, закладывать, а второе — нет.

В городах ситуация была несколько иной. Дворы служилых людей «по отчеству» (бояр и дворян) были освобождены от налогов (тягла), но с них платились подати на городские нужды — «мостовые» и «решеточные деньги». В таком же положении находились и церковные владения. И те и другие могли быть куплены, получены в наследство или в дар либо даны верховной властью. Служилые получали от царя за службу дворы, дворовые места и «огородную» землю. Такие «дачи» регламентировались согласно чину служилого человека. По ходу карьерного роста служилый человек мог несколько раз сменить место жительства, подавая челобитные о выделении ему более обширных дворовладений. Царь жаловал городские земли церковным иерархам и монастырям (последние чаще всего получали участки для строительства подворий), раздавал под дворы белому, приходскому духовенству. Эти владения были «обелены» — освобождены от тягла, а их владельцы назывались «беломестцами».

¹ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 629—637; *По Москве: прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям* / Под ред. Н.А. Гейнике, Н.С. Елагина, Е.А. Ефимовой, И.И. Шитца. М., 1917. С. 190.

Стрельцы. Гравюра XIX в.

Другим типом белых земель были слободские. На них выделялись участки под дворы служилым людям «по прибору» или ремесленникам дворцовых слобод, «размеря против наказу». Хозяева таких дворов пользовались ими, пока несли государеву службу (стрельцы, пушкари) или трудились в мастерских «на царев обиход». До 1649 г. существовали также белые слободы, в которых земля принадлежала духовным властям и боярам.

Жители черных слобод могли свободно заниматься торговлей и ремеслами, но несли тягло — платили поземельный налог. К тяглу прибавлялись городские повинности и выплаты, общие для всех дворовладельцев: сборы на мощение улиц и содержание ре-

шеток, сторожевая служба, поддержание улиц в чистоте. Сборник правил, советов и наставлений XVI в. Домострой советовал дворовладельцу «дани и пошлыны, и всякого оброку, и всяких даней и всяких государских податей на себе не задерживати, копити не вдруг, а платити ранее до сроку»¹. В случае неуплаты горожанин рисковал попасть в тюрьму «на праваж» — его истязали до тех пор, пока он не каким-нибудь образом не находил деньги.

После Смутного времени в Москве образовалось значительное количество опустевших территорий, которые правительство щедро раздавало служилым людям и ремесленникам дворцовых слобод. Однако к 1620 г. большинство земель в пределах Белого и в значительной части Земляного города были розданы. Тогда служилые люди начали приобретать черные земли и «по стачке» с «тяглыми людьми» превращать эти дворы в белые. В результате черные слободы запустевали, недоимки росли, а доходы казны снижались. В 1621 г. появился царский указ: «...тяглых дворов и дворовых мест беломестцам не продать, и не заложить, и по душе, и в приданое никому не отдать». Продажа и передача дворов в черных слободах могла осуществляться только между их жителями. Но москвичи игнорировали этот запрет. В 1639 г. правительство его подтвердило, а в 1649 он был закреплен в Соборном уложении, однако и после этого нарушался, что вызвало новый его повтор в указе 1660 г. В 1686 г. новый указ несколько смягчил прежние требования — беломестцам было разрешено покупать дворы в черных слободах при условии, что они будут платить с него налог в тех же размерах. Как можно видеть, весь XVII в. Москвичи стремились облегчить себе жизнь, избавившись от тягла (не случайна его связь со словом «тяжесть»), пусть даже при помощи не вполне законных операций с недвижимостью в сговоре с более удачливыми беломестцами².

Само существование белых слобод вызывало недобрые чувства у жителей тяглых, черных слобод. «Заложившись» за патриарха, епископа, «честную обитель» или «сильного человека», сосед не платил городской налог, а вел такой же промысел и

¹ *Домострой* / Подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб., 2001. С. 127.

² *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 84; *Дутлова Е.Ю., Никонов П.Н.* Земля города Москвы в контексте отечественной и мировой истории: Очерки истории межевания, кадастрового учета и градостроительства. М., 2007. С. 88—89.

мастерил такую же продукцию. «Где же справедливость?» — вопрошал обитатель тяглого двора. Негодование жителей черных слобод вылилось на улицы во время московского восстания 1648 г. (Соляного бунта), и правительство было вынуждено прислушаться к гласу народа. Первая же статья девятнадцатой главы Соборного уложения гласила: «Который слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырский и бояр и околничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служеб не служат, и те все слободы со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно... А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть»¹.

Белые слободы церковных иерархов, монастырей и бояр были ликвидированы, но само белое землевладение сохранилось. По-прежнему оставалась актуальной и проблема проникновения беломестцев в черные слободы.

При распределении самих белых земель правительство стремилось следовать определенным нормативам, ставившим размеры выделяемого земельного участка в прямую зависимость от служебного положения его владельца. В 1643 г. служилые люди были разделены на три «статьи». Людям первой «статьи» (боярам) давались дворы размером 30 на 20 саженей. Окольничие и думные дьяки, составлявшие вторую «статью», получали владения площадью 30 на 15 саженей. В третьей «статье» оказались дворяне, дьяки и подьячие, размеры дворов которых должны были равняться 30 на 10 саженей². При переводе в современную систему мер это соответственно 2799,3, 2099,5 и 1399,6 м². Естественно, истинные размеры дворовладений служилых людей несколько отличались от «указных» (например, вышеупомянутый двор Петра Хитрово, принадлежавшего к третьей «статье», имел площадь в 378 квадратных саженей), но в целом такой порядок стремились соблюдать. Комментируя этот документ, П.В. Сытин пишет: «Это очень важный указ, сыгравший большую роль в пла-

¹ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии / Подгот. текста Л.И. Ивиной; коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Паняха. Л., 1987. С. 99.*

² *АИ. Т. 3. С. 116.*

нировке и застройке Москвы. До 1917 года и даже теперь площадь большинства дворов в Садовом кольце приближается к указанным трем размерам или к их кратным, за исключением бывших дворов церковного причта на «монастырях» церквей, площадь которых большей частью не превышала 100 квадратных саженей. Длина дворов — 30 саженей — определила длину кварталов между переулками в 60 саженей, несколько уменьшенную впоследствии при расширении улиц за счет дворов, или удвоенную и утроенную при ликвидации некоторых переулков»¹.

В 1652 г. при создании Иноземной (Ново-Немецкой) слободы на Яузе был применен тот же принцип распределения земельных участков. Правда, слобода разбивалась на пустом месте, поэтому дворы здесь были ровнее, чем на московском посаде. Царский указ об организации слободы гласил: «Служивым немцам, первая статья, вдоль по 40, поперек по 20 саженей; другая статья, вдоль по 20, поперек по 15 саженей; третья статья, вдоль по 15, поперек по 10 саженей; а докторам — против первой статьи, аптекарям — против средней статьи, алмазного, и золотого, и серебряного, и канительного, или кружевного дела немцам мастерам... всем — против средней статьи, и торговым немцам, и вдовам, примеривая к прежним их московским дворам; меньших статей немцам: сержантам, и капралам, и полковым обозничим, всяких мелких чинов служилым немцам — вдоль по 10 саженей, поперек по 8 саженей... Дати под дворы места немкам, вдовам, и всяким мелким людям немцам, у которых своих дворов на Москве нет, вдоль по 8, поперек по 6 саженей...»²

Таким образом, площадь самых крупных дворов в Иноземной слободе составляла в метрической системе 3732,4 м², самых мелких — 223,9 м². Такие большие размеры «первостатейных» дворовладений, превышавших даже боярские, объясняются тем, что слобода ставилась за городом, где земля имела совсем иную цену, чем в пределах Земляного города. Примечательно, что в числе крупнейших дворовладельцев оказались протестантские пасторы.

В стрелецких слободах дворы полковников и сотников составляли 16 на 12, 14 на 12 и 12 на 12 саженей, их площадь — соответственно 895,7, 773,8 и 671 м². Под дворы рядовых стрельцов

¹ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 92, 93.

² ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 273.

выделялась площадь в $5\frac{1}{4}$ на 6 саженей (146,9 м²). По указанию П.В. Сытина близким по размеру к стрелецкому был обычный двор посадского человека — 116—139 кв. м¹.

Анализ переписи московских дворов 1620 г., проведенный Е.А. Звягинцевым, показал, что крупных дворовладений в восточной части Белого города (от Неглинной до Яузы), заселенной в основном жителями черных, дворцовых и стрелецких слобод, было крайне мало. Из 3240 дворов всего восемь занимали площадь более тысячи квадратных саженей (4665,6 м²), 57 дворов — более 500 квадратных саженей (2332,8 м²), зато 804 двора имели 50 квадратных саженей (233 м²), а площадь почти двух тысяч дворов в среднем составляла около 60 квадратных саженей (279,9 м²). В дальнейшем и этот средний размер уменьшился почти вдвое из-за увеличения числа жителей Москвы. В загородной Мещанской слободе, которая, как и Иноземная, была разбита на пустом месте, средний размер двора составлял 20 на 5 саженей (466,5 м²), но встречались и дворы площадью 81,6 кв. м².

Как можно видеть, размеры московских дворов весьма серьезно колебались — от гигантской усадьбы В.И. Стрешнева в 1,47 га до посадского «дворишка» с избой, службами и огородом общей площадью 139 м². Однако маленькие дворы преобладали, а большие были редкостью. Этот вывод Е.А. Звягинцева и П.В. Сытина подтверждается исследованиями другого знатока средневековой Москвы С.К. Богоявленского. Он оценивал население Москвы в последней четверти XVII в. примерно в 200 тысяч человек, из которых 48 тысяч составляли жители черных и ремесленных слобод, 44 тысячи — стрелецких и других военных слобод; дворян было 53 тысячи, духовенства — 27 тысяч, иноземцев — 28 тысяч. Таким образом, дворяне, которые могли иметь владения площадью от 300 квадратных саженей и больше, составляли только четверть населения. Следовательно, остальные три четверти москвичей жили на небольших дворах³.

Помимо дворовой земли, служилые люди, особенно члены Боярской думы и дворяне, имевшие придворные чины, били государю челом о «даче» земли под «огороды». «Огороды» были загородными усадьбами, на которых ставились избы и хозяй-

¹ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 106.

² Там же. С. 106-107.

³ Там же. С. 121.

ственные постройки, создавались сады и сажались овощи, содержалась скотина.

В начале царствования Михаила Федоровича раздача земли под «огороды» шла весьма активно. Но уже в 1623 г. правительство начало ограничивать этот процесс — царь указал не давать «в додачу» земли тем, у кого есть дворы и «огороды», а также конфисковать излишки земли в пользу тех, кто ее «сыщет». Легко представить, какие конфликты вызвало это распоряжение. В 1649 г. размеры «огородов», как ранее дворов, решили соотнести со служебным положением их владельцев: боярам было указано давать 100 на 50 саженей, окольников — 80 на 40, думным дворянам и думным дьякам — 60 на 30, стольникам — 35 на 17,5, стряпчим и дворянам московским 30 на 15, подьячим — 6 на 3 сажени. В результате самые большие «огороды», согласно указу, могли достигать 5 тысяч квадратных саженей (2,33 га), а самые маленькие — 18 квадратных саженей (83 м²). Если же «огород» давался в границах Земляного города, то его площадь уменьшалась вдвое¹.

Надо ли говорить, что и тут «указная мера» нарушалась «сильными людьми»? Например, боярин Иван Федорович Стрешнев, владевший загородным двором и «огородом» между Никитскими и Смоленскими воротами Земляного города, в 1682 г. передал их своему внуку князю Алексею Васильевичу Голицыну, сыну знаменитого правителя. Размеры владения составляли 90 на 80 саженей (3,3 га)². Для сравнения — Красная площадь занимает 2,3 га.

Как видим, пресловутый «квартирный вопрос» и в Средние века серьезно осложнял жизнь москвичам. Одни имели материальные возможности улучшить жилищные условия, но наталкивались на запретительные указы. Другие, задавленные тяглом и иными поборами, с завистью смотрели на первых, но были не прочь вступить с ними в сговор, обмануть власти и избыть тягла. Для получения дворовой или огородной земли необходимо было предпринимать серьезные усилия — искать ее, просить («бить челом») и, несомненно, подмазывать скрипящие колеса делопроизводственной машины щедрыми посулами и «дачами».

Большинство москвичей жили тесно и небогато, что соответствовало их прибылям. Домострой справедливо указывал, что

¹ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. С. 84 92 110,

² Материалы... Ч. 2. Стб. 697.

Русский боярин. Гравюра XIX в.

каждый хозяин должен строить дома «сметя по промыслу, и по добытку, и по своему имению», а служилый человек — «по государьскому жалованию, и по доходу, и по поместью и по вотчине». Перепись 1634 г., проведенная в черных слободах, установила, что 45 процентов их жителей владели имуществом, оценивавшимся до 5 рублей, столько же — от 5 до 50 рублей, 4 процента — от 50 до 100 рублей, 2 процента — до 250 рублей, примерно столько же — свыше 250 рублей¹. Стоимость еще 2 процентов жилья остается неизвестной. Эти данные хорошо сочетаются с подсчетами по

¹ *Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX в.* / Под ред. Т.Ф. Саваренской. М., 1997. С. ИЗ.

переписи 1620 г., согласно которым 1,8 процента жителей восточной части Белого города владели дворами площадью в 500 квадратных саженей и только 0,25 процента — в тысячу квадратных саженей. Во второй половине XVII в. Боярская дума включала 50—60 членов, гости и члены Гостиной сотни (корпорации, включавшие самых богатых и именитых купцов) — составляли около 600 человек. Таким образом, владельцев богатых и обширных дворов в Москве было не более семи сотен, что составляет 0,35 процента от двухсоттысячного населения города. Это незначительное меньшинство владело огромными дворами, как городскими, так и загородными, на которых ставились великолепные палаты, островерхие терема и «повалуши», домовые храмы и даже монастыри.

Далеко не все горожане были дворовладельцами. Переписи Москвы сообщают о многочисленных «захребетниках» и жильцах, ютившихся на чужих дворах «из найму». Они проживали на монастырских подворьях, квартировали у духовенства и посадских людей, жили даже на боярских дворах. Усадьбы вельмож наполняли многочисленные слуги и приживальцы. Член Избранной рады А.Ф. Адашев, Ф.М. Ртищев и иные «нищелюбы» содержали богадельни (князь А.М. Курбский сообщает, что Адашев сам ухаживал за больными, «обмывающа их, многажды же сам руками своими гнои их отирающа»).

Сад и огород, хотя и небольшие, были почти на каждом дворе. Однако это не всегда спасало от городской тесноты. Соборное уложение говорит о разных конфликтных ситуациях, которые могли возникнуть при плотной застройке: «А будет кто учнет у себя на дворе ставити хоромы блиско межи соседа своего, и ему тех своих хором на меже соседа своего не ставити, а будет кто на меже хоромы поставит и в том на него будет челобитье, и тому хоромы велеть с межи отнестъ». Для предотвращения пожаров запрещалось строить печи и поварни вплотную к стене соседнего дома — «и у него ту печь и поварню от стены соседа его отломать». Живая картинка городского быта возникает и при чтении следующей статьи: «А будет у кого на дворе будут хоромы высокие, а у соседа его блиско тех высоких хором будут хоромы поземные, и ему из своих высоких хором на те низкия хоромы соседа своего воды не лить и сору не метать, и инья ни которыя тесноты тому своему соседу не делать». Нарушителям этого запрета на первый раз предписывалось «те

свои вѣтсокия хоромы от тех соседних хором велеть отнестъ», а в случае продолжения безобразного поведения Соборное уложение указывало высокие хоромы «отломати»¹.

МОСКОВСКИЕ ДВОРЫ

Как размеры дворов, так и количество и внешний облик строевой в средневековом городе существенно различались в зависимости от благосостояния и социального положения владельцев. В разных частях этого обширного спектра были великолепные дворцы царя и патриарха, хоромы бояр, думных людей и богатых купцов, курные избы небогатых горожан. Существенно различались также размеры дворовладений, хотя иностранцы отмечают, что характерными особенностями московских дворов являлись их обширность и наличие у большинства сада и огорода.

Наиболее подробно пишет о московских домах (1527 г.) П. Иовий со слов Дмитрия Герасимова: «Именно городские здания тянутся длинной полосой по берегу Москвы на пространстве пяти миль. Дома в общем деревянные, делятся на три помещения: столовую, кухню и спальню; по вместимости они просторны, но не огромны по своей постройке и не чересчур низки... Почти все дома имеют при себе сады как для разведения овощей, так и для удовольствия, отчего редкий город по своей окружности кажется многим большим»².

Многочисленные археологические находки и документы, а также сохранившиеся здания XVI—XVII вв. позволяют достаточно полно представить себе различные типы московских домов. Каменных палат XVII столетия до нашего времени дошло несколько десятков.

С самого начала существования города его застройка состояла из дворов-усадеб. Жилой дом, хозяйственные постройки, мастерские, сад, огород, парадный двор — все это окружал частокол или тын — забор с воротами. Для того чтобы войти на чужой двор, нужно было, постучав, сказать: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» С ответным возгласом «Аминь!» ворота открывали. Такой порядок и поныне существует в монастырях.

¹ *Соборное уложение* 1649 г. С. 63.

² *Россия* в первой половине XVI в. С. 271—272.

Двор богатой усадьбы был замощен плахами и дранью. Боярский дом обычно стоял в глубине двора. На улицу выходили тын и здания хозяйственных построек. Позднее, в XVIII в., в дворянских усадьбах сформировался курдонер — парадный, чистый двор перед главным домом, а хозяйственные постройки и сад были отнесены за дом. Ремесленники и торговцы, напротив, стремились располагать свои дома ближе к улице для удобства общения с покупателями и заказчиками. В раннесредневековой Москве, как свидетельствуют результаты раскопок в Зарядье, твердых традиций на этот счет еще не сложилось: дом кожевника в усадьбе XII—XIII вв. стоял в глубине двора, дом литейщика-ювелира XIV—XV столетий выходил на улицу, дом сапожника XV в. стоял во дворе. В усадьбе литейщика рабочее помещение было устроено позади дома под навесом и углублено в землю; там же находились печь-домница, хозяйственная постройка (видимо, хлев) и колодец¹.

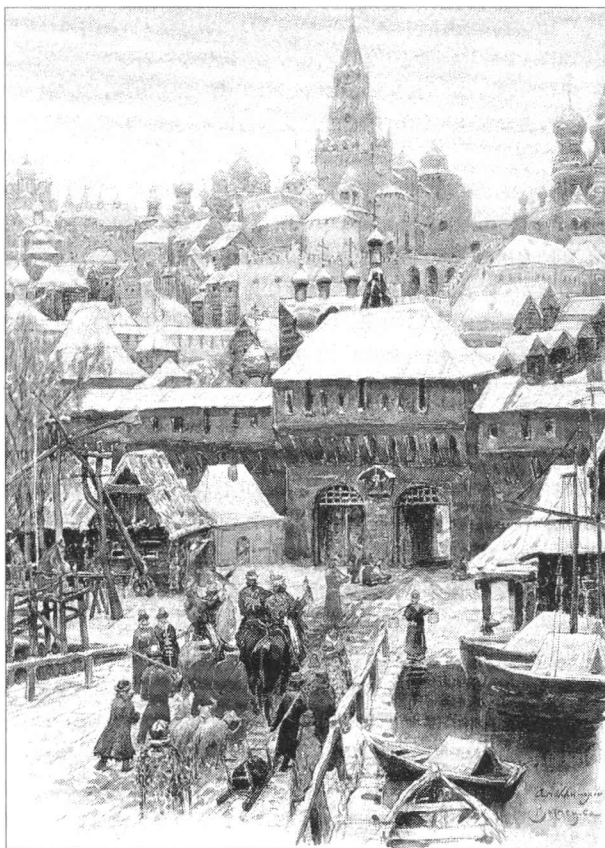
Деревянные жилые дома в XII—XV вв. были срубными. Они строились обычно из сосны и ели; реже применялся дуб — обычно его использовали для хозяйственных построек и оборонительных сооружений. Чаще всего дом имел подклет, где хранились припасы; над ним располагалась жилая комната с печью. В жилище поднимались по наружной лестнице. Встречались также и поземные дома, стены которых утеплялись земляной подсыпкой — завалинкой. Но и в этом случае дом мог иметь погреб, заглубленный в землю. Конструктивную основу дома составляла квадратная клеть, которые рубились «в обло» — на концах бревен сверху делалась полукруглая выемка, огибавшая вышележащее бревно.

«Дома их деревянные, без извести и камня, построены весьма плотно и тепло из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями, — пишет Флетчер. — Между бревнами кладут мох (его собирают в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха»².

Часто цельный сруб разделялся капитальной стеной пополам, при этом в одной части дома — избу («истобке») располагалась печь, а через нее входили в другую — чистую, неотапливаемую (светлицу).

¹ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 30—32.

² Флетчер Д. Указ. соч. С. 31.

А.М. Васнецов. Китай-город

Самые простые избы, топившиеся по-черному — без трубы, имели маленькие волоковые окна — выемки в двух бревнах, вырубленные на половину их ширины, закрывавшиеся деревянными задвижками. В такие окна в железной раме могли вставлять куски слюды. В целях экономии тепла в черных, курных избах могли и вовсе обойтись без окон. Потолка в этих домах не было, дым поднимался под крышу и выходил через ее щели. Поскольку дымовой слой находился на довольно большой высоте, то находиться в этих домах было не так трудно, как представляется. Иностранцам, впрочем, такое жилье казалось некомфортным. «Дома в этом городе, как и в прочих городах и селениях, небольшие и дурно расположенные, без всякого удобства и над-

лежащего устройства, — пишет англичанин Р. Барберини. — В-первых, большая изба, где едят, работают, одним словом, делают все: в ней находится печь, нагревающая избу, и на этой печи обыкновенно ложится спать все семейство; между тем не придет им в голову хотя б провести дымовую трубу, а то дают распространяться дыму по избе, выпуская его только чрез двери и окна, так что немалое наказание там оставаться»¹.

В домах, где была печь с трубой, делали окна современного типа, которые закрывали растянутым бычьим пузырем, слюдяной оконницей, реже — стеклом. Такие окна называются красными или косячатыми. Стекло появляется в Москве довольно рано — в XIV в.

Двускатные крыши домов крылись тесом (тонкими досками древесины разных пород), дранью (тонкими пластинами хвойных деревьев) и лемехом (изогнутыми деревянными дощечками)².

Богатые хоромы того же времени состояли из нескольких срубов и обычно достигали трех этажей: первый был отведен под нежилые постройки, служившие для хозяйственных нужд; на втором находились основные помещения — жилые комнаты и парадные горницы, где принимали гостей; на третьем располагались терема и светлицы, а также галереи-гульбища. Крытая галерея верхнего этажа в XII—XV вв. именовалась сенями. Особые сени устраивались для хозяйки со свитой. Деревянные хоромы венчал терем с высокой крышей, откуда через «стекольчатые окна» открывался вид на город и окрестности.

Деревянные хоромы знати богато украшались резьбой, металлическими коваными деталями, на крыши выходили дымовые трубы с резными украшениями. Отдельно стоявшие (или соединенные со всем комплексом сенями) «повалуши», по мнению М.Г. Рабиновича, являлись башнеобразными сооружениями в несколько этажей на подклетах, схожими с теремами, и имели расписные горницы без печей. Возможно, первоначально они являлись сторожевыми башнями. На тогдашних миниатюрах крыши княжеских палат изображаются двускатными, а «повалуши» завершаются крышами разных видов — двускатными, четырехскатными, бочкообразными³.

¹ *Иностранцы о древней Москве*. С. 67.

² *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 33—35.

³ Там же. С. 37—41; *Громов Г.Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1. С. 194-195.

Располагавшиеся на дворах хозяйственные постройки также были срубными. Самые простейшие погреба представляли собой врытые в землю бочку, выдолбленную из целого пня, или сосуд. У зажиточных людей погреб мог быть двухэтажным, над ним возвышалась напогребница, в которой тоже хранили запасы. На дворах стояли поварни (с XV в. — могли быть и каменными, но чаще все же деревянными), конюшни, хлев, бани¹.

В XV—XVI вв. наряду с распространением каменных и кирпичных построек появляются комбинированные — возведенные из камня и дерева. Каменная палата могла встраиваться в обширный деревянный дом, часто на каменном первом этаже ставили деревянные второй и третий. В XVI столетии на каменном подклете царского дворца высились «брусяные избы». Деревянная часть строений была жилой — здесь обычно спали и отдыхали, каменные хоромы служили для приема гостей и дневного времяпровождения.

В XVI—XVII вв. распространяется новый строительный прием — рубка углов сруба «в лапу», при которой концы бревен не выступают за плоскость стены. Московские плотники применяли самый сложный вариант такого крепления — «в лапу с зубом» (прямоугольным выступом в верхнем бревне, входящим в соответствующий паз нижнего бревна). Как и в более ранний период, деревянные дома этого времени ставились на подклете или были поземными. При раскопках были обнаружены остатки поземных домов с погребами. В доме хлебника в Заяузье в погребе хранились бочки с зерном, хотя на усадьбе был и амбар.

Тогда же получают распространение дома, состоящие из трех помещений — избы, сеней и клетки. Изба, как и ранее, была единственным отапливаемым помещением, она стояла на подклете и потому именовалась горницей (от слова «горный» — верхний, высший). Горница была черной или белой. Печь складывали из кирпича или делали глинобитной, трубы в белой горнице были керамическими и имели выюшки. На некоторых рисунках XVI в. встречаются изображения деревянных труб-дымниц, подобных тем, что, согласно этнографическим данным, использовали крестьяне в XIX столетии².

¹ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 36—37.

² Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 58—63; Громов Г.Г. Указ. соч. С. 200.

Богатые хоромы отличались большими размерами, сложной планировкой и значительной высотой. Они всегда ставились на подклетах и на уровне второго этажа соединялись переходами и сенями. Такой комплекс включал в себя жилые помещения — покои хозяина, его жены, комнаты детей, рабочий кабинет, а также парадные и хозяйственные помещения. Сени, часто встречающиеся в богатых домах XVI—XVII вв., в это время превратились в неотопливаемые помещения типа прихожей или передней. Они могли выполнять роль парадной приемной — в таком случае их богато украшали. Помимо горниц и изб (упоминаются также «столовые избы»), в состав богатых палат входили чердаки (верхние помещения над сенями или горницами), чуланы (жилые комнаты или кладовые), светлицы (там женская часть домохозяев занималась рукоделием), «повал у ши». Последние соединялись с палатами сенями и переходами, но стояли отдельно. Зато в общей связи с другими постройками находилась мыльня — небольшая баня. Включалась в этот комплекс и домовая церковь, располагавшаяся на втором или третьем этаже¹.

На обширных дворах XVI—XVII вв. выделялись зоны, имевшие различное предназначение. Двор перед господским домом был парадным, чистым. По нему, спешившись либо выйдя из саней или кареты, к парадному крыльцу проходил гость. Передний двор образовывали не только забор с воротами, но и постройки, выходившие фасадами на улицу. Чаще всего это были амбары, сушила, «людские чуланы», житницы, ледники, деревянные сараи и т. д. За хозяйским домом располагался хозяйственный двор, на котором стояли поварни, конюшни, хлев, псарни, были разбиты сад и огород, могли располагаться мастерские ремесленников, кузницы, баня. Двор мог заборами делиться на части — отделялись от других территорий сад, хозяйственный двор. Иногда для этого было достаточно плетня, который не давал скотине и домашней птице пробраться на огород. На дворах были вырыты колодцы. Помимо частных, существовали и особые «большие колодези» для «пожарного времени», которые устраивались на улицах по одному на десять дворов. Колодец имелся не на каждом дворе, и, видимо, не из каждого колодца можно было пить воду, поэтому на боярских дворах могли быть слуги-водоносы².

¹ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 58—73.

² Там же. С. 51—55.

На протяжении всего XVII столетия на дворах москвичей строились и сохранялись те же основные типы и виды построек, но сочетание основных элементов дома и дворовых строений в каждом владении было своеобразным, о чем свидетельствуют их описания в документах. Возьмем, к примеру, описание обширного двора князя Юрия Андреевича Пенинского-Оболенского, которое содержится в его духовной грамоте (завещании), составленной не позднее 1565 г.:

«А что на Москве на моем подворье хоромов на заднем дворе горница с комнатою, перед комнатою сени, перед горницей повалуша да сени же, да на заднем дворе две избы хлебные, да пивоварня, да поварня, да мыльня, а на переднем дворе две повалуши да анбар, а на другую сторону ворот два погреба, конюшня, две сенницы да житница. А столовую горницу с комнатою и с подклеты, да повалушу комнат... да сени с задним крыльцом, и с переходы, да горница одинока на конюшенном дворе...»¹

Как видим, в княжеской усадьбе было два двора — передний и задний, господский дом располагался в глубине и состоял из нескольких помещений. Столовая горница с «повалушей», сенями и переходами стояла отдельно.

В 1559 г. Яков Степанович Бундов продал Кирилло-Белозерскому монастырю двор «на Орбате подле Савинского монастыря», на котором стояли три избы, «да пристена (пристройка с стене дома. — *С. III.*), да клеть», мыльня, погреб, ледник с напоребицами. Двор был огорожен забором — дощатым забором².

В 1586/87 г. Дмитрий Леонтьевич Ворыпаев заложил свой двор у церкви Введения во храм Богородицы рядом с Соловецким подворьем монаху Протасию за пять рублей. На дворе имелись «горенка да сени бревенные не покрыты, да погреб под сенями, да мыленка ветха, да городьба кругом»³.

Вдова сусального мастера Афанасия Яковлева Анна Сидоровна в 1630 г. продала Новоспасскому монастырю за 30 рублей двор «за Яу[з]скими ворота, за Белым городом, в слободе Денежных мастеров, в приходе Живоначальные Троицы и Чюдотворца Сер-

¹ *Акты феодального землевладения и хозяйства* / Подгот. к печати А.А. Зимин. Ч. 2. С. 212; *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 275.

² *Тихомиров М.Н.* Труды по истории Москвы / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. С. 339-340.

³ *Материалы...* Ч. 2. Стб. 611.

гия». На дворе стояли строения: «изба, а против избы повалуша, а промеж избы-повалуши (в данном случае, вероятно, так названа горница на высоком подклете. — *С. III*.) сени с крыльцом; да на дворе погреб». Владение было окружено «городьбой» и соседствовало с подворьем Новоспасского монастыря, потому и было приобретено старцами¹.

В 1646 г. Федор Криков Большой Протасьев продал Никифору Демидовичу Малыгину за 100 рублей двор у Никитских ворот Белого города. На дворе находились «горница на подклете, против ее повалуша, меж ими сени, да два погреба, да колодезь, а двор огорожен забором»².

В 1674 г. было составлено описание двора стольника Петра Хитрово (ранее он принадлежал дьяку Ефиму Юрьеву) у Пречистенских ворот. Двор имел в длину от ворот $25 \frac{1}{2}$ сажени, поперек на одном конце $19 \frac{1}{6}$ сажени, на другом — $13 \frac{3}{4}$ сажени (всего — 378 квадратных саженей). На нем располагалось довольно много строений, весьма тесно поставленных: «палата передняя, сени, другая палата, сени проходные о 3 житьях, третья палата, четвертая палата, где кладут запасы, под ней палата ж. Перед тою палатою сени да чюлан, а под теми всеми палатами два погреба мерою против палат, да подле погребов палатка, да на дворе другая палатка людцкая, избушка людская да полатка, где кладут хлебные запасы, а у тех у всех и у сеней, вместо сводов, потолки деревянные; да деревянного строения: на больших палатах два чердака горница на жилом подклете, изба белая с сеньми передними, клетка, ледник дубовый, на нем напогребища, 5 чюланов людцких, конюшня, на ней сушило, да два чюлана, сарай, покрытый дранью, горница на жилом подклете, изба белая с сеньми передними, тесом; около двора 18 звен забору; на том же дворе сад...»³

Домострой предписывал рачительному хозяину особенно заботиться о своем доме: «...Везде на дворе всегда у себя смотрети, или ключнику, или кому приказано, или тын попортился, или городба в поле или в огороде, или ворота, или замки попортились, или которой хоромины кровля гнила или об[в]етшала, или конюшни и хлевы, и всякая хоромина, или жолобы засорилися, всё

¹ *Материалы...* Ч. 2. Стб. 620—621.

² *Из актов собрания Н.Ф. Самарина...* С. 8.

³ Цит. по: *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 139—140 (размеры построек мною сняты. — *С. III*.).

Письменные принадлежности. XVII в.

то смывати и мести, и жолобы вычищати, и перекрывать, и перекреплевати, кое поветшало и поломилося...»¹

Дотошный автор наставлений, казалось, не упустил ни одного элемента обширного московского дома, призывая чинить окна, столы, лавки, двери, ставни, цепи; наблюдать за порядком в мыльне, погребе, леднике и т. д.; смотреть, чтобы «все бы было и твердо и крепко и не згнило и не накапало и не нагрязнено и не намочено и в кровли и в суши, ино тому подворью, и всякому обиходу домовитому старости и об[в]етшания нет, всегда живет внове». Предписывалось уделять особое внимание печам, следить за тем, чтобы по двору не валялись метлы и лопаты, колодец был чистым, а если колодца нет — чтобы существовал запас воды на случай пожара.

Особые главы в Домострое посвящены обустройству хозяйственного двора — поварен, пивоварен, винокурен, погребов, ледников, сушил, сенниц, житниц, конюшен, скотных дворов и т. д. Не забыл автор напомнить, что собак необходимо держать на привязи или цепи, и сделал это весьма своевременно — Судебник 1589 г. предусматривал ответственность хозяев: «А у кого во дворе или под окном на улице или в избе собака изъест стороннего

¹ Домострой. С. 55—60.

человека, ино чем тот раненый пожалует, или кормить, поить и рана лечить, покаместа изживет, тому на дому своем, чья собака, потому, что, зная у себя собаку съедисту, а не крепит...»¹

Самая обширная глава, касающаяся дворовой территории, в Домострое посвящена тому, «как огород и сад водити»: как огораживать и охранять территорию, удобрять почву, спасать посадки от мороза, создавать парники, ухаживать за растениями и овощами. Судя по Домострою, на московском дворе XVI в. произрастали яблони, груши, вишни, капуста, свекла, огурцы, дыни, морковь, горошек, борщевик (его съедобные листья использовали в пищу — варили и добавляли соленья) и зерновые².

По Домострою сад и огород носили исключительно утилитарный характер, но в то время, как утверждает Иовий, сады создавались также «для удовольствия». В XVII в. на декоративные элементы в садах стали обращать еще больше внимания. Рейтенфельс свидетельствует: «Богатые люди присоединяют к городским домам своим садики, засаженные пахучими растениями»³.

Огромный сад был надворе боярина Василия Ивановича Стрешнева на Воздвиженке. Сам двор имел протяженность в 70 саженей по Воздвиженке, 40 саженей по переулку, шедшему от Знаменки, по двум другим сторонам — 64 и 54 сажени. Сад, располагавшийся за главным домом, в длину достигал 33 саженей (вдоль сорокасаженной стены), а в ширину — 20,5. Видимо, Стрешнев был большим любителем садов — он владел также загородным двором и огородом подле Остожного двора за Пречистенскими воротами и огородом за Фроловскими воротами⁴.

К сожалению, мы не знаем, что росло в саду у Стрешнева, однако другие описания московских дворов дают представления о разводимых растениях. Так, у стольника Петра Хитрово росли «4 черемхи, 2 рябины» — деревья, имевшие чисто декоративную функцию. На одном из посадских дворов на Поварской можно было увидеть более полезные растения: «22 яблони, да груша,

¹ Цит. по: *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 54.

² *Домострой*. С. 116—117.

³ *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 355.

⁴ *Черный В.Д.* Русские средневековые сады: опыт классификации. М., 2010. С. 87—89; *Белокуров С.А.* Планы г. Москвы XVII в. М., 1898. С. 9. План двора В.И. Стрешнева на Воздвиженке см.: *Дутлова Е.Ю., Никонов П.Н.* Указ. соч. С. 85. О других владениях Стрешнева см.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 9, 52; *Материалы...* Ч. 2. Стб. 629.

куст вишен, три куста серебориннику (возможно, шиповника. — *С. III.*), да смородины 17 кустов красной доброй, 13 кустов красной плохой, да белой куст, крыжу (крыжовника. — *С. III.*) 11 кустов; да цветов: куст пионий, да лилей и гвоздики мест с 20, малины 3 куста». Как можно видеть, этот сад сочетал в себе плодовые деревья и кусты с цветами. В XVII в., по свидетельству Олеария, в России начинают выращивать розы¹.

Наибольших успехов в садоводстве достигли царские садовники. В Кремлевском дворце были устроены Верхний и Нижний Набережные сады, процветали Государев сад за Москвой-рекой и Аптекарские сады в Москве. Однако самыми великолепными были сады в царских загородных усадьбах, прежде всего в Измайлове.

Царь, не ограниченный ни в средствах, ни в размерах своих владений, мог производить какие угодно садовые эксперименты. Простым москвичам в этом отношении было труднее — размеры их садов напрямую зависели от площади дворовладений, а та, в свою очередь, от социального статуса владельца.

Как можно видеть, характер городской застройки средневековой Москвы был очень своеобразным. Иностранцев она удивляла огромными размерами, стремлением расти в ширину, а не в высоту, а также преобладанием дерева как основного материала для строительства и даже дорожного мощения. Город состоял из многочисленных дворов, разных размеров и различной стоимости. Дворцы знати зачастую соседствовали со скромными «дворишками» мелкого люда. Если прибавить к этому сложный лабиринт улиц и переулков, кольца московских крепостей с проездными воротами, запиравшимися на ночь, а также решетки, перегораживавшие московские улицы с наступлением темноты, — то современный человек увидит перед собой весьма экзотический, необычный город, внешний облик которого весьма и весьма далек от привычного гигантского каменно-асфальтового мегаполиса...

¹ Черный В.Д. Указ. соч. С. 83—90.

Часть третья

СВЯЩЕННАЯ ЦИТАДЕЛЬ РУССКИХ

Святыни Кремля

«Кремленград» — так именуется на плане Герритса Гесселя, составленном около 1598—1599 гг., священная цитадель средневековой Москвы — Кремль, «Град», «Большой город» (по определению иностранцев, «Город» или «Замок»), Благодаря монументальным трудам краеведов И.Е. Забелина и С.П. Бартенева и их продолжателей мы знаем историю и топографию древнего Кремля во многих подробностях¹. Для шеститомной «Истории Москвы» (1952) И.А. Голубцов составил планы Кремля на 1533, 1605 и 1675—1680 гг. с указанием всех кремлевских строений — соборов, монастырей, дворцовых помещений, храмов, частных дворов и монастырских подворий, казенных учреждений и др. Литература о Московском Кремле включает в себя не одну сотню книг и статей. Подробно исследованы археология, архитектура и фортификация Кремля, история его застройки и планировки. В последние годы уделяется особое внимание сакральной топографии Кремля и его значению в системе московских общегородских святынь и символов.

Кремль — историческое ядро и сердце Москвы, место, где обретались главные святыни города и всего государства. Его соборы и монастыри возникли уже в первый век Великого княжества Московского. В XV столетии окончательно сложились представления о символических функциях кремлевских храмов и обителей.

Главный храм города — Успенский собор — был (по-видимому, с 1480 г.) вместилищем всероссийской чудотворной иконы

¹ Забелин И.Е. История города Москвы; Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912.

Успенский собор

Владимирской Божией Матери, престолом российских первоиерархов и местом их упокоения. Особо почитались перенесенные с Соловков в 1652 г. мощи преподобных святителей Петра, Феогноста, Киприана, Фотия, Ионы, Филиппа, от которых происходили чудесные исцеления. В 1625 г. в соборе, в особом золотом ковчеге, была размещена риза Господня, присланная царю Михаилу Федоровичу персидским шахом Аббасом. Святынь в соборе было множество: крест святого князя Владимира, крест византийского царя Константина («в сем Кресте положены власы, кровь и Риза Господня; также святое древо, губа, трость и венец терновый и мощи святых»), символический Гроб Господень, частицы мощей святого пророка Иоанна Предтечи, преподобного Сергия Радонежского, апостола Андрея Первозванного, часть Креста Господня, Гвоздь Господень, часть Ризы Пресвятой Богородицы и многие другие¹.

¹ *Сокровище* российских древностей. Факсимильное издание / Подгот. С. Р. Долгова. М., 1986. С. 136-153.

С 1459 г. в Успенском соборе совершался обряд поставления в сан митрополита, а затем патриарха всея Руси, а с 1498-го — обряд венчания на царство государя. Со времени основания храма в нем проходили венчания великих князей и членов правящей династии и поставления епископов.

Русские источники скупно описывают соборный храм. Рассказывая о завершении строительства в 1479 г., летописец заметил: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством и высотой и светлостью и звоностью и пространством; такова же преже того не бывала в Руси, опричь Владимирския церкви...» — и этим ограничился. Наиболее подробное описание храма оставил архидиакон Павел Алеппский.

Он сообщает, что перед началом службы московский патриарх Никон и Макарий обошли весь собор, прикладываясь к его святыням: «Оба патриарха вернулись и приложились к местным иконам, что у дверей северного алтаря, затем вошли в алтарь, где жертвенник, и приложились к мощам св. Петра, первого митрополита московского, коего позолоченная рака вложена в стену между обоими алтарями... Приложившись к нему, патриархи пошли в северный угол церкви и прикладывались к мощам св. Ионы... Потом они прикладывались ко всем иконам, кои находятся вокруг четырех колонн церкви, затем пошли в западный угол церкви, где есть красивое помещение с высоким куполом. Оно из желтой меди в прорезь, а изнутри его каменный хрусталь. В нем хранится хитон Господа Христа, присланный царю Михаилу, отцу нынешнего царя, кизилбашем, шахом Аббасом, который завладел им в Грузии. Для него устроили это чудесное, приличествующее ему помещение. Внутренность его имеет подобие гроба Господа Христа; на нем стоит изящный ковчег из позолоченного серебра, внутри коего другой ковчег из золота с драгоценными камнями, а в нем упомянутый хитон, который мы видели впоследствии в день великой пятницы... Когда патриархи подошли к этой двери, священник вынул для них упомянутый ковчег. Поклонившись ему и приложившись, они пошли в алтарь, и мы с ними: все дьяконы облачаются до прихода патриархов, дабы, когда те входят, подерживать их под руки и обходить с ними [храм]...»¹

¹ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. Г. Муркокса // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских (далее — ЧОИДР). 1898. Кн. 3. С. 49—50.

Внутреннее убранство собора, несмотря на изъятие в первые годы советской власти целых 65 пудов церковной утвари, сохранило основные черты первоначального облика. Фресковая роспись этого монументального храма (его высота — 45 м), выполненная в 1642—1643 гг., повторяет более древнюю — 1513—1517 гг. Частично сохранились и фрагменты росписей XV в. Иконостас и Царские врата тоже были выполнены в XVII столетии, причем при патриархе Никоне впервые в деисусный чин были включены изображения всех двенадцати апостолов, как это делалось в греческой и болгарской церквях.

Особенностью Успенского собора является наличие царского и патриаршего мест, созданных в XVI в. Царское место (1551 г.), известное также как Мономахов трон, украшено деревянными рельефами, иллюстрирующими легенду о происхождении знаменитой шапки Мономаха — императорского венца, символизирующего передачу власти от византийских императоров к российским государям. Византийские реминисценции пронизывали весь собор да и, пожалуй, весь Кремль с прилегающим пространством. Царское место было русским вариантом митатория (моленного места) византийских императоров, а чин венчания на царство не только во многих чертах повторял обряд коронации василевсов, но и неоднократно подчеркивал преемственность власти православных самодержцев от Второго Рима к Третьему¹.

Архангельский собор (современное здание выстроено 1505—1508 гг. архитектором Алевизом Новым) был усыпальницей «царских прародителей», одним из немногих на Руси некрополей, в котором погребались только мужские представители правящего дома. Начало этой традиции было положено захоронением в предыдущем (1333 г.) соборе его инициатора его постройки — великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты. Ныне в соборе находятся 48 гробниц великих и удельных князей Московского дома, царей из династий Рюриковичей и Романовых, казанских «царевичей», выборного царя Василия Шуйского, его племянника, героя Смутного времени князя М.В. Скопина-Шуйского и юного императора Петра II.

¹ *Богданов А.П.* Чины венчания российских государей // *Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв.* М., 1995. С. 222—225; *Михайлова И.Б.* И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 22—26, 44—54.

Архангельский собор

Некрополь великих и удельных князей и царей в Архангельском соборе создавался согласно четкой схеме, связанной с сакральной топографией храма и всего мира. В христианской космологии стороной спасения традиционно считался восток, с чем связана ориентация и алтаря, и христианского погребения. Близкое значение придавалось и югу. Вероятно, при перестройке Архангельского собора была заложена и определенная схема расположения гробниц, выявленная Е.С. Сизовым.

Захоронения великих князей совершались на южной стороне; удельных князей — на западной; опальных — на северной. Усыпальница Ивана Грозного и его сыновей, созданию которой царь уделял большое внимание, расположена в юго-восточном углу собора, в южном предалтаре. Умершие в опале князя Юрий

Иванович Дмитровский, Андрей Иванович, Владимир Андреевич и Василий Владимирович Старицкие были похоронены в северо-западном углу, «где опальные князи кладутца». При этом на надгробия старицких князей не были нанесены эпитафии, что, видимо, связано со стремлением Ивана Грозного предать могилы опальных князей забвению¹.

Важное идейное содержание несли и фрески Архангельского собора. Выполненные в XVII в., они повторяют предыдущие росписи (около 1564 г.). Изображения князей нанесены на стены в нижнем ярусе росписей напротив надгробий. Интересно, что все князья, включая опальных и боровшихся с установлением московского самодержавия (Юрий Звенигородский, Василий Косой), изображены в нимбах, а над каждым из них помещен образ его святого покровителя. Трудно сказать, в XVI или в XVII столетии над головами князей впервые появились нимбы. В любом случае эти символы свидетельствуют о восприятии Архангельского собора как места захоронения «святопочивших» государей. Смерть, по представлениям авторов и заказчиков стенописи, примиряла погребенных. Род московских князей представляется единой династией, находящейся под покровительством Господа².

К помощи почивших предков и усопших духовных владык обращались во время ответственных церемоний и при важных начинаниях. Поставление в сан митрополита (а затем и патриарха) происходило в Успенском соборе у гроба святого Петра. Договор великого князя Семена Гордого с братьями был скреплен целованием ими креста «у отня гроба» в Архангельском соборе. Молились у гробов владык и предков Дмитрий Донской перед Куликовской битвой, Иван III перед походом на Новгород и их преемники перед другими походами. Поклонение гробницам в Архангельском соборе стало частью коронационного церемониала, который происходил в Успенском соборе. Считалось,

¹ Сизов Е. С. Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования (далее — ГММК МИ). М., 1973. Вып. 1. С. 91—92.

² Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятниках письменности XVI в. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 264—276; *Он же*. «Воображены подобия князей...» Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1968. С. 1—4; *Он же*. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // ГММК МИ. М., 1976. Вып. 2. С. 63-76.

что царские предки помогают не только правителям. В XVII в. возник обычай класть челобитные на имя государя на гробницы почивших самодержцев. Особый статус некрополя Архангельского собора выражался и в существовании (1599—1765) Архангельской архиепископии, архиереи которой совершали отпевания и панихиды по умершим царям.

Пышные гробницы Архангельского собора производили большое впечатление на современников. Павел Алеппский описывает их таким образом: «Над каждой гробницей находится изображение лежащего в ней, как он есть, каждая гробница окружена высокою железною решеткой и покрыта покровом из красного и черного бархата; на нем большой крест из серебряно-вызолоченных образков и кругом письма, именно дата, широко вышитая золотом; это для будничных дней, по воскресеньям же и большим праздникам эти покровы снимают и кладут другие, украшенные иконами из чистого серебра, драгоценными камнями и письмами из жемчуга. Над каждой гробницей стоит икона, осыпанная множеством драгоценных камней, и перед ней светильник, неуасимо горящий»¹.

Третий кремлевский собор, Благовещенский, в эпоху Средневековья был недоступен для простых богомольцев — он являлся великокняжеским, а затем и царским домовым храмом, в связи с чем к его наименованию прибавляли «у великого государя в Верху», то есть во дворце. С дворцовым комплексом собор соединялся крытыми переходами, с чем связано и другое его название — «на Сенех».

Настоятель Благовещенского храма был духовником царя. Чаще всего царские духовники не стремились играть какую-либо политическую роль. Однако бывали и исключения. Видной фигурой церковной жизни середины XVII в. был настоятель Благовещенского собора, царский духовник Стефан Вонифатьев (?—1656). Став духовником юного царя Алексея Михайловича в 1645 г., Стефан не только деятельно заботился о душе государя, но и стремился к исправлению нравов своих современников. «Муж разумен и в житии добродетелен, слово учительное в устах имея» — так отзывались о нем современники. Стефан яростно отстаивал чистоту православия и церковные каноны, призывал к строгому соблюдению «единогласия» во время церковной службы (из-за

¹ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 107.

Благовещенский собор

чего вступил в конфликт с самим патриархом), запретил на царской свадьбе «потехи» и игру в сурны и накры (их заменили духовные песнопения). При этом он не был чужд просвещению — активно участвовал в деятельности Печатного двора, поддерживал школу Арсения Грека в Пудовом монастыре. Стефан стал главой так называемого кружка «ревнителей древнего благочестия», где поначалу мирно сосуществовали Никон и Аввакум, ставшие вслед за этим злейшими врагами. Раскол в среде бывших соратников, искренне, как и сам Стефан, желавших перемен на благо церкви, омрачил последние годы жизни царского духовника. В 1655 г. он принял постриг в основанной им Зосимо-Савватиевской пустыни и вскоре скончался¹.

Священником Благовещенского храма был и знаменитый Сильвестр, которого историки считают одним из лидеров неформального правительства реформаторов — Избранной рады. Однако он не был духовником царя. Это роль принадлежала протопопу того

¹ Андреев И.Л. Царь Алексей Михайлович. М., 2003 (ЖЗЛ). С. 141 — 143.

же собора Андрею, который в 1562 г. принял постриг в Чудовом монастыре с именем Афанасий, а в 1564 г. был возведен на митрополию. В начале опричнины митрополит несколько раз пытался заступаться («печаловаться») за опальных, но потерпел неудачи и оставил митрополию, объясняя это своей «немощью».

Убранство храма было предметом особой заботы государей. Здесь до наших дней сохранились иконы, созданные великими художниками Средневековья — преподобными Феофаном Греком и Андреем Рублевым. Очень интересны и фрески Благовещенского храма. Выполненные в 1508 г. Феодосием, сыном знаменитого иконописца Дионисия, они сильно пострадали в пожаре 1547 г. и вскоре были переписаны. Помимо традиционных сюжетов, они изображают московских государей от князя Даниила Александровича до Василия III и, что еще более интересно, портреты «еллинских мудрецов» Аристотеля, Птолемея, Плутарха, Гомера, Вергилия и других. Каждый из мудрецов держит в руках хартии с изречениями, которые либо прорицают о событиях Нового Завета, либо наставляют читателя. Например, Плутарх обращается к богомольцу с поучением: «Бога бойся первое, родителям повинуйся, иереи хвали, старцы честные почитай»¹.

При Иване Грозном пол храма был выложен плитками агатовой яшмы, вывезенными царем из собора Ростова Великого. Этому самодержцу собор обязан и другой архитектурной особенностью — пристройкой паперти с резным белокаменным крыльцом с юго-восточной стороны. На этой паперти грозный царь, на которого церковным собором была наложена епитимья за четвертый брак, слушал церковную службу за пределами храма, подобно оглашенным². Здесь же, на лестнице, в 1584 г. царь увидел в небе между церковью Иоанна Лествичника и Благовещенским собором комету, предвестившую его смерть³.

¹ Мнева Н.Е. Монументальная и станковая живопись // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 313—314.

² Оглашенные — в древней церкви готовившиеся к крещению, но еще не принявшие его. Они должны были покидать храм с началом центральной части богослужения — литургии верных — при словах дьякона: «Елицы оглашении, изыдите; оглашении, изыдите; елицы оглашении, изыдите. Да никто от оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся».

³ Извеков Н.Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица: Историко-археологическое исследование. М., 1906. С. 8-9.

Этот храм также поразил Павла Алеппского своим великолепием. Он писал: «Это очень небольшая церковь, мрачная по причине малочисленности ее окон. Пол ее состоит из кусков мрамора прекраснейших цветов. В ней есть трон для царя, ибо он часто в ней молится. Что касается находящихся там икон, то никакой ювелир, превосходно знающий свое дело, не в состоянии оценить крупных драгоценных камней, алмазов, рубинов, изумрудов на иконах и на венцах Господа и Владычицы; в этом мраке они горят, как раскаленные угли. Позолота икон, сделанная чистым золотом, и превосходная разноцветная эмаль, исполненная с тонким, отчетливым искусством, поражают удивлением ум знатока. По этой причине, как говорят, ценность икон, в этой церкви находящихся, равняется нескольким казнам. Вместе с тем имеются частицы мощей святых, из числа наиболее чтимых останков, более чем в ста серебряно-вызолоченных ковчежцах, на которых отчеканены лики тех, коих мощи в них содержатся. Все это хранится в ризнице церкви, а потому ее окна заделаны из опасения, чтобы огонь не проник чрез них в ризницу, ибо близ нее находится крыша казнохранилища и других зданий, крытых досками»¹.

Существовали и другие дворцовые церкви. К началу XVII в. их было всего три — Рождества Богородицы, Сретения Господня, Святой Екатерины, а к концу столетия прибавилось еще девять — два храма во имя Спаса Нерукотворного, Воскресения Христова, Ризоположения, Похвалы Пресвятой Богородицы, Успения Пресвятой Богородицы, Сошествия Святого Духа, святых апостолов Петра и Павла и святого Иоанна Предтечи, не считая придельных². Все эти храмы именовались «в Верху» или «на Сенех» и входили в обширный комплекс царского дворца, соединяясь с другими помещениями галереями, переходами, лестницами.

Старейшую из дворцовых церквей, во имя Рождества Пресвятой Богородицы, основанную в 1394 г. великой княгиней Евдокией Дмитриевной, вдовой Дмитрия Донского, включили в ансамбль Теремного дворца при его строительстве. Храм Ризоположения, возведенный в 1484—1486 гг. на Митрополичьем дворе, в середине XVII в. встроили в дворцовый комплекс. В 1681 — 1682 гг. храмы во имя Спаса Нерукотворного Образа (известен также как Верхоспасский собор), Распятия (придельный) и Воскресения

¹ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 109.

² Там же. С. 5—6.

Колокольня Ивана Великого

подвели под общую кровлю, на которой поставили одиннадцать глав на тонких барабанах. Золотые главки, увенчанные ажурными крестами на изразцовых барабанах, и сейчас возвышаются над пестрой кровлей Теремного дворца.

Ансамбль Соборной (в XVI столетии она называлась Красной) площади завершала церковь Иоанна Лествичника, более известная как Иван Великий (Иван Святой). Восьмигранный столп, достигавший рекордной для средневековой Москвы высоты 81 м, являлся вплоть до XIX столетия самым высоким сооружением города. О его уникальном архитектурном облике, сформировавшемся еще в XIV в., уже говорилось выше. Современное здание церкви-колокольни строилось постепенно. В 1505—1508 гг. храм перестроил итальянский зодчий Бон Фрязин, сохранив его восьмиугольную форму.

В 1532—1543 гг. еще один зодчий-итальянец Петрок Малый пристроил к колокольне церковь Воскресения Христова (с 1555 г.

она стала носить название Рождества Христова). В 1624-м к северной стороне Рождественской церкви зодчий Важен Огурцов добавил еще одну колокольню с шатровым завершением, которая по имени патриарха получила наименование Филаретовой звонницы. К концу XVII в. Рождественская церковь приобрела вид открытой пятиярусной звонницы и получила наименование Большой Успенской. На звоннице разместили колокола-благовестники, отлитые при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче: «Реут» (1622) в 1200 пудов, или 19,2 т, «Вседневный» (1652) в 998 пудов, или 15,9 т, и «Большой Успенский» (1655), весивший около 8 тысяч пудов, или 128 т.

Огромная церковь-колокольня не раз упоминается в описаниях Москвы иноземцами. «Посреди кремлевской площади, — писал участник Голштинского посольства Адам Олеарий в книге, изданной впервые в 1647 г., — стоит высочайшая колокольня Иван Великий, которая также обита вышеупомянутой позолоченною жестью и полна колоколов. Рядом с нею стоит другая колокольня, на которой висит очень большой колокол, как говорят, весом в 356 центнеров и отлит в правление Бориса Годунова»¹. На самом деле гигантский годуновский колокол, размещавшийся на Филаретовой звоннице, был еще тяжелее — 3233 пуда, или 51,7 т. Звонили в него очень интересным способом: по обе стороны от колокольни выстраивалось две толпы звонарей, которые веревками приводили колокол в движение, а третья группа, стоя наверху, подводила язык к краю колокола. Таким образом, годуновский колокол сочетал два типа звона — очепный (когда раскачивается колокол) и язычный (когда раскачивается язык). Большинство огромных колоколов Ивановской колокольни были очепными, звонили в самых нижних регистрах, производя благовест — торжественный, мерный звон².

Царский и патриарший дворцы

Почти треть территории средневекового Кремля (его юго-западная часть в треугольнике между Троицкими воротами, Тайницкой башней и Боровицкими воротами) была занята огромным

¹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 147.

² *Кавельмахер В.В.* Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 39—78.

комплексом царского двора. Вероятно, здесь еще в домонгольскую эпоху находился княжеский двор. Иван III вывел отсюда дворы других владельцев и приступил к коренной перестройке дворца, которая закончилась уже при Василии III. На Соборную площадь дворцовый комплекс выходил парадным фасадом Грановитой палаты и алтарем Благовещенского собора, к которому было пристроено помещение для хранения казны. Главное, парадное крыльцо именовалось Красным. К реке было обращено здание Набережной палаты, служившей в XVI в. тюрьмой для знатных пленников. Далее к Боровицким воротам тянулись деревянные здания «чердаков» и палаты жены Ивана III великой княгини Софьи Фоминичны. С севера к Набережной палате примыкали Средняя и Постельная палаты, Столовая изба. В дальнейшем вся северная часть дворцового комплекса была женской. Все эти строения были соединены между собой переходами и сенями. Дворец XV—XVI вв. имел П-образную форму, заключая внутри себя каменный храм Спаса Преображения на Бору, выстроенный Калитой, и будучи отделен от остальной территории Кремля каменной стеной, внутри которой также находились многочисленные хозяйственные службы — конюшни, поварни, мыльни...

В 1560 г. царь Иван Грозный после кончины жены Анастасии Романовны решил отселиться от сыновей. По его приказу на «Взруб», то есть на самом краю кремлевской горы, были построены деревянные хоромы с церковью, примыкавшие к каменной палате Софьи Фоминичны и обращенные фасадом к реке. В 1575—1576 гг. здесь жил касимовский хан Симеон Бекбулатович, венчанный по воле Ивана Грозного «великим князем всея Руси». В этом дворце состоялась и его свадьба с княжной Анастасией Мстиславской, дочерью боярина князя И.Ф. Мстиславского. При Борисе Годунове на каменном основании был возведен обширный деревянный дворец, вскоре разрушенный Лжедмитрием I¹.

На этом месте, пишет голландец Исаак Масса, самозванец «приказал выстроить над большою кремлевской стеной великолепные палаты, откуда мог видеть всю Москву... Внутри этих описанных выше палат он повелел поставить весьма дорогие балдахины, выложенные золотом, а стены увесить дорогою парчою и рытым бархатом, все гвозди, крюки, цепи и дверные петли покрыть тол-

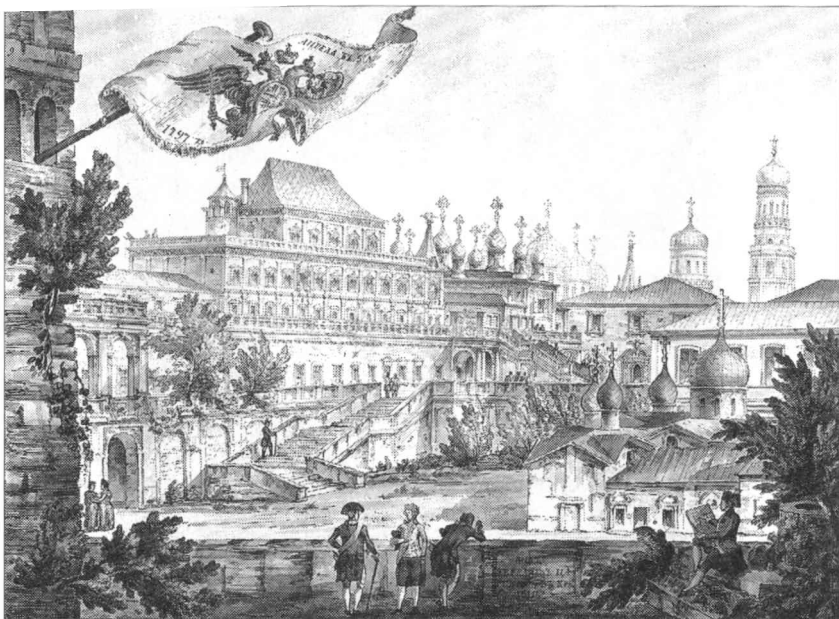
¹ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 605—612; ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 192.

Печать великого князя Ивана III Васильевича

стым слоем позолоты; и повелел внутри искусно выложить печи различными великолепными украшениями, все окна обить отличным кармазиновым сукном; повелел также построить великолепные бани и прекрасные башни... он повелел в описанном выше дворце также устроить множество потаенных дверей и ходов, из чего можно видеть, что он в том следовал примеру тиранов, и во всякое время имел заботу»¹.

¹ *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года в короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей / Сост. А.А. Либерман. М., 1997. С. 98—99.

*Д. Кваренги. Теремной дворец и собор Спаса на Бору
в Московском Кремле. 1797 г.*

Потаенные двери и ходы не спасли самозванца во время восстания 17 мая 1606 г. — заговорщики настигли его у стен нового дворца. Когда они ворвались во дворец, Лжедмитрий I, пытаясь спастись, выпрыгнул из окна, повредил ногу, был найден лежащим на земле и убит. Новый царь Василий Шуйский, в свою очередь, отказался жить в палатах «расстриги». В 1607 г. было завершено строительство нового царского деревянного дворца. Спустя два года, как будто в ознаменование непрекращавшихся несчастий этого государя, «у тех хором подломились сени, а мост и бревна, и брусье были новые и толстые»¹.

В Смутное время дворец «боярского царя» был разграблен и разрушен. В апреле 1613 г. боярин князь Ф.И. Мстиславский сообщал новоизбранному царю Михаилу Федоровичу, что удалось подготовить для него Золотую палату, сени передние, палату переднюю, две комнаты, «где жилал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси», Грановитую палату и

¹ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 215.

«мыленку» (баню). Для матери царя, государыни-инокини Марфы, устроили хоромы в Вознесенском монастыре. Мстиславский оправдывался, что не получилось отремонтировать для Марфы палаты царицы Марии Шуйской: «...Денег в твоей государевой казне нет и плотников мало, а палаты и хоромы все без кровель и мостов в них, и лавок, и дверей и окончин нет, делать все наново, и леса такова, каков на ту поделку пригодится, ныне вскоре не добыть»¹.

При царе Михаиле Федоровиче прежнее великолепие дворца было восстановлено. Он первым из русских государей приказал выстроить полностью каменный дворец — Теремной, который создавался в 1635—1636 гг. мастерами Баженом Огурцовым, Антипой Константиновым, Трефилом Шарутиным и Ларионом Ушаковым. Новый дворец был надстроен над Мастерской палатой XVI в., а ее основанием, в свою очередь, стали стены великокняжеского дворца XV столетия. На имевшихся двух этажах мастера возвели еще три, создав сложную многоярусную систему, сочетавшую парадные и жилые комнаты, лестницы, гульбища², площадки, дворцовые храмы. Внутренние помещения дворца, стены и иконостасы дворцовых церквей были расписаны выдающимися иконописцами³.

В 1620—1630-х гг. в Кремле строились каменные поварни, светелки для царицыных мастериц, храмы. В 1633 г. англичанин Х. Галлоуэй (Галовой) устроил в Свибловой башне водовзводный механизм, а «из той башни воду привел на государев Сытный и Кормовой дворец в поварни». В честь дворцового водопровода эта башня получила имя Водовзводной. Впрочем, водопровод Галлоуэя был далеко не первым в Москве. Еще в 1601 г. была «введена вода из Москвы-реки на государев двор на конюшенный на большой по подземелью великой мудростию»⁴.

Цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич продолжили обустройство дворца. К концу XVII столетия он состоял из множества разнообразных помещений, связанных переходами, сенями, лестницами. Он был обращен к Соборной площади па-

¹ *Дворцовые разряды*. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 1152—1154.

² Гульбище — терраса или галерея, обычно на уровне второго этажа. Являлось частью храма или богатого жилого комплекса, дворца.

³ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895. Ч. 1. С. 54-57.

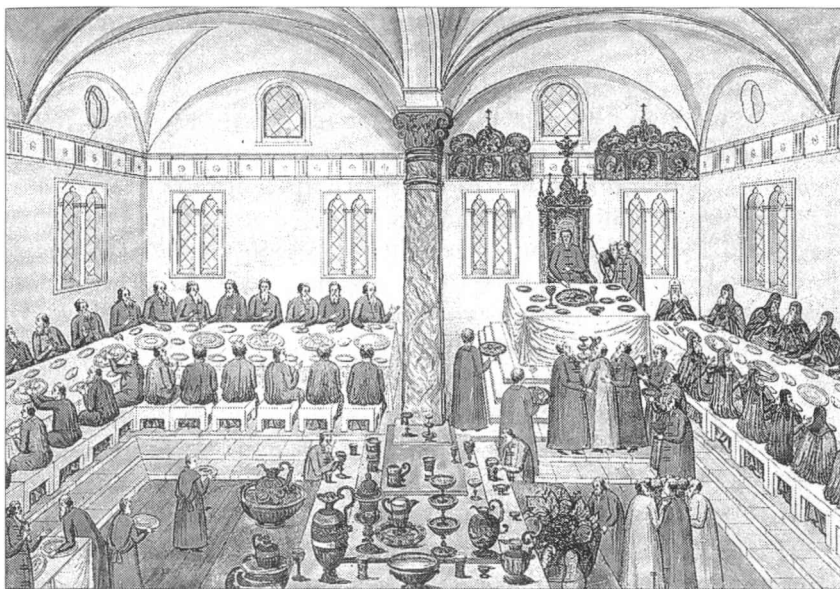
⁴ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 203.

радными фасадами Грановитой, Средней (Золотой) и Столовой (Панихидной) палат. Вход в эти помещения осуществлялся через Красное крыльцо — широкую галерею (гульбище), к которой вели три лестницы: Благовещенская шла через паперть одноименного собора, Средняя (Золотая) располагалась между собором и Грановитой палатой, а Красная примыкала к боковому фасаду Грановитой палаты. До наших дней сохранилась только главная, Красная лестница — по ней совершались парадные царские выходы, и на ней встречали самых важных и долгожданных послов, угощая их трижды на каждой лестничной площадке. По Благовещенской лестнице во дворец входили послы христианских стран, по Средней — послы исламских государств, поскольку идти через церковную паперть им было «непригоже». Бывало, что европейских дипломатов из стран, с которыми Московское государство было в напряженных отношениях, в нарушение этикета вели по Средней лестнице, подвергая их своеобразному церемониальному унижению¹. В 1730 г. при строительстве деревянного дворца императрицы Анны Иоанновны Столовая и Средняя палаты вместе с лестницами были снесены, и наименование Красного крыльца закрепилось за оставшейся единственной Красной лестницей.

Грановитая палата являлась главным тронным залом дворца; в ней происходили торжественные посольские аудиенции, заседания Земских соборов, большие пиры. В Средней (Золотой) палате проводили менее важные приемы, в Столовой в дни поминовения государей организовывали поминальные столы, отчего происходило ее второе наименование — Панихидная. С северной стороны к этим парадным помещениям примыкал Теремной дворец («Верх») — личные покои государя и его семьи. В него вела Постельная лестница, которая выходила на Постельное крыльцо, также именовавшееся Боярской площадкой, поскольку, по объяснению И.Е. Забелина, «здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, полковники и вообще служилое дворянство, или все те, кому был дозволен сюда вход». Далее на север простиралось «женское царство» — в последней трети XVII в. здесь находились хоромы цариц Натальи Кирилловны, Марфы Матвеевны, царевен

¹ Юзефович Л.А. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 145—147.

**Пир в Грановитой палате Московского Кремля по случаю венчания
на царство царя Михаила Федоровича. Из книги «Об избрании
на царство Михаила Федоровича». 1673 г.**

Татьяны Михайловны, Софьи Алексеевны, Екатерины Алексеевны, царицына швейная мастерская, поварни царевен.

Западную часть царского двора занимало обширное дворцовое хозяйство. Там стояло здание приказа Большого дворца, глава которого ведал всеми дворцовыми службами. К приказу примыкал корпус аптеки, далее к Троицким воротам располагались Оружейная палата, мастерские золотых и серебряных дел, Потешный дворец. Неподалеку находились Хлебный, Кормовой и Сытный дворцы, обеспечивавшие едой и питьем царскую семью, царедворцев и многочисленных посетителей высочайших трапез. Наконец, с южной стороны к дворцу примыкали еще одна аптека и места для государевой «прохлады» — Запасный дворец (стоял на месте хором Бориса Годунова и Лжедмитрия I) с выстроенными по его углам беседками, из которых открывался вид на Москву-реку и Замоскворечье. На крыше дворца был Верхний набережный сад, к востоку от него — Нижний набережный сад с прудами, населенными красивыми рыбками. В других частях дворца также существовали небольшие фруктовые сады, которые по их расположе-

нию на каменных сводах над палатами и погребам можно назвать висячими.

К Запасному дворцу примыкал Житничный двор — место хранения царских зерновых припасов, возле которого через Портомойные ворота шел выход к Москве-реке, где находился специальный «портомойный плот». Стирка белья сопровождалась особыми предосторожностями: «...То платье зимою и летом возят на реку в санях, в сундуке, замкнув и запечатав, покрыв красным сукном; а за тем платьем идет болярыня для бережения».

Существовали во дворце и неожиданные учреждения. При Борисе Годунове около церкви Иоанна Предтечи на Бору был создан Денежный двор, корпус которого упоминается еще в документе 1646 г. А при царе Федоре Алексеевиче во дворце действовала «Верхняя» типография, создателем которой был наставник государя — поэт и просветитель Симеон Полоцкий.

И.Е. Забелин, собравший огромное количество материалов о царском дворце XVII в., особо останавливается на вопросе о «значении и чести» дворца. Дворец, да и в значительной степени сам Кремль почитались священными, что диктовало особые правила поведения. Подьячий Г.К. Котошихин, сбежавший в 1664 г. за границу и составивший для шведов подробное описание России, сообщает, что даже самые знатные бояре сходили с коня или выходили из саней «не доезжая двора, и не блиско крыльца». Служилые люди более низкого ранга спешили еще дальше — на Ивановской площади, а подьячие, кроме самых «старых перво-статейных», согласно указу 1654 г. и вовсе не имели права въезжать в Кремль на лошадях.

Вход на царский двор был строго запрещен всем, кроме бояр и служилых людей. Появление во дворце с оружием, пусть и без злого умысла, а по недомыслию или забывчивости, грозило арестом и изнурительными пытками с целью выведать заговор. За выбитым признанием следовала немедленная казнь; если же несчастному удавалось на троекратных пытках не оговорить себя, его сажали в тюрьму, «доколе по ним поруки будут», а при отсутствии поручителей после заточения ссылали¹.

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа: Григорий Котошихин. Патрик Гордон. Ян Стрейс. Царь Алексей Михайлович / Сост. А.А. Либерман, С.Ю. Шокарев. М., 2000. С. 34-35.

*А.П. Рябушкин. Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его
государевой комнате. 1893 г.*

Строго запрещалось появляться во дворце больным. Бесчестие, нанесенное в этом месте служилому человеку, приравнивалось к оскорблению «государева двора» и наказывалось в зависимости от тяжести тюремным заключением или битьем батогами. Внутри самого дворца право прохода в те или иные помещения зависело от служебного положения посетителя. Члены Боярской думы могли проходить в «верх», то есть в жилые покои государя, а ближние бояре — даже в царский кабинет. Другие чины московского двора — стольники, стряпчие, полковники, московские дворяне — собирались на Постельном крыльце и в примыкавших к нему церемониальных залах. На царицыну же половину не проникали даже ближние бояре. Там распоряжались верховые боярыни, через которых совершали «обсылки» царедворцы, посланные от царя к царице или детям. Священники дворцовых храмов («крестовые попы») должны были дожидаться, когда их позовут, а дворцовые служители не имели права ходить далее сеней¹.

По свидетельству Котошихина, дворец и казну ежедневно охраняли пять сотен стрельцов. Главный караул в 200—300 че-

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1.4. 1. С. 277-288.

люди находились у Красного крыльца, другой — у Красных (другое название — Колымажные) ворот. По 10—30 стрельцов стояли у кремлевских ворот (помимо этого, их охраняли и специальные сторожа — воротники), по пять — на Казенном и Денежном дворах. Внутри дворца стражу несли жильцы («человек по 40 и больше»), в покоях государя — спальники, на нижних этажах царичьих палат — дети боярские («для сторожи и оберегания»). Среди этой гвардии XVII столетия было немало сыновей бояр и окольничих, для которых охрана царской персоны была первой ступенькой в карьере¹.

Пространство Соборной площади, раскинувшейся между главными кремлевскими соборами и царским дворцом, также почиталось священным. Лишь немногим дозволялось проехать по площади на лошади или на сани. В дни царских коронаций, свадеб или похорон, посольских приемов площадь становилась аренной, на которой разворачивался пышный церемониал. Здесь же праздновалось и «Действо многолетнего здоровья» или «летопроезд» — встреча Нового года, которая отмечалась 1 сентября, в день Симеона Столпника Летопроезда. Об этом обычае сообщает еще Генрих Штаден.

Более подробные описания праздника сохранились в записках иностранцев и русских источниках XVII в. Накануне празднования в центре площади устанавливался деревянный помост, огражденный точеными решетками, с тремя аналоями для Евангелий и иконы Симеона Столпника, рядом ставили светильники и чаши для святой воды. Здесь же устанавливали престолы для царя и патриарха. Помост и престолы покрывались коврами и дорогими тканями. С раннего утра народ заполнял Соборную площадь, вокруг помоста распределялись места для иностранных послов, служилых людей, знатных приезжих (например, посланцев украинских гетманов). В девять утра из Успенского собора во главе торжественной процессии духовенства выходил патриарх, а из Благовещенского собора навстречу ему — государь с пышной свитой. В это время звонили во все кремлевские колокола, включая главный благовестник — реут или реут, как он именовался в народе.

Взойдя на помост, государь принимал благословение патриарха, после чего владыка служил литургию, благословлял и кро-

¹ Забелин И.Е. Домашний быт... Ч. 1. С. 288; Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 29, 31, 36, 37.

пил святой водой монарха и народ, возглашал многолетие царю и его семье, которое подхватывали тысячи участников действия, стоявшие на площади. Завершалась встреча Нового года речами патриарха, царя, епископов и бояр с поздравлениями и пожеланиями здоровья и благополучия. По окончании этих «здравниц» толпы народа на Соборной площади одновременно опускались на колени перед царем и били челом. В последний раз это величественное торжество состоялось в Москве 1 сентября 1699 г.¹

Происходили на Соборной площади и иные, более страшные действия. В 1547 г. во время московского восстания здесь был забит камнями дядя великого князя, боярин князь Юрий Васильевич Глинский. В 1575 г. по приказу Ивана Грозного на площади казнили князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, архиепископа Новгородского, архимандрита Чудова монастыря, протоиерея Успенского собора и других знатных и влиятельных людей. Головы несчастных метали во дворы митрополита, князя И.Ф. Мстиславского, боярина И.В. Шереметева, дьяка А.Я. Щелкалова².

К северу от Успенского собора располагался комплекс Патриаршего двора, значительно уступавший по размерам царскому дворцу. Вероятно, на этом месте находился в XIV в. двор святого митрополита Петра. На протяжении XV—XVII вв. комплекс Митрополичьего (с 1589 г. — Патриаршего) двора неоднократно перестраивался. В 1652—1656 гг. по заказу патриарха Никона зодчий Давыд Охлебинин еще раз перестроил Патриаршие палаты. В это время царь пожаловал патриарху обширный «Царь-борисовский двор» (бывшее владение Годунова), на территории которого был возведен храм во имя святого митрополита Филиппа, соединенный галереей с Патриаршими палатами. Эта церковь на высоком подклете имела в нижней части две арки для проезда на Соборную площадь и Патриарший двор. В 1681 г. она была переосвящена во имя Двенадцати апостолов.

Патриарший дворец, как и царский, состоял из многих помещений (палат и келий), соединявшихся переходами и сенями. При патриархе Никоне во время активного строительства на Патриаршем дворе были устроены переходы, соединявшие Патриарший дворец с царским, а также с Чудовым монастырем. Тогда

¹ Забелин И.Е. Домашний быт... Т. 1. Ч. 1. С. 380—383; Георгиевский Г. Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. М., 1995. С. 217—229; Михайлова И.Б. Указ. соч. С. 406—409.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 154; Т. 34. С. 192.

же была расширена главная парадная зала дворца — Крестовая палата. Обширное пространство в 280 м² было перекрыто единым сомкнутым сводом, не имевшим опор. Название палаты происходило от того, что патриарх проводил здесь соборные моления с духовенством у крестов. Здесь же проходили заседания церковных соборов и торжественные приемы духовенства. Другое наименование этой палаты — Мироваренная — связано с тем, что в ней готовили миро — освященное масло, употреблявшееся при совершении таинств.

Своими размерами и убранством Крестовая палата произвела впечатление на Павла Алленского, который писал: «Отсюда входишь в огромную палату, которая поражает своей необыкновенной величиной, длиной и шириной; особенно удивителен обширный свод без подпор посередине... Она выстлана чудесными разноцветными изразцами. Огромные окна ее выходят на собор; в них вставлены оконницы из чудесной слюды, украшенной разными цветами, как будто настоящими; с другой стороны окна выходят на двор старого патриаршего дома. В ней подле двери сделан огромный каптур (печь) из превосходных изразцов»¹.

Патриарший двор включал в себя также административные, хозяйственные и иные помещения — патриаршие приказы (Дворцовый, Разрядный, Казенный, Судный), Иконную, Золотую и Серебряную палаты, в которых работали мастера, Кормовой двор, житницы, конюшни и т. д. При патриархе Никоне были созданы больница и богадельня. При патриархе Филарете упоминается Панская палата, где содержались иноземцы, готовившиеся к принятию православия, или новокрещены. Была и особая «палатка», куда сажали «на смирение».

Деловой центр Кремля

За церковью Иоанна Лествичника и Архангельским собором открывалась обширная Ивановская площадь. Ее облик определялся расположением здесь комплекса приказов — главных органов центрального и местного управления. Еще в XV в. рядом с Благовещенским собором было выстроено каменное здание казнохранилища, в котором берегли не только княжеские сокрови-

¹ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 105—106.

А.М. Васнецов. Площадь Ивана Великого в Кремле. XVII век. 1903 г.

ща, но также государственный архив. В эпоху Избранной рады ее лидеры окольничий А.Ф. Адашев и протопоп Сильвестр совместно «правили», а «сидели в ызбе у Благовещения». Постепенно место для административных зданий было перенесено за Архангельский собор, где приказные обосновались надолго.

Система приказов сложилась к середине XVI столетия. Вероятно, тогда же они и получили прописку на Ивановской площади, которую еще называли «площадью у Архангела», в отличие от «площади у Пречистой» — Соборной. Первой в 1565 г. построили каменную палату для Посольского приказа. В 1591-м началось сооружение каменного корпуса приказов, который, как можно видеть на средневековых планах Москвы, имел форму буквы «П», обращенной переключиной к востоку, в сторону Красной площади.

На протяжении всего XVII столетия количество приказов и число их служащих увеличивались. Постоянных приказов было около тридцати (Котошихин в своем описании говорит о со'рока двух), а вместе с существовавшими недолго их насчитывалось

до шестидесяти. Если в 1640-х гг. в московских приказах служили 837 человек, то к 1690-м число приказных возросло до 2739, причем их подавляющее большинство — 2648 человек — составляли служащие низшего ранга — подьячие¹.

Стремительно росшему приказному аппарату было тесно в старых палатах, к тому же здание сильно обветшало. В 1675 г. началось строительство нового корпуса приказов, закончившееся пять лет спустя. Двухэтажная постройка состояла из двадцати восьми палат, в которых размещались Посольский, Разрядный, Большой Казны, Поместный, Казанского дворца, Стрелецкий и другие приказы. На второй этаж вели семь лестниц, которые уже с раннего утра заполнялись челобитчиками.

Перед зданием приказов едва ли не ежедневно осуществлялись различные наказания. «У этой башни или церкви, — пишет немец-опричник Генрих Штаден, — правят со всех должников из простого народа, и правят со всех должников везде, пока священник не вынесет Святых даров и не ударят в... колокола»². Крики и стоны истязаемых оглашали площадь еще полтора столетия, о чем свидетельствуют «Дневные записки» окольного Ивана Афанасьевича Желябужского:

«В 193 (1684/85) году Федосий Филиппов сын Хвоцинский пытан из Стрелецкого приказа в воровстве, за то его воровство на площади чинено ему наказание — бит кнутом за то, что он своровал (то есть смошенничал, в данном случае — подделал документы. — *С. III*): на порожном столбце составил было запись... Князю Петру Кропоткину чинено наказание перед Московским судным приказом — бит кнутом за то, что он в деле своровал, выскреб и приписал своею рукою... Степану Коробьину учинено наказание — бит кнутом за то, что девку растлил... В 201 (1692/93) году князю Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказание — бит кнутом за то, что он жену убил. В том же году бит батогами в Стрелецком приказе Григорий Павлов сын Языков за то, что своровал с площадным подьячим Яковом Алексеевым; в записи записали задними числами за пятнадцать лет. А подьячему вместо кнута учинено наказание — бит батогами на Ивановском площади и от площади отставлен...»

¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

² Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 169.

Наказывали не только на Ивановской площади, но и в самих зданиях приказов, а при Разбойном и Стрелецком приказах были помещения для пыток. Для знатных лиц правосудие свершалось в иных местах. В 1688 г. стольнику князю Якову Лобанову-Ростовскому, уличенному в разбое и убийствах, приговор был зачитан с Красного крыльца, а били его кнутом «в Жилецком подклетке». Также с Красного крыльца объявили о лишении чина и ссылке в деревню боярину князю Андрею Ивановичу Голицыну, по доносу слуги обвиненному в произнесении «неистовых слов» в адрес царя. Тещу Голицына, вдову Акулину Афанасьевну Хитрово, уличенную в таком же преступлении, привезли к зданию Стрелецкого приказа и поставили на нижней площадке лестницы, где зачитали указ о ссылке на Белоозеро¹. Однако смертной казнь в Кремле в XVII в. не казнили.

Служба в приказах начиналась рано — в половине восьмого утра. Два часа в середине дня отводилось на обеденный перерыв, а в четыре часа пополудни служба возобновлялась и продолжалась до десяти вечера. В 1680 г. двенадцатичасовой рабочий день приказных сократили, разрешив им расходиться в восемь вечера. По субботам они работали до обеда, а по воскресеньям — после обеда. Столь насыщенный график вполне объясним — работы у приказных было множество. Толпы челобитчиков, «волочившихся» из приказа в приказ, наполняли Ивановскую площадь. Однако решить дело «без мотчания» (промедления) и «волокиты» удавалось далеко не всем. Мздоимство пронизывало весь приказный аппарат. В 1699 г. игумен Ефрем, поехавший в столицу по делам Устюжской епархии, сообщал архиепископу Александру: «Без дарственного воздаяния не может Москва никаких дел делать... Говорят, не обинуясь, что от того же дела мы есть-де хотим». Согласно Штадену, без взяток было сложно даже добраться до самих вершителей людских судеб — дьяков и подьячих. «В каждом приказе или в судной палате, — пишет Штаден, — было два воротника; они отворяли дверь тому, кто давал там деньги; если у кого нечего было дать, ворота оставались закрытыми. А кто хотел прорваться силою, тех с силой били по голове палкой»². Тем несчастным, у кото-

¹ Желябужский ИА. Дневные записки // Рождение империи / Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев / Сост. А.А. Либерман, С.Ю. Шокарев. М., 1997. С. 266—271.

² Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 83.

Чернильница. XVII в. Собрание Музея Москвы

рых не было денег, приходилось просить именем Господа и уповать на доброе расположение духа сторожей.

К «волоките» располагал и сам характер средневекового делопроизводства. Содержание одних и тех же документов в деле дословно излагалось несколько раз, прирастая новыми резолюциями, пока, наконец, не выносилась итоговая. Листы бумаги, на которых писали, подклеивали один к другому, составляя столбец. С обратной стороны по скрепам дьяки ставили свою подпись с тем, чтобы столбец нельзя было расклеить и листы заменить другими. В результате дела могли достигать в длину нескольких десятков метров (!). Эта форма делопроизводства была утверждена Судебником 1550 г., подтверждена Соборным уложением 1649 г. и отменена уже при Петре I, в 1701 г. Видимо, не случайно, что от XVII столетия до нас дошло немало нерешенных дел.

Искателям правды за определенную мзду помогали «площадные» подьячие. Штаден сообщает, что они «ежедневно за деньги пишут всякому челобитья, рукописания и расписки». Они же были проводниками в мир тайных ходов московской бюрократии, советчиками и посредниками. Упомянутый выше площад-

ной подъячий Яков Алексеев за попытку подлога не только был бит батогами, но и лишился своего места на Ивановской площади. К концу XVII в. за площадными подъячими закрепилось право составления крепостных актов, в связи с чем особая «палатка» у самой Ивановской колокольни, в которой они сидели, получила наименование Палата крепостных дел. При Петре I эту практику отменили было, но затем она была возобновлена, а число подъячих увеличили до двадцати четырех человек¹.

На многолюдной Ивановской площади объявляли («кликали») о важных событиях. Так, 4 февраля 1699 г. «кликали клич» солдаты Преображенского полка, чтобы желающие ехали в Преображенское смотреть на казни стрельцов и яицких казаков. Спустя неделю «кликали», «чтоб всяких чинов люди по ночам, в третьем часу ночи не ездили»². Видимо, от этого и произошла поговорка «Кричать на всю Ивановскую». Кричали — не только на Ивановской площади, но и на других площадях и перекрестках («крестцах») — особые должностные лица — биричи или бирючи.

Кремлевские обители

Путь через Ивановскую площадь приводил к Спасской улице, выведившей через Спасские (Фроловские) ворота на Красную площадь. По левую сторону Спасской улицы находились два древних монастыря.

Мужской Чудов монастырь, основанный святым митрополитом Алексием в 1365 г., был тесно связан с владычной кафедрой. С 1518-го в нем работал над переводами и исправлением богослужебных книг преподобный Максим Грек, а в XVII в. размещались школы Арсения Грека и Епифания Славинецкого, в которых учили языки и грамматику. Школы должны были готовить справщиков для Печатного двора. Первая просуществовала недолго, а вторая положила начало созданию ученого кружка, члены которого придерживались «грекофильского» направления, в конце столетия противостоявшего первым русским «западникам». Поскольку в монастыре была сильна греческая тра-

¹ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 314—315.

² Желябужский И.А. Указ. соч. С. 314.

диция, здесь жили и останавливались выходцы с православного Востока.

О чудовской школе сообщают и иностранцы. Голландский парусный мастер Ян Стрейс говорит, что скорее назвал бы Чудов «школой для благородных, нежели монастырем, потому что там почти нет других детей, кроме детей бояр и знатных людей, которых отдают туда, чтобы они не попали в дурное общество, а научились хорошим манерам»¹. Несмотря на некоторые преувеличения, сообщение Стрейса можно принять. Из него следует, что чудовская школа и в этом предвосхитила традиции Славяно-греко-латинской академии, в которой также учились сыновья бояр и дворян. Иеромонахом Чудова монастыря был известный просветитель конца XVII — начала XVIII в. Карион Истомин, автор букварей и других учебных пособий, поэт и переводчик.

За красивый почерк попал в состав чудовской братии юный инок Григорий (в миру Юрий Отрепьев). Кремлевский (почти придворный) монастырь стал местом, где родились его властолюбивые замыслы, здесь же он и узнал много полезного для своей самозванческой авантюры — о смерти царевича Дмитрия, о царском обиходе, о личности царей Ивана и Федора... А.С. Пушкин изобразил этот период из жизни Лжедмитрия I в сцене разговора Григория с летописцем Пименом. Но реальность была грубее. Новый летописец сообщает, что инок Григорий не раз как бы в шутку говорил старцам: «Царь буду на Москве» — «они же на него плевали и смеялись»².

Чудов монастырь был местом заточения знатных пленников. В 1401—1404 гг. здесь под стражей сидел новгородский епископ Иван. В 1440 г. в обители заточили митрополита Исидора, принявшего Ферраро-Флорентийскую унию. Видимо, не без тайного пособничества со стороны властей отступник вскоре сбежал в Тверь, оттуда в Литву, а затем в Рим. В 1480 г. в монастыре был заточен новгородский владыка Феофил, который здесь же и скончался, в 1504 г. новгородский же епископ Геннадий. В 1606 г. в чудовской темнице оказался лжепатриарх Игнатий, ставленник самозванца. В 1611 г. его освободили поляки, занявшие Кремль, которые вскоре заточили здесь патриарха Гермогена. Поляки пытались сломать волю святителя и заставить его остановить войска

¹ Стрейс Я. Указ. соч. С. 327.

² Новый летописец... С. 297.

Первого ополчения, но патриарх отказался подписать грамоты и был уморен голодом. Здесь же в 1610 г. содержался под стражей несчастный царь Василий Шуйский.

Государи оказывали Чудову монастырю особое внимание. Царь Иван Грозный положил начало традиции крестить детей у гробницы митрополита Алексия. Здесь были крещены его сыновья Иван и Федор, дочь Евдокия, а в 1553 г. — малолетний казанский «царь» Утемиш-Гирей, который получил имя Александр Сафакиреевич. Чудов монастырь стал местом крещения единственной дочери царя Федора Ивановича Феодосии, детей царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (в том числе и будущего Петра I). В 1818 г. крестили в Чудовом монастыре великого князя Александра Николаевича — будущего Александра II Освободителя.

Благодаря щедрым пожалованиям государей и вкладам бояр и «всех чинов людей» Чудов монастырь владел огромными земельными владениями. В 1678 г. ему принадлежало 2613 крестьянских дворов, а в 1700 г. — 3065. По количеству крестьянских дворов он занимал первое место среди московских монастырей, уступая в России лишь Троице-Сергиеву (16 813 и 20 333), Кирилло-Белозерскому (5530 и 5316), Спасскому Ярославскому (3879 и 4050) и Костромскому Ипатьевскому (3657 и 3684)¹.

Собор Чудова монастыря, просуществовавший до 1929 г., был выстроен в 1501—1503 гг., возможно, архитектором-итальянцем. В 1485 г. в обители возвели церковь во имя Алексия Митрополита, в которую перенесли (1680 г.) мощи святителя. В связи с этим событием по инициативе архимандрита Адриана (впоследствии избран патриархом) храм был перестроен — под одной кровлей заложены две церкви: Алексия Митрополита и Благовещения. Мощи святителя покоились в серебряной раке, а рядом были помещены посох и одеяние предстоятеля. Одновременно с церковью перестроили трапезную, палаты и служебные корпуса по проекту («чертежу») самого царя Федора Алексеевича.

Монастырский некрополь был местом упокоения представителей знатных боярских родов. Здесь, неподалеку от собора, был погребен боярин Борис Иванович Морозов, воспитатель Алексея Михайловича и глава правительства в первые годы его царство-

¹ Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России. XII — начало XX вв.: Сб. статей к 70-летию профессора Л.Г. Бескровного. М., 1975. С. 79—95.

вания. В 1677 г. обширный кремлевский двор вельможи отошел во владение Чудова монастыря. На монастырском кладбище хоронили также дворцовых служителей, царских приживальцев, «верховых нищих» — как мужчин, так и женщин.

С Чудовым соседствовал другой древнейший монастырь Москвы — Вознесенский, основанный вдовой Дмитрия Донского великой княгиней Евдокией Дмитриевной, которая приняла в этой обители монашеский постриг с именем Евфросиния. В 1407 г. по велению княгини здесь было начато возведение каменного собора, который стал ее усыпальницей и местом захоронения всех великих княгинь и цариц последующих столетий. Долгое время храм стоял незавершенным из-за пожаров и внутренних смут в Московском княжестве. Сильно обветшавший собор был перестроен в 1467 г. по указанию великой княгини Марии Ярославны, вдовы Василия II. Руководил работами известный зодчий Василий Дмитриевич Ермолин. В XVI в. собор еще дважды (1518—1521 гг. и 1587—1588 гг.) перестраивался.

Вознесенская обитель была связана с двором еще больше, чем Чудовская. По примеру преподобной Евфросинии Московской здесь принимали монашеский постриг вдовствующие великие княгини и царицы. В 1605 г. Лжедмитрий I приказал выстроить в монастыре хоромы для своей мнимой матери — царицы-инокини Марфы (в миру Марии Федоровны Нагой), седьмой жены Ивана Грозного. Сюда самозванец поселил и невесту Марину Мнишек с фрейлинами. Полячки в монастыре сразу заскучали и стали жаловаться на непривычную пищу, после чего Лжедмитрий отправил к невесте «посуду и польских кухмистеров и поваров, которые стали всего вдоволь готовить для нее». Царь приказал богато украсить палаты, в которых поселили Марину, а несчастная Марфа проявляла к будущей «невестке» «всякую любовь и ласку родительскую, яко matka дитяти своему»¹. Спустя восемь дней полячку переселили во дворец (во избежание лишних толков это было сделано ночью), а вскоре состоялась свадьба Марины и Лжедмитрия I. После смерти самозванца Марфа осталась жить в монастыре, где и скончалась в 1611 г.

Спустя два года в обители поселилась мать избранного царя Михаила Федоровича царица-инокиня Марфа (в миру Ксения

¹ *Дневник Марины Мнишек* / Пер. В.Н. Козлякова. М., 1995. С. 52; *Козляков В.Н. Марина Мнишек*. М., 2005. С. 86.

Ивановна Шестова). При ней в монастыре сосредоточилось управление женской, царицыной половиной дворцового хозяйства. Здесь же она руководила работами по шитью и вышиванию царских одежд, церковных облачений и покровов. В штат царицы-инокини помимо боярынь входили крестовый дяк, крестовый дячок, псаломщик, стольник Федор Судимантов, бахарь (сказитель) Петруша Макарьев, арап Давыд Иванов и дурак Мосей¹.

«Вознесенский монастырь по своему царственному значению и богатству первенствовал между всеми женскими монастырями, — пишет И.Е. Забелин, — а потому в своих стенах сосредотачивал монашеское женское население наиболее боярское и дворянское с их послужильцами». Обитель была многолюдна: более сотни сестер, «крылошанки» (певчие на клиросе), «малые девки»... «Игуменья, келарь и казначея представляли монастырскую руководящую и распорядительную власть, при соборе или совете, состоявшем из боярынь и княгинь и соборных стариц, числом 19», — сообщает Забелин².

Собор Вознесенского монастыря служил некрополем российских государынь вплоть до первой трети XVIII в. Последней здесь похоронили (1731 г.) царевну Прасковью, дочь царя Иоанна IV Алексеевича, сестру императрицы Анны Иоанновны. К началу XX в. в соборе сохранялись 35 гробниц, украшенных шитыми покрывами; а над могилой основательницы обители Евфросинии в 1821—1822 гг. была установлена драгоценная рака, впоследствии неоднократно поновлявшаяся. Когда в конце 1920-х было принято решение о сносе построек Чудова и Вознесенского монастырей, музейные работники, археологи и реставраторы ценой немалых усилий сумели спасти уникальный некрополь великих княгинь и цариц. В августе—сентябре 1929 г. все огромные саркофаги, надгробия и их фрагменты были перемещены в пустовавший тогда Архангельский собор. Во время этих работ обнаружилось, что число захоронений под полом собора вдвое превышает число гробниц, установленных в храме. В 1930 г. саркофаги и могильные плиты переместили в подвал Судной палаты XV в., примыкающий к южной стене Архангельского собора. Для этого пришлось откопать одну из стен палаты, разобрать в ней проход и спускать саркофаги и плиты по доскам.

¹ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 262.

² Там же. С. 262-263.

Поразительно, что ученым удалось спасти монастырский некрополь в самый разгар разнузданной антицерковной кампании. Благодаря этому стало возможно научное исследование захоронений русских государынь. С 1984 г. ведется планомерное всестороннее изучение некрополя Вознесенского монастыря, охватывающее надгробные памятники, останки, фрагменты одежд и погребальный инвентарь. Пик его пришелся на последнее десятилетие, в которое были сделаны потрясающие открытия. Так, было установлено, что причиной смерти матери Ивана Грозного великой княгини Елены Глинской и его первой жены Анастасии Романовны стало отравление. Антрополог С.А. Никитин по методике М.М. Герасимова восстановил внешний облик преподобной Евфросинии Московской, Софьи Палеолог, Елены Глинской, инокини Анастасии (матери царицы Анастасии Романовны), третьей супруги Ивана Грозного Марфы Собакиной, племянницы грозного царя княжны Марии Владимировны Старицкой, Ирины Федоровны Годуновой и Натальи Кирилловны Нарышкиной. Изучение некрополя Вознесенского монастыря продолжается и сулит еще много интереснейших открытий¹.

КНЯЗЬЯ, БОЯРЕ И ДРУГИЕ ОБИТАТЕЛИ КРЕМЛЯ

Летописи и другие источники сохранили сведения о топографии боярских дворов в Кремле. Выше уже говорилось, что наименования трех башен — Тимофеевской, Пешковой и Свибловой — доносят до нас имена трех бояр-дворовладельцев XIV в. Тимофея Васильевича Вельяминова, Даниила Четко и Федора Андреевича Свибло. Вероятно, название Собакиной башни также связано с прозвищем еще одного кремлевского жителя — боярина Ивана Федоровича Собаки Фоминского, потомка смоленских князей, бывшего одним из свидетелей у духовной Дмитрия Донского в 1382 г.

Бояре Вельяминовы являлись первым по значению родом при дворе великого князя Московского и исполняли обязанность ты-

¹ Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 114—163; *Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Материалы исследований*: В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования. М., 2009. С. 23—32, 36-37.

*К.Е. Маковский. Из повседневной жизни русского боярина
в конце XVII века. 1868 г.*

сяцких. Двор Вельяминовых находился в юго-восточном углу Кремля, в низине, носившей наименование Подол. Его расположение в этом месте подтверждается уникальной археологической находкой.

Летом 1843 г. при строительных работах неподалеку от Константино-Еленинских (ранее — Тимофеевских) ворот Кремля был найден необычный клад, состоявший из глиняного сосуда с остатками ртути и медного конуса с двумя кусками железной руды и сложенными в несколько раз листами средневековых документов, часть которых удалось прочесть, остальные признали нечитаемыми из-за плохой сохранности. Их изучение возобновилось только в 1980—1990-х гг. В результате было установлено, что в сосуде находился двадцать один акт, в том числе два написанных на бумаге, остальные — на пергамене. Все они были составлены в последней трети XIV в. и касались финансовых и административных

вопросов: содержали долговые обязательства или были связаны с управлением в далекой великокняжеской вотчине — Торжке.

Исследование этих грамот дало основания по-новому взглянуть на функции тысяцких при московском дворе. Если ранее историки предполагали, что те были командующими московским городским ополчением, то стало ясно, что в их ведении находились вопросы управления великокняжескими землями, финансового контроля и сборов. Но кто и почему зарыл этот клад на территории вельяминовского двора?

Историк В.А. Кучкин предположил, что документы мог спрятать Иван Васильевич Вельяминов, сын тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, пользовавшегося огромным влиянием при Дмитрии Донском. После смерти тысяцкого в 1374 г. его старший сын надеялся, что отцовская должность перейдет к нему, но просчитался. Дмитрий Донской, видимо опасаясь значительного влияния тысяцкого на дела управления великокняжеским хозяйством, решил упразднить эту должность. Иван Вельяминов застал обиду и подался к врагам московского князя — в 1375 г. бежал в Тверь, а затем перебрался в Золотую Орду, где интриговал против Москвы. В 1378 г. после битвы на Воже, в которой московское войско разгромило мурзу Бегича, в ордынском стане были захвачен некий «поп», служивший Ивану Вельяминову, а при нем «злых зелеи лютых мешок». Священника пытали и отправили в ссылку. Вскоре и сам беглец попал в руки великого князя. Дмитрий Иванович велел казнить его на Кучковом поле. «И мнози прослезиша о нем и опечалишася о благородстве его и о величествии его», — сообщает летопись. Вероятно, перед бегством из Москвы И.В. Вельяминов и спрятал в родительском доме сосуд с важными документами и кувшин с ртутью — весьма популярным в Средние века компонентом ядов¹.

Братья мятежного Ивана Васильевича верой и правдой служили Дмитрию Донскому. Микула, женатый на сестре великой княгини Марии Дмитриевне (урожденной княжне Суздальско-Нижегородской), в Куликовской битве возглавлял передовой полк. Тимофей, от которого получили наименование Тимофеевские ворота Кремля, служил в окольничих. Полуект рано погиб — «убил-

¹ Кучкин В.А. Документы кремлевской находки 1843 г. — часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // Материалы юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и их московское боярство: традиции и современность». М., 1998. С. 21—30.

ся с церкви», но его дочь Евфросиния стала женой сына Донского, князя Петра Дмитриевича. Потомками этого рода были бояре Воронцовы, дворяне Воронцовы-Вельяминовы, графы (с XVIII в.) Воронцовы, дворянские роды Аксаковых (в том числе известный писатель Сергей Тимофеевич и его сыновья-славянофилы), Исленьевых и Соловцовых.

С кремлевскими владениями Вельяминовых связано появление в этой части Кремля московского подворья Кирилло-Белозерского монастыря. Житие преподобного Кирилла Белозерского, основателя этой обители, сообщает, что он носит в миру имя Козьма (Кузьма), был родичем и казначеем Т.В. Вельяминова. Впоследствии он удалился на Белое озеро, где основал монастырь, ставший впоследствии одним из самых знаменитых и влиятельных. По соседству с двором Вельяминовых располагался небольшой Афанасьевский монастырь, собор которого был посвящен святому Афанасию архиепископу Александрийскому.

И.Е. Забелин предположил, что «еще при жизни преподобного и при жизни Тимофея Васильевича, с этою церковью у них были добрые связи, почему при ней устроилось Кирилловское подворье». В XVI в. этот монастырь назывался «Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря» или Афанасьевский-Кирилловский монастырь. В 1571 г. Иван Грозный пожаловал Кирилловскому подворью 200 рублей, на которые были выстроены каменные палаты, кельи, а также, вероятно, церковь во имя святого Кирилла Белозерского. В подвале Афанасьевской церкви поляки первоначально держали в заточении патриарха Гермогена, которого затем перевели в темницу Чудова монастыря. Не вполне ясно, когда эта обитель утратила свой монастырский статус, однако в XVII в. словосочетание «Афанасьевский монастырь» еще встречается. Так, в «Афанасьевский монастырь, что у Фроловских ворот» на Страстной неделе 1640 г. были отправлены поститься «дураки государевых комнат» Исак и Симонка. В 1764 г. Кирилловское подворье ликвидировали, а в 1776 г. его строения были снесены¹.

Спустя двести лет, в 1976 г., во время строительных работ в Кремле были обнаружены фундаменты других сооружений Кирилловского подворья и пять захоронений в белокаменных сар-

¹ Забелин И.Е. История города Москвы... С. 618; Воронов А. А. Монастыри Московского Кремля. М., 2009. С. 90—121.

кофагах. На крышке одного из саркофагов размещена эпитафия боярыни Марии Петровны Шереметевой, скончавшейся в 1641 г. Она была третьей женой известного деятеля Смутного времени, влиятельного государственного человека и дипломата боярина Федора Ивановича Шереметева. Родовой усыпальницей Шереметевых являлся Кирилло-Белозерский монастырь, где похоронен и сам боярин, умерший в 1650 г., однако его супруга, внук, боярин князь Яков Никитич Одоевский (?—1697) и другие близкие родственники упокоились в храме Кирилловского подворья¹.

Угловая юго-восточная башня Кремля — Беклемишевская — хранит память об Иване Никитиче Берсене Беклемишеве, служилом человеке времени Ивана III и Василия III, драматичная судьба которого заслуживает отдельного рассказа. Близкий к Ивану III, Берсень Беклемишев не раз исполнял в его правление важные дипломатические поручения. Однако его отношения с Василием III не сложились. Вероятно, виной тому был резкий, колючий характер Ивана Никитича; недаром он носил прозвище Берсень — крыжовник. Беклемишев сам вспоминал, что пытался противоречить великому князю, на что получил грубый ответ: «Поиди, смерд, прочь! Не надобен ми еси!» Берсень сблизился с другими недовольными, Федором Жареным и известным церковным писателем Максимом Греком, и вел с ними долгие беседы, осуждая государя и новые порядки. Василия III Беклемишев осуждал за то, что тот «людей мало жалует», «старые обычаи переменил», «запершыся сам третий у постели всякие дела делает» (решает), «встречи против себя не любит». Владыка Даниил, по словам Берсеня, непонятно кто, то ли митрополит, то ли простой чернец — «учителна слова от него нет никоторого, а не печалуется ни о ком; а прежние святители сидели на своих местах в манатях и печяловалися государю о всех людях». Досталось от Беклемишева и великой княгине Софье Палеолог и даже грекам: «Как пришла сюды маги великого князя великая княгини Софья с вашими греки, так наша земля замешалася и пришла в нестроения великие, как и у вас в Цареграде, при ваших царех». Жаловался Берсень Максиму Греку и на то, что великий князь отобрал у него кремлевский двор, на котором посадили в заточение жену князя Василия Ивановича Шемячича,

¹ Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы... С. 164—170.

Свадьба князя Владимира Андреевича Старицкого и Евдокии Нагой
(1551 г.). Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

родича Василия III, которого великий князь, опасаясь его измены, приказал схватить¹.

Дерзкие речи Берсенья не остались безнаказанными. Великий князь приказал отрубить ему голову на льду Москвы-реки. Федору Жареному вырезали язык, а Максима и другого старца-грека архимандрита Новоспасского монастыря Савву отправили в заточение в Иосифо-Волоколамский монастырь. А беклемишевский двор, вероятно представлявший собой крепкое каменное строение, продолжил служить московским самодержцам как

¹ ААЭ. Т. I. С. 141-145.

тюрьма для знатных пленников. В 1534 г. здесь «посадили» князя Ивана Михайловича Воротынского, который умер в заточении, в 1537 г. — княгиню Евфросинью Старицкую с малолетним сыном Владимиром¹. В 1541 г. князей Старицких освободили, однако тяжелая рука грозного самодержца настигла их спустя почти тридцать лет.

«Кремленград» отмечает дворы крупнейших вельмож начала XVII в. — князя Ф.И. Мстиславского, князей Черкасских и Трубецких, Ф.И. Шереметева, Д.И., Г.В. и С.Н. Годуновых, Б.Я. Бельского, А.П. Клешина, князя И.В. Сицкого. Каждое из кремлевских дворовладений имело долгую историю, восходящую к XIV—XV столетиям. В начале XVII в. особо выделяется своими размерами и монументальностью строений «старый двор» Бориса Годунова, известный в русских источниках как «Цареборисовский двор». Он располагался в северной части Кремля и примыкал одной стороной к Патриаршему двору, а другой выходил на Никольскую улицу напротив Чудова монастыря. В XV в. это владение принадлежало Марии Голтыевой, супруге Федора Федоровича Голтяя. Мария завещала кремлевский двор любимому правнуку — князю Борису Васильевичу Волоцкому. После смерти князя двор в Кремле отошел его сыновьям Федору и Ивану, а от них — князю Владимиру Андреевичу Старицкому, двоюродному брату Ивана Грозного. В 1569 г. Старицкого заставили принять яд, и двор перешел в царское владение.

Вероятно, в царствование Федора Ивановича, при котором реальным правителем был Борис Годунов, этот двор стал владением энергичного боярина. С пышностью, присущей дворцовому церемониалу, Годунов принимал здесь иностранных послов. Так, 20 мая 1589 г. к нему прибыл посол Священной Римской империи Николай Варкоч. Въехав в ворота, он сошел с коня и прошел к крыльцу, причем от ворот до крыльца и в сенях стояли в парадных одеждах боярские слуги. В парадной зале в окружении разодетых приближенных сидел сам правитель, который, следуя царскому обычаю, «звал посла к руке». Правда, в отличие от царя Годунов по-европейски протянул послу руку для пожатия, а не для поцелуя — это было бы слишком откровенным покушением на царские права. Прием закончился не менее пышным пиршеством. Сходным образом принимал Годунов того же Вар-

¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 313, 315, 318.

коча 7 октября 1597 г., причем посол поднес правителю дорогие подарки — «лохань, да рукомойник серебряные, золочены». Провожая посла, слуги боярина подвели ему коня на середину двора, в то время как посольская свита спешивалась и садилась на коней за воротами. На другом приеме, австрийского посла Авраама Бургграфа, который состоялся в том же 1597 г., гостя в сенях встречал сын боярина, юный Федор Борисович Годунов. Он же и провожал посла также до сеней¹.

Один из спутников Н. Варкоча оставил следующее описание приема, состоявшегося на годуновском дворе в 1593 г.;

«Когда это наше шествие вступило в кремль, нас повели направо к жилищу вышепомянутого Бориса Федоровича: это было очень обширное здание, только все деревянное. Тут, кто ехал на лошади, сошел с нее, а мы, несшие подарки, устроились за г.[осподином] послом и пошли через 2 покоя, где находились служители Бориса Федоровича, одетые по их обычаю пышно. В 3-м покое, в который вошли мы, находился Борис Федорович с несколькими боярами. Этот покой и по полу, и кругом устлан был прекрасными коврами, а на лавке, на которой сидел Годунов, лежала красная бархатная подушка. На нем было такое платье: во-первых, на голове высокая московская шапка с маленьким околышем из самых лучших бобров; спереди у ней вшит был прекрасный большой алмаз, а сверху его ширинка из жемчуга шириной в два пальца. Под этой шапкой носил он маленькую московскую шапочку, вышитую прекрасными крупными жемчужинами, а в промежутках у них вставлены драгоценные камни. Одет он был в длинный кафтан из золотой парчи с красными и зелеными бархатными цветами. Сверх этого кафтана надет на нем еще другой, покороче, из красного с цветами бархата и белое атласное исподнее платье. У этого кафтана внизу и спереди везде и сверху около рукавов было прекрасное жемчужное шитье шириной в руку, на шее надето нарядное ожерелье и повешена крест-накрест превосходная золотая цепочка, пальцы обеих рук были в кольцах, большей частью с сапфирами. Как только вошел в покой г.[осподин] посол, этот Борис Федорович пошел к нему навстречу, принял его с большим уважением, с поклоном по московскому обычаю, и подал ему руку... Г.[осподин] посол с польским переводчиком оставались час с четвертью одни с Борисом

¹ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 454—458.

Федоровичем... После совещания польский переводчик позвал нас опять туда, и Борис Федорович дал знать через него господину] послу, чтобы он откушал у него хлеба-соли. Затем мы отправились в наше помещение. Когда пришли туда, были уже приготовлены столы: Годунов прислал г.[осподину] послу 100 кушаньев, все на серебряных блюдах, и разного рода напитков, меду, вина, также много кубков и серебряных кружек. Все эти кушанья и напитки подносились г.[осподину] послу в прежнем порядке, как и на великокняжеском обеде, и при каждом кушанье или напитке было сказано его название...»¹

Когда избранный на царство (1598 г.) Борис Годунов переехал в царские хоромы, двор остался пустым — государь не захотел (или не успел) его никому пожаловать. После внезапной смерти Годунова в апреле 1605 г. он стал местом заточения и расправы над его семьей. Самозванец пожаловал Цареборисовский двор боярину князю Ф.И. Мстиславскому, однако тот так и не воспользовался этим даром. В мае 1606 г. здесь разместили царского тестя Юрия Мнишека и других польских дворян. Во время московского восстания 17 мая воевода и его спутники смогли отсидеться за крепкими стенами Цареборисовского двора, пока бояре не спасли их от толпы. Сюда же после низложения с престола посадили под арест неудачливого царя Василия Шуйского. После того как поляки вступили в Кремль, на Цареборисовском дворе расположились командующий войском гетман С. Жолкевский и наместник А. Гонсевский. Здесь был устроен костел, и звуки мессы доносились до покоев патриарха Гермогена, негодовавшего на такое поругание православия.

При царе Михаиле Федоровиче двор долгое время пустовал. Иногда его использовали для различных нужд, в том числе для царской потехи. 11 сентября 1620 г. псари Кондратий Корчмин и Сенька Омелянов «тешили государя дворными медведями гонцами». Забава закончилась печально: «У Кондрашки медведь изъел руку, а у Сеньки изъел голову».

В 1644 г. на Цареборисовском дворе поселили жениха царевны Ирины Михайловны датского королевича Вольдемара. Для дорогого гостя двор был заново отстроен, украшен и соединен

¹ *Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора с 22 июля 1593 года // Чтения императорского Общества истории и древностей российских. М., 1874. № 4. С. 21—22.*

переходами с царским дворцом. К несчастью, стороны так и не смогли прийти к соглашению. Русские настаивали на переходе Вольдемара в православие, но тот никак не соглашался сменить веру. Двор превратился для юноши и его свиты в золотую клетку. В ночь на 9 мая Вольдемар и пятнадцать его спутников попытались бежать, в кремлевских воротах наткнулись на караул, перекололи стрельцов шпагами и вырвались в Белый город. По дороге отряд смельчаков увеличился до тридцати человек пеших и конных, и они добрались до Тверских ворот, где вновь столкнулись со стрельцами, которых на этот раз было гораздо больше. Датчан поколотили, помяли и самого королевича, и беглецы были вынуждены ретироваться в Кремль, оставив в плену одного из товарищей. Когда стрельцы вели пленника по Кремлю, его приятели вновь вступили с ними в бой, многих поранили, а одного убили. Впоследствии королевич принял грех убийства на себя. Это происшествие окончательно завело переговоры в тупик, выходом из которого стала кончина царя Михаила Федоровича, дни которого, несомненно, сократило неудачное сватовство. Новый государь Алексей Михайлович согласился отпустить королевича на родину, и Цареборисовский двор вновь опустел. В 1652 г. царь пожаловал его патриарху Никону, который выстроил здесь церковь во имя святого Филиппа Митрополита¹.

В XIII—XIV вв. в Кремле существовало немало дворов ремесленников. Затем их постепенно начали вытеснять из «города», начиная с самых пожароопасных производств — кузнечного и литейного. В XV столетии ремесленные мастера жили на дворах тех князей и бояр, на которых работали. Влиятельнейший боярин эпохи Ивана III князь И.Ю. Патрикеев в своей духовной грамоте упоминает мастеров-холопов: портных, ткача, плотника, строителя, ювелира и оружейника. Немало ремесленников работало и на великого князя. «А что некоторые мои дворы внутри града на Москве и за городом за моими бояры и за князьями и за детьми за боярскими, и за дворянами за моими, и за дворцовыми людьми и за конюхи, и за мастера за моими, и те все дворы сыну моему Василью», — говорится в духовной грамоте великого князя Ивана III (около 1504 г.). Несколько других дворов, отобранных или

¹ *Описание путешествия в Москву Николая Варкоча...* С. 464—473; *Цветаев Д.В.* Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М., 1884. С. 96-97.

Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль
в конце XVII века. 1922 г.

выменянных у бояр, государь передал второму сыну Юрию и другим младшим сыновьям. Среди них упоминается бывший двор Василия Тучкова у Спасской улицы, на котором жили великокняжеские портные мастера — Ноздря, Кузнецов и Ушак¹.

В XVI—XVII столетиях таких жильцов в Кремле уже почти не осталось, хотя дворцовые и патриаршие служители, различного рода убогие, боярские холопы и приживальцы составляли значительную часть обитателей московской крепости. Так же как и ремесленники, были вынуждены удалиться из Кремля и «гостиинкупцы». В 1471 г. летопись упоминает, что купец Торакан (видимо, восточного или греческого происхождения) выстроил у Фроловских ворот кирпичные палаты; но уже в середине XVI в. ни об одном купце в Кремле не говорится.

Исстари обитали в Кремле, составляя целые династии, священники, дьяконы, псаломщики и прочие служители нескольких десятков кремлевских храмов. Здесь же их и хоронили, несмотря на запрет царя Алексея Михайловича погребать возле кремлевских

¹ *История Москвы с древнейших времен до наших дней*: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 96; *Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных* / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1909. С. 34, 38.

церквей. Дворы священников встречались по всему Кремлю. Так, двор царского духовника, настоятеля Благовещенского собора находился в XVI—XVII вв. на Никольской улице, рядом с церковью Космы и Дамиана. Другие «поповские дворы» «Кремленград» показывает в южной, «подольной» части Кремля. Позднее Поповская слобода переместилась в юго-западный угол крепости, ее своеобразным центром стала церковь Святых Константина и Елены, давшая современное название Константино-Еленинской башне Кремля. В середине XVIII столетия здесь еще существовали четырнадцать частично каменных, частично деревянных священнических дворов, которые было указано сломать в 1770 г. при подготовке к неосуществленному строительству дворца Екатерины II¹.

Покидая Кремль, окинем его взглядом. Его величественные башни и стены, монументальные соборы и Ивановская колокольня и в наши дни производят огромное впечатление. В Средние века никто не мог не устоять перед этим ошеломляющим великолепием. Входя в Кремль, все снимали шапки и крестились на иконы, установленные над воротами. Далее шапки можно было не надевать — тут и там прохожий видел огромные купола соборов и маковки небольших церквей в монастырях, на подворьях или просто на улицах и площадях. Пышный царский дворец, островерхние терема бояр, золотые главы храмов, оглушающий колокольный звон, толчея, крики и брань на Ивановской площади и благоговейный полумрак храмов-усыпальниц — этот многообразный мир представлялся посетителю необычным, чудесным городом.

Именно таким и увидел Кремль австрийский посол Герберштейн: «Крепость же настолько велика, что, кроме весьма обширных и великолепно выстроенных из камня хором государевых, в ней находятся просторные деревянные хоромы митрополита, а также братьев государевых, вельмож и очень многих лиц. К тому же в крепости много церквей, так что своей обширностью она прямо-таки напоминает город»².

¹ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 623.

² Герберштейн С. Указ. соч. С. 132.

Часть четвертая

КИТАЙ-ГОРОД, ИЛИ «СРЕДНИЙ ГОРОД»

Великий московский торг

Территория Великого посада (позднее получившего наименование Китай-город¹), простиравшаяся на восток от Кремля, как и сама крепость, является древнейшим районом Москвы. Культурные слои домонгольского времени исследованы при раскопках в Зарядье, на Красной площади, Ильинке, в Историческом проезде и других районах Китай-города. В то время здесь находилась граница освоенной городской территории. На месте Казанского собора и на Красной площади были обнаружены следы пашни. Зато в Зарядье археологи нашли керамику, стеклянные браслеты, бусины, замок, пряслица и другие предметы, датированные XII — первой половиной XIII в. На заре московской истории восточная стена Кремля проходила по линии позднейшей Ивановской площади. Деревянный город рос отсюда на восток и заканчивался у современной Красной площади, где пахали, сажали огороды и пасли скотину².

¹ Традиционно название этой местности и окружавших ее крепостных стен связывали с предшествовавшими старыми укреплениями, основу которых якобы составляли плетеные изгороди и корзины, заполненные землей, называвшиеся «кита». Такое объяснение довольно сомнительно, в перую очередь с точки зрения правил русского языка. Московвед С.К. Романюк, изучивший все версии происхождения этого топонима (см.: *Романюк С.К.* Москва. Китай-город: Путеводитель. М., 2007. С. 7—10), пришел к выводу, что с наибольшей степенью вероятности его можно связать с тюркским словом «кытай» («кытань»), означавшим «крепость». Этот термин употреблялся в Подолии и Южной Руси, откуда мог быть перенесен в Москву великой княгиней Еленой Глинской, родившейся в Подольской земле. Тем не менее точного и окончательного объяснения наименования «Китай-город» пока нет.

² *История Москвы с древнейших времен до наших дней.* Т. 1. С. 25.

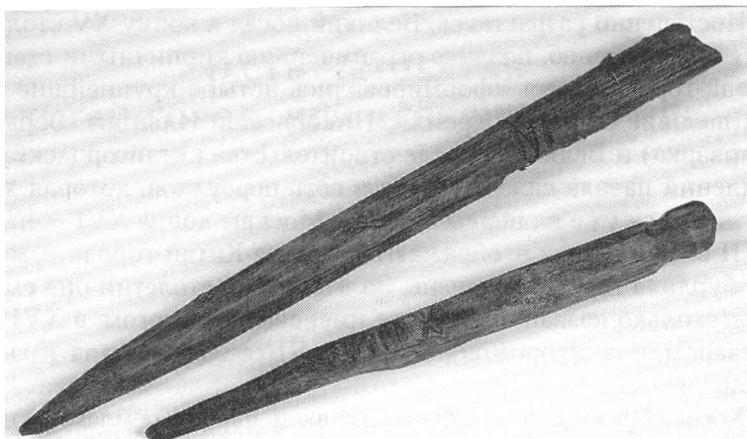
Постепенно разрастаясь, Великий посад к концу XV столетия занял территорию, позднее ограниченную кирпичными стенами Китай-города. Здесь сформировались четыре крупнейшие улицы, шедшие от ворот Кремля: Никольская, Ильинка, Варьская (Варварка) и Великая. После строительства Китайгородских укреплений начала складываться и сеть переулков, которая хорошо читается уже на первых планах Москвы конца XVI — начала XVII в. Эти планы изображают и сердце Китай-города — место, где бурлила городская жизнь. За несколько столетий оно сменила несколько названий: вначале именовалась Торгом, в XVI в. — Пожаром, а со второй половины XVII столетия стала Красной площадью.

Когда образовалась торговая площадь перед Кремлем, не вполне ясно. Первое летописное упоминание о Торге на посаде относится к описанию пожара 1493 г.¹ Венецианец Амброджио Контарини, побывавший в Москве в 1475—1476 гг., ничего не говорит о торговле перед стенами московской крепости, а повествует о торге на льду Москвы-реки: «В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает; на ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары, а в городе тогда почти ничего не продается. Так делается потому, что место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра. Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров... К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так целными тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки»².

Впрочем, Контарини был в Москве осенью и зимой, когда вся торговля переносилась на лед Москвы-реки. Странно, что о московском торге ничего не говорит такой внимательный наблюдатель, как С. Герберштейн, посещавший столицу России в 1517 и 1526 гг. В летописях Торг начинает периодически упоминаться с самого начала XVI в. — под 1508, 1514, 1533, 1534, 1536 и

¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 237.

² *Барбаро* и Контарини о России / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1971. С. 229.

**Деревянные «носы» для счета — непременный атрибут
торгового человека. XVII в. Собрание Музея Москвы**

другими годами. Первое его описание дает немец-опричник Генрих Штаден: «На каждой из торговых улиц имеется один товар. Вдоль площади перед крепостью шли одни торговые улицы». Очевидно, что «торговыми улицами» Штаден именовал деревянные крытые (это видно на планах) ряды. Поляк Самуил Маскевич, еще заставший московский торг до страшного пожара 1610 г., пишет: «Трудно вообразить, какое множество там лавок: их считается до 40 000; какой везде порядок (для каждого рода товаров, для каждого ремесленника, самого ничтожного, есть особый ряд лавок, даже цирюльники бреют в своем ряду)»¹.

Торговые ряды быстро возродились после «Московского разорения» и крупных пожаров XVII в. В середине столетия московский торг на Красной площади достиг расцвета. С.К. Богоявленский по различным документам собрал сведения о 110 торговых рядах. Размеры лавок должны были быть стандартными — 2 сажени в ширину и 2 с половиной в глубину. При этом многие торговцы владели половиной или даже четвертью лавки. Так, согласно переписи 1701 г., владельцами целой лавки были 189 торговцев, половины лавки — 242, а трех четвертей лавки — 77 человек. Даже целые лавки казались иностранцам маленькими. Швед Иоганн Кильбургер, составивший в 1676 г. специальный трактат о рус-

¹ Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 173; Маскевич С. Указ. соч. С. 59.

Русский купец. Западноевропейская гравюра. XVI в.

ской торговле, писал: «Всякий, без сомнения, должен признать славу города Москвы и согласится, что в нем так много лавок, как и в некоторых других европейских городах, хотя большая часть из них так малы и узки, что купец часто едва может надлежащим образом повернуться между своими товарами». Тот же автор в другом месте замечает, что в Москве находится более лавок, чем в Амстердаме или «целом княжестве», но они так малы, что «из одной амстердамской лавки можно сделать десять и более московских»¹.

Помимо лавок, торговля на Красной площади, прилегающих территориях и других площадях и улицах Москвы велась в менее благоустроенных точках — шалашах и «местах скамейных», также делившихся между продавцами, не говоря уже о торговле вразнос.

¹ *Курц Б.Г.* Сочинение Кильбургера в русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 88, 174.

Более чем в трети рядов торговали съестным — свежем, живом и просольном рыбных, масляном, селедном, луковом, чесноковом, двух медовых, двух овощных, хлебном, калачном, ветчинном, уксусном, соляном, пирожном, яблочном, дынным, огуречном, ягодном, капустном... Особые места на «скамьях без кровель» были выделены для торговли «белой рыбицею», «паровыми седдами», «столовыми колачами», гречневиками, клюквой, молоком, сметаной, квасом и прочей едой и питьем, с которыми, однако, было запрещено ходить по рядам. Впрочем, коробейники, державшие свой товар в коробьях, нарушали эти запреты, торгуя вразнос и на Красной площади, и в рядах.

Ремесленные изделия можно было купить в скобяном, замочном, саадашном (саадак состоял из лука и колчана со стрелами), седельном, игольном, самопальном (ружейном), железном, судовом, котельном, красном сапожном, сапожном, ирошном, подошвенном, котельном, коробейном, лубяном и др. Одежду продавали в кафтанном, манатейном (торгующим монашескими рясами), чулочном, колпачном, рукавичном, треушном, войлочном и иных; ювелирные изделия — в золотом, серебряном, жемчужном, монистном. Товары для поддержания чистоты и освещения дома продавались в мыльном, свечном и восковом рядах. Еще в 1547 г. упоминается москотильный (москательный) ряд, где торговали веществами, необходимыми для окрашивания ткани. Были, наконец, и совсем экзотические ряды. В зольном торговали золой в лукошках, применявшейся в качестве удобрения; правда, неясно, почему ее покупали при обилии печей. В белильном москвички могли приобрести белила и румяна. Целых девять лавок было в орешном ряду. В потешном ряду продавали игрушки, в фонарном — фонари, в польском — иноземные товары¹.

Лицом к Кремлю были обращены фасады каменных рядов, впервые возведенных при Борисе Годунове, а затем неоднократно перестраивавшихся. Под рядами имелись каменные погребки. В XVII в. ряды на Красной площади, состоявшие частично из каменных, частично из деревянных лавок, были сгруппированы в Верхние, Средние и Нижние, между которыми были проходы, выводившие к Никольской, Ильинке и Варварке.

¹ *Богоявленский С.К. Топография торговых рядов на Красной площади // Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII в. С. 174—180.*

Глиняные игрушки. XVII в. Собрание Музея Москвы

Ряды, лавки, шалаши, скамьи и другие торговые места распространялись от Красной площади на соседние улицы и перекрестки (крестцы), продолжались за Покровским собором, подступали к Лобному месту. Торговля велась и на мосту у Спасских (Фроловских) ворот — здесь продавали рукописные и печатные книги, «фряжские» листы (гравюры), лубочные картинки. На Никольскую выдвинулись ножовый и иконный ряды. На Ильинке расположился Вшивый рынок, на котором стригли и брили. По сообщению Олеария, «он так устлан волосами, что по ним ходишь, как по мягкой обивке». «Шагу не сделаешь без того, чтобы не наступить, точно на подушку, на крайне грязную их кучу», — вторит ему Таннер. На Торгу стояли десятки извозчиков, о которых С. Маскевич пишет: «Кто захочет быть в отдаленной части города, тому лучше нанять извозчика, чем идти пешком: за грош он скачет как бешеный и поминутно кричит во все горло: Гис, гис, гис!; а народ расступается в обе стороны. В известных местах извозчик останавливается и не везет далее, пока не получит другого гроша»¹.

Торг на Красной площади во всей его красе описал во второй половине XVII в. курляндец Яков Рейтенфельс:

«Перед царским дворцом... простирается четырехугольная площадь, на которой стоят несколько пушек необыкновенной вели-

¹ Маскевич С. Указ. соч. С. 60.

А.М. Васнецов. Красная площадь в XVII веке. 1925 г.

чины, поставленные на кирпичных подмостках, близ которых находится храм Св. Иерусалим (Покровский собор. — *С. III*) изящнейшей постройки. Здесь и на соседних площадях постоянно производится торговля съестными припасами и иными предметами, необходимыми в жизненном обиходе, при густейшем стечении народа. К этому рынку примыкает другой, полукругом расположенный, тянувшийся почти на полмиллиария¹, где лавки для разного товара устроены так, что каждый отдельный, какой угодно, товар выставлен для продажи только в назначенном для него месте. Так, например, в одном месте видишь шелковые ткани, в другом — шерсть, в третьем — полотно; в одном — золотые и серебряные вещи и драгоценные камни, в другом — благовония, в третьем — иностранные вина, причем до двухсот погребов расположено в ряде под землею, в четвертом — разные иного рода напитки, приготовленные из меда, вишен и других ягод. Одним взглядом можно увидеть здесь в одном месте дорогие меха разного рода, в другом — колокола, топоры, подсвечники и иные металлические изделия, в третьем — ножи, рукавицы, чулки, ковры,

¹ Миллиарий (*лат. milliarium*) — римская миля, мера длины, равная тысяче двойных шагов (14 835 м).

завесы и разные ткани. Особый ряд занимают масло, сало и ветчина, особый — свечи и воск, особый, наконец, разные изделия из дерева. В кожаном ряду лежат кожаные изделия: вожжи и прочая конская сбруя, в меховом — шубы и шапки. В одном месте выставлены лечебные разные зелья и травы, в другом — запоры, ключи, гвозди, далее — шелк нитками, канитель, украшения для девиц, браслеты — все в особом месте. Также продаются, каждое в своем особом месте рынка, и обувь, и поножи, и хмель, и ячная крупа, и рыба соленая, и сено, и овес. Не говоря уж о многом другом еще, и муке, и зерновому хлебу, и иным всякого рода вещам, и чинящим обувь, и низеньким лавочкам цирюльников — всему точно определен свой ряд, и все они прекрасно и удобно расположены так, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее из всех, собранных в одном месте, тех или других товаров. Немало увеличивает красоту рынка то, что на нем нет ни одного жилого помещения, дабы таким образом держать огонь, сильно свирепствующий обыкновенно в этом городе, как можно далее. По этой же причине рынок тщательно оберегается сторожами, и те мастера, кои работают с огнем, живут в отдаленном от рынка месте»¹.

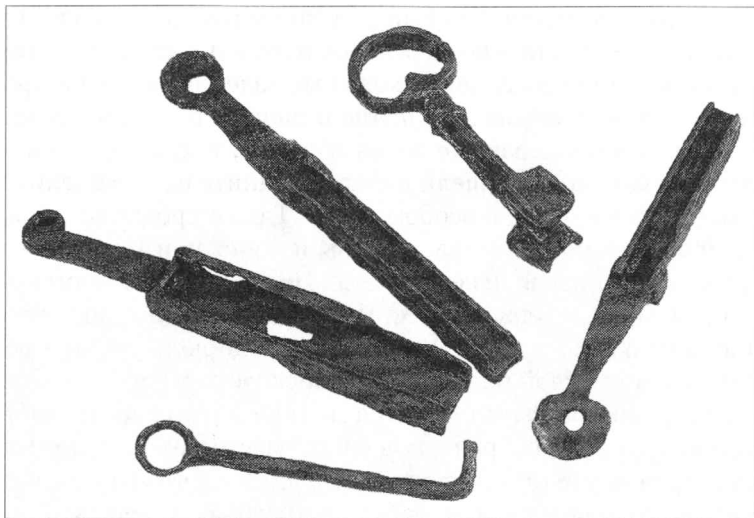
Кильбургер отметил любопытный по своей специализации «птичий рынок», недалеко от «замка и Земского приказа», «на котором имеются в продаже разные живые птицы: глухари, тетерки, рябчики, пиголицы (чибиcы. — *С. III*), чайки-рыбалки, соколы, перепелки, соловьи, жаворонки, щеглы и т. д., а также куры, голуби, гуси, утки и живые кошки»².

Велась на Красной площади торговля и совсем иного свойства. Средоточием ее был уже упоминавшийся выше Белильный ряд. Торговали там не в лавках, а в более хлипких сооружениях — шалашах, — помимо которых «жонки и девки» продавали белила, румяна, холсты «и всякую мелочь», «выше и ниже Лобного места ходячи на площади». Особым указом патриарха Филарета такая торговля с рук была запрещена, но, несмотря на это, продолжалась³. Сюда-то и затесались, если верить свидетельствам иностранцев, те, кого русские документы того времени называют «непотребными женками».

¹ Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 308.

² Куц Б.Г. Указ. соч. С. 174, 175.

³ Материалы... Ч. 2. Стб. 1123.

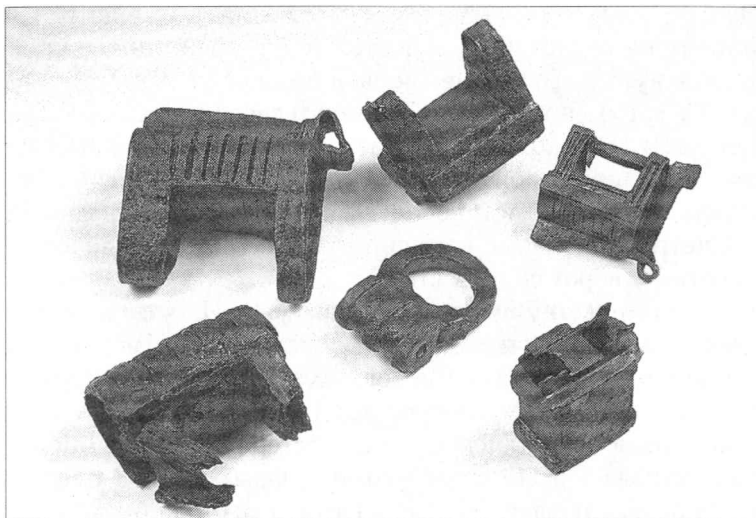
Ключи. XVII в. Собрание Музея Москвы

Адам Олеарий пишет: «Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и праздношатающихся. Вблизи помоста... стоят обыкновенно женщины и торгуют холстами, а иные стоят, держа во рту кольца (чаще всего — с бирюзой) и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлею они предлагают покупателям еще кое-что иное».

Вторит ему и Таннер, посетивший Москву через 40 лет после Олеария, сообщает: «Любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок: нанесут ли они полотна, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так позевать от нечего делать, они поднимают такие крики, что новичок, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды... Некоторые во рту держали колечко с бирюзой; я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок»¹.

Можно было бы, конечно, списать эти свидетельства на злокозненность иностранцев, однако о распространении проституции в средневековой Москве свидетельствуют и русские документы. Достаточно обратиться к царским наказам, адресованным

¹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 149; *Таннер Б.* Указ. соч. С. 63.

Замки. XVII в. Собрание Музея Москвы

служилым людям, которым поручалась охрана общественного порядка. Эти указы строго предписывали «того беречь накрепко, чтоб в городе на посаде, в уезде во всех станах и селах и в деревнях разбоев и татьбы, и грабежу, и убийства, и корчем, и блядњи, и табаку ни у кого не было; а которые люди учнут каким воровством воровать, грабить, разбивать и красть или иным каким воровством промышлять, и корчмы и блядњи и табак у себя держать, и тех воров служилым людям велеть иметь и... сыскивать про их воровство накрепко».

Но вернемся обратно на главную торговую площадь Москвы. Легко представить себе каждодневную толчею этого огромного рынка, которая в те времена вошла в пословицу; говорили «толчея как на Пожаре». Несколько тысяч человек, продавцы и покупатели со всех концов Российского государства, иноземцы из Европы и Азии, «безместные» попы и мастера-наймиты, корбейники и скоморохи, стрельцы и земские ярыжки, нищие и гулящие девки, воры и бродяги, юродивые и кликуши — вся эта толпа наполняла Красную площадь и прилегающие к ней улицы. Здесь торговались и кричали, спорили, бранились и даже дрались. К вечеру шум утихал, и лавочники спускали собак, привязанных к кольцам, которые прикреплялись к веревке, протянутой вдоль рядов.

За Средними торговыми рядами находился каменный Гостиный двор, на котором останавливались и хранили свои товары приезжие купцы. Гостиные дворы в Москве упоминаются еще в конце XV в. Каменное здание Гостиного двора возвели при Борисе Годунове. В 1638—1641 гг. он был перестроен, а в 1660—1665 гг. рядом закончили строительство Нового Гостиного двора. Богато украшенное изразцами и росписью здание в плане представляло собой четырехугольник с обширным внутренним двором, куда вели четверо ворот со всех сторон.

По свидетельству шведского дипломата И. Кильбургера, посетившего Москву при Алексее Михайловиче, «зимою весь двор заполняется саними, разными товарами и народом, так, что здесь походить нельзя, а надо беспрестанно лазить. Здесь видишь горами наваленные астраханские осетры и стерляди, также множество икры и разные черкесские и другие товары». В 1673 г. здесь появилась первая общедоступная аптека, в которой было разрешено продавать «спирты, водки и всякие лекарства всяких чинов людям».

В 1996 г. во время раскопок на территории Гостиного двора был обнаружен самый крупный московский клад, названный по улице Ильинским. В двух кувшинах содержались 16 серебряных сосудов, 335 западноевропейских талеров и 95 429 русских копеек, отчеканенных в период от Ивана IV до Михаила Романова. Такого огромного количества русских монет еще никогда не находили — за всю более чем вековую историю формирования нумизматической коллекции Исторического музея там было собрано около 70 тысяч копеек. Не менее любопытны и западноевропейские монеты, отчеканенные в Дании, Швеции, швейцарских кантонах, Польше, германских государствах, Нидерландах. Среди них очень мало дубликатов, как будто владелец собирал монетную коллекцию. По самой поздней монете 1640 г. устанавливается время сокрытия клада — начало 40-х гг. XVII в.

Как и многие другие, Ильинский клад был погребен пожаром. Видимо, владелец так и не смог разыскать его или умер, не успев воспользоваться. Общая стоимость клада превышает тысячу рублей, что может свидетельствовать о его принадлежности богатому купцу, члену крупнейшей купеческой корпорации — Гостиной сотни. Об этом свидетельствует и его местонахождение на территории Гостиного двора. Содержимое клада могли составлять предметы торговли в серебряном ряду — в пользу этого говорит

Ильинский клад. XVII в. Собрание Музея Москвы

высокое качество серебряных кубков английской работы. Примечательно и то, что более 90 процентов русских копеек составляют «старые деньги», которые очень высоко ценились при царе Михаиле Федоровиче за высокое содержание серебра и также могли являться товаром. Возможно также, что хозяин готовил ценности к сдаче на Денежный двор для перечеканки, но по каким-то причинам не сделал этого. И сосуды, и талеры и старые деньги — все это было сырьем для производства новой монеты¹.

Кровь на площади

Центром Красной площади являлось Лобное место. В московско-ведческой литературе это название часто всего связывают со словом «взлюбье» — холм. Однако более убедительно другое объяс-

¹ Векслер А.Г., Мельникова А.С. Российская история в московских кладах. М., 1999. С. 129-136.

Покровский собор. Гравюра из книги А. Олеария
«Описание путешествия в Московию и через Московию
в Персию и обратно». 1656 г.

нение. Лобное место — это перевод еврейского слова «Голгофа» (чело, череп). Именно так именует Голгофу русский паломник Василий Поздняков, посетивший Иерусалим в 1558—1561 гг., объясняя: «Бе бо Адамова голова сокровенна в той горе Голгофе, где распяша Господа... ибо то ныне зовется место Лобное». Первое упоминание о Лобном месте относится к 1585 г. В 1598-м было «зделано Лобное место каменно, резано, двери — решетки железные».

Исследователи сакральной топографии Москвы А.Л. Баталов и Л.А. Беляев предположили, что Лобное место возникло как составляющая обряда «шествия на осляти», символизировавшего вход Иисуса Христа в Иерусалим. Расположенное напротив Покровского собора, придела во имя Входа Господня в Иерусалим, Лобное место стало символом Голгофы, как Покровский

Покровский собор (храм Василия Блаженного)

собор — символом Иерусалима. Вероятно, оформление Лобного места в камне связано с монументальным иерусалимским проектом Бориса Годунова — строительством храма Святая Святых в Кремле, которое остановилось после его смерти¹.

В эпоху Смуты Лобное место становится главной трибуной царствующего града. Здесь происходят драматические события, решаются судьбы государства. В 1605 г. после скоропостижной кончины Бориса Годунова прорвавшиеся в город посланцы Лжедмитрия I Гаврила Пушкин и Наум Плещеев зачитали с Лобного места «прелестные грамоты» самозванца, а боярин Богдан Бельский, бывший любимец Ивана Грозного, обратился к народу со

¹ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010. С. 331—341.

словами: «Яз за цареву Иванову милость ублюл царевича Дмитрия, за то я терпел от царя Бориса». Это решило участь семьи Годунова — толпы народа ворвались в Кремль и захватили их. Спустя год у Лобного места был брошен голый обезображенный труп самозванца, на который кинули скоморошью маску и дудку, найденные в его покоях. Вслед за этим на Лобном месте нарекли царем Василия Ивановича Шуйского, там же собирались потом враги Шуйского, обращаясь к народу с призывами низложить царя.

Торговая площадь издревле служила местом, где не только совершались торжественные церемонии и произносились важнейшие объявления, но совершались наказания с тем, чтобы преступник ощущал еще больший позор, подвергаясь наказанию на глазах у всего «многочудства».

Богатым на казни выдавался 1488 г. Тогда торговой казни — битью кнутом на Торгу — подвергли князя Василия Ухтомского, чудовского архимандрита Никандра и Ивана Хомутова, участников подлога завешания князя Андрея Васильевича Меньшого, брата государя. Следующим истязуемым был великокняжеский слуга Мунт Татищев, пошутивший, что самодержец собирается посадить в тюрьму другого своего брата — князя Андрея Большого Углицкого. Неуместное остроумие чуть не стоило Татищеву языка — митрополит едва умолил великого князя избавить «шутника» от этого жестокого увечья, а опасная шутка оказалась грозным пророчеством — в 1491 г. Андрей Большой был схвачен и спустя два года умер в тюрьме. В том же году присланным в Москву новгородским архиепископом Геннадием попам, которые спяну «ругались» над святыми иконами, дали кнута и отправили обратно в Новгород. В 1493 г. Иван III приказал подвергнуть торговой казни смолянина Богдана Селевина за переписку с великим князем Литовским Александром Казимировичем. Во время порки несчастный скончался, а его брату отрубили голову¹.

25 июля 1570 г. царь Иван Грозный со старшим сыном Иваном в окружении телохранителей и опричников выехал на торговую площадь. Незадолго до этого там были произведены страшные приготовления: вбиты заостренные колья, зажжен костер, над которым поставлен котел с водой, и т. п. На площадь вывели около трехсот москвичей, в основном приказных и дворян. «Большин-

¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 220, 235.

М.И. Авилов. Царь Иван Грозный с опричником. 1916 г.

ство их, — пишет современник Альберт Шлихтинг, — о жалкое зрелище! — было так ослаблено и заморено, что они едва могли дышать; у одних можно было видеть сломанные при пытке ноги, у других руки». Царь велел вывести из толпы осужденных 184 человека и объявил, что прощает их. Свидетельство иностранных авторов подтверждает описание следственного дела: «Да тутو список, ково казнити смертию, и какою казнию, и ково отпустить...» Остальные умирали в страшных мучениях. Так, многолетний глава Посольского приказа, выдающийся дипломат Иван Михайлович Висковатый, обвиненный в измене и тайных связях сразу с тремя недругами царя — польским королем, крымским ханом и турецким султаном, — был разрезан на куски. Во время массовых казней были истреблены наиболее видные деятели московского приказного управления — дьяки и подьячие, в течение многих лет управлявшие главными приказами и составлявшие опору государственного аппарата¹.

Июльские казни 1570 г. запечатлелись в народной памяти, отразившись в повести о Харитоне Белоулине, рассказывающей,

¹ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935. С. 46—48; Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 161.

что на Пожаре были приготовлены триста плах, столько же топоров и палачей; выехал на площадь царь «в черном платье и на черном коне» и приказал казнить именитых людей «по росписи». Одного из приговоренных, купца Харитона Белоулина, палачи никак не могли одолеть, а когда все же повалили и казнили, обезглавленное тело вновь поднялось. Царь в ужасе ушел с места побоища, а остальных приговоренных отпустил¹.

В 1587 г. на Пожаре обезглавили московских купцов Федора Ногая с товарищами, сторонников боярской партии князей Шуйских, потерпевших поражение в борьбе против Годунова и обвиненных в измене. В числе пострадавших по этому делу оказался Иван Федорович Крюк Колычев. По прихоти судьбы спустя два десятка лет уже царь Василий Шуйский по доносу Василия Бутурлина приказал казнить своего прежнего соратника Колычева все там же, на Пожаре. Как можно видеть, неизвестный современник Шуйского, автор «Петрова чертежа» вполне обоснованно обозначил это место как «площадь, называемая площадью казней».

При создании впечатляющего драматического и величественного полотна «Утро стрелецкой казни» (1878—1881), наполненного историческим трагизмом, Василий Иванович Суриков использовал описание очевидца — австрийского посла Иоганна Корба, посетившего Москву в 1698—1699 гг. В «Дневнике» Корба за 13 февраля 1699 г. сказано: «День ужасный, так как сегодня казнено двести человек. Этот день, несомненно, должен быть отмечен черной краской. Все были обезглавлены топором. На пространной площади, прилегающей к Кремлю, были приготовлены плахи, на которые осужденные должны были класть головы... Его царское величество с известным Александром (Меншиковым. — *С. III*), общество которого он наиболее любит, приехал туда в карете и, проехав через ужасную площадь, остановился неподалеку от нее, на том месте, где тридцать осужденных поплатились головой за свой преступный заговор. Между тем злополучная толпа осужденных наполнила вышеозначенную площадь... Народ молчал, и палач начал трагедию. Несчастные должны были соблюдать известный порядок: они шли на казнь поочередно, на лицах их не видно было ни печали, ни ужаса предстоящей смерти... Одного из них провожала до самой плахи жена с детьми, испуская пронзи-

¹ *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 131-137.

В.И. Суриков. Утро стрелецкой казни. 1881 г.

тельные вопли. Прежде чем положить на плаху голову, отдал он на память жене и милым детям, горько плакавшим, перчатки и платок, который ему оставили... По окончании расправы его царское величество изволил ужинать у генерала Гордона, но был невесел и очень распространялся о злобе и упрямстве преступников, с негодованием рассказывая генералу Гордону и присутствовавшим московским вельможам о закоренелости одного из осужденных, который в минуту, как лечь на плаху, осмелился сказать царю, стоявшему, вероятно, слишком близко к плахе: «Посторонись, государь! Это я должен здесь лечь»¹.

В то же время знаменитый разбойник Степан Разин был казнен не на Красной площади, как об этом сообщают легенды. В.А. Гиляровский установил, что Разина казнили за рекой, «на Болоте», то есть на месте современной Болотной площади. Впрочем, довольно о казнях, их торговая площадь видела немало, но умела быстро забывать за повседневной суетой и громким шумом. Тем более что в рядах было прекрасное место, где можно было забыться, — кабак. Он притаился в подвале под пушечным раскатом — каменной площадкой для орудий, где находилась в том числе и знаменитая Царь-пушка.

¹ Корб И. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. С. 122—123.

Зарядье

В XIX — начале XXI в. этой местности не везло. Сбегавшая вниз к Москве-реке по правую сторону от Варварки, она была застроена двух-трехэтажными домами, в которых ютилось небогатое население этого района. Казалось бы — самый центр Первопрестольной, — а район Зарядья в XIX — начале XX в. представлял собой чуть ли не трущобы. Но московские власти были озабочены вовсе не тем, как непрезентабельно выглядит эта старинная часть Москвы. Их волновало обилие евреев, торговцев и ремесленников, проживавших там без всяких разрешительных документов.

И все же этот район с его кривыми, полутемными улочками спокойно дотянул до революции, а в 1930—1940-х гг. был полностью уничтожен, поскольку здесь планировалось строительство одного из высотных зданий. Вместо него в 1964—1976 гг. по проекту видного советского архитектора Д.Н. Чечулина было построено здание гостиницы «Россия», испортившее всю панораму этой части Москвы. В 2006 г. это здание было разобрано, но пока не ясно, что появится на его месте. Ныне даже открывающаяся панорама не радует глаз, поскольку закрыта высоким жестяным забором, за которым стыдливо скрывают пустырь, заваленный обломками и строительным мусором.

Единственным ценным итогом из злоключений Зарядья в XX — начале XXI столетия является то, что значительная часть этого района была археологически исследована в 1949—1951 гг. Руководил этими работами выдающийся московский археолог М.Г. Рабинович. В 1954—1961 гг. раскопки на этом месте продолжались под руководством А.Ф. Дубинина. Начался новый цикл археологических работ и после разбора здания гостиницы «Россия», в 2006 г. Результаты этих исследований позволили восстановить увлекательную картину жизни Зарядья в XIII—XVII столетиях.

Свое наименование эта местность получила, видимо, в XVI в., когда окончательно сложился комплекс торговых рядов на Красной площади и соседних территориях. К этому времени Зарядье имело свою долгую историю. При раскопках здесь обнаружены слои домонгольского времени (XII—XIII вв.), которые были датированы благодаря типичным находкам — стеклянным браслетам, бусам, керамике, пряслицам и т. д. В это время отдельные

поселения на территории позднейшего Китай-города перемежались пашнями, лугами и оврагами. Вероятно, уже после монгольского разорения в этом месте, на берегу Москвы-реки была создана торговая пристань, у которой воздвигли церковь Николая Мокрого. Этот храм, выстроенный по имя покровителя путешественников по водам, неоднократно перестраивался и был разрушен в 1960-х гг. Дорога, которая шла от пристани к Кремлю, получила название Великой улицы, в XIV—XV вв. она была главной на посаде.

В это время Зарядье, как и основная часть Великого посада, было занято дворами ремесленников. При раскопках в Зарядье обнаружены несколько таких усадеб — кожевника, сапожника, ювелира-литейщика. Впрочем, в этот район уже начинали забираться и бояре. Здесь, согласно духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеева, находился один из его дворов. М.Г. Рабинович считал возможным связать с этой усадьбой обнаруженные им остатки бани, сгоревшей во второй половине XV в. Сам пожар исследователь связал с летописным известием 1468 г., а принадлежность бани к усадьбе князя Патрикеева установил на основании найденной в слое угольков небольшой овальной костяной печати, носившейся на шнурке. На ней вырезана фигура воина с щитом и копьем и помещена надпись: «Печать Ивана Карови»¹. Заманчиво, конечно, представить себе этого видного вельможу выскакивающим вечером 23 мая 1468 г. из горящей бани, «наскоро одеваясь», как это предлагал сделать своим читателям М.Г. Рабинович². Но, во-первых, нам ничего не известно о том, что князь Иван Патрикеев носил прозвище Корова (зато известны, например, прозвища его сыновей — Михаил Колышка, Василий Косой, Иван Мунында). А во-вторых, на печати обязательно должен был быть прописан и его титул. И все же, если эта печать и не принадлежала Патрикееву, она открывает перед нами еще одну любопытную черточку быта древней Москвы. Резчик написал прозвище владельца, следуя московской традиции «аканья», у него слово «Корова» превратилось в «Карову».

¹ Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1971. Т. 4. Древности Московского Кремля. С. 56.

² Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973. С. 185-186.

Стена Китай-города. Фотография начала XX в.

В XVI в. Зарядье приобретает иной облик. Ремесленников постепенно вытесняют в Белый, а то и в Земляной город служилые люди, приказные, торговцы и духовные лица. Раньше всех и дальше всех поехали кожевники. Их слобода разместилась на окраине Замоскворечья, в районе современной Кожевнической улицы, и поныне хранящей память об этих мастерах. Дело в том, что при квашении кожи выделялся сильный, неприятный запах, потому кожевников и переселили подальше и от торгового, и от боярских усадеб в Китай-городе. Однако они не горевали, выстроили слободский храм Троицы в Кожевниках и без чужих попреков продолжали свой нелегкий труд, благо Москва-река, протекавшая рядом, давала им достаточно воды для обработки кож. Другие мастера кое-где еще сохранили свои дворы, как в Зарядье, так и в Китай-городе, однако большинство мастеров переселились в XVII в. на территорию Белого города и Земляного города. Перепись 1638 г. показывает в Зарядье среди основной массы служилых и торговых людей нескольких мастеров — серебряного мастера, рукавишника, портного, свечника; жили тут и боярские мастера-холопы — плотники, сапожники, портные...

Сама перепись, призванная определить, кто с каким оружием может выступить в случае осады города (мы к ней в дальнейшем

еще вернемся), так подводила итоги описания района между Ильинкой и Китайгородской стеной, выходящей на Москву-реку:

«И всего в Китай-городе с Ильинского крестца по Москворецкие водяные ворота 2 двора боярских, 16 дворов постельничего и стольничьих и дворянских и с пустыми князь Васильевскими дворами Яншеевича Сулешова, 9 дворов дьячих, 27 дворов подъяческих, 42 двора гостиных и гостиные и суконные сотни и ордынские и казенные слободы и всяких торговых разных рядов и мастеровых людей, 5 подворий монастырских, 45 дворов протопоповских и дьяконских, 24 двора вдовьих и просвирничьих и безместных стариц, 30 дворов тюремного дворского и подключников и сытника и конюхов и старца и детей боярских и крестьян, 40 дворов крестового и певчих дьяков и церковных дьячков и псаломщика и пономарских и государевых бронника и Печатного двора мастеров и немецких и боярских крестьян, 18 дворов недельчиков Посольского приказу, новой чети Печатного двора, церковных, решеточных, тюремных сторожей, в том числе Денежный и Агленской дворы да пустых подъяческих три двора. А в них всяких чинов людей, опроче протопопов и попов и дьяконов и которые дворов своих и людей писать не дали и опроче Суздальского и Агленского двора приезжих немец, 620 человек».

Картина получилась довольно пестрой. На 258 дворах проживали 620 человек, которые, говоря современным языком, были признаны годными к службе в военное время. Из них к правящему, дворянскому сословию принадлежало всего 18 дворовладельцев. 36 человек представляли приказную бюрократию. Переписчики не случайно объединили мастеров и торговцев. Мастера часто торговали своими изделиями в рядах. Торговцев и ремесленников оказалось 42 дворовладельца. Основную категорию жителей в этом районе составили представители духовенства. 45 принадлежало только священникам и дьяконам; к ним же надо прибавить еще несколько десятков дворов крестовых и певчих дьяков, просвирниц и стариц и пять монастырских подворий. Именно эта категория дворовладельцев и жителей была абсолютно бесполезна для целей переписи — ни они, ни их люди не собирались воевать и о наличии какого-либо оружия не объявляли. Остальные более чем два десятка дворов принадлежали печатникам Печатного двора, недельщикам, сторожам и иным государственным служащим невысокого ранга.

Конечно, военная перепись Москвы 1638 г. требует более внимательного исследования, но и самый беглый взгляд на ее итоги дает любопытную картину. Интересно также узнать, какова оказалась боеспособность обитателей Варварки и Зарядья. Из 620 человек, которые, условно говоря, были признаны «годными»: «С пицальми 289 человек, с рогатины 158 человек, которые ружья у себя никакого не сказали 173 человека»¹. Итого — чуть меньше половины с ручным огнестрельным оружием, четверть — с рогатинами (большими плоскими копиями), и почти треть «сказались» вообще безоружными. В целом, вероятно, неплохо — 72 процента от общего числа боеспособного населения района были готовы к бою в любой момент.

Как можно видеть, на сравнительно небольшом пространстве южной части Китай-города расположилось в XVII в. значительное количество дворов. В XVI в. плотная застройка поглотила Великую улицу, которая сузилась до небольшой улочки, получившей наименование Зачатьевской (по храму Зачатия Святой Анны, что в Углу — известен с 1493 г.), а затем — Мокринского переулка. Сложились здесь и другие улицы и переулки — Псковская улица, Знаменский переулок, Ершов переулок и другие. Среди рядовых владений выделялись усадьбы крупных вельмож — бояр, окольничих, думных дьяков. Чаще всего они выходили на проезжие улицы.

В Зарядье XVI — начала XVII столетия таким владением был дом бояр Романовых, выходивший на правую сторону Варварки (если идти из Кремля). Он не только хорошо читается на плане Москвы 1597 г. «Петровом чертеже», но даже подписан автором этого плана, особо выделившим и обширность усадьбы, и знатность ее владельца. Схематическое изображение строений на плане все же дает возможность различить посередине двора крупное сооружение, по-видимому каменные двухэтажные палаты. Первым хозяином этого двора был Никита Романович Юрьев, видный деятель эпохи Ивана Грозного, боярин, воевода и дворецкий, брат первой супруги царя Анастасии Романовны. Он известен в народных песнях как «добрый боярин», противостоящий злодею Малюте Скуратовичу. Современники-иностранцы свидетельствуют, что и сам старый боярин и его сыновья пользовались попу-

¹ *Переписная* книга Москвы 1638 г. М., 1881. Стб. 1 — 11.

лярностью у москвичей¹. Видимо, было за что. А.К. Толстой в драматической трилогии «Иван Грозный», следуя фольклорной традиции, изобразил Никиту Романовича как ходатая и заступника за опальных и несчастных перед тираном. Сложно сказать, какова была его роль на самом деле. Известно только, что и сам боярин становился жертвой царского гнева.

В 1575 г. Иван Грозный наложил на Никиту Романовича опалу. Англичанин Джером Горсей, неоднократно бывавший в России при Иване Грозном и царе Федоре Ивановиче, пишет: «Выбрав одного из своих разбойников, он послал с ним две сотни стрельцов грабить Никиту Романовича... забрал у него все вооружение, лошадь, утварь и товары ценой на 40 тыс. фунтов, захватил его земли, оставив его самого и его близких в таком плачевном и трудном положении, что на следующий день Никита Романович послал к нам на Английское подворье, чтобы ему дали низкосортной шерсти сшить одежду, чтобы прикрыть наготу свою и своих детей, а также просить у нас какую-нибудь помощь»².

Впоследствии опала была снята. В конце правления Ивана Грозного Н.Р. Юрьев упоминается в числе ближайших к царю бояр. При царе Федоре Ивановиче он занял одно из первых мест, как по заслугам, так и по родству с царем. В 1586 г. Никита Романович скончался, приняв перед смертью монашество с именем Нифонт. Усадьба перешла к сыновьям Никиты Романовича, старший из которых Федор Никитич получил боярство еще при жизни отца. Голландец Исаак Масса дает выразительное описание этого молодого вельможи: «Красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в пословицу у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: «Второй Федор Никитич»; он так ловко сидел на коне, что всяк, видевший его, приходил в удивление»³. Дружная семья Романовых и родственные им аристократические фамилии были опасными

¹ «Народ был весьма расположен к нему, ибо он отличался благочестием, а также ради сестры его, в народе весьма любимой» {*Масса И.* Указ, соч. С. 29—30). Более подробно см.: *Басенко Г.И. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича. СПб., 1913. С. 41—56 (гл. 3. «Царский шурин и ближний боярин Никита Романович Юрьев»),

² *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Коммент, и пер. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 80.

³ *Масса И.* Указ. соч. С. 38.

соперниками Бориса Годунова в борьбе за власть. Сам Федор Никитич Романов считался претендентом на трон после кончины бездетного царя Федора Ивановича, но в 1598 г. Романовы проиграли, и Борис венчался шапкой Мономаха. Спустя два года, опасаясь за будущность своей династии, Годунов решил расправиться с Никитичами и их сторонниками.

Романовых обвинили в намерении «извести» царя. Казначей боярина Александра Никитича Романова Второй Бартенев донес, что его господин хранит у себя некие «коренья». Этого было достаточно, чтобы царь отдал приказ об аресте братьев Никитичей. Один из членов польского посольства, находившегося тогда в Москве, записал в дневнике от 26 октября 1600 г.: «Этой ночью его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало... Дом, в котором жили Романовы, был подожжен, некоторых он (Борис. — *С. III.*) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»¹ Усадьба Романовых подверглась разгрому, а с самим родом жестоко расправились.

Федора Никитича насильно постригли в монахи с именем Филарет и сослали в Антониево-Сийский монастырь; Александр Никитич был сослан в Усолье-Л уду, где был удушен своим приставом; Иван Никитич был сослан в Пелым; Василий Никитич приговорен к ссылке в Яранск, но затем переведен в Пелым; наконец, младший из братьев Михаил Никитич был сослан в Ныроб, где вскоре скончался от голода, а его цепи стали предметом поклонения. Подверглись опалам и ссылкам и другие видные бояре и дворяне, входившие в родственный романовский кружок: князь Б.К. Черкасский, князь Ф.Д. Шестунов, князь И.В. Сицкий и другие.

Сохранились документы, рисующие ужасные условия ссылки Романовых. Так, пристав при В.Н. Романове сотник И. Некрасов в расспросе перед окольничим С.Н. Годуновым так рассказывал о переводе опального из Яранска в Пелым: «А шли они волоком пеши, от Соли Камской до Верхотурья, полтрети (две с половиной. — *С. III.*) недели, только на подводах везли запасишко... а как шли пеши, и он с Василья чепь сымал, шол он прост, а к ночи чепь на него клал, для чтобы он не утек. А как прошли Верхотурье, к

¹ Цит. по: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1983. С. 134—135.

Пельни, и он Василий розболелся, и он Иван (Некрасов. — *С. III*), вез его в санях простого; а как ему полегчало, и он на него опять чепь клал». По прибытии в Пелым другой пристав С. Манатов «посадил Василья Романова с братом, с Иваном, в одной избе на чепях же по углам». Сам же С. Манатов доносил: «Взял я, холоп твой, у Ивана, у Некрасова твоего государева изменника Василия Романова... больна, только чуть жива, на чепи, опох с ног; и я, холоп твой, для болезни его, чепь с него снял... и преставился февраля 15-е число». Тяжело болел и брат скончавшегося: «А изменник твой государев, Иван Раманов болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу маленько приступает»¹.

Двор на Варварке был конфискован и перешел в ведение казны, боярские холопы разбрелись кто куда — боевые пополнили отряды недовольных, промышлявших разбоем в «украинных городах», а мастера стали кормиться своим ремеслом². В 1603 г. был возвращен из ссылки перенесший тяжелую болезнь Иван Никитич Романов. Царь изобразил милость к опальному и вновь принял его на службу, однако усадьба Романовых по-прежнему

**Царь Михаил
Федорович Романов.
Миниатюра из
Титулярника. 1672 г.**

¹ Дело о ссылке Романовых // Хроники Смутного времени (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.) / Сост. А.А. Либерман, Б.Н. Морозов и С.Ю. Шокарев. М., 1998. С. 421—423.

² В числе романовских холопов был небогатый галицкий дворянин Юрий (Юшка) Отрепьев, который после разгрома этой семьи бежал из Москвы и принял постриг в одном из провинциальных монастырей. Что заставило молодого человека надеть монашеский клобук? Может быть, он был участником каких-то политических интриг, задумывавшихся Романовыми? К такому выводу приходят некоторые историки, анализируя его дальнейший жизненный путь — из провинции монах Григорий перебрался в кремлевский Чудов монастырь, оттуда бежал в Литву, где и объявил себя чудесно спасшимся царевичем Дмитрием Углицким.

оставалась в казенном владении. Там она и находилась вплоть до вступления на престол царя Михаила Федоровича, при котором романовский двор стали называть «Старый государев двор». Здесь в 1620-х гг. разместилось управление остатками старинных романовских вотчин, которое вела царица-инокия Марфа. В 1631 г. по указу царя Михаила Федоровича на территории бывшей дедовской вотчины был создан Знаменский монастырь, главным собором которого стала бывшая дворовая церковь Романовых¹.

В 1668 г. монастырь сгорел, и Знаменский собор был заново построен псковскими мастерами Ф. Григорьевым и Г. Анисимовым в 1679—1684 гг. Почти в то же время, в 1676—1680 гг., строился корпус братских келий (надстроен в 1908 г.). В 1782 г. в обители выстроили колокольню, которая сменила прежнюю, шатровую XVII в. Эти памятники сохранились до настоящего времени. Вплоть до закрытия собора в 1920-х гг. здесь находились родовая святыня Романовых — икона Знамение со святыми на полях (XVI в.), а также царские вклады — Евангелие, принадлежавшее патриарху Филарету, серебряный крест с мощами, атласная риза и другие.

Среди других монастырских построек скромно доживали свой век каменные палаты, стоявшие лицом к Варварке. В первой половине XIX столетия никто не мог предположить, что это здание является единственным уцелевшим строением старинной боярской усадьбы предков царствующей фамилии. В 1856 г. по указу Александра II здесь начались исследовательские, а затем реставрационные палаты, и вскоре дом бояр Романовых предстал перед удивленной публикой в том виде, в каком его знаем сейчас и мы. Авторы реконструкции, архитекторы, историки и москвоведы Ф.Ф. Рихтер, И.М. Снегирев, А.Ф. Вельтман и А.А. Мартынов придали палатам тот вид, который соответствовал их представлениям о боярском тереме XVI в. Современные знания позволили бы более точно восстановить облик этого сооружения. Тем не менее эти работы стали классикой архитектурной реконструкции, а в возрожденных палатах был создан музей, который и сейчас существует как филиал Государственного исторического музея.

¹ *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI-XVIII вв. М., 1997. С. 7-36.

Не менее примечательна история и соседнего владения — Английского двора. В 1556 г. царь Иван IV пожаловал английским торговцам двор на Варварке, каменные палаты которого были выстроены в первой половине Иваном Дмитриевичем Бобрищевым. Этот богатый купец-сuroжанин был создателем соседнего храма Святой Варвары, давшего наименование всей улице. Почти сто лет Английский двор был главной резиденцией английской Московской компании, в его подвалах хранилось огромное количество товаров, здесь останавливались английские посланники, торговые агенты, купцы. Английский двор пострадал во время пожара Москвы 1571 г. и боев Второго ополчения с поляками в 1612 г., но каждый раз отстраивался — дела англичан, не имевших серьезных конкурентов благодаря торговым привилегиям, выданным им Иваном Грозным, шли прекрасно.

Такое положение очень не нравилось русским купцам, и они не раз обращались к государю с просьбой ограничить права англичан на беспопешинную торговлю. До поры до времени цари терпели такое положение, опасаясь вступать в конфликт с могущественной английской короной, но в 1649 г. нашелся отличный повод — английская революция. 9 июня 1649 г. царь Алексей Михайлович издал указ о высылке англичан из России за их вредные для российской торговли поступки (тайно торговали табаком, скупали шелк-сырец и другие «заповедные» товары, «да и во многих статьях ваша многая неправда»). Прежние договоры самодержец счел недействительными, поскольку они были заключены по прошению «Карлуса Короля», «а ныне ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое зло, государя своего, Карлуса Короля, убили до смерти, и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось»¹. Англичанам было разрешено торговать в Архангельске на общих основаниях, как и другим западноевропейцам.

Тщетно англичане уже после реставрации монархии просили о прежних привилегиях и возврате Английского двора, главную московскую резиденцию им так и не вернули. Конфискованный Английский двор был выкуплен боярином Иваном Андреевичем Милославским. После его бездетной смерти двор вновь отошел в казну. В 1676 г. в хоромах расположилось подворье митрополита Нижегородского и Алатырского. Тогда же была составлена

¹ ПСЗ. Т. 1. Собрание 1-е. СПб., 1830. С. 167-169.

опись каменного строения: «Верхняя палата об одном житье, под нею одна ж кладовая полата да два погреба и лесница с крыльцом, с одной стороны приделана каменная ж поварня небольшая и лесница с крыльцом; железного строения осмеры двери да две решотки, в верхней полате в пяти окошках решотки, четверы затворы; то каменное строение все ветхо добре и полата и крыльцы не покрыты»¹.

В начале XVIII в. здесь находилась Арифметическая школа, затем палаты переходили от одних хозяев к другим и утратили первоначальный облик. Московеды и историки архитектуры считали палаты Английского двора утерянными. Выявил этот памятник в 1956 г. выдающийся реставратор Петр Дмитриевич Барановский. Он же добился сохранения палат во время строительства гостиницы «Россия», когда памятнику угрожал снос. Во время реставрации 1968—1972 гг. Английский двор был восстановлен в архитектурных формах XVI—XVII вв., удалены позднейшие пристройки; внутри раскрыты средневековые конструктивные и декоративные детали, реконструированы интерьеры. 19 октября 1994 г. с участием английской королевы Елизаветы II и принца Филиппа здесь был открыт филиал Музея Москвы «Старый Английский двор».

Еще одним интересным жильцом Зарядья был князь Василий Яншеевич Сулешов, двор которого находился на углу Ершова переулка и Зачатьевской улицы, неподалеку от церкви Николы Мокрого. Князь Сулешов был потомком рода знатных крымских биев. Его отец Янша-мурза при царе Федоре Ивановиче перешел на русскую службу. Наиболее известен его старший сын — боярин князь Юрий Яншеевич — видный деятель Смутного времени, воевода в Тобольске, глава нескольких приказов. Кстати, жил старший Сулешов неподалеку — на Ильинке. Василий Яншеевич вместе с братом участвовал в 1618 г. в обороне Москвы от войск королевича Владислава. Уже после этого он принял православие, и с 1622/23 г. он упоминается в должности кравчего, в ведении которого состояла организация царских пиров, за которыми он прислуживал государю, и рассылка в торжественные дни угощения, пожалованного царем послам, боярам и людям иных чинов. Вся дальнейшая служба В.Я. Сулешова прошла при царском дворе. Возможно, это было связано с его тяжелой болезнью — рука

¹ *Материалы...* Т. 2. Стб. 25, 33, 657—659.

князя, по словам источника, «была отсечена» и в ней была «блячка смертная». Умер он в 1642 г., оставив вдовой Фетинью Ивановну, дочь Ивана Федоровича Басманова, внучку знаменитого фаворита Ивана Грозного, Федора Алексеевича («отверженный Богом Басманов», — называет его А.К. Толстой). У Басмановых тоже был двор по соседству. Мать Фетиньи, вдова И.Ф. Басманова, Ирина, владела двором там же, в Зарядье, «у городской стены», а дядя княгини Сулешовой окольный Петр Федорович Басманов, любимец самозванца, убитый вместе с ним во время бунта, был погребен у храма Николы Мокрого¹.

Остатки палат князя В.Я. Сулешова были обнаружены во время раскопок в Зарядье в 1950 г. Согласно описанию М.Г. Рабиновича, «это были богатые хоромы с облицованным белым камнем цокольным этажом, выходившие южным фасадом непосредственно на Великую улицу» (то есть Зачатьевскую). Палаты Сулешова в XVIII в. неоднократно перестраивались, к концу столетия от них остался только цокольный этаж, который пришел в ветхость и был засыпан. Здания, выстроенные на этом месте, снесли в 1941 г. Археологи нашли в Зарядье и еще одно напоминание о князе В.Я. Сулешове — надгробие его «человека» (холопа) Никиты Семенова сына Ширяева, умершего в марте 1632 г. и погребенного на кладбище при церкви Зачатия Святой Анны, что в Углу. Сам князь Василий Яншеевич был похоронен в Симоновом монастыре, и его надгробие, спасенное П.Д. Барановским, хранится в собрании Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника (бывший музей-усадьба «Коломенское»)².

В этой же части Зарядья, ближе к Кремлю и по соседству с рядами находился Мытный двор, на котором взимали пошлину с различных товаров, в том числе со скота и птицы. В связи с этим, писал в XIX в. видный москвовед А.А. Мартынов, «от помета разного рода здесь была большая нечистота, поэтому раньше и переулочек назывался Пометным». Мытный двор просуществовал здесь

¹ Таценко С.Н., Шокарев С.Ю. Князья Сулешовы: крымские мурзы на службе у моек, государя // Москва—Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2002. Вып. 4. С. 39—49; *Переписные книги города Москвы. 1738-1742 гг.* М., 1881. Т. 1. С. 8.

² Рабинович М.Г. Культурный слой... С. 32—33; Дубынин А.Ф., Соболева Н.А. Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.) // Советская археология. 1960. № 4. С. 196—199.

до XVIII в., оставив вполне узнаваемые следы своей деятельности — мощный слой навоза со щепой. Примечательно, что эта прослойка была встречена только в слоях второй половины XVI в., видимо, затем навоз стали убирать. В этом слое обнаружены примечательные находки — палочки с зарубками для счета, так называемые «носы», породившие поговорку «Заруби себе на носу»¹.

В XVII в. в Зарядье было восемь храмов — Святой Варвары, Жен Мироносиц, Максима Исповедника, собор Знаменского монастыря, Николы Мокрого, Зачатия Святой Анны, Николая Чудотворца (к их наименованиям добавлялась приставка «в Углу», по их местонахождению в юго-восточном углу Китайгородской стены) и Георгия на Псковской горке.

Древнейшая из них — церковь Святой Варвары была возведена в 1514 г. братьями Василием Бобром и Иваном Бобрищевым совместно с еще одним купцом Федором Вепрем. Вполне возможно, что его строил видный итальянский архитектор Алевиз Фрязин. Рядом с храмом находился Денежный двор, функционировавший во второй половине XVI в. и упраздненный после Смутного времени. Храм сильно пострадал от пожара 1737 г. и был восстановлен. В 1795 г. обветшавшую церковь разобрали, а в 1796—1804 гг. построили новую, по проекту одного из выдающихся зодчих эпохи классицизма Р.Р. Казакова, которая сохранилась до настоящего времени.

Те же храмоздатели в начале XVI в. возвели церковь во имя Максима Исповедника, в которой покоились мощи московского юродивого Максима Блаженного (Нагоходца). Он обличал богатых и неправедных, говоря: «Божница домашня, а совесть продажна. По бороде Адам, а по делам Хам. Всяк крестится, да не всяк молится». В лютые морозы он ходил едва прикрыв наготу и приговаривал: «Хоть люта зима, но сладок рай, — оттерпимся и мы люди будем». Скончался блаженный Максим в 1434 г., от его мощей совершались исцеления, одно из которых отмечено летописью под 1501 г. — «у гроба святого Максима уродивого Христа ради Бог простил человека имущаго ногу прикорчену, априлия в 23»².

Еще один храм — Святого Георгия на Псковской горке, или «на Варварском крестце у тюрем». В XV в. на этом месте находи-

¹ Рабинович М.Г. Культурный слой... С. 38—39.

² ПСРЛ. Т. 12. С. 253.

лась церковь Покрова Пресвятой Богородицы. В начале XVI в. сюда переселили псковичей, выведенных из их родного города после падения Псковской боярской республики (1510 г.). Это были крупные купцы и умелые ремесленники, которые могли с пользой послужить столице. В связи с этим здешняя местность получила наименование Псковской горки.

В 1657—1658 гг. выстроили современное здание храма, который заново освятили во имя Георгия Победоносца. Любопытно и второе наименование храма — «у тюрем». Тюрьмы находились у Варварских ворот Китай-города, их вообще стремились обустроить у городских ворот (так, тюрьма была и у Константино-Еленинской башни), отсюда их другое название — застенек. Тюрьма у Варварских ворот находилась внутри «града», но и за городской стеной «Петров чертеж» отмечает еще один острог, который именуется автором карты «Бражник» или «тюрьмы для пьяниц». Видимо, к этому своеобразному выпрезвителю относились не очень серьезно, а вот внутригородские тюрьмы стерегли. Опись 1626 г. упоминает тюремного подьячего Тараса Антипьева и трех тюремных сторожей — Максимку Нефедьева, Иванку Кононова и Гаврилку Иванова. Правда, этим стражам не повезло. При проведении описи выяснилось, что они построили свои дворы рядом с тюрьмами «самовольством» и слишком близко к городской стене — всего в 4 сажнях. Дворы было указано снести, а «для уличного простору» расчистить пустого пространства до 8 сажен¹. Однако вполне возможно, что подьячий и сторожа так и остались жить на этих местах — подобные решения часто принимались, но не всегда исполнялись.

«СВЯЩЕННАЯ» И ДРУГИЕ УЛИЦЫ КИТАЙ-ГОРОДА

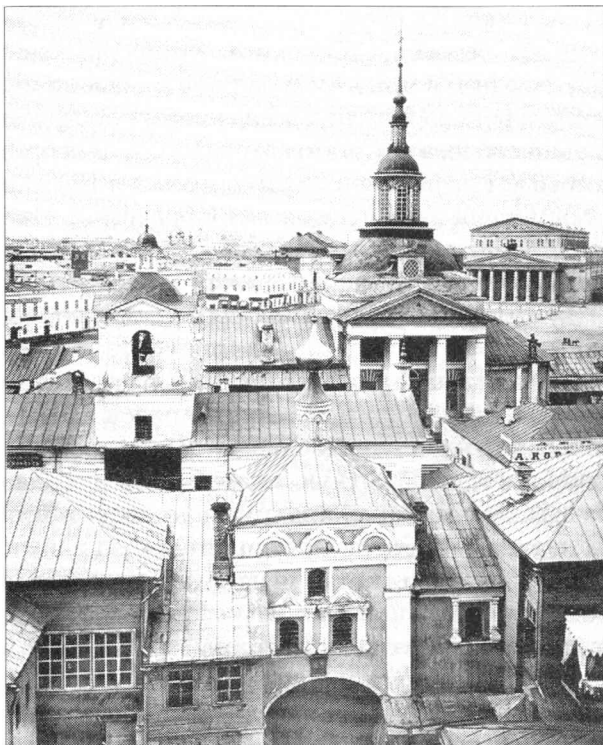
Самой торжественной улицей Китай-города была Никольская. Чех Бернгард Таннер, побывавший в Москве в 1678 г., называл ее «Священной улицей», объясняя, что она «занята не иным кем, как живописцами», которые «много делают образов на продажу». Таннер не очень хорошо ознакомился с Китай-городом и не ходил по Никольской дальше ее начала, занятого иконным рядом, но с

¹ *Переписные книги города Москвы. 1738—1742 гг. М., 1881. Т. 1. С. 8.*

его характеристикой Никольской улицы как «священной» могли бы согласиться и москвичи. В городе, наполненном монастырями и храмами, не было другой улицы, на которой находились целых три монастыря. ореол святости придавали Никольской и вышеупомянутые иконные лавки, и находившийся на ней Печатный двор, выпускавший в основном богослужебные книги, да и само наименование — в честь Николая Чудотворца, самого почитаемого в России святого.

Впервые Никольская обитель упоминается в летописи под 1390 г. как монастырь Николы Старого, следовательно, уже тогда она считалась одной из древнейших в Москве. В 1556 г. неподалеку от монастыря, рядом с Устюжским подворьем, царь Иван IV пожаловал афонскому Хиландарскому монастырю двор «со всеми потребными хоромами». Это дало историкам основание полагать, что именно тогда Никольский монастырь перешел под влияние, а затем под управление греков. На самом деле это произошло столетие спустя, когда здесь разместилось подворье афонского Иверского монастыря, а Никольский монастырь получил обиходное наименование Николо-Греческий. Здесь останавливались приезжавшие из Греции иерархи и монахи, велась служба на греческом языке, переводились и переписывались книги. Но не только духовной пищей насыщали греческие иноки москвичей. Известно, что в 1658 г. на первой неделе Великого поста архимандрит Дионисий и келарь Евсигней «строили кушанье патриарху по-гречески». От греков повелся в Москве обычай пить кофе. В XVIII в. в переулке рядом с Николо-Греческим монастырем был открыт кофейный дом, где после церковной службы собирались греки и пили горячее вино и кофе.

В 1666 г. архимандрит Пахомий доставил в Москву список с почитаемой чудотворной Иверской иконы Божией Матери. Сначала она находилась в Николо-Греческом монастыре, а через три года была перенесена в специально выстроенную часовню у Воскресенских (Львиных) ворот Китай-города, которые после этого получили наименование Иверских. Этот монастырь также именовался «Никола Большая глава», видимо по крупной главе монастырского собора, и «Никола у Большого Креста», поскольку здесь на перекрестке стоял Большой крест, у которого приводили к крестному целованию при судебных разбирательствах. Другая святыня обители — чудотворный образ святителя Нико-

Николо-Греческий монастырь. Фотография конца XIX в.

лая, от лампы перед которым жители Никольской улицы ежедневно брали огонь для зажигания свечей в своих домах¹.

Николо-Греческий монастырь находился в середине улицы на левой ее стороне (ныне от его строений сохранилось только выходящее на Никольскую здание доходного дома, остальные сооружения были снесены в 1935 г.). А начиналась Никольская сразу за Казанским собором — памятником преодоления российской Смуты и изгнания иноземцев из Москвы. Во время боев Второго ополчения с польским гарнизоном в лагере ополченцев находилась чудотворная икона Казанской Божией Матери. Ее заступничеству современники приписывали успех русского войска при взятии стен Китай-города 22 октября 1612 г. После освобождения Кремля от поляков князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578—

¹ Романюк С.К. Москва. Китай-город: Путеводитель. М., 2007. С. 50—54.

1642) поместил икону в своем приходском Введенском храме на Лубянке, где для нее на средства князя был сооружен специальный придел. Позднее в честь чудотворной иконы по инициативе патриарха Филарета на Красной площади был построен деревянный Казанский собор, а князь Пожарский украсил образ «многой утварью». В 1632 г. деревянный храм сгорел, а в 1635—1636 гг. на его месте подмастерьем каменных дел Обросимом Максимовым был выстроен каменный собор. В храме, возвышавшемся прямо посередине базарного торжища, служили и проповедовали неистовые Аввакум Петров и Иван Неронов — родоначальники раскола.

В начале Никольской улицы слева и справа тянулись лавки иконного ряда, в отличие от большинства рядов на Красной площади, располагавшихся параллельно Кремлевской стене. Адам Олеарий сообщает любопытную подробность о тамошней торговле: «Называют они торг иконами не куплею и продажею, а «меною на деньги»; при этом не торгуются»¹.

О том, как происходила эта «мена», дает представление описание XIX в.:

«Покупатель, входя в лавку, говорил:

— Я бы желал выменять икону.

Продавец в ответ на это быстро снимал с своей головы картуз и клал его тут же на прилавок. Покупатель следовал примеру продавцу и стоял также с непокрытой головой. Икона выбрана. Покупатель спрашивает:

— Сколько стоит выменять икону?

Купец назначает за нее баснословную цену. Начинался торг. Для большей убедительности продавец говорил, что он назначил цену божескую, потому что за икону торговаться грешно.

Покупатель с ним соглашался и покупал за «божескую цену». Иконы «выменивали» большею частью рогожские и замоскворецкие купцы. Более интеллигентные покупатели не соглашались с «божескими ценами», назначенными купцом. Просили его покрыть голову картузом и взять за икону половину «божеской цены». Продавец быстро шел на уступку и продавал икону за предлагаемую цену»².

¹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 149.

² Цит. по: *Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы // Москва: Купечество. Торговля. XV — начало XX в. М., 2007. С. 119.

По свидетельству Павла Алеппского, покупатели из иконного ряда часто направлялись в серебряный для того, чтобы сразу заказать для новой иконы оклад. В 1681 г. по указу царя Федора Алексеевича иконный ряд был перемещен к Печатному двору, на середину Никольской улицы, где было велено «построить деревянные лавки... подле каменной ограды, чтобы промен икон и иконные ряды были в сокровенном месте». Ранее здесь уже располагались ряды с иконами. «Сигизмундов план» Москвы 1610 г. показывает рядом с Печатным двором «лавки художников».

Слева за иконным рядом находился монастырь Всемилоственного Спаса на Никольском крестце, что за иконным рядом, или Заиконоспасский, а также на Песках — по характеру почвы, на которой стоял. Обитель была основана в 1600 г. Борисом Годуновым. Перепись 1626 г. упоминает в ней каменный собор, Святые ворота и деревянную церковь. В 1660—1661 гг. князь Федор Федорович Волконский выстроил новый монастырский собор — двухэтажный, с верхней церковью во имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость.

Этот монастырь прославлен в истории российского образования — еще в первой половине XVII в. он упоминается в документах как «учительный». В 1664 г. тут поселился ученый монах, белорусский выходец Симеон Полоцкий (1629—1680). Поэт, философ, богослов, педагог и просветитель, Симеон внес значительный вклад в развитие российской культуры второй половины столетия. В числе других дел царь поручил Симеону руководство созданной в Заиконоспасском монастыре школы для подьячих Тайного приказа и патриаршего Казенного приказа. Учили их латыни, пиитике и риторике. Старостой этой школы стал Семен Медведев — в будущем монах Сильвестр, любимый ученик и продолжатель дела Полоцкого. С 1667 г. Симеон стал учителем царских детей и приобрел большое влияние при дворе, которое усилилось с вступлением на престол его воспитанника Федора Алексеевича.

Вокруг Симеона сложился кружок образованных людей, книжников, энциклопедистов, ценителей поэзии, ориентировавшихся в своих культурных предпочтениях на «западную» традицию, пришедшую в Россию из Украины и Беларуси, бывших земель Речи Посполитой. Этим первым российским «западникам» противостояли приверженцы греческой и национальной традиций. В дальнейшем это противостояние привело к трагическим последствиям, но в правление царя Федора Алексеевича Симеон и

его сподвижники находились на вершине своего могущества. Рассчитывая на покровительство государя, Симеон Полоцкий намеревался создать в Москве академию по типу Киево-Могилянской. Она должна была разместиться в Заиконоспасском монастыре и, согласно «Академической привилегии», написанной Симеоном, получить широчайшие полномочия — учителя академии были неподсудны властям, им поручалась духовная цензура, сыск и суд по преступлениям против веры и церкви, а выпускники этого первого в России высшего учебного заведения получали монопольное право на занятие должностей в высшем управлении государством. Симеон Полоцкий не дожил до исполнения своих замыслов — в 1680 г. он скончался и был похоронен в соборе Заиконоспасского монастыря. Стихотворную эпитафию на его надгробии (первую в России) составил Сильвестр Медведев.

Он же по поручению учителя продолжил дело создания академии. Но спустя два года умер царь Федор Алексеевич, после чего судьба Академии сложилась иначе, чем задумывалось. Сильвестру удалось удержать за собой школу в Заиконоспасском монастыре, но у него было не более двадцати пяти учеников; к тому же положение школы и самого учителя было весьма шатким, поскольку к ней с подозрением относился патриарх Иоаким, осуждавший «латинство» Симеона и Сильвестра. Конкурентом этого учебного заведения была Типографская школа, находившаяся по соседству, на территории Печатного двора, которой руководил иеромонах Тимофей. Обучали там чтению, письму, греческому языку, пиитике, истории, богословию; в распоряжении учителей была богатая библиотека Печатного двора, а ученики получали стипендию за счет казны. В 1684 г. в этой школе учились уже 168 человек.

На основе этого учебного заведения патриарх и начал создание академии, для работы в которой пригласил ученых греков братьев-монахов Иоанникия и Софрония Лихудов. В 1685 г. они стали преподавать в еще одной школе, созданной на территории Богоявленского монастыря. Так в треугольнике между соседними владениями, разделенными всего сотней-другой метров, расположились целых три учебных заведения — небывалый случай для Московского государства.

Патриарх увидел в Лихудах достойных исполнителей своего просветительского замысла, и все три школы постепенно слили в одну, которую разместили в Заиконоспасской обители. Вскоре

началось строительство трехэтажного здания академии («длинной 15, шириною 5 сажен 2 аршина»), к которому примкнул корпус для ректора и преподавателей. В месте соединения корпусов была сооружена башня, внутри которой находились лестницы, выводившие на второй и третий этажи. В сентябре 1687 г. строительство было завершено, и вскоре туда переселились Лихуды с учениками. В те времена учебное заведение чаще всего именовалось Спасскими школами. Наименование Славяно-греко-латинской академии закрепилось за ним только в XVIII в.

Академия Лихудов состояла из трех классов-«школ»: нижней, средней и верхней. Принимались в нее люди грамотные, прошедшие курс «русской школы», существовавшей в качестве своеобразного подготовительного класса. В нижней школе учили греческому, в средней — грамматике и «свободным наукам», в верхней — пиритике, логике, физике. Занятия велись на греческом и латыни. Число учеников в разные годы колебалось от пятидесяти пяти до семидесяти четырех. Среди них были люди «всякого чина сего царствующего града Москвы», отпрыски влиятельных князей Голицыных и Одоевских соседствовали с сыном конюха и бывшими холопами. Учились в академии и духовные лица.

Становление академии пришлось на беспокойное время, когда шло противостояние между царевной Софьей и молодым Петром. В 1689 г. Софья и ее сторонники потерпели поражение, покровитель академии князь В.В. Голицын был сослан, а в дело о покушении на Петра I облыжно замешали Сильвестра Медведева. Поначалу его заточили в тюрьму и после покаяния уже были готовы простить, но новый донос решил дело — 11 февраля 1691 г. талантливый поэт, писатель и просветитель был обезглавлен на Красной площади. Вскоре поступил донос и на Лихудов, причем от самого иерусалимского патриарха Досифея. Их отстранили от преподавания в академии, но пока не трогали, разрешив даже преподавать итальянский язык служащим Печатного двора. Новый скандал разыгрался в 1698 г. — ученик Лихудов дьякон Артемьев перешел в католичество, и братьев убрали с Печатного двора в Новоспасский монастырь. В 1704-м на монахов обрушился еще один удар судьбы — после доноса о том, что они тайно переписываются с Константинополем, их сослали в Костромской Ипатьевский монастырь. В конце жизни братьям Удалось вернуться в Москву, где Иоанникий скончался и был похоронен в соборе Заиконоспасского монастыря.

Памятник братьям Лихудам в Богоявленском переулке,
за алтарем собора Богоявленского монастыря.
Скульптор В. Клыков, архитектор В. Пасенко. 2007 г.

После удаления Лихудов из академии она начала приходить в упадок и, возможно, совсем прекратила бы существование, но в 1701 г. ее попечителем стал местоблюститель патриаршего престола митрополит Рязанский Стефан Яворский. Он возродил академию, которая стала крупнейшим центром просвещения XVIII в. и воспитала в своих стенах Л.Ф. Магницкого, М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, А.Д. Кантемира, В.И. Баженова, С.П. Крашенинникова...¹

¹ Романюк С.К. Москва. Китай-город... С. 33—44; *История Москвы с древнейших времен до XIX в.* / Сост. А.Б. Лагутин, С.Ю. Шокарев. М., 2009. С. 234-239.

Напротив Николо-Греческого монастыря располагался другой древнейший монастырь Москвы — Богоявленский. В средневековых источниках к его наименованию прибавляется «на посаде», «за Торгом» или «за Ветошным рядом». Археологически установлено существование Богоявленской обители еще в эпоху князя Даниила Александровича. В первой половине XIV в. иноком этого монастыря был святой митрополит Алексей. Его приблизил к себе митрополит Феогност, и со временем он стал ближайшим помощником владыки в управлении русской церковью, а после кончины святителя — его преемником.

С самого своего возникновения монастырь пользовался покровительством влиятельных лиц, которые жертвовали ему крупные суммы и земельные владения. Строителями и благотворителями монастыря были бояре Вельяминовы, избравшие его своей усыпальницей. Эту традицию сохраняли и их дальние потомки в XVII столетии. В начале XVI в. особые отношения сложились у монастыря с князьями Ромодановскими. Василий Васильевич Ромодановский принял в обители постриг с именем Вассиан. По-видимому, он пользовался значительным влиянием в обители. В 1511/12 г. в перечне монастырских старцев он упоминается сразу после игумена и к тому же с княжеским титулом.

Брат Василия-Вассиана, князь Иван Васильевич Телеляш (лихач) в конце жизни составил духовную грамоту (1521/22 г.), сохранившуюся в архиве монастыря и содержащую описание многочисленных имений князя, в их числе крупного владения внутри самого монастыря. Вероятно, Иван Ромодановский собирался принять постриг в обители, но ко времени написания духовной так и не стал монахом. В преддверии пострижения он жил в хорошо обустроенной усадьбе в монастырской ограде. Особожительный устав, существовавший в монастыре, позволял такую вольность, впоследствии ставшую немислмой (уже в 1547 г. Богоявленский монастырь упоминается как общежительный). В обители князю принадлежали «келии», состоявшие из двух сеней с лестницами, двух горниц (одна из них «столовая»), башни-«повалуши», житницы, поварни, ледника и погреба. Эти хоромы, которые лишь условно можно назвать кельями в современном смысле слова, князь разделил между некими «своими старцами» Ларионом с товарищами и игуменом со священниками и братией. Что это были за княжеские старцы — иноки его вотчинного монастыря или бывшие холопы — непонятно. Одна-

ко монастырские власти, видимо, не роптали на распоряжения князя. Он более чем щедро одарил обитель земельными владениями, иконами и иными вкладами — его наследникам предписывалось доставлять в монастырь 11 пудов меда к Рождеству Христову и 50 пластей¹ леща и язя «на завтрее» Петрова поста, «а давати тот мед и рыба до века»².

Как показали археологические исследования, белокаменный собор существовал в обители еще в XIV столетии (резные орнаментальные блоки, украшавшие его стены, обнаружены при раскопах и поступили в собрание Музея Москвы). В 1624 г. он был перестроен, а в 1693—1697 гг. возведен новый храм, при этом прежний остался в нем в качестве нижнего храма с престолом во имя Казанской иконы Божией Матери. В 1697 г. состоялось освящение северного придела нижнего храма во имя святителя Алексия митрополита Московского.

На этой же стороне Никольской находилась напротив Богоявленского монастыря, на углу Богоявленского переуллка и Никольской церковь во имя Жен Мироносиц, которая в средневековых документах также именуется монастырем. Это приводило москвоведов к мысли, что тут действительно был монастырь, однако все дело, видимо, в терминологической путанице — слово «монастырь» употреблялось также и по отношению к церкви с окружающими ее строениями. В конце XVI в. соседнее с Богоявленским монастырем владение перешло к князю Андрею Андреевичу Телятевскому (7—1611) — боярину и деятелю Смутного времени. При Василии Шуйском князь Андрей Андреевич примкнул к армии Ивана Болотникова, был взят в плен после падения Тулы, но царь сохранил ему жизнь. Умер Телятевский монахом. В 1620 г. двором на Никольской владел его сын, князь Федор Андреевич. Рядом с двором Телятевского показывает трехшатровую церковь Жен Мироносиц «Петров чертеж» 1597 г.

В XVII в. церковь Жен Мироносиц являлась домовою для Печатного двора. В 1647 г. ее перестроили в камне. Рядом с ней боярин Михаил Михайлович Салтыков выстроил храм во имя Успения Божией Матери (ранее этому празднику был посвящен придел Мироносицкой церкви). В начале XIX в. Мироно-

¹ П л а с т ь — рыба, разделанная вдоль, распластанная.

² *Акты* Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. / Под ред. В.Д. Назарова. М., 1998. С. 127.

сицкую церковь сломали, а Успенская сохранилась до наших дней. Этот храм перестроили в стилистике нарышкинского барокко в 1691 г., и он ныне находится во дворе дома номер 8 по Никольской улице. В XIX в. по местонахождению здесь подворья купцов Г.В. и А.В. Чижовых этот храм получил наименование Успения на Чижовском подворье.

Напротив Мироносицкого монастыря и владения Салтыковых располагался уникальный архитектурный и производственный комплекс — Печатный двор. Его деятельности предшествовало существование другой московской типографии, которую историки называют анонимной, поскольку не известны ни ее местонахождение, ни имена печатников. Анонимная типография выпустила несколько книг в 1550—1560-х гг. Ее успехи навели царя Ивана Грозного на мысль о создании Печатного двора. На Никольской находилась каменная палата конца XV — начала XVI в. (ее остатки обнаружены при археологических раскопках), которую около 1563 г. приспособили под типографию. Именно здесь Иван Федоров 1 марта 1564 г. закончил печатание первой русской датированной книги — Апостола.

Федоров и его товарищ Петр Мстиславец проработали на Печатном дворе недолго. В опричнину, как свидетельствовал сам первопечатник, на них ополчились некие «начальники и священноначальники», которые «зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое дело в зло превратити». Федоров и Мстиславец бежали из Москвы, обосновались в Литве, где продолжили издание печатных книг, а типография после пожара 1571 г. переехала в опричную столицу — Александровскую слободу. После смерти царя Ивана Грозного деятельность Печатного двора на Никольской возобновилась. В 1589 г. Андроник Тимофеев сын Невежа выпустил Триодь Постную, а в 1591 — ее продолжение Триодь Цветную; в 1594 им был издан Октоих, в 1597 — Апостол. На последнем издании впервые был указан тираж — 1500 экземпляров, из которых до нашего времени сохранилось двадцать шесть.

В 1611 г. Печатный двор сгорел, часть типографского имущества удалось спасти, но многое погибло. Возродили типографию на Никольской лишь спустя девять лет. В новых палатах Печатного двора располагалось три печатни с шестью печатными станами (к 1633 г. их количество возросло до четырнадцати), в 1679 г. была устроена четвертая печатня. После пожара 1626 г.

Печатный двор был огорожен красиво украшенными деревянными воротами. В 1642 г. началось строительство каменных палат и ограды. Руководили работами Трефил Шарутин, Иван Невежи и Христофор Галлоуэй. На Никольскую ворота выходили высокой (более 26 м) башней, по обе стороны которой находились книжные лавки. Они имели три прохода, главный и боковые. Фасад Печатного двора украшало изображение двуглавого орла, под которым располагались единорог и лев — символы луны и солнца, Христа и Богородицы. Справа и слева от них, над каждым из боковых проходов, находились солнечные часы — для определения летнего и зимнего времени¹.

Энгельбрехт Кемпфер, в 1683 г. побывавший внутри Печатного двора, описывает его таким образом: «Оная [типография] расположена в трех комнатах, из коих в каждой находятся четыре станка, подобно нашим; но набор идет здесь весьма неуспешно. При каждом станке находится одна только касса, состоящая из 64 ящиков, по 8 с каждой стороны; каждый ящик разделен на две части, потому что некоторые литеры полные, а другие посередине имеют вырезку для постановления ударений. Литеры лежат по порядку как то: а, б, в, и так далее; они не имеют сигнатуры для познания верхней части оных, а потому при наборении надобно рассматривать каждую букву особенно, от чего набор идет чрезвычайно медленно... Возле типографии в маленькой комнате отливаются буквы, каждая особенно. Сею работою занимались три человека, двое отливали, а третий очищал буквы»².

В 1679 г. Печатный двор пополнился зданием Правильной палаты, где осуществлялась вычитка книг и располагалась библиотека, включавшая экземпляры каждого издания. На Печатном дворе были также вспомогательные мастерские — словолитня, рисовальная, переплетная и т. д. Здесь трудились мастера разных специальностей: наборщики, печатники, словолитчики, батыр-

¹ Изображения льва и единорога, а также солнечные часы были воспроизведены и на фасаде здания Синодальной типографии, выстроенного в 1811—1815 гг. И.А. Мироновским и А.Н. Бакаревым и сохранившегося до наших дней. В настоящее время комплекс Синодальной типографии занимает Историко-архивный институт РГГУ, во дворе которого находится отреставрированное в XIX в. здание Правильной и Книгохранительной палат — знаменитый в институтских летописях «Теремок».

² Цит. по: *Аделунг Ф.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827. С. 354-355.

щики (наносили краску на формы), граверы. Редактуру, корректуру и подготовку книг (в том числе и переводы) осуществляли справщики, знатоки книг и языков. В XVII в. эту должность занимали Арсений Грек, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Тимофей. В конце столетия на Печатном дворе трудились 165 человек. Они жили в особой Печатной слободе на Сретенке с приходской церковью Успения Богородицы в Листах. Их дворы также встречаются на территории Китай-города и в восточной части Белого города.

Существенно возросли тиражи и количество изданий Печатного двора. Если за XVI в. (точнее, его вторую половину) было издано 18 книг, то в следующем столетии — 483. Около 40 процентов составляли богослужебные книги; издавались также жития, поучения, учебники и книги светского характера: «Учение и хитрость ратного строя», Соборное уложение 1649 г. и др. Некоторые тиражи и сейчас вызывают уважение. Так, «Азбука» 1693 г. была напечатана 14 400 экземплярами, а совокупный тираж шести изданий «Букваря», предпринятых в 1634—1694 гг., составил 300 тысяч экземпляров. Спрос на издания Печатного двора установился далеко не сразу, и в первой половине XVII в. правительству приходилось прибегать к весьма своеобразным методам распространения книг. Так, в 1619 г. Минея, содержащая тексты церковных служб за сентябрь и октябрь, была распределена среди торговцев сурожского, пушного, рыбного, шапочного и других рядов. Принудительное книгораспространение вызывало недовольство торговых людей. Но к середине столетия книги стали востребованным товаром, они продавались почему-то в овощном ряду, в лавке у самого Печатного двора и на мосту у Спасской башни Кремля¹.

За Печатным двором располагался двор князей Воротынских — одного из знатнейших родов Московского государства. Напротив них, еще со времен Ивана Грозного, находилось владение не менее влиятельных Шереметевых. Далее за владением Шереметевых находился двор князей Черкасских. Еще в 1597 г., согласно «Петрову чертежу», этот двор принадлежал боярину князю Борису Камбулатовичу Черкасскому, двоюродному брату второй жены Ивана Грозного, царицы Марии Темрюковны. Кня-

¹ Романюк С.К. Москва. Китай-город... С. 58—66; *История Москвы с Древнейших времен до XIX в.* С. 228—232.

Вид Синодальной типографии на Никольской улице.

Раскрашенная гравюра. 1850-е гг.

зья Черкасские сохранили за собой этой владение, несмотря на то что в 1600 г. князь Б. К. Черкасский был сослан по делу Романовых — он был женат на сестре Никитичей, Марфе. По фамилии дворовладельцев получили название переулки, примыкающие к Никольской, — Большой и Малый Черкасские. В XVIII в. после женитьбы графа Петра Борисовича Шереметева на княжне Варваре Алексеевне Черкасской соседние старинные боярские усадьбы стали владением Шереметевых. В конце улицы, на ее левой стороне располагался, согласно переписям 1626 и 1638 гг., двор княгини Анны Трубецкой — вдовы князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, видного деятеля Смутного времени, руководителя Первого ополчения, одного из претендентов на русский престол в 1613 г.

О количестве боярской дворни свидетельствуют цифры военной переписи 1638 г. При опросе князь И.А. Воротынский «людей у себя сказал тридцать человек с пищальми», боярин Б.М. Салтыков — десять человек, остальные владельцы — князья Ю.П. и И.П. Буйносовы-Ростовские, князь Ю.Д. Хворостинин, княгиня А. Трубецкая — по пять воинов.

По составу дворовладельцев Никольская уже в конце XVI в. являлась своеобразным продолжением Кремля. Конечно, встречались на ней небольшие дворы подьячих, священников, торговых людей, иноземцев, но основную часть улицы занимали монастыри, великолепный Печатный двор и боярские усадьбы. Б. Таннер сообщает, что на Никольской «немало и больших обитаемых московскими князьями хором; при каждом находятся по две, по три церкви с красивыми куполами, со столькими же башнями, где много колоколов; у них ведь чем больше церковей заведет вельможа при своих хоромашах, тем он и благочестивее»¹. Возможно, Таннер перепутал на Никольской монастыри и боярские владения, однако общий вид этой парадной улицы он передает верно.

Ильинка выглядела в XVII в. не менее внушительно, чем Никольская. Основную ее часть занимали представительства епархий и монастырей и другие солидные учреждения. По левую руку от Кремля одно за другим шли Новгородское, Троицкое, Осиповское и Воскресенское подворья, принадлежавшие соответственно новгородскому митрополиту, Троице-Сергиеву, Иосифо-Волоколамскому и Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырям. В XVII в. в Китай-городе находилось 34 подворья — больше, чем в других частях Москвы (в Кремле — 14, в Белом городе — 19). Этим облик Китай-города отличался от священного Кремля, ремесленного Белого города и военно-служилого Земляного города. Естественно, на каждом монастырском подворье находилась церковь, однако обитали на них не только церковнослужители и монахи, но и самые разные люди «из оброку». К примеру, на Троицком подворье жили лавочник овощного ряда Илюшка Терентьев, лавочник шапошного ряда Семен Иевлев с учеником, подьячий приказа Большого дворца Шумил Трофимов, площадной подьячий Неудача Жердев и др. Та же картина наблюдается и на других подворьях. В XVIII—XIX вв. монастыри еще активнее пользовались своей городской землей, сдавая ее под магазины, лавки, трактиры, строя доходные дома и гостиницы.

Иной характер имел обширный Посольский двор. Он был создан в самом начале XVII столетия для размещения иностранных послов и гонцов. По-видимому, для устройства Посольского двора была использована усадьба думного дьяка Андрея Яковлеви-

¹ Таннер Б. Указ. соч. С. 65.

ча Щелкалова, видного государственного деятеля и дипломата, главы Посольского приказа, умершего в 1597 г. Спустя четыре года здесь разместили австрийского посланника М. Шиле, а на следующий год — несчастливого жениха царевны Ксении Годуновой датского королевича Иоанна¹.

Подробное описание Посольского двора оставил Таннер:

«Это прекрасное здание построено Алексеем Михайловичем из кирпича (что здесь по деревянным городам редко), в три жилья, по 4 углам украшено 4 башенками, или, как их называют, куполами, возвышающимися над столькими же ступенями. Оно включает внутри четырехугольный двор, средину коего занимает большой колодезь. Главная краса здания — высокая и изящная башня — служит великолепным в него входом и своими тремя балконами... приятными по открывающимся с них видам и просторными для прогулки, придает немалое украшение этому городу. Для жительства послов москвитяне разделили здание это на 3 части: первую и лучшую назначили для князя-посла, вторую — для посла-воеводы, третью — для секретаря посольства... Своды в комнатах были так низки, что нельзя было приладить к стене ни одной из привезенных с нами занавесей, не подогнув ее хорошенько.

Теперь посмотрим, какую обстановку сделали москвитяне в комнатах. Кругом по стенам приделаны были лавки; средину комнаты занимали длинные столы и переносные скамейки, все обитые красным сукном, которым обиты были внизу и стены, насколько сидящий человек доставал спиною. В одной из предоставленных князю-послу комнат, роскошно убранной, приготовлено было возвышение с дорогим балдахином наверху, где был портрет польского короля; под ним кресло, назначенное для князя-посла, когда ему нужно было принимать посетителей... Устроены были три большие кухни с чуланами, птичниками и прочими принадлежностями; для лошадей, нужных для ежедневных разъездов, были три конюшни... Наконец — два больших зала для прогулки и пирушек. Немало подивились послы на то, что все окна были скорей железные и каменные, чем стеклянные и прозрачные, а выходившие на улицу имели еще и глубоко вделанные в стену решетки толщиной в человеческий кулак; заставлялись они также и железными ставнями, из коих к каждому

¹ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 203.

однако ж москвитяне приставили еще некоторое число солдат, чтобы предупредить, как они утверждали, покушения грабителей и воров»¹.

Сходные отзывы оставили и другие иностранные дипломаты. Все они свидетельствуют, что Посольский двор представлял собой просторное каменное здание, гораздо более удобное, нежели другие дома московитов, правда не всегда достаточно хорошо подготовленное к приезду послов со свитой. Столь же единодушны иноземцы в описании строгостей их содержания на Посольском дворе, который круглосуточно охранялся солидным отрядом стрельцов. Никто не должен был входить или выходить за пределы двора без особого разрешения. Для каждого из посольств московские дипломаты устанавливали режим пребывания: кого держать взаперти, а кому разрешить выходить в город или посылать слуг на рынок. «А лучится посолским дворяном и их людем в рядах что купить, послом и себе, или пойдут для гулянья, и с ними, для обережения от рус[с]ких людей, ходят стрел цы, чтоб им кто не учинил какого бесчестья и задору», — вторит им Г.К. Котошихин. Таким образом, начальство Посольского приказа не только оберегало гостей от разного рода эксцессов, но и стремилось не дать им увидеть или услышать то, что не хотелось бы демонстрировать. Бывало, что послы и приставы торговались из-за разрешения слугам водить коней на водопой к реке².

Во время проезда иностранных дипломатов к Посольскому двору устраивалась их торжественная встреча — по всей Ильинке, в прилегающих переулках и на Красной площади стояли стольники, стряпчие, жильцы, дети боярские, дворяне, стрельцы, гости, солдаты, дьяки, подьячие. По такому случаю придворным выдавали из казны «конские наряды» и «чепи гремачие»³.

Австрийский посланник Августин Мейерберг, находившийся в российской столице в 1661 — 1662 гг., пишет: «Однако ж ничего не было великолепнее в этом параде множества князей, детей думных бояр и всех великокняжеских спальников из дворян, с самым великокняжеским любимцем, князем Юрием Ивановичем

¹ Таннер Б. Указ. соч. С. 50.

² Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 65; Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 98—108.

³ Беляев И.С. Ильинская улица в Китай-городе и Покровская в Белом каменном в 1671 — 1672 гг., с планом и описаниями // Старая Москва: Труды комиссии по изучению старой Москвы. М., 1912. Вып. 1. С. 5—20.

Ромодановским, пожелавшим ехать перед самою нашею каретою, от начала предместья до нашего подворья». Правда, по дороге в Москву (посланников встречали за городом) Мейерберг и его спутники вдоволь посмеялись над чванливыми московскими дворянами: «То тот, то другой из знатнейшего русского дворянства, все в разной одежде, подъезжал к нашей карете и, не отдавая нам никакой чести, словно павлин, развертывал всю пышность своего хвоста, показывая нам свою шубу на собольем меху, самом дорогом по черноте, густоте и длине волоса, и поворачивал ее то тем, то другим боком с помощью слуг, распахивавших ее, точно хламиду; либо заставлял безобразно скакать свою лошадь в сбруе, в цепочках, опутанную колокольчиками, и, благодаря потрясению от этих скачков, представлял ее нашим глазам со звоном, во всей ее целости»¹. Еще более пышно обставлялся въезд дипломатов в Кремль по той же Ильинке. Посла со свитой сопровождал почетный эскорт из русских дворян во главе с приставом, впереди несли или везли подарки. Такое шествие могло растянуться на всю длину пути от посольской резиденции и насчитывать несколько сотен человек.

На этой улице находился двор думного дьяка Ивана Тарасевича Грамотина (?—1638). Одним из первых Грамотин перешел на сторону Лжедмитрия I и был им пожалован в думные дьяки. Видимо, самозванцы полюбились Ивану Тарасевичу, и в 1608 г. он перешел на сторону уже второго Лжедмитрия II. Когда в Москве установилась власть польского наместника А. Гонсевского, Грамотин стал одним из его ближайших помощников. Любой другой деятель с такой биографией не имел бы шансов сколько-нибудь продвинуться при дворе царя Михаила Федоровича, а Грамотин в 1618 г. возглавил Посольский приказ. В 1622 г. патриарх Филарет припомнил дьяку его старые грехи, к которым, видимо, добавились и новые, и Грамотина сослали в Алатырь, где он пробыл до кончины патриарха. Вернувшись, Грамотин вновь возглавил Посольский приказ и получил еще и должность печатника — хранителя государственной печати. Умер он в глубокой по тем временам старости, в 1638 г., перед смертью приняв монашество. Грамотин — фигура загадочная не только для историков, но и для современников. При царе Михаиле Федоровиче был донос на стольника И.Д. Милославского (будущего

¹ Мейерберг А. Указ. соч. С. 82—83.

тестя царя Алексея Михайловича), будто бы он держит у себя волшебный перстень дьяка Грамотина. Милославского взяли под стражу, перетряхивали и запечатали его «животы», но ничего не нашли и освободили.

Совсем иного склада был сосед Грамотина — боярин Михаил Борисович Шеин. Его обширный двор на левой стороне Ильинки занимал целый квартал, между современными Старопанским, Большим Черкасским и Богоявленским переулками. При царе Борисе Годунове Шеин боролся с «разбоями», при Василии Шуйском твердо стоял за законного

государя. В 1607 г. Шеина отправили воеводой в пограничный Смоленск. Спустя два года город осадил польский король Сигизмунд III, и Шеин возглавил героическую оборону Смоленска, продолжавшуюся до 3 июня 1611 г., когда последние защитники уже не могли сдерживать натиск вражеских войск. Раненый воевода был взят в плен, из которого вернулся только в 1619 г. Патриарх Филарет особо почитал Шеина за героическую оборону Смоленска и страдания в плену. В 1632 г., когда было принято решение о походе на Смоленск, у патриарха и царя не возникло другой кандидатуры командующего, кроме Шеина. Боярин возглавил армию, направленную для взятия этой ключевой для России и Речи Посполитой крепости, но завяз под Смоленском, был окружен войском короля Владислава и вынужден капитулировать. В Москве Шеина сделали «козлом отпущения». Патриарх к этому времени скончался и не мог защитить воеводу. В 1634 г. Шеина казнили, его семья отправилась в ссылку, а имущество было конфисковано. Однако «Шеин двор» остался во владении семьи. В середине XVII в. им владел внук героя Смоленской обороны Семен Иванович, а в конце XVII в. — правнук, первый русский генералиссимус боярин Алексей Семенович Шеин, главнокомандующий в Азовских походах Петра I.

Портрет А.С. Шеина.
Гравюра XIX в.
по рисунку начала XVIII в.

За двором Шеиных в конце улицы находился замечательный памятник посадской архитектуры — церковь Никола Большой Крест, получившая свое наименование по большому резному кресту с частицами 156 святых мощей, на котором (так же как и на Большом кресте на Никольской) совершалось крестное целование (клятва) при тяжбах и в иных случаях. Эта церковь известна с 1530-х гг. Ее великолепное здание было выстроено в 1680—1681 гг. на средства купцов Филатьевых. Изящный храм, богато украшенный белокаменным декором в стилистике московского барокко, имел три яруса. Особенно выделялся верхний, имевший шестигранные окна, над которыми располагались ребристые раковины, схожие с теми, что украшают Архангельский собор. Такие же раковины находились и у основания пяти куполов с ажурными звездами и крестами. Вместо традиционных трапезной и галерей-гульбищ к входам в храм, декорированным богатым орнаментом, подходили паперти с лестницами. Не менее пышным было и внутреннее убранство храма: пышный золоченый резной иконостас, оклады икон, драгоценная утварь... Церковь Николы была грандиозным памятником московскому купечеству, богатому и богомольному посаду, не жалевшему ни сил, ни средств для прославления Господа. В 1933—1934 гг. храм уничтожили, ныне на его месте пустота, претендующая на звание сквера.

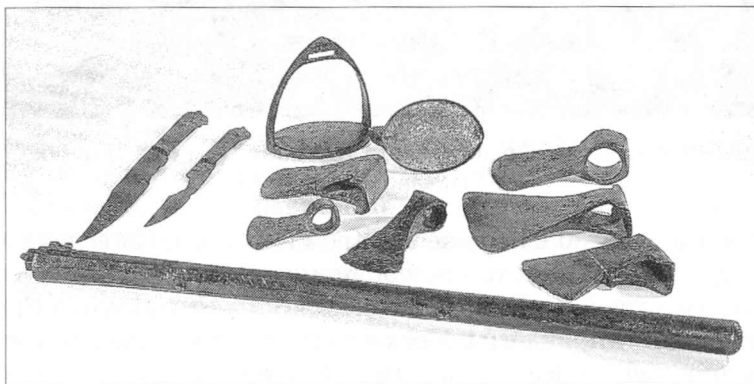
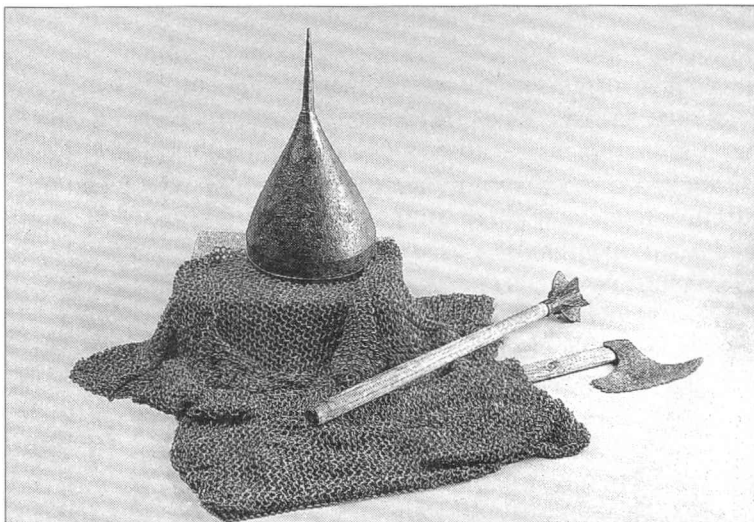
В переулках между Варваркой, Ильинкой и Никольской было несколько таких храмов, возведенных благочестивыми купцами. Один из них сохранился до наших дней. Это — известная церковь Троицы в Никитниках, которая, как и Никола Большой Крест, является типичной купеческой посадской постройкой. Этот храм возвел на месте деревянной церкви Святого Никиты, сгоревшей в пожаре 1626 г., богатый ярославец Григорий Леонтьевич Никитников, двор которого находился неподалеку. Храм строился с 1631 по 1634 г. Он типичен для посадских церквей — небольшой, пятиглавый, богато декорированный кокошниками, наличниками, порталами. Впервые в практике церковного зодчества в единый комплекс с храмом была включена и колокольня. Церковь выстроена на высоком подклете, который использовался для хранения товаров. Сохранились росписи и иконостас, над которыми трудились лучшие мастера Оружейной палаты: Яков Казанец, Гавриил Кондратьев, Иосиф Владимиров и Симон Ушаков. Именно для этого храма Симон Ушаков создал свою знаменитую икону Насажение Древа Государства Российского, в нижней части

Ф. Алексеев. Вид церкви Никола Большой Крест на Ильинке.
Начало XIX в.

которой помещено изображение Кремля XVII в. На великолепных фресках храма есть и изображение семьи Никитниковых. Красота церкви и богатые хоромы Никитникова восхитили Павла Алеппского: «Мы видели в Москве роскошное жилище этого купца, которое обширнее, чем палаты министров. Он выстроил у себя чудесную церковь, подобно которой мы не видели даже у царя».

Каменные храмы и палаты являются ярким свидетельством состоятельности жителей Китай-города. Не менее примечательны и клады, обнаруженные на этой территории. В 1895 г. в Ипатьевском переулке, неподалеку от церкви Троицы в Никитниках на глубине 3,5 м был обнаружен целый арсенал — пять шлемов, пять кольчуг, одиннадцать граненых копий и охотничья рогатина. Дополняла этот комплекс серебряная чаша. Датировать этот вещевой клад удалось благодаря копейке Ивана IV, выпущенной До его царского венчания в 1547 г. Эти предметы были спрятаны в тайнике в подвале, а затем завалены обгоревшими остатками Дома. Вероятнее всего, клад оказался погребенным во время

Ипатьевский клад

страшного пожара 1547 г. Его владельцем был дворянин, служилый человек, который должен был выезжать на государеву службу «конно, людно и оружно», то есть в сопровождении боевых слуг. Оружие такого отряда и оказалось в кладе.

Другой аналогичный клад обнаружили в том переулке в 1969 г. на той же глубине 3,5 м. Он был спрятан в бочонке в подклете дома и так же завален при пожаре. В бочонке оказались высокие шлемы — шелома, боевые топоры, засапожные ножи и ствол нищали. Последняя находка особенно любопытна. На одной из граней ствола были нанесены арабские цифры 1555. Возникает, ко-

нечно, соблазн считать их датой изготовления ствола, но на Руси использовали буквенное обозначение цифр, а летосчисление вели не от Рождества Христова, а от Сотворения мира. Кроме того, в бочонке находился еще один любопытный предмет — латунный литой рукомойник голландской работы, аналоги которого сохранились только в собраниях четырех музеев мира. Очевидно, что и эти предметы принадлежали дворянину-воину. Если принять число 1555 за дату изготовления ствола пищали, то этот клад мог оказаться погребенным при пожаре 1571 г.

В третий раз порадовал археологов Ипатьевский переулочек в 1970 г. На этот раз клад оказался «настоящим» — монетным, но монеты были весьма необычны. В широком медном тазу находилось 3398 монет, общий вес которых составил целых 74 кг. Найденные монеты были отчеканены за много тысяч миль от столицы холодной Московии. Это оказались испанские песы и песеты, отчеканенные во второй половине XV — первой трети XVII в. на монетных дворах Мадрида, Барселоны, Толедо, Севильи, а также в американских колониях испанской короны — в Мексике, Колумбии, Боливии. Похожий клад был найден в 1972 г. на берегу Москвы-реки у Коломенского. В нем оказалось 1200 монет. В России западноевропейские монеты (их называли «ефимками» по популярной чешской монете иоахимсталеру) служили сырьем для чеканки русских денег. Почему же именно испанские? После завоевания конкистадорами Южной Америки испанское золото и серебро стали эталоном драгоценных металлов. Испанские деньги в больших количествах вывозили голландские купцы, которые распространяли их в дальнейшем по всему свету. Однако и сами испанцы не только добивались до Московии, но и даже вели здесь какие-то торговые дела. Стоит обратить внимание на план Москвы, составленный в эпоху Смуты немцем-наемником Конрадом Буссовым, оставившим интересные записки о Смутном времени — «Московскую хронику». Буссов довольно схематично воспроизводит территорию Кремля, Китай-города и Белого города, сопровождая чертеж подписями. В районе Печатного двора им обозначен «Старый испанский двор», а за Неглинной — «Новый Испанский двор»¹.

¹ План воспроизведен в кн.: *История Москвы с древнейших времен до наших дней...* Т. 1. С. 208; *Векслер А.Г., Мельникова А.С.* Российская история в московскихкладах. М., 1999. С. 88-91, 129-136, 142-144.

Часть пятая БЕЛЫЙ, ИЛИ «ЦАРЕВ», ГОРОД

От Кулишек к Сретенке

Пространство Белого города, полукольцом обнимавшего Кремль и Китай-город, было плотно застроено уже к моменту возведения крепостной стены при царе Федоре Ивановиче. На протяжении XV—XVI вв. сюда постепенно вытеснялись ремесленники из Кремля и Китай-города. С середины XVI столетия за пределами посада стали размещать военно-служилые слободы — стрелецкие (называвшиеся по именам командиров полков), пушкарские, вортничьи. В XVII в. тут появились иностранные торговые дворы и слободы. Таким образом, Белый город представлял собой обширный район, весьма пестрый по своему социальному, профессиональному и даже конфессиональному составу, с обилием слобод и сотен.

Правда, еще больше (около семидесяти) слобод располагалось в Земляном городе, но и в Белом городе их было тоже немало — двадцать одна, тогда как в Китай-городе находилась всего одна — Певческая слобода на Ильинке, в которой жили патриаршие певчие. Таким образом, в XVI в. к Белому городу перешла роль ремесленного посада. Не случайно восемь его слобод были черными (населялись податными посадскими людьми). Но на протяжении всего XVII столетия Белый город все больше застраивался усадьбами дворян и приказных, а слобожан отселяли все дальше от центра. В результате к началу следующего века, по подсчетам П.В. Сытина, в Белом городе уже преобладали владения дворян и приказных, а посадские люди составляли не более пятой части его населения.

Попробуем обозреть пространство Белого города, продвигаясь с востока на запад, от одной москворецкой набережной до другой. Местность, тянувшаяся направо от Варварских ворот Китай-го-

рода к слиянию Яузът и Москвы-реки, была освоена в XIV—XV столетиях. К самой реке примыкал Васильевский луг, где пасли великокняжеских лошадей. Это название сохранялось вплоть до XVIII в., когда местность была застроена. В 1712 г. сюда вывели Гранатный двор — место хранения артиллерийских припасов, а при Екатерине II выстроили монументальное здание Воспитательного дома. Рядом с Васильевским лугом в устье Яузы в первой половине XV в. находились хозяйственные постройки — мельницы, амбары. Мельница показана здесь и на «Петровом чертеже» 1597 г.

Двигаясь из Варварских ворот прямо, путник попадал в район Кулишек. Ныне Кулишки ассоциируются только с храмом Всех Святых, возвышающимся на Славянской площади, в древности же местность Кулишек была гораздо более обширной, простираясь вплоть до позднейшей стены Белого города, о чем свидетельствуют наименования храмов Пятницы на Кулишках, Кира и Иоанна на Кулишках, Рождества Богородицы на Кулишках и Трех Святителей на Кулишках. Наименование, обросшее в последнее время странными представлениями о том, что именно здесь произошла Куликовская битва, согласно словарю В.И. Даля связано со словом «кулижки» — так называли место, расчищенное под пашню, а также выселки или починок в лесу (отсюда и знаменитое «у черта на куличках», то есть «на кулижках»). Путанице Кулишек с Куликовым полем содействовало московское предание о том, что здешняя церковь Всех Святых была возведена Дмитрием Донским в память о погибших в битве, но документального основания оно не имеет. Впервые церковь упоминается в 1488 г., а во время археологических раскопок около нее были обнаружены погребения XV–XVI вв.

Соседние храмы немногим старше. В 1460 г. в духовной старца Адриана Ярлыка упоминается церковь Святой Пятницы (видимо, Параскевы Пятницы на Кулишках), игумену которой Евфимию завещатель пожертвовал 3 рубля. Церкви «на Единицах» — Спаса Преображения на Глинищах в современном Спасо-Глинищевском переулке по соседству с Кулишками — старец выделил 2 рубля. Там же находился и загородный двор самого Адриана, «с огородом», вероятно весьма значительным, иначе он не был бы особо отмечен¹. Еще один здешний храм,

¹ *Акты*, относящиеся до юридического быта Древней России: В 3 т. / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1857. Т. 1. Стб. 554.

Николы в Подкопаеве, также упоминается в документах XV в. В 1493 г. возле него «в хрестьянских дворах» поселился Иван III после пожара, истребившего Кремль, Великий посад и Занеглименье. Погорелые места простирались до самого жилища великого князя — пламя остановилось у храма Всех Святых на Кулишках.

Пространство древних Кулишек и ныне представляет собой неровную местность с подъемами и спусками, возвышенностями, с которых открываются живописные виды. Еще более крутой рельеф был здесь в Средние века, о чем свидетельствуют упоминания в переписи «вражка» и «осыпи», второе наименование храма Петра и Павла у Яузских ворот — «на горке». Тем не менее планы Москвы и описи первой половины XVII в. свидетельствуют, что Кулишки были плотно заселены вплоть до крепостной стены. Военная перепись 1638 г. перечисляет здесь 450 дворов. Состав местных жителей, как и повсюду в Москве, был довольно пестрым, однако боярских владений почти нет. Исключение составляли дворы боярина Федора Ивановича Шереметева у Предтеченского монастыря (о нем — далее) и «старицы княжны» Ирины Ивановны Мстиславской, сестры главы Боярской думы князя Ф.И. Мстиславского. Ни Шереметев, ни Мстиславская на этих дворах не жили, а обитали в Кремле. Боярин на своем дворе, а старица в кельях Вознесенского монастыря. Судьба Мстиславской по-своему примечательна. Ее прочили в царицы на место бездетной Ирины Федоровны Годуновой, но правителю удалось одолеть своих недругов, и княжне пришлось в 1586 г. надеть монашеский клобук. В 1605—1606 гг. она дала богатый вклад в Троице-Сергиев монастырь по своей «сопернице» царице-инокине Александре — жемчуг, цепи, пуговицы, наконечники, перстни, запонки, общей стоимостью 240 рублей. В 1639 г. Ирина Ивановна умерла, надолго пережив и царя Федора, и царицу Ирину, и царя Бориса. Еще один аристократ в этом районе — царевич Сеид-Бурхан Арасланович, правнук легендарного хана Кучума. С 1627 г. он занимал ханский трон в Касимовском ханстве — вассальном татарском государстве на территории России. При нем начался закат истории Касимовского ханства. В 1653 г. Сеид-Бурхан принял православие с именем Василий, но продолжал при этом управлять ханством, после кончины царевича в 1679 г. трон перешел к его вдове, а когда умерла и она, ханство прекратило существование.

Остальные жители Кулишек ничем особым не выделяются. Здесь можно встретить московских дворян (в том числе и носителей княжеских титулов), священников, дьяконов, ключарей, просвириц, казачьих есаулов и казаков (они служили с поместий, как и дворяне), стрелецких сотников, подъячих и неделыщиков московских приказов, батырщиков и книжников Печатного двора, сапожников, денежных мастеров, кузнецов, дворцовых служителей... Преобладали в этом районе служилые люди. Из 450 дворов почти сто принадлежало дворянам. На церковных землях на дворах и в «келиях» жили нищие. Встречаются среди них «увечные», «слепые», но были и вполне крепкие. Так, Ивашка Заика намеревался сражаться с рогатиной. По-видимому, неплохо себя чувствовал и нищий Григорий, на дворе которого жили «захребетники» четверо ярославцев и два галичанина. Люди, видимо, не совсем бедные, трое из них имели пищали¹.

Перепись 1620 г. отмечает на Кулишках два торговых двора — Рыбный (53 сажени вдоль и 25 поперек) и Соляной (соответственно 43х21 сажень). Впоследствии эти дворы были объединены в один, который занял целый квартал. На Соляном дворе были амбары и лавки, главные ворота имели высокую башню с караульной. Здесь находились купеческие и казенные амбары с солью и погашем (калиевой солью угольной кислоты), который применялся для крашения тканей, производства мыла и т. д. Тут же торговали и рыбой. От Соляного двора и произошло название улицы Солянка.

В начале XX в. обветшавшие строения Соляного двора были снесены, а на их месте в 1909—1915 гг. возведен в стилистике неоклассицизма комплекс доходных домов (архитекторы В.В. Шервуд, А.И. Герман, А.Е. Сергеев) — прямоугольный с обширным внутренним двором, в плане повторяющий старинную постройку. При рытье котлована на глубине 3 м был обнаружен клад копеек Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова, насчитывавший около девяти тысяч монет. Однако на самом деле клад был гораздо крупнее. Археолог В.А. Городцов записал в дневнике 4 мая 1912 г.: «Мне сообщили, что при закладке нового большого дома Купеческого общества на Солянке на глубине 5 аршин Найдены остатки каких-то подполий, где хранилось серебряных

¹ *Переписи московских дворов XVII столетия*. М., 1896. С. 22—30; *Переписная книга города Москвы 1638 г.* Стб. 160—185.

Кувшины. XVII в. Собрание Музея Москвы

монет... 15 пудов... Хранились они в больших кувшинах. При открытии кувшинов рабочие бросились разбирать деньги. Произошла схватка, в которой пострадал подрядчик. Деньги брали горстями, кто сколько мог захватить. Благодаря вмешательству полиции удалось сохранить 13 фунтов монет». Если утверждение о пятнадцати пудах монет верно, то в Солянском кладе должно было быть фантастическое количество копеек — около 480 тысячч!¹

От Соляного двора дорога, как и сейчас, поднималась в гору, к Ивановскому монастырю. Точная дата основания этой женской обители неизвестна, но к началу XVII в. монастырь уже существовал. Есть сведения о том, что здесь жили инокини-царевны Прасковья (в миру Пелагея Михайловна Петрово-Соловово) и Александра (в миру Евдокия Богдановна Сабурова) — супруги сына Ивана Грозного царевича Ивана, который подобно отцу, а возможно, по его воле отправлял жен в монастырь. В Смутное время в обители постригли в монахини царницу Марию Петровну, супру-

¹ Векслер А.Г., Мельникова А.С. Указ. соч. С. 207.

гу Василия Шуйского. В 1638 г. в монастыре скончалась юродивая Дарья, в схиме — Марфа, почитавшаяся и в нем, и в царском дворце. Она была похоронена в монастырском соборе, а спустя два года царь Михаил Федорович приказал изготовить бархатный покров на ее надгробие.

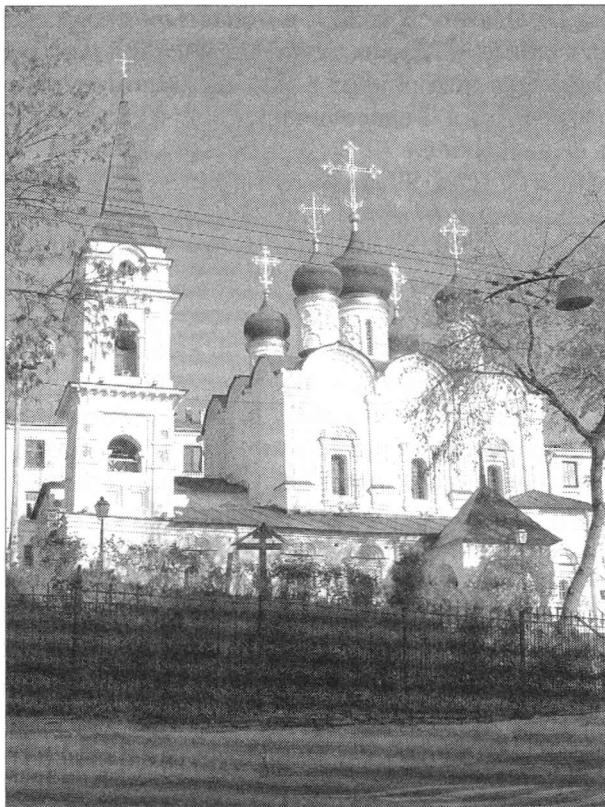
С середины XVII в. 29 августа, в престольный праздник обители — Усекновения главы Иоанна Предтечи, — под ее стенами проходили «бабьи шерстяные» ярмарки, где монахини и белицы продавали свое вязанье и шитье. В 1657 г. в монастыре выстроили каменный собор с приделом Святого Николая Чудотворца. Сохранилось составленное в 1701 г. подробное описание обители, в котором упоминаются «соборная церковь каменная», наполненная иконами в драгоценных окладах и богатой церковной утварью, «игуменские келии нижние каменные, а верхние деревянные», 68 деревянных «старицыных» келий, три колодца, надвратная церковь («строение окольничего Василия Савича Нарбекова») и каменная ограда, «трои ворота створчатые, затворы железные»¹.

Напротив монастыря находилась церковь Равноапостольного Владимира в Старых Садах. Здесь в XV в., при Иване III, был загородный двор великого князя. С этой возвышенности государь мог любоваться видом Кремля и Великого посада. Церковь была возведена в 1514 г. по повелению его сына Василия III итальянским зодчим Алевизом Фрязином. В XVII в. храм неоднократно перестраивали, появились приделы: в 1625 г. — Мучеников Кирика и Иулиты, в 1689 — Благоверных Князей Бориса и Глеба.

В начале XVII в. у этого храма находился двор подьячего Дементия Тимофеева, у которого полгода время жил Илейка Муромец, внебрачный сын муромского посадского Ивана Коровина. Из Москвы Илейка попал к терским казакам и, как бывший столичный житель, был избран ими на роль самозванца — «царевича Петра Федоровича», мнимого сына Федора Ивановича². После появления Лжепетра эпидемия самозванчества широко распространилась в казачьих станицах, а сам он, повоевав и за себя и за «дядю» под знаменами Болотникова, окончил жизнь под рукой царского палача осенью 1607 г.

¹ *Материалы...* Ч. 1. Стб. 571—585.

² ААЭ. Т. II. С. 175.

Церковь Владимира в Старых Садах

Двигаясь далее к стене Белого города (ныне — линия Покровского бульвара), путник попадал в урочище Хохлы, получившее такое наименование по жительству здесь выходцев с Украины. Это поселение не стало особой слободой, но местный храм именовался церковью Троицы в Хохлове или в Хохлах. Современный каменный храм был выстроен в 1696 г. на средства вдовы окольничего Евдокии Авраамовны Чириковой (урожденной Лопухиной) в память о ее дочери Неониле¹.

Неподалеку от храма жил видный дипломат — думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев, фактический глава Посольско-

¹ Другой памятник Е.А. Чириковой своей дочери — здание храма Николы Мокрого в Китай-городе, выстроенное в 1695—1697 гг.

го приказа с 1689 г. Палаты дьяка расположились «глаголем» (буквой «Г») на углу Хохловского переулкa (ныне — дом номер 7). В XVIII в. в них разместился Московский архив Коллегии иностранных дел, который возглавляли видные историки и архивисты Г.Ф. Миллер, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, М.А. Оболенский и др. К несчастью, в наши дни этот выдающийся памятник истории и архитектуры находится в запустении — стены обшарпаны и исписаны различными надписями, кирпичи вываливаются из наличников...

К северу от Кулишек вплоть до Покровки (впоследствии ее часть, ближняя к Китай-городу, получила наименование Маросейка) простирались дворы Покровской черной сотни¹. По-видимому, эта слобода не имела ремесленной специализации. По переписи 1638 г. среди ее жителей упоминаются портные, сапожники, квасники, мясники, денежные мастера и др. Немало было на этих землях и «белых» дворов — приказных, церковнослужителей, дворян. Сосуществовала с Покровской сотней стрельцкая слобода у церкви Спаса на Глинницах.

Покровка, упоминающаяся в описях как «большая мостовая», то есть замощенная улица, тянулась от Ильинских ворот Китай-города до Покровских ворот Белого города. Свое название она получила по церкви Покрова Богородицы в Садах, впервые упоминаемой в 1488 г. (в 1777 г. храм снесли). В XVII в. на правой стороне улицы за Покровской церковью находился мясной ряд, а за ним — «лавки харчевые». На той же стороне улицы ближе к Покровским воротам стояла церковь во имя святых бессребреников Космы и Дамиана, известная с 1625 г. На противоположной стороне улицы в ее начале располагалась церковь Николая Чудотворца. Прибавление к ее названию «в Кленниках», по-видимому, связано с существовавшей здесь в древности кленовой рощей (другой вариант — «в Блинниках»), Существующую ныне двухэтажную каменную церковь начали возводить в 1657 г., а в 1690 г. перестроили в связи с созданием на втором

¹ Черная сотня — *здесь*: территориальное объединение тяглого (податного) населения — городских торговцев и ремесленников, получавшее название по местонахождению, управляемое выборными сотниками и Десятскими и отвечавшее по долгам своих членов. Члены черных сотен избирались для исполнения различных обязанностей, несли городские повинности (мостили улицы, выделяли жилье и т. д.). В царствование Михаила Федоровича в Москве было десять черных сотен.

Боярин А.С. Матвеев.
Гравюра XIX в.

этаже престола в честь Казанской иконы Божией Матери.

Далее следовали мясницкий ряд, Малороссийское подворье (представительство украинских гетманов и духовных властей, давшее улице другое название — Маросейка), «лавки с харчем» и Артемонов переулоч¹.

Свое название Артемонов (Артамонов) переулоч получил по располагавшемуся в нем двору государственного деятеля и дипломата боярина Артамона Сергеевича Матвеева (1625—1682).

Расположение здесь двора его отца, дядка Сергея Матвеева, отмечает перепись Москвы 1638 г. Незнатный Матвеев начинал службу стрелецким головой и достиг высоких чинов благодаря выдающимся способностям. К 1650-м гг. относится знакомство Артамона Сергеевича с царем, которому он сразу приглянулся. Матвеев был привлечен к дипломатическим переговорам во время русско-польской войны 1654—1667 гг., в частности о сдаче поляками Смоленска, а вслед за этим возглавил Посольский приказ.

Высокое положение А. С. Матвеева подкреплялось его дружбой с государем. «Приезжай поскорее, мои дети осиротели без тебя, мне не с кем посоветоваться», — просил его в одном из писем Алексей Михайлович. Особенно возросло влияние Матвеева, когда в 1671 г. царь женился на его воспитаннице Наталье Кирилловне Нарышкиной. Через год по случаю рождения у царственной четы сына Петра Артамон Сергеевич был пожалован чином окольничего, а вскоре, в честь рождения царевны Феодоры Алексеевны, стал боярином. Матвеев был одним из самых образованных людей своей эпохи. В 1673 г. он организовал первое театральное училище в Немецкой слободе, а в следующем немцы и дворовые боярина уже разыгрывали перед царской семьей пьесу «Как Алаферну-царю царица голову отсекла».

Положение Матвеева казалось незыблемым, но в 1676 г. после внезапной кончины Алексея Михайловича над головой боя-

¹ *Беляев И.С.* Указ. соч. С. 13—14.

рина сгустились тучи. При юном царе Федоре Алексеевиче правление перешло в руки родственников его матери, первой жены Алексея Михайловича. Милославские добились отправки Матвеева на воеводство в Верхотурье, затем обвинили в чернокнижии и сослали в заполярный Пустозерск, а оттуда в Мезень. Но постепенно влияние Милославских на царя Федора слабело. В 1682 г. он по просьбе своей второй жены Марфы Матвеевны Апраксиной, крестницы Матвеева, приказал освободить того из-под стражи и перевести в город Лух. Там Матвеев получил известие о смерти Федора Алексеевича и срочный вызов в Москву, исходивший от вдовы Алексея Михайловича Натальи Кирилловны.

После смерти царя Федора у трона столкнулись боярские партии Милославских и Нарышкиных. Первые выдвигали кандидатуру старшего из сыновей царя Алексея, болезненного и неспособного к управлению Ивана; вторые держали сторону младшего, десятилетнего смышленного Петра. Первоначально царем был провозглашен Петр. Но Милославские во главе с боярином Иваном Михайловичем и старшей дочерью Алексея Михайловича Софьей не смирились с поражением и начали подстрекать к бунту московских стрельцов. В майские дни 1682 г. в столицу из ссылки прибыл А.С. Матвеев. Царица Наталья Кирилловна надеялась, что он сможет усмирить ропот стрельцов и одолеть Милославских, но было уже поздно.

15 мая, поверив распускавшимся Милославскими слухам об убийстве царевича Ивана Нарышкиными, стрельцы в боевом порядке двинулись в Кремль. На дворцовое крыльцо к ним вышел А.С. Матвеев. Ему удалось усмирить толпу, но, когда боярин повернулся, чтобы идти к царице Наталье Кирилловне, князь М.Ю. Долгорукий с бранью набросился на стрельцов, был поднят ими на копья и изрублен бердышами. Кровавое пролитие началось. Артамона Сергеевича вырвали из рук царицы и убили. Стрельцы бегали по всему дворцу и убивали ненавистных бояр, приказных, стрелецких командиров.

Тело Матвеева осмелился подобрать его слуга-арап. Похоронили боярина в усыпальнице его приходской церкви Николы в Столпах. Впервые этот храм упоминается как каменный в 1629 г. По иронии судьбы через три года здесь же погребли злейшего врага Матвеева — боярина И.М. Милославского, двор которого также находился в приходе этого храма. Впрочем, покой Мило-

славского оказался не вечным. В 1697 г. во время казни участников заговора И.Е. Цыклера и А.П. Соковнина Петр I приказал извлечь тело боярина из земли, на шести «чудских» свиньях привести его гроб в село Преображенское и поставить под плахой так, чтобы кровь казненных стекала на останки. Позже труп боярина был рассечен палачами на части. Сын А.С. Матвеева Андрей Артамонович со злорадством описывает эту сцену и вид тела Милославского после вскрытия гроба: «...Голова согнила у него и так мала была, как бы ручной кулак, и борода его черная выросла до самого его пупа и ниже лежала; а чему надлежало по четыредесятом дне весьма разрушиться, то есть чреву и прочим членам, и все это было так крепко надуту, как бы тимпан; руки и ноги в самой целости, как бы у тридневного погребенного мертвеца»¹.

Ближе к стене Белого города находились слободы котельников и колпачников, память о которых сохранили наименования: церковь Успения Богородицы в Котельниках и Колпачный переулочек. От Артемонова переулка к следующей радиальной улице — Фроловке (Мясницкой) — вновь протянулись дворы Покровской сотни. Ближе к Китай-городу, между Покровкой и Евпловкой (начало современной Мясницкой) находился Златоустовский монастырь.

В этой обители, известной с 1412 г., в 1660—1663 гг. был построен монументальный собор. Описание, сделанное после пожара 1737 г., зафиксировало, помимо соборного храма Святителя Иоанна Златоуста, церкви Спаса Нерукотворного, Благовещения, Иоанна Воина, Покрова Богородицы (надвратную), каменный келейный корпус с деревянным верхом, хлебную, конюшенную и поварские «полатки», конюшню, каретный сарай, «избу людскую». Как видим, обитель была состоятельной, чему способствовали вклады московской аристократии.

В Благовещенской церкви находилась усыпальница Апраксиных. Этот дворянский род, члены которого в первой половине XVII в. были дьяками и воеводами, выдвинулся после женитьбы царя Федора Алексеевича на его представительнице. Восемнадцатилетняя Марфа Матвеевна пробыла супругой царя совсем недолго: 14 февраля 1682 г. состоялась свадьба, а 27 апреля государь скончался. Зато ее братья при Петре I занимали видные

¹ Матвеев А.А. Записки // Рождение империи. М., 1997. С. 414.

Златоустовский монастырь.

Фотография из «Найденовского альбома». 1882 г.

должности. Апраксины щедро жертвовали средства Златоустовскому монастырю, где был похоронен их отец, воевода Матвей Васильевич. Как гласит надгробная надпись, в 1667 г. он был «убиен на степи меж Саратова и Пензы, переехав реку Медведицу, от калмыков и от башкирцов, и изсечен многими ранами и изстрелен ноября 6 числа, на память иже во святых отца нашего Павла Исповедника, и с ним побиты до смерти государевых и его дому людей 40 человек, и тело его на степи ссыскано»¹.

К Златоустовскому монастырю примыкала монастырская слобода, а у церкви Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке лежала стрелецкая слобода. Неподалеку от обители, как указывает перепись 1620 г., жил Петр Тимофеевич Пушкин (Толстой) — прямой предок поэта. В 1625—1628 гг. он был воеводой в Тюмени,

¹ Цит. по: *Московский некрополь*. СПб., 1907. Т. 1. С. 47—48.

Торговые гири. XVII в. Собрание Музея Москвы

Деталь весов XVII в. Собрание Музея Москвы

в 1633 г. — сотенным головой в Москве на случай осады. По-видимому, его двор находился в позднейшем Артемоновом переулке, где жил и его сын, стольник Петр Петрович.

От монастыря в сторону Китай-города ближе к Лубянке располагался Новый Английский двор, который подданные британ-

ской короны приобрели в 1636 г. Согласно описанию 1651 г., двор протянулся вдоль на 59 сажений, а поперек — на тридцать четыре. На дворе был вырыт колодец, а каменное строение состояло из семи кладовых палат с погребями. Тут же имелось пять деревянных «горниц белых на подклетах с чуланы и з сенми» и погребями, избы, амбары и городьба с воротами. Общая стоимость Английского двора оценивалась в солидную сумму — 2600 рублей¹.

В 1654 г. здесь разместился Новый Денежный двор (его по привычке также именовали Английским) и началась чеканка медной монеты, введенной царем Алексеем Михайловичем. Первым делом укрепили охрану — по углам забора встали целых четыре караульни. На дворе были сооружены плавильные печи, кузницы, в отдельных палатах и избах разместились волочильщики («волочили» проволоку из медных брусков), бойцы (резали проволоку и били из нее заготовки для монет) и чеканщики (выбивали на монете «легенду» — царский герб и титул). На столах под навесом изготовленные деньги «перебирали», выбрасывая брак. Руководство двора — голова и целовальники — сидело в особых каменных палатах, где также хранились сырье, монеты и стояли весы с гирями. На Денежном дворе работали 600 человек, избиравшихся на год из посадского населения Москвы, за которыми очень строго следили, стремясь не допустить воровства. Однако все меры оказывались бесполезными. В годы монетной реформы широко расцвело изготовление фальшивых денег — монеты чеканились из меди, а приравнивались по стоимости к серебряным, поэтому, поскольку казенная медь тщательно взвешивалась, работники Денежного двора часто приносили свой металл и чеканили «на себя». Иногда Приказ Большой казны проводил ревизии, во время которых ловили на воровстве или чеканке фальшивой монеты не только мастеров, но и старост и даже целовальников. Некоторых преступников казнили, другие продолжали работать на Денежном дворе «в железах»².

¹ Долгова С.Р. Рассказы о Москве: из архивных находок. М., 2009. С. 21–22.

² Богоявленский С.К. Новый Английский денежный двор // Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII в. / Под ред. В.Б. Левшина; сост. Л.Г. Дубинская. М., 1980. С. 233—239; Векслер А.Г., Мельникова А.С. Указ. соч. С. 146—152.

С Новым Денежным двором соседствовал тюремный двор. В начале XVIII в. он уже не использовался по назначению — здесь были окруженные забором каменная палата с погребом и деревянная изба, «непокрыта и вся ветха, и своды и стены разщелялись». 20 апреля 1704 г. двор был пожалован Леонтию Филипповичу Магницкому «и детям и в род его» в награду за составление «Арифметики», а обветшавшая палата отремонтирована за счет казны¹. Сам «арифметики учитель», скончавшийся в 1739 г., был погребен у церкви Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке, несмотря на то что его двор находился в приходе другого храма — Георгия Победоносца в Лучниках (вернее — в Лужках, по-тогдашнему — «Лушках»),

При царе Михаиле Федоровиче район Покровки активно заселяли иноземцы. Описи 1621 и 1638 гг. показывают здесь даже дворы «немецких попов». На дворе «немецкого дьячка» Якова Юстрова, как полагает Д.В. Цветаев, проходили богослужебные собрания, на средства прихожан было выстроено небольшое здание лютеранской кирхи. Пастором был Георгий Оксе, который именуется в русских документах Юрием Томосовым. В 1626 г. кирха сгорела и в Земляном городе в Огородной слободе, вблизи церкви Святого Харитония в Огородниках, была выстроена новая. В том же году возникла и еще одна кирха и община, пастором которой стал Яков Нигенбург (Нейенберг), учитель школы при первой общине. В 1632 г. эта кирха была уничтожена. А. Олеарий оставил любопытное свидетельство о причинах уничтожения кирхи в Белом городе: «Когда перед тогдашней осадой Смоленска немецкие военные офицеры женились на купеческих служанках, то эти последние, как жены капитанов и поручиков, уже более не хотели сидеть ниже бывших своих барынь. Жены же купцов полагали, что было бы постыдно для них, если бы те, кто недавно были их служанками, стали сидеть выше, чем они сами. Вследствие этого в церкви поднялся большой спор, который в конце концов перешел в драку. Патриарх в это время проезжал мимо церкви, увидел свалку и спросил о причинах ее. Когда ему сообщили, что это в немецкой церкви идет спор из-за мест, он сказал: «Я полагал, что они будут приходить в церковь с благоговейными мыслями для совершения своего богослужения, а не ради высокомерия». После этого он приказал, чтобы

¹ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 100—108.

тотчас церковь была сломана, и, действительно, в тот же день она была разрушена до основания. Лютеранам, однако, позволили построить вне Белой стены, в округе Большой город, новую»¹.

Впрочем, довольно скоро кирха была возрождена, причем в том же районе — около Покровки. В 1643 г. священники и служители церквей Николы в Столпах и Козьмы и Дамиана на Покровке и еще девяти приходских храмов подали жалобу на «немцев», которые «в их де приходех на своих дворах близко церквей поставили ропаты, и русских людей немцы у себя во дворах держат, и всякое осквернение русским людям от тех немец бывает, и те немцы, не дождався государева указа, покупают дворы в их приходех вновь, и вдовы немки, и держат у себя в домах всякие корчмы, и многие де прихожане, которые у них в приходех живут, хотят свои дворы продавать немцам, потому, что немцы покупают дворы и дворовые места дорогою ценою, перед русскими людьми вдвое и болши, и от тех немец приходы их пустеют». В ответ на это челобитье власти распорядились снести не только кирху на Покровке, но также лютеранскую кирху в Огородной слободе и кальвинистскую на Поганом пруде (с XVIII в. — Чистый) и запретить иностранцам покупать дворы у русских. Правда, одну кирху лютеранам удалось отстоять — помогло стремление русского правительства показать себя с лучшей стороны перед приездом королевича Вольдемара. Новая кирха была выстроена на бывшем огороде боярина Никиты Алексеевича Зюзина, за Земляным городом, между Фроловскими (Мясницкими) и Покровскими воротами².

От Никольских (они же Владимирские или Сретенские) ворот Китай-города шел путь по Сретенке, Лубянке и безымянной улице, являвшейся началом позднейшей Мясницкой. Наименование Сретенка связано с событиями, произошедшими в 1395 г., когда грозный среднеазиатский полководец Тимур (Тамерлан) выступил в поход на Русь. Великий князь Василий I вышел с войском к Оке, а митрополит Киприан молился о заступничестве свыше. По указанию предстоятеля в Москву была перенесена чудотворная икона Владимирской Божией Матери. Как сообщает летописная повесть, 26 августа, когда икона была встречена в

¹ Олеарий А. Указ. соч. С. 296.

² АИ. Т. III. С. 114—115; Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты... С. 54-81.

Церковь Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке.
Фотография из «Найденовского альбома». 1881 г.

Москве, Тимур остановился на южных окраинах русских земель и повернул обратно. В честь чудесного спасения Москвы великий князь и митрополит основали на месте встречи («сретения») иконы Сретенский монастырь, по которому звалась и улица.

Происхождение названия Лубянка чаще всего связывают с лубяным торгом, который мог здесь располагаться. Есть также мнение, что этот топоним принесли с собой новгородцы, которых после присоединения Новгородской республики (1478) переселил сюда великий князь (в Новгороде была улица Лубяница).

В районе современной Лубянской площади располагалось Рязанское подворье (впервые упоминается в 1634 г.). На нем было два храма — во имя Святой Троицы и во имя Архангела Михаила. Каменные палаты подворья были выстроены в 1654 г., о чем свидетельствовала закладная доска в стене: «Лета 7162 мая в 8 день по благословению смиренного Мисаила архиепископа

рязанского и Муромского начаты строится каменные архиерейскопли две келии да братцкая келья да середине сени да задние четверы сени в четвертое лето владычества его, а совершены того ясе лета июля в 1 день домовую казною». Ныне эта доска находится в собрании Музея Москвы. В 1677 г. на Рязанском подворье был создан госпиталь для лечения русских воинов, раненных во время Русско-турецкой войны 1676—1681 гг. В 1722 г. на подворье скончался рязанский митрополит Стефан Яворский — крупный церковный деятель, местоблюститель патриаршего престола. Его преемник, писатель (возможно, он был автором книги «Юности честное зерцало») Гавриил Бужинский, в 1730 и 1731 гг. жаловался, что никак не может попасть к себе на подворье, где по-хозяйски разместился грузинский царевич Вахтанг. Епископ сетовал, что «от непризору их грузинцев» многие строения сгнили и разрушены, а имущество рязанских владык было разворовано. Наконец царевич съехал с подворья, но его служители продолжали не пускать Гавриила, который вскоре скончался, и борьбу за подворье пришлось вести уже следующему епископу — Лаврентию¹.

По безымянной улице между Рязанским подворьем и церковью Гребневской иконы Божией Матери можно было попасть на Евпловку, получившую свое название по храму Святого Архидиакона Евпла. Евпловка переходила в Фроловку, названную по церкви Святых Мучеников Флора (Фрола) и Лавра. Этот храм (известен с 1547 г., выстроен в камне в 1657 г.) стоял на Мясницком холме, превышавшем Кремлевский. Неподалеку от церкви, у Фроловских ворот, находилась черная Мясницкая полусотня — слобода мясников. Впоследствии слобода дала наименование и улице Мясницкой, и воротам Белого города. Отходы мясницкого промысла сбрасывались в пруд за стеной Белого города, получившего название Поганого. Согласно широко распространенному московскому преданию, в начале XVIII в. любимец Петра I А.Д. Меншиков, пожалованный усадьбой в этом месте, приказал очистить пруд, который с тех пор стал называться Чистым.

У Сретенских ворот Белого города находилась еще одна черная сотня — Сретенская. В начале улицы на ее правой стороне располагался двор боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Согласно переписи 1620 г., его размеры составляли

¹ *Материалы...* Т. 2. Стб. 818—821.

37 на 35 саженей. Этот двор хорошо можно видеть на «Сигизмундовом плане» Москвы.

Усадьба Пожарского после кончины полководца была разделена на две части между его наследниками. Ближняя к центру часть перешла во владение братьев второй жены князя Д.М. Пожарского — князей Голицыных. Во второй половине XVIII в. в усадьбе Голицыных был возведен дворец в классическом стиле. Предполагают, что автором проекта мог быть знаменитый зодчий М.Ф. Казаков или кто-либо из его учеников. В 1807 г. дом Голицыных перешел в казну, а с 1843 г. в нем разместилась 3-я московская мужская гимназия, при которой был создан под наблюдением профессора К.Ф. Рулье уникальный минералогический кабинет. В 1613 г. во время торжеств, посвященных 300-летию дома Романовых, возле церкви Введения на Лубянке, на углу владений 3-й гимназии была установлена мраморная доска в память о князе Д.М. Пожарском.

В 1920-х обветшавшее здание гимназии снесли, а на его месте выстроили по проекту академика И.А. Фомина в 1928—1929 гг. жилой дом общества «Динамо». И.А. Фомин был основателем нового архитектурного стиля, который называл «пролетарской классикой». Этот стиль сочетал традиции классицизма с новым размахом и монументальностью. Ярким образцом «пролетарской классики» и является дом «Динамо» на Большой Лубянке, 12.

Другая часть дворовладения Пожарского перешла к другим его родичам, князьям Хованским, а в начале XIX в. усадьбой владел московский генерал-губернатор Федор Васильевич Ростопчин (1763—1826). Дом Ростопчина был свидетелем многих драматических событий войны 1812 г. Перед усадьбой московского губернатора толпой был убит купеческий сын Михаил Верещагин, которого Ростопчин обвинил в измене. Вскоре после Бородинской битвы в доме Ростопчина находился смертельно раненный герой Отечественной войны 1812 г. князь П.И. Багратион.

Главный дом усадьбы Ростопчина сохранился до нашего времени (Большая Лубянка, 14). Это — редкий для Москвы дворец эпохи петровского барокко. Во время реставрационных работ 1970-х гг. было установлено, что в здание дворца включены стены и фундамент палат князя Д.М. Пожарского. Его фасад пышно украшен ордерной декорацией, подражающей западноевропейским формам, однако в них чувствуется и влияние стилистики московского варианта стиля барокко. Первоначально в центре

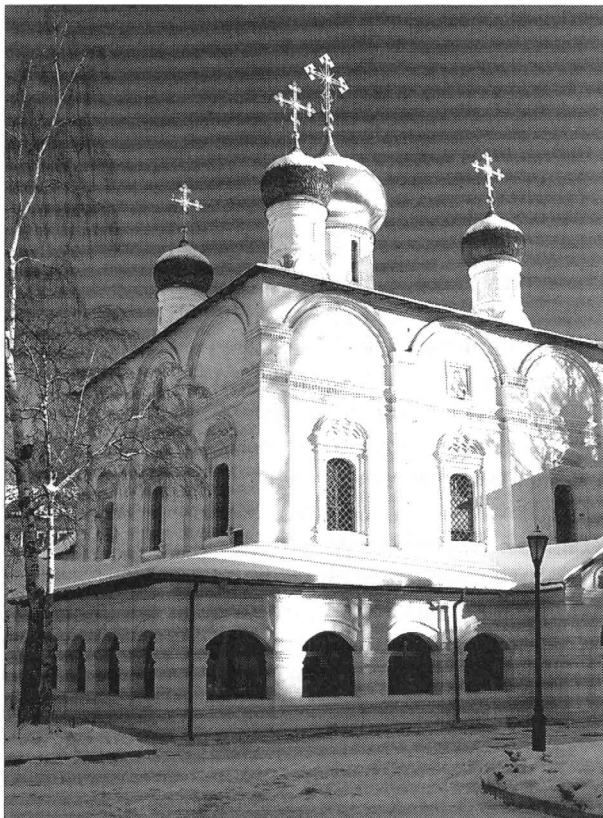
здания располагалась проездная арка, впоследствии заложенная. Позднее также к дому были пристроены сильно выступающие ризалиты; во второй половине XIX в. дом получил новый подъезд с балконом, парапет и аттик, флигели и ограду. С 1858 г. усадьбой владело Страховое от огня общества, а после 1917 г. оно перешло в ведение ВЧК—ОГПУ. После распада СССР власть этого грозного учреждения слегка ослабла, и бывший дом Ростопчина перешел в аренду к Инкомбанку. Но в конце 1990-х гг. в связи с банкротством арендатора этот выдающийся памятник пришел в упадок. Какое-то время велась реставрация этого памятника, но ныне он находится в запустении. Московеды, историки и почитатели памяти князя Д.М. Пожарского неоднократно предлагали создать в этом доме музей, посвященный великому полководцу и эпохе Смутного времени. Но пока, к сожалению, эти призывы не находят отклика у властей города.

Приходским храмом Пожарского была церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Летопись упоминает ее в числе других каменных храмов, возведенных при Василии III Алевизом Фрязином. Владимирский летописец сообщает, что церковь строили на средства псковичей, которых великий князь «перевел к Москве да и подавал им дворы по Устретенской улице, всю улицы дал за Устретенье, а не промешал с ними ни одного москвитина»¹.

Во время московского восстания против поляков 19 марта 1611 г. князь Д.М. Пожарский выстроил острожек у этого храма и с небольшим отрядом служилых людей мужественно бился с поляками. Плечом к плечу с ними сажались и кузнецы соседнего Пушечного двора. В этом бою Пожарский был тяжело ранен, его вывезли с поля боя, а Москва, подожженная поляками, запылала. После победы над поляками князь Пожарский поместил в своем приходском храме чудотворную икону Казанской Божией Матери. Здесь же 2 сентября 1635 г. патриарх Иосиф отпел первую супругу Пожарского, княгиню Прасковью Варфоломеевну.

Сретенский монастырь был основан в местности, носившей наименование Кучково поле и традиционно связываемой с легендарным боярином Степаном Кучко (Кучкой). В 1378 г. здесь был казнен претендент на должность тысяцкого Иван Василье-

¹ *Исторические записки*. М., 1948. Т. XV. С. 293.

Сретенский монастырь

вич Вельяминов. Согласно преданию, на месте казни выстроили церковь во имя Марии Египетской. После создания (в 1397 г.) монастыря она стала монастырской, но при этом до 1732 г. сохраняла особый приходской статус.

Монастырь, основанный на Владимирской дороге, вплоть до конца XV в. находился на самом краю городской территории. Первоначально его главный храм был деревянным, в 1482—1485 гг. псковские мастера возвели его в камне, а в 1679 он был переделан. В 1706 г. к храму пристроили придел Рождества Иоанна Предтечи. Каменный храм Марии Египетской построен в 1482 г. и позднее неоднократно перестраивался. В 1688 г. была поставлена еще одна монастырская церковь — Николая Чудотворца.

В XIV—XVI вв. из Кремля к Сретенскому монастырю устраивались крестные ходы в ознаменование избавления Москвы от татар: 21 мая — от нашествия крымского хана Мехмед-Гирея в 1521 г., 23 июня — хана Большой Орды Ахмата в 1480 г., 26 августа — Тамерлана. Первый из этих крестных ходов был отменен в 1723 г., а после восстановления в конце XVIII столетия совершался из Кремля в церковь Сретения Владимирской иконы Божией Матери у Никольских ворот Китай-города.

Со Сретенским монастырем были связаны еще четыре ежегодных крестных хода. В первое воскресенье Петрова поста и 22 октября в день праздник чудотворной иконы Божией Матери Казанской шествия двигались из Кремля вдоль стен Белого города и встречались у Сретенских ворот, в монастыре совершался молебен, и крестный ход возвращался в Кремль. В четверг седьмой недели по Пасхе (Семик) и 1 октября на праздник Покрова Богородицы крестный ход с участием сретенского игумена шел из монастыря к Убогим домам — местам погребения умерших насильственной смертью, бродяг и неопознанных трупов, где совершались заупокойная служба и погребение мертвецов в скудельнице — братской могиле. Сретенский монастырь находился на пути в Троице-Сергиев монастырь и далее на север. В нем останавливались помолиться перед началом путешествия все паломники — от царей до простых горожан. Здесь же возносили благодарственные молитвы после возвращения из далекого путешествия.

Был монастырь свидетелем и менее благостных сцен. 1 июня 1648 г. во время возвращения с богомолья царя Алексея Михайловича его карета была остановлена народом у Сретенских ворот. Посадские били челом о смещении ненавистного начальника Земского приказа Л.С. Плещеева, но стража отогнала москвичей. На другой день царя вновь остановили у Сретенского монастыря, куда он направлялся на богомолье. Государь и тогда не внял крикам москвичей, и вскоре началось восстание 1648 г., известное как Соляной бунт. Следующий бунт — Медный — также начался на Сретенке. Здесь появилось подметное письмо, прикреплённое «у Сретенской решетки... у столпа», в котором обвинялись в народных бедах «злые бояре» — И.Д. Милославский, Ф.М. Ртищев и др. Постепенно «у решетки» собралась толпа, читали «воровское» письмо, «шумко» кричали и решили идти в Коломенское бить челом царю. Так началось московское восстание 1662 г.

ПУШЕЧНЫЙ ДВОР И КУЗНЕЦКАЯ СЛОБОДА

При выходе из Никольских ворот Китай-города перед наблюдателем открывалось неожиданное зрелище: на берегу реки возвышался Пушечный двор — обширное строение с круглыми кирпичными башнями, из которых валил дым. Именно так изображен он на хрестоматийной картине Аполлинария Васнецова «Пушечно-литейный двор на Неглинной в XVII веке». Древнейшее московское промышленное предприятие в XV—XVII столетиях являлось центром передовых технологических разработок в России, да и не только.

Пушечный двор впервые упоминается в летописи под 1508 г. как «Пушечная изба». Уже тогда он находился на реке Неглинной за пределами Великого посада. С 1535 г. встречается наименование «Пушечный двор». При его создании в XV в. не обошлось без итальянских инженеров, о деятельном участии которых в создании отечественной артиллерии сообщают источники. Строитель Успенского собора Аристотель Фиораванти в 1485 г. во время похода на Тверь командовал артиллерией. Алевиз Фрязин занимался изготовлением пороха на своем дворе, располагавшемся на Успенском Вражке (между Тверской и Никитской улицами). В 1531 г. здесь произошла трагедия: «Загореся внезапно зелье пушечное... делали бо его на том дворе градские люди, и згореша делателей тех от зелья того в един час более двюсот человек»¹.

Летописи сообщают, что в 1488 г. мастер Павлин Фрязин Дебосис (Паоло де Боссе) отлил «пушку большую». Орудие, изготовленное тремя годами ранее мастером Яковом, не имело литейных швов, а его дуло завершалось раструбом. В Западной Европе такие пушки появляются около 1480 г. как результат прогресса в литейном деле. Как видим, пушечных дел мастера в далекой Московии не сильно отставали от лучших европейских литейщиков, работавших при дворе германского императора Максимилиана (любопытно, что пушка де Боссе, судя по ее изображению в Лицевом летописном своде, имела швы, то есть не была цельнолитой)².

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 58.

² Там же. Т. XII. С. 219; *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1941. С. 51—54.

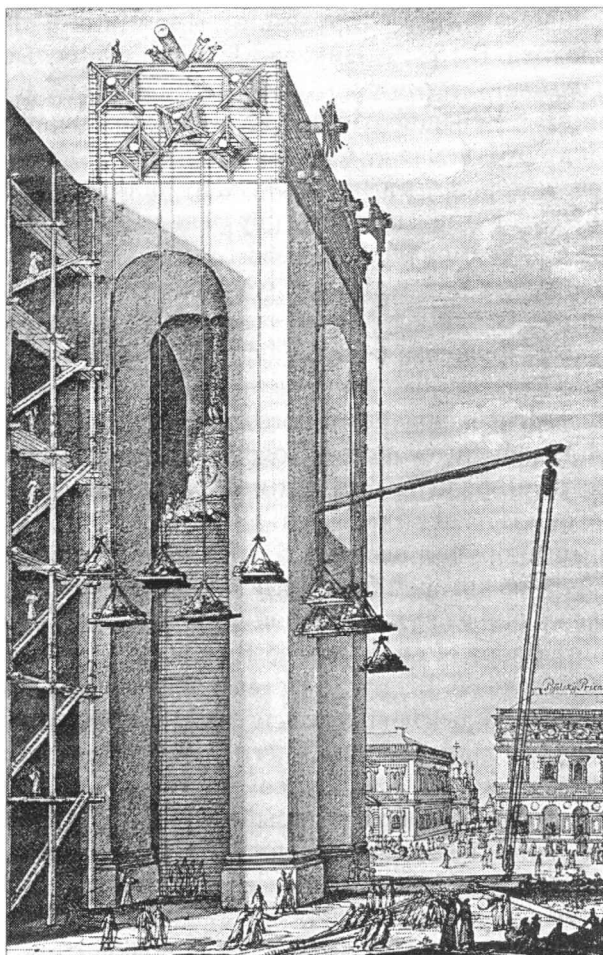
Одновременно с литьем орудий, на Пушечном дворе производили колокола. В 1533 г. Николай Немчин отлил тысячепудовый колокол-благовестник, который поставили «на деревянной колокольнице»¹. Успешно работал на Пушечном дворе в середине XVI в. и другой немец — Кашпир Ганусов. В 1554 г. он отлил мортиру, вес которой превышал 19 т. Стреляло это орудие ядрами весом 320 кг. Гигантскую мортиру отлили не для того, чтобы тешить чье-либо самолюбие. В 1563 г. она участвовала в осаде Полоцка, во время которой ядра русских пушек, пробивая стену замка, долетали до другой. Жестоким огнем стены крепости были сильно разрушены, и город сдался.

Учеником Ганусова был прославленный мастер Андрей Чохов, первая из известных пушек которого была отлита в 1568 г. Самые крупные, «стенобитные» пушки Чохова звались по именам, которые получали по отлитым на них изображениям, — «Лисица», «Волк», «Троил», «Аспид», «Лев», «Скоропея», «Инрог». Это были огромные орудия весом 5, 6 и 7 т. Но превзошла их всех пушка «Царь», на которой было отлито изображение государя на коне. Самое крупное орудие русской артиллерии весит 38 400 кг. С Пушечного двора его волокли до Красной площади на катках не менее 200 лошадей. Великий мастер отливал также и колокола, добившись и здесь выдающихся успехов. Колокол «Лебедь», отлитый им в 1594 г. для Троице-Сергиева монастыря, весил 10 т. Другой колокол Чохова — «Годунов» (1598 г.) — превышал 29 т.

Самый большой колокол, который отлил мастер в 1600 г., достигал 64 т. Естественно, что он получил имя «Царь». Этот колокол поместили в проеме Воскресенской звонницы. Впрочем, его первенство было не очень долгим. В середине XVII столетия на смену этому «Царю» пришел другой — в 1655 г. мастер Александр Григорьев отлил колокол весом 128 т. Стоит ли говорить, что и этот рекорд был побит потомственными литейщиками Пушечного двора — Иваном Федоровичем и Михаилом Ивановичем Материными, в 1735 г. создавшим прославленный колокол, ставший последней вариацией «Царя». Материнский Царь-колокол достигал рекордного веса — более 200 т.

Пушечный двор неоднократно упоминается в иностранных описаниях Москвы и отмечается на ее планах. С 1630-х гг. его Изображают с двумя литейными башнями. Сохранился подроб-

¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 284.

Поднятие большого колокола.

Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.

ный «чертеж» Пушечного двора и местности вокруг него, выполненный русскими картографами в середине XVII в.; с двумя башнеобразными литейными «амбарами» и большим колодцем с колесом посередине. Двор был окружен каменной стеной с воротами с восточной стороны; на противоположной стороне, у Неглинной, к стене примыкали кузницы, по всем другим сторонам — амбары. В плане Пушечный двор представлял собой неровный четырехугольник со сторонами 88 сажень по юж-

ной стене, 82 — по северной, 27 — по восточной и 48 — по западной¹.

Двор был многолюден. Во второй половине XVI в. только в штате Пушкарского приказа состояли 37 мастеров с учениками и подмастерьями. При создании двора Иван III поселил рядом с ним слободу кузнецов, по которой мост через Неглинную получил наименование Кузнецкий. Описи 1620 и 1638 гг. свидетельствуют, что за Пушечным двором на Рождественке и поблизости жили кузнецы, пушечные извозчики, литцы, подвящики (строители лесов и других приспособлений, необходимых для отливки орудий), плотники.

Согласно росписи 1629 г., Пушкарскому приказу подчинялись 479 человек, большинство из них (318 человек) составляли пушкар. Литцов было 5, знаменщиков (художников) и резцов — 4, паникадельных мастеров — 8, паяльщиков — 7, пушечных учеников — 49, кузнецов — 12, паникадельных учеников — 7, канатчиков — 4, плотников и бочарников — 7, пильников — 3, извозчиков — 12, сторожей — 4, зелейных и селитренных мастеров — 33. Один человек именовался особым званием «пушечных дел мастер»².

Об этом мастере, который обитал недалеко от Пушечного двора³, необходимо рассказать отдельно. Анисим Михайлович Радищевский был «русским Леонардо» XVII в. Он родился на Волыни, в Остроге, учился у Ивана Федорова и работал в его типографии. Около 1586 г. Радищевский перебрался в Москву. Поначалу он работал на Печатном дворе переплетчиком, а в 1603 г. возглавил собственную «печатную избу». Изданные им при царе Василии Шуйском Евангелие и «Устав, или Око церковное» отличались великолепным качеством печати, изяществом рисунка гравюр, изображавших евангелистов и их символы, а также инициалов (буквиц) — начальных букв. Особенно примечателен «Устав» — самая большая русская старопечатная книга, насчитывающая 1266 листов. Историки книгоиздания полагают, что Радищевский, возможно, сам был и словолитцем, и гравером, и печатником или, по крайней мере, превосходно руководил всеми этими работами, и считают, что издания этого мастера свиде-

¹ Сытин П.В. Указ. соч. Т. 1. С. 150—151.

² ЧОИДР. 1849. Кн. 4. Смес. С. 26.

³ Переписи московских дворов XVII столетия... С. 7.

тельствуют о качественно новом уровне полиграфического мастерства в России.

После Смуты Радишевский уже не вернулся на Печатный двор. В описи Москвы 1620 г. он упоминается как «колокольник». Вскоре Анисим Михайлович получил звание «пушечных дел мастер», которое ни до, ни после него не присваивалось никому другому из служащих Пушечного двора. По-видимому, он являлся своего рода главным инженером первой русской мануфактуры. В 1622 и 1625 гг. он выполнял важное поручение царя в Путивле — делал «колодезное и тайничное дело», в 1623-м строил плотину и заводил пруды в дворцовом подмосковном селе Рубцове.

Самым главным достижением Радишевского является создание первого русского научно-технического трактата «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки...». В книге, завершенной в 1620 г., автор подводил итоги предыдущему развитию русской научной мысли, знакомил читателя с трудами западноевропейских инженеров, математиков, физиков и архитекторов. Тематика книги чрезвычайно широка: организация военного дела, тактическая, строевая, осадная, артиллерийская науки, военная инженерия (строительство мостов, наведение переправ), геодезия, химия, физика, металлургия... Несмотря на то что «Устав» не был напечатан, он распространялся в списках и, несомненно, использовался на Печатном дворе¹.

Пушкарки, служившие вне Пушечного двора, жили в слободе за Сретенскими воротами Белого города. Их ближайшими соседями были печатники, чья слобода находилась за Сретенскими воротами, ближе к городским стенам. Кузнецы еще со времен Ивана III обитали рядом с Пушечным двором, в непосредственной близости от реки Неглинной, что было вызвано огнеопасным характером их производства. Из Пушкарской слободы через Неглинную был перекинут деревянный мост, получивший наименование Кузнецкого. Если присмотреться к планам Москвы XVII в., то можно видеть, что деревянный Кузнецкий мост той эпохи располагался значительно ближе к центру, прямо напротив Пушечного двора, занимавшего современный квартал между улицами

¹ Гусева А.А., Сазонова Л.И. Радишевский Анисим Михайлов // *Словарь книжников и книжностей Древней Руси*. СПб., 1998. Вып. 3. XVII в. Ч. 3. П—С. С. 290—294; Немировский Е.И. Радишевский Анисим Михайлович // *Творцы техники и градостроители Москвы (до начала XX в.)*. М., 2002. С. 245-248.

Пушечная, Неглинная, Театральный проезд и Рождественка, Можно предположить, что он находился примерно в том месте, где расположен главный вход в отель Ararat Park Hyatt (Неглинная улица, дом номер 4). Он выводил к началу Петровки, а также к мучному и хлебному рядам, тянувшимся вдоль правого берега Неглинной, за которым находился Охотный ряд, прославившийся более всего уже в XIX в. своей вопиющей антисанитарией. Впервые мост через Неглинную из района Пушечного двора и Кузнецкой слободы упоминается в 1488 г., причем носит название Петровский — по улице Петровке.

Не вполне ясно, когда Кузнецкий мост был перенесен на более позднее (и отчасти «современное») место. Однако уже мичуринский план 1739 г. показывает его на пересечении современных улиц Кузнецкий Мост и Неглинная (последняя в те времена являла собой не улицу, а реку). В 1754—1761 гг. мост был перестроен в камне архитектором С.Я. Яковлевым по проекту князя Д.В. Ухтомского и простоял до 1818—1819 гг., когда во время послепожарной реконструкции города был погребен под землей вместе с рекой Неглинной. Однако до наших дней осталось наименование улицы, прославившейся в XIX в. модными французскими магазинами, затмившими память о местных тружениках молота и наковальни.

На берегу Неглинной опись 1620 г. отмечает две бани, принадлежавшие Ивану Гладилину, — «баня мужская» и «баня женская». Бани традиционно ставились на берегу рек. Обращает на себя внимание другое. В описаниях иностранцев изображение совместного омовения мужчин и женщин в русской бане стало общим местом. Как можно видеть, хотя бы некоторые из средневековых бань имели специализацию по половому признаку. Спустя почти два столетия поблизости от этого места актер Сила Сандунов основал самые знаменитые московские бани — Сандуновские.

Пушечный двор располагался между рекой Неглинной и одной из древнейших московских дорог — Рождественкой, названной по монастырю, стоявшему в конце улицы. Впервые Рождественский монастырь упоминается под 1389 г. в летописном сообщении о погребении в нем княгини Марии Кейстуовны (в монашестве Марфы), матери князя Владимира Андреевича Серпуховского, основательницы обители. Там же завещала себя похоронить и вдова Владимира Андреевича Елена Ольгердовна. Возможно, первоначально монастырь располагался в Кремле и был выведен от-

А.М. Васнецов. Общественные бани в XVII веке. 1928 г.

туда при Иване III. В любом случае при описании пожара 1500 г. он упоминается на этом месте. Здесь в 1525-м насильно постригли в монахини несчастную Соломонию Сабурову, неплодную первую супругу великого князя Василия III.

Монастырский собор является одним из древнейших в Москве — он возведен в 1500—1505 гг. Храм сильно пострадал при пожаре 1547 г. Видимо, во время ремонта к нему пристроили южный Никольский придел, увенчанный главкой. В XVII в. к приделу добавили трапезную, вход в которую был с запада, и шатровую колокольню взамен разобранной звонницы. Никольский придел перенесли в церковь Святителя Иоанна Златоуста, возведенную в 1676—1687 гг. на месте деревянной. В 1688 г. монастырь погорел, и патриарх Иоаким пожертвовал сестрам «на строение» 100 рублей. Опись 1701 г. упоминает в числе монастырских построек каменные собор, церковь Иоанна Златоуста, колокольню, деревянные кельи и горницы. Всего в обители было 71 монашеская келья¹.

Неподалеку располагался еще один монастырь, имевший более редкое посвящение, — Варсонофьевский. Согласно преданию, он был основан матерью святого митрополита Филиппа Варва-

¹ *Материалы...* Ч. 1. Стб. 554.

рой Колычевой, в иночестве Варсонофией. В XVI—XVII вв. тут располагалась скудельница (убогий или божий дом) — братское кладбище, на котором хоронили умерших без церковного отпевания, бродяг, иноземцев, казненных. В 1605 г. по приказу Лжедмитрия I в скудельницу бросили останки царя Бориса Федоровича Годунова, извлеченные из усыпальницы Архангельского собора, а также тела его вдовы Марии Григорьевны и сына царя Федора Борисовича. При царе Василии Шуйском прах Годуновых перенесли в Троице-Сергиев монастырь. Каменный Вознесенский собор был построен в 1709—1730 гг., а после упразднения монастыря в 1764 обращен в приходскую церковь. В 1931 г. храм был уничтожен. Ныне от Варсонофьевского монастыря сохранилось только наименование переулка между Рождественкой и Лубянской.

От божьего дома на Рождественке получил наименование и храм Николы Божедомского (известен с 1619 г.), находящийся на противоположной стороне улицы. Другое его наименование — «в Звонарях» — напоминает о существовании здесь слободы кремлевских звонарей, по соседству с Кузнецкой, также находившейся на левой стороне Рождественки, на склоне, уходившем к реке Неглинной.

В завершение следует сказать несколько слов о самой Рождественке. Переписи 1620 и 1638 гг. показывают, как постепенно увеличивалось в этом районе (как и во всем Белом городе) количество дворянских владений. В середине XVII в. напротив Пушечного двора расположился обширный двор окольничего Михаила Васильевича Собакина. Кусочек своего владения — северо-западный угол владелец пожертвовал под подворье суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. И все же по знатности владельцев Рождественка сильно уступала соседней Сретенке (вернее, ее началу, ставшему впоследствии Большой Лубянской), где находились дворы бояр и князей Д.М. Пожарского, И.В. Куракина, Н.А. Зюзина, И.П. Пронского и др. Главная богомольная дорога была более привлекательной для знати, чем трудовая Рождественка.

На углу современных улиц Рождественка и Кузнецкий Мост, где ныне возвышается монументальное здание Международного торгового банка Л.С. Полякова, выстроенное в конце XIX в. архитектором С.С. Эбушитцем, в первой четверти XVII в. находился двор патриаршего боярина Ивана Александровича Колтовского, носившего прозвище Момот. Он происходил из каширских

Рождественский монастырь.
Фотография из «Найденовского альбома». 1882 г.

дворян. Родственница Ивана, Анна Алексеевна, в 1572 г. была избрана Иваном Грозным в качестве четвертой жены. Собор церковных иерархов осудил желание государя жениться в четвертый раз, но снизошел к его слезной мольбе и дал разрешение на брак с Колтовской, наложив на царя церковное наказание — епитимью. Брак Грозного с Колтовской был недолгим. Вскоре он отправил ее в Тихвинский монастырь, где она прожила много лет и скончалась в 1627 г. под именем инокини Дарьи.

Родство с царем возвысило Колтовских, но не доставило им боярских чинов, и Иван Александрович начал службу в чине дворянина московского. Впервые он упоминается в 1608 г., когда вместе с боярином князем В.Т. Долгоруковым был отправлен сопровождать в Литву супругу первого самозванца, Марину Мнишек. Долгоруков и Колтовский должны были довести Марину до границы и убедиться в том, что она благополучно покинула пределы России, где от нее совершенно справедливо ожидали всяких каверз. Однако свою миссию слуги царя Василия Шуйского так

и не исполнили — отряд, посланный Лжедмитрием II, отбил у них Марину Мнишек и доставил ее в Тушинский лагерь, где она согласилась играть роль супруги второго самозванца. В 1611 г. Колтовский упоминается как воевода Первого ополчения. В марте 1611 г. вместе с князем Пожарским он оказался раньше других воевод в Москве и вступил в бой с поляками во время московского восстания. Но поляки подожгли город, и русские были вынуждены отступить. В следующем году Колтовский принял участие во Втором ополчении, а при юном царе Михаиле Федоровиче был послан против «воровского» атамана А. Лисовского.

В правление царя Михаила Федоровича Колтовский служил воеводой. В 1616—1617 гг. был на воеводстве в Рязани, а в 1618 г. послан в Калугу и бил челом на своего прежнего соратника князя Д.М. Пожарского, но был обвинен, посажен в тюрьму, а затем отправлен на службу. Вслед за этим Иван Александрович перешел на службу патриарху, которым стал с 1618 г. Филарет Никитич, отец царя Михаила. К 1620 г. Колтовский приобрел звание патриаршего боярина, а в 1624—1627 гг. он руководил Патриаршим судным приказом, ведавшим судом и расправой над подчиненными владыке людьми. Умер И.А. Колтовский в 1631 г.

Возможно, по его завещанию либо по решению наследников патриаршего боярина двор на Рождественке перешел во владение Суздальского Покровского монастыря, который устроил здесь свое подворье, впервые упоминаемое в документах в 1723 г. Владельцами соседних дворов были известные оружейники XVII в. Григорий Никитич и Афанасий Григорьевич Вяткины. Сын последнего, Дмитрий Афанасьевич, служивший подьячим все в той же Оружейной палате, в 1723 г. продал двор на Рождественке и покинул эти места¹.

ПЕТРОВКА, ДМИТРОВКА, ТВЕРСКАЯ

Освоение северо-западной части посада — Занegliмeнья, — как было установлено во время раскопок на Манежной площади в 1993—1997 гг., началось еще в домонгольскую эпоху. Застройка этого района формировалась вокруг радиальных улиц-дорог,

¹ Шокарев С.Ю. Банк на Кузнецком: История и современность дома № 15 на Кузнецком мосту. М., 2012. С. 29—33.

сходившихся к переправам (а затем и мостам) через Неглинную. Эти улицы существовали уже в XIV—XV вв. В 1410—1431 гг. упоминаются Тверская и Можайская дороги, в 1475 — Арбат, в 1486 — Волоцкая (будущая Никитская улица), в 1504 — Юрьевская дорога (впоследствии — Дмитровка). В XVI столетии в этой части Москвы появляются дворы знати, а к концу XVII в. большинство дворов на основных улицах Занеглименья принадлежало боярам и дворянам, служившим по «московскому списку».

Петровка, лежавшая почти параллельно реке Неглинной, получила название по Высокопетровскому монастырю, располагавшемуся в конце улицы у ворот Белого города, которые также именовались Петровскими. Московское предание связывает основание монастыря с митрополитом Петром, чему, однако, нет подтверждения в источниках. Впервые монастырь (вернее, его настоятель архимандрит Иоанн) упоминается в летописи под 1379 г.: «...Се бысть пръвый общему житию начальник на Москве». Таким образом, получается, что Петровский монастырь был первым в Москве общежительным и мог возникнуть еще в середине XIV в. В ранних источниках монастырь упоминается как Петровский, а его современное наименование, которое предание связывает с одним из владений легендарного Кучки — селом Высоким, появляется поздно. Во время археологических исследований было установлено, что монастырь был поставлен на пустом месте, а не на обжитой территории и самые ранние слои, в том числе некрополя, относятся к XV столетию. Первоначально монастырский собор был деревянным, а в 1514—1517 гг. итальянским архитектором Алевизом Фрязином был создан каменный храм, который сохранился до наших дней, хотя и в перестроенном виде¹.

Археология свидетельствует, что сооружению храма предшествовал пожар. Возможно, слой пожара можно связать с летописным сообщением 1493 г., согласно которому «погоре весь посад около града от Черторьи до Петра святого...». Тогда же сгорела и монастырская Петровская слободка.

В последней трети XVII в. Высокопетровский монастырь, посвященный святому патрону царевича Петра Алексеевича, пользовался особым вниманием родичей царицы Натальи Кириллов-

¹ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV в.) по данным археологии. М., 1994. С. 152—176.

ны. В 1680—1690-х гг. на средства царицы и других Нарышкиных в монастыре возвели церкви во имя Боголюбской иконы Божией Матери (1684—1685), преподобного Сергия Радонежского с трапезной (1690—1694), Покрова Богородицы в Святых воротах (1690—1694). Тогда же был построен выходящий фасадом на Петровку корпус Братских келий, богато украшенный наличниками, колонками и карнизами в стиле нарышкинского барокко. Храм Боголюбской иконы Божией Матери стал усыпальницей Нарышкиных. Здесь погребены братья царицы Иван и Афанасий, убитые стрельцами во время бунта 1682 г., ее отец, тогда же насильно постриженный в монахи с именем Киприан, и другие родственники. Благодаря богатым вкладам в конце XVII в. обитель владела обширными вотчинами. В 1678 г. ей принадлежали 519 крестьянских дворов, а в 1700 г. — 612.

Средневековая Петровка в описании москвоведов В.В. Сорокина предстает в следующем виде: «На возвышенной левой стороне у Петровской дороги и образовалась пока односторонняя Петровская улица, по-простонародному — Петровка. Здесь находились дворы знати и была построена приходская церковь Рождества Богородицы. Правая сторона улицы от дороги была пустой, широкой и, спускаясь к реке, становилась поймой, заливаемой в весенние паводки и после больших дождей. У дороги тянулись огороды с небольшими хозяйственными постройками, ниже устраивались пруды для содержания рыбы, а у воды склоняли свои ветви плакучие ивы. На другом противоположном возвышенном берегу реки Неглинной располагалась древняя Кузнецкая слобода, к которой в нескольких местах через реку были перекинута деревянные мосты»¹.

Перепись 1665—1667 гг. показывает на Петровке дворянские владения — князей И.Н. Засекина, А.А. Козловского, С.П. Вяземского, полковника И.И. Реланта, сотника В.Д. Чадуева, стряпчего М.П. Голохвастова. В соседних переулках были дворы приказных, ремесленников, духовенства — типичная для Москвы пестрая чересполосица..²

Неподалеку от Высокопетровского монастыря находился храм Преподобного Сергия Радонежского, именовавшийся «в Серебряниках», а позднее — «в Крапивниках». По-видимому, здесь суще-

¹ Сорокин В.В. По Москве исторической. М., 2006. С. 182.

² Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. М., 1886. Стб. 115.

ствовала слобода мастеров-серебряников, однако к XVII в. от нее не осталось и следа. Владения около этой церкви принадлежали в основном дворянам.

Среди них упоминается в переписи 1638 г. Леонтий Степанович Плещеев¹ — человек, который спустя десять лет приобрел в Москве очень дурную славу.

С 1627 г. он упоминается в чине дворянина московского, в 1629 г. участвовал в царском походе на богомолье в Николо-Угрешский монастырь, в 1635—1636 гг. был воеводой в Вологде. В 1640 г. эта рядовая карьера служилого человека прервалась — Леонтий Степанович и его сын Иван были арестованы, их пытали и расспрашивали по обвинению в «ведовстве и воровстве». Более точных данных о ходе этого следственного дела не имеется, но Плещеевы были сосланы в Сибирь, откуда позднее возвращены. Несмотря на то что биография Плещеева была далеко не безупречна, в 1648 г. он возглавил один из крупнейших приказов — Земский. Это ему удалось благодаря поддержке всемогущего боярина Б.И. Морозова, воспитателя царя Алексея Михайловича. Плещеев и его шурин Петр Тихонович Траханиотов беззастенчиво грабили москвичей. Их злоупотребления были настолько велики, что оба чиновника вызвали всеобщую ненависть. Во время московского восстания 1648 г. (известного также как Соляной бунт) толпа потребовала у царя на расправу Морозова, Плещеева и Траханиотова. Своего дядьку царю удалось отстоять, но Плещеев и Траханиотов были растерзаны толпой.

А. Олеарий свидетельствует, что за Плещеевым держалась слава чародея. Он описывает происшествие, случившееся во время московского восстания: «Когда вечером около И часов несколько немцев остановились, глядя с большим страхом на стоявший в пламени великокняжеский кабак, они вдруг увидели черного монаха, стонавшего и кряхтевшего, точно он тащил за собою большой груз. Когда он подошел поближе, он громко начал кричать о помощи и сказал: «Этот страшный пожар прекратится не раньше, как будет брошено в огонь и сгорит проклятое тело безбожного Плещеева». Как оказалось, он и притащил сюда это тело. Так как немцы ему не хотели оказать помощи, монах начал свирепо ругаться. Тогда подошло несколько взрослых

¹ *Переписная книга Москвы 1638 г. М., 1881. Стб. 88.*

юношей, которые помогли донести труп до пожарища и бросить его в огонь. И как только этот труп начал сгорать, тотчас же стало уменьшаться и пламя, и погасло на глазах у наблюдавших это удивительное зрелище немцев»¹.

Судя по местной топонимике, между Петровкой и Дмитровкой располагалось поселение столешников (мастера, которые изготавливали скатерти — столешники). Слободским храмом мастеров-столешников была церковь Рождества Божией Матери в Столешниках. Она упоминается еще в грамоте Ивана III от 1504 г. В советские годы церковь снесли, но наименование Столешникова переулка сохранилось. Как в случае с серебряниками, к середине XVII в. владения в этом переулке принадлежали в основном дворянам, а не мастерам. Правда, тут же были и дворы нескольких нищих — Петра Иванова, Ивана Степанова, Иева Осифова и Василия, — которые соседствовали с окольными Бутурлиными и Бобарыкиным, стольниками Исленьевым и Чириковым, князьями Несвицким и Приимковым-Ростовским...²

Древняя дорога на Дмитров — Дмитровка — после строительства стен Белого города оказалась замкнутой в его пределах. В ее начале, на берегу Неглинной находились мучной, хлебный и солодовенный ряды, которые видны на старинных картах Москвы. Позднее на этом месте расположился знаменитый Охотный ряд. Местная церковь была посвящена покровительнице торговли Параскеве Пятнице. Неподалеку от нее, за мучным рядом, стояла церковь Великомученицы Анастасии Узорешительницы — утешительницы заключенных. Оба храма в документах XVII в. именуются также «что у Поль» или «у старых Поль», что может свидетельствовать об их возникновении в те времена, когда здесь было поле, то есть в глубокой древности. Заселение Дмитровской дороги происходило в XV в. Видимо, тогда же возникла и черная Дмитровская слобода (в XVII столетии она именуется также Дмитровской сотней). Ее продолжала Новая Дмитровская слобода за Тверскими воротами, в Земляном городе. Со временем слово «Дмитровская» отпало, и здешняя улица стала просто Новослободской. В Дмитровской сотне перепись 1638 г. указывает дворы ремесленников и торговцев — калашника, пирожника, седельника, житника, портного,

¹ Олгарий А. Указ. соч. С. 239—240.

² Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. ... Стб. 117.

хлебника, торговца овощного ряда¹. Очевидно, что Дмитровская слобода не имела особой специализации, отсюда и ее наименование — по месту расположения. Немало «тяглецов» Дмитровской сотни упоминает и перепись 1720—1725 гг.

На левой стороне улицы располагался Георгиевский монастырь, основанный во второй половине XV в. Каменная церковь «Святого Егорья на посаде» упоминается еще в духовной грамоте великого князя Василия II (1462). Согласно монастырскому преданию, эту женскую обитель в память об отце основала Феодосия, дочь боярина Юрия (Георгия) Захарьевича Кошкина, родоначальника династии Романовых, тетка будущей царицы Анастасии Романовны. Во всяком случае, в 1498 г. монастырь уже существовал. От него произошло древнейшее название Дмитровки — Юрьевская улица, употреблявшееся в источниках XV—XVI вв.

При патриархе Иоакиме (1674—1690) в монастыре была построена еще одна церковь — во имя Казанской иконы Божией Матери с приделами во имя святого Алексия, человека Божия. Строил ее боярин Родион Матвеевич Стрешнев. В XVI—XVIII столетиях Георгиевский монастырь служил усыпальницей многих знатных особ, живших неподалеку — на Дмитровке, Тверской и Никитской улицах. В 1949 г. при строительстве школы на месте собора было обнаружено монастырское кладбище, на котором найдены — целиком или фрагментарно — 34 надгробия. Эпитафии сообщают имена князей и стольников Вельяминовых, Головиных, Гагариных, Мезецких, Мещерских, Савеловых, Траханиотовых и других представителей знатных родов². В 1683 г. здесь упокоился боярин князь Ю.И. Ромодановский, любимец царя Алексея Михайловича, а в 1717 г. — его сын, ближайший сподвижник Петра I, грозный глава Преображенского приказа «князь-кесарь» Ф.Ю. Ромодановский.

Совершенно особый статус имела Тверская улица — главная дорога на Тверь и Новгород. Уже в Средние века она приобрела положение самой парадной улицы города, в связи с чем и носила второе наименование — Царская. По Тверской въезжало в Москву большинство западноевропейских посольств, и на ней организовывались их парадные встречи. Например, прибывав-

¹ *Переписная книга Москвы 1638 г. ...* Стб. 78—79.

² *Гириберг В.Б.* Надписи из Георгиевского монастыря (по материалам наблюдений 1949 г.) // ТМИИРМ. Вып. 5. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 100—125.

шее из Смоленска в 1678 г. польско-литовское посольство специально провезли лишних 15 верст вокруг Москвы, чтобы оно въехало в город по Тверской дороге. «По длинной и широкой улице, — пишет находившийся в его составе Б. Таннер, — была расставлена пехота, а на площади — конница, встретившая нас разными приветственными звуками». Тот же автор сообщает, что Тверская и в пределах Земляного города была замощена бревнами, правда «неудобными для езды в экипажах». За стрельцами и иными служилыми людьми, стоявшими в парадных одеждах вдоль улицы, толпился московский люд, желавший посмотреть на редкое и красивое зрелище — въезд посла со свитой в окружении почетного караула пышно одетых дворян. «Народу вышло на улицы столько, сколько могли они поместить; прочие глядели из окон, с карнизов и с крыш в таком множестве, что я дивился, как под такой массой не развалились дома, выстроенные только из дерева. В числе зрителей было немало и девиц, постаравшихся приукрасить себя для въезда послов», — вспоминал Таннер¹.

К Тверской улице из Воскресенских (Неглиненских, Львиных) ворот Китай-города вел сооруженный в 1602 г. каменный мост «з зубцы», под которым была устроена мельница. Планы Москвы конца XVI — XVII в. изображают этот мост с пятью (реже — шестью) арками. Он представляется весьма солидным сооружением, гораздо более основательным, чем мост через Неглинную от Троицких ворот Кремля к Кутафьей башне.

За мостом по берегу Неглинной тянулись торговые ряды: с правой стороны — мучной, хлебный и солодовенный, с левой — обжорный. О последнем историк Москвы А.А. Мартынов пишет: «Здесь были лавки со съестными припасами, приготовленными в пищу, которые тут же и потреблялись простым народом. Из дел Камер-коллегии узнаем, что в харчевнях и пирожных народ теснился с утра до ночи... Печи в иных харчевнях устраивались без труб, а дым выходил из окна. Издревле место это было очень людное»².

Вероятнее всего, харчевников, ранее сидевших «в каменных лавках» на самой Красной площади, «для уличного простору»

¹ Таннер Б. Указ. соч. С. 48—49.

² Мартынов А.А. Московская старина: Археологическая прогулка по московским улицам. III. Тверская улица // Русский архив. 1878. № 3. С. 276.

определили на Неглинную царским указом 1626 г., содержащим строгое предписание: «...а есть им варить из колодезя, для чистоты выкопав колодезь в горе, к Самопалному ряду, а из Неглиненской воды есть им не варить»¹. Мы не знаем, соблюдался ли этот запрет; однако нет сомнений в том, что место было весьма популярным — при раскопках на Манежной площади на месте обжорного ряда был обнаружен значительный слой костей животных, которые посетители харчевен, обглодав, бросали под ноги.

В непосредственном соседстве с этим шумным местом находился женский Моисеевский монастырь, который также именовался «у Богаделен» или «у Житной решетки». С другой, северной стороны к его стенам вплотную подходили дома стрелецкой слободы. Эта обитель имела интересное происхождение и особую специфику. В 1600 г. царь Борис Годунов призвал из Пскова трех «стариц-мирянок» для устройства в Москве богаделен, согласно «псковскому благочинию». Так был создан монастырь, в богадельне которого содержались «нищие миряне»².

Поставленный в самом центре торговой Москвы, у большой проездной дороги, Моисеевский монастырь задумывался как один из первых в городе центров призрения и благотворительности. Первоначально обитель была деревянной, каменный соборный храм во имя Боговидца (пророка) Моисея возвели в середине XVII в. В 1690 г. известный зодчий Яков Бухвостов с товарищами выстроил каменные кельи. В 1709 и 1737 гг. монастырь сильно пострадал от пожаров, а в 1765 был упразднен. Спустя 22 года храм и богадельни разобрали, а на месте обители и кладбища появилась Моисеевская площадь.

При раскопках на Манежной площади весной—летом 1995 г. некрополь Моисеевского монастыря был вскрыт и исследован. На сравнительно небольшой территории находились более шестисот расположенных в четыре яруса погребений XVII — начала XVIII в., на которые приходилось всего тридцать надгробий; останки лежали в деревянных гробах и долбленых колодах, а одно тело было даже завернуто в бересту. Примечательно, что двадцать пять тел оказались мумифицированными. Из общего числа похороненных мужчины составляли лишь треть, поскольку

¹ *Материалы...* Ч. 2. Стб. 1107, 1138.

² ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 202.

**Нательные бронзовые кресты из раскопок некрополя
Моисеевского монастыря. XVII в. Собрание Музея Москвы**

ку монастырь был женским. По остаткам одежды удалось определить, что один из погребенных был стрельцом, очевидно жителем соседней стрелецкой слободы. Его внешний облик можно представить по антропологической реконструкции, выполненной Г.В. Лебединской. Ею сделана и реконструкция облика одной из женщин, при этом удалось восстановить даже прическу — косы, уложенные вокруг головы¹. После исследования останки были перезахоронены на кладбище при церкви Святителя Иннокентия митрополита Московского в Ракитниках. Из некрополя Моисеевского монастыря в собрание Музея археологии Москвы по-

¹ Лебединская Г.В. Облик далеких предков: альбом скульптурных и графических реконструкций. М., 2006. С. 42, 192, 193.

ступила обширная коллекция предметов: семьдесят нательных крестов, шестьдесят пять ставившихся в гроб сосудов с миром, шитые покровы, четки, пуговицы, пряжки, бусины.

За Моисеевским монастырем по левой стороне улицы тянулись дворы стрелецкой слободы, а по правой, за торговыми рядами — владения вельмож.

Далее, по левой стороне улицы, за Моисеевским монастырем тянулись дворы стрелецкой слободы, а по правой стороне, за торговыми рядами — владения вельмож. В XVII в. на Тверской располагались дворы князей и бояр, многие из которых прославились как крупные государственные и военные деятели.

На левой стороне, на углу современного Газетного переулкa, находился двор боярина и князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, двоюродного брата царицы Марии Темрюковны, видного деятеля Смутного времени, имя которого называлось при выборе царя на соборе 1613 г. При царе Михаиле Федоровиче князь Черкасский не раз был большим воеводой в походах, упорно сражался с поляками и другими врагами Московского государства, а юный царь настолько ценил этого удачливого полководца, что даже в 1631 г. объявил невместным челобитие на него своего дяди, заслуженного боярина и князя Бориса Михайловича Лыкова, и повелел взыскать с дяди в пользу Черкасского астрономическую сумму штрафа 1200 рублей, составлявшую двойной годовой оклад Лыкова.

В начале улицы, на правой стороне жил боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков — еще один видный военный деятель, победитель Степана Разина, глава Стрелецкого приказа. Во время русско-польской войны 1654—1667 гг. Долгоруков нанес несколько чувствительных поражений польско-литовским войскам, участвовал в составлении Соборного уложения и в дипломатических переговорах. Смерть Долгорукова была ужасной. В последние годы жизни престарелому отцу в управлении Стрелецким приказом помогал сын, князь Михаил Юрьевич. Во время Стрелецкого восстания 1682 г. резкий и крутой нравом князь Михаил был убит одним из первых, и стрельцы притащили тело сына на двор князя Юрия Алексеевича. Престарелый боярин принял смерть сына со смирением и велел подать убийцам по чарке водки. Когда они ушли, Долгоруков сказал плачущей невестке: «Не плачь, щуку они убили, но зубы остались». Эти слова услышал холоп, побежал и донес на князя стрельцам. Они

вернулись, убили старика и забросали его тело рыбой, приговаривая: «Сам ешь свою рыбу!»

Соседом князя Ю.А. Долгорукова был другой выдающийся деятель XVII в. — боярин и князь Василий Васильевич Голицын, называемый современниками Великим. Фаворит и любовник царевны Софьи Алексеевны, он был правителем государства с 1682 по 1689 г. Возглавляя Посольский приказ, Голицын был одним из создателей Священной лиги — союза России, Священной Римской империи и Речи Посполитой, направленного против Османской империи и Крымского ханства. Западник, знаток языков, книжник и эстет, Голицын был сторонником мягких реформ, направленных на европеизацию Российского государства, он был инициатором отмены местничества, одним из проводников преобразований в русском войске и законодательстве, проведенных при царе Федоре Алексеевиче. Француз де ла Невилль, побывавший в доме Голицына и имевший с ним долгую беседу на латыни, пишет: «Если бы я захотел письменно изложить здесь все, что я узнал об этом князе, то никогда бы не смог сделать этого: достаточно сказать, что он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов — в храбрецов, а пастушеские хижины — в каменные дворцы»¹. Князь активно содействовал каменному строительству в Москве, он перестроил Посольский приказ, выстроив «обширное здание, состоящее из четырех огромных корпусов», способствовал созданию Славяно-греко-латинской академии. Дом Голицына на Тверской, у Охотного ряда представлял собой великолепный дворец, к описанию которого мы еще вернемся. Судьба Голицына, как и Долгорукого, была трагичной. В 1689 г., после падения правительства царевны Софьи, он был сослан в Каргополь, затем в Яренск, оттуда на Мезень. Впоследствии князь с семьей перевели на Пинежский Волок, в 207 верстах от Архангельска, где он и скончался в 1714 г.

Князь В.В. Голицын выстроил над храмом Параскевы Пятницы церковь Воскресения Христова, которую в 1687 г. освящал патриарх Иоаким. После освящения патриарх побывал в доме у князя «и посидел мало и, подав благословение, пошел в дом свой архиерейский, а шел к боярину и от него переходами светлейший».

¹ *Невилль де ла*. Записки о Московии / Отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Малинин; предисл., подгот. текста, пер., коммент. А.С. Лаврова. М., 1996. С. 165.

**Князь Василий Васильевич
Голицын Великий.**

**Гравюра XIX в. по портрету
конца XVII в.**

О самом голицынском дворце следует сказать отдельно. Хоромы фаворита царевны Софьи отличались изысканной роскошью. Опись имущества князей Голицыных (включая и описание дома на Тверской улице), составленная после их опалы, занимает в сборнике документов «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках» (СПб., 1893) почти двести страниц печатного текста.

В 1638 г. двором на Тверской улице владел князь Андрей Андреевич Голицын, дед фаворита. Сам князь Василий Васильевич начал сооружать свой дворец в 1684-м и ко времени опалы так и не успел завершить строительство, однако здание было возведено, основная часть помещений отделана и обжита. Двухэтажные

хоромы достигали высоты 8 саженьей. Со второго, жилого этажа переходы вели в церковь Параскевы Пятницы (освящена в 1687 г. патриархом Иоакимом), где князь выстроил верхний храм во имя Воскресения Христова и специальную палату, в которой молился с семьей во время богослужения. Над воротами усадьбы находилась жилая «палатка» с шатровой крышей, крытой черепицей. Над шатром возвышался «прапор» (флюгер) — человек на коне. Крыша основного здания была обита железными и медными листами.

В княжеском доме было двадцать восемь различных помещений и четверо входных сеней. Внутри дом делился на несколько частей — покои князя Василия Васильевича, его супруги Евдокии Ивановны и сыновей Алексея и Михаила. Самой большой комнатой была «большая столовая палата» хозяина дома с великолепным убранством. Свет падал через стеклянные окна, потолок украшало изображение ночного неба с созвездиями — «беги небесные с зодиями и планеты, писаны живописью». В красном углу помещались иконы в окладах, на стенах — портреты: князя Вла-

димира Святославича, царей от Ивана Грозного до Ивана и Петра Алексеевичей и европейских королей. Посередине комнаты висело «костяное» (видимо, из моржового клыка) паникадило, которое при описи имущества опальных было оценено в 200 рублей. Вдоль стен, также украшенных зеркалами, стояли шкафы, посередине комнаты — столы, стулья, лавки. Была у князя Василия и другая «столовая палата»; а еще одна — у его сына Алексея.

Домашняя молельня располагалась в Верхней крестовой палате. Помимо икон и портретов царя Федора Алексеевича, патриархов Никона и Иоакима на стенах, там хранились книги, в основном церковные, но было и несколько светских, в том числе «Книга с польского писма с истории о Магилоне кравевне», «О строении комедии», какие-то польская и «немецкие» книги, переведенный с польского Коран (!) и др. Здесь же находились целых девять часов, общая стоимость которых составляла 429 рублей. В этой же палате висел герб князей Голицыных.

На втором этаже находились целых три спальни князя Василия. Одна из них была зимней, другая летней (она названа «спальным чуланом»), В третьей, видимо главной, была немецкая ореховая резная кровать, висели четыре зеркала и персидский ковер, стояли девять стульев. Хозяйские спальни размещались и на нижнем этаже, в одной из них висел живописный портрет самого князя. У княгини Евдокии Ивановны была своя Крестовая палата, а также еще одна палата, спальня, два хозяйственных помещения — «казенные палаты». Рядом с одной из них располагалась содержавшаяся княгиней богадельня. В нижнем этаже по традиции размещались «людская палата» и хозяйственные помещения — погреба, «винная палата», мастерская палата, поварни. На дворе стояли конюшня, оружейная и каретная палаты.

Дом князя Голицына был, по-видимому, самым богатым и роскошным в Москве, уступая лишь царскому дворцу. По стенам висели западноевропейские шпалеры и восточные ковры, по всему дому стояла «немецкая» мебель, даже самые простые предметы были «писаны», «резаны» или еще каким-либо образом украшены. Среди прочего упоминаются шесть клеток для попугаев. Мы не знаем, были ли в них попугаи в момент описи имущества князя. Помимо портретов, зеркал и гобеленов, стены дома украшали «немецкие» карты. Опись дотошно перечисляет иконы, книги, одежду, посуду, оружие, съестные припасы, принадлежавшие Голицыным. Общая стоимость вещей, согласно подсчетам оцени-

ков, составила 13 493 рубля. Из других владений Голицына в дом было привезено добра еще на 26 741 рубль. Эта сумма отражает только стоимость «животов», то есть движимого имущества князя, а его общее состояние, включающее стоимость вотчин и московских дворов, даже трудно представить¹.

Судьба этого выдающегося памятника была трагичной. В 1920-х гг. его отреставрировал П.Д. Барановский, вернув хоромам их первоначальный облик, но в 1934 г. палаты были снесены вместе с соседней церковью.

За домом Голицына, в глубине квартала располагался двор боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, палаты которого были также отреставрированы в 1920-х гг. П.Д. Барановским и сохранились до настоящего времени (в отличие от дворца Голицына). Иной была и судьба владельца палат. Он примкнул к партии Петра I и в 1698 г. возглавил Стрелецкий приказ. Окруженный почетом и уважением, князь скончался в 1703 г.

На Тверской жил и боярин князь Яков Федорович Долгоруков, видный деятель Петровской эпохи, прославившийся своей честностью и прямоотой. Легенда повествует, что он не побоялся порвать указ Петра I и вызвать его гнев, посчитав этот указ несправедливым. В 1700 г. Долгоруков был взят в плен шведами под Нарвой. Спустя десять лет он вместе с другими русскими пленниками захватил шведскую шхуну, на которой их перевозили, и привел ее в русский порт. А.С. Пушкин и К.Ф. Рылеев видели в князе образец гражданина.

Здесь же, у церкви Спаса Преображения, находился двор боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского, одного из самых успешных воевод русско-польской войны 1654—1667 гг. Своеобразной специализацией Ромодановского была Украина. В 1658 г. после измены гетмана Выговского он содействовал возведению на гетманство Юрия Хмельницкого. Когда же отложился от России и Хмельницкий, боярин вновь направился на Украину и в 1662 г. разбил мятежного гетмана под Каневом. В январе 1664 г. он нанес поражение у Глухова самому королю Яну-Казимиру.

¹ *Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках*. СПб., 1893. Т. 4. Стб. 1—340; *Богоявленский С.К.* Дворец князей Голицыных в Охотном ряду в Москве // *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII в. М., 1980. С. 221—232; *Тихонов Ю.А.* Мир вещей в московских и петербургских дворах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008. С. 58-82.

миру. В 1672 г. возвел на гетманство И.С. Самойловича, вместе с которым воевал против гетмана Правобережной Украины Дорошенко и захватил его столицу — Чигирин. Когда в 1677 г. Правобережная Украина была атакована турками, то Ромодановский возглавил русскую армию и в этой войне. Во время 1-го Чигиринского похода город удалось отстоять, но в 1678 г. из-за медлительности Ромодановского город был сдан. В Москве падением Чигирина были очень недовольны, и, несмотря на то что Ромодановский не допустил разорения Левобережной Украины, он попал в опалу. Вскоре боярин был прощен и вернулся в Москву. В 1682 г. полководец был убит стрельцами, которые припомнили ему тяготы Чигиринских походов.

На той же, правой стороне Тверской улицы располагался мужской Воскресенский Высокий монастырь, именовавшийся также «у Золотой решетки». Впервые он упоминается в 1598 г. В 1651 г. он был отдан под подворье любимого царем Алексеем Михайловичем Саввино-Сторожевского монастыря. В 1691 г. здесь был выстроенный каменный храм во имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость с приделом Преподобного Саввы Сторожевского. Подворье просуществовало здесь до Октябрьской революции 1917 г. В 1905—1907 гг. здесь было построено по проекту архитектора И.С. Кузнецова новое здание в неорусском стиле. Ему посчастливилось уцелеть во время реконструкции Тверской улицы в 1937—1938 гг. — подворье пожалели как памятник архитектуры и передвинули на 50 м в глубь двора.

Сразу за Саввинским подворьем располагался двор князя Матвея Петровича Гагарина, получившего печальную известность своими непомерными злоупотреблениями, которые привели его на виселицу. Князь Гагарин в 1690-х гг. был воеводой в сибирском Нерчинске (после этого там велось следствие о его злоупотреблениях, но дело довольно быстро заглохло). С 1701 г. он руководил строительством каналов и шлюзов, которые должны были соединить Балтийское море с Черным и Каспийским. В это время князь пользовался полным доверием царя. В 1706 г. Петр назначил Гагарина руководителем Сибирского приказа и Оружейной палаты; в 1708 г. к этому добавилась и должность московского коменданта. Во время наступления Карла XII на Украину князю Матвею Петровичу было поручено укреплять Москву на случай вражеского нападения. В 1708 г. при учреждении губерний Гагарин был назначен сибирским губернатором, но отправился к

месту службы только в 1711 г. В Сибири Гагарин развернулся в полную силу, закоснев во всех злоупотреблениях, которые только были тогда возможны. Его богатство было поистине астрономическим.

Брауншвейгский резидент Вебер вспоминал: «Кн. Гагарин, в бытность мою в России, давал посредственный (то есть не особенно парадный) обед, на котором подано было более 50 рыбных блюд, различным образом и на постном масле изготовленных. Этот вельможа ел на серебре, жил великолепно и держал себя по-княжески, особенно когда был губернатором Сибири. Он провел меня в свой кабинет и показал икону, которая вся была унизана драгоценнейшими бриллиантами, и тамошние ювелиры уверяли меня, что эта святыня стоила князю 130 000 рублей». Хоромы Гагарина на Тверской представляли собой великолепное произведение архитектурного и декоративного искусства. Этот дом был построен в итальянском стиле архитектором Д.-М. Фонтаной и отличался особым богатством внутреннего убранства. «Разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, золото и серебро употреблены были в украшении покоев, где зеркальные потолки отражали в себе блеск люстр, канделябр, в висячих стеклянных прудках плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры»¹. Нарочитая демонстрация богатства погубила Гагарина. В 1719 г. началось следствие по его злоупотреблениям, он был приговорен к смертной казни и в 1721 г. повешен в Санкт-Петербурге перед окнами Юстиц-коллегии, в присутствии царя и своей именитой родни. По завершении казни Петр заставил родню Гагарина присутствовать на поминальном обеде, во время которого играли музыканты, одетые в траурные одежды, а на Царицыном лугу палили пушки. Труп Гагарина провисел в петле семь месяцев, в назидание всем лихоимцам. В народной песне сохранилась память о богатых палатах Гагарина, которые

Не лучше бы, не хуже бы государева дворца,
Только тем разве похуже — золотого орла нет.
Уж за эту похвальбу государь его казнил.

Между Тверской и Никитской в XVII в. также проживали в основном знатные домовладельцы. Исключение составляют дво-

¹ Мартынов А.А. Указ. соч. С. 287.

ры ремесленников и торговцев тяглою Новгородской сотни, находившиеся в конце улицы, неподалеку от Тверских ворот Белого города. Приходской церковью сотни был храм Николая Чудотворца в Гнездниках. Московеды не пришли к единому мнению относительно того, кем же были эти загадочные «гнездники» и что они изготавливали — литейные формы или стрелы (стрелы мерились «гнездами»). Другая ремесленная слобода между Тверской и Никитской, также тяглая, именовалась Устюжской полусотней. По-видимому, первоначально жители этих слобод были выходцами из этих городов.

Между Тверской и Никитской располагался Успенский Вражек, известный по упоминанию о взрыве пороха на дворе Алевиза Фрязина в 1531 г. На Вражке еще в XVI в. стояли два храма — Воскресения Словущего и Успения Пресвятой Богородицы. В 1620 г. к ним добавился храм Пророка Елисея, сооруженный по распоряжению патриарха Филарета в память об освобождении из плена и окончании русско-польской войны, поскольку встреча предстоятеля с сыном-царем и московским народом произошла 14 июня, на память пророка Елисея. Храм имел приделы Святого Мученика Иустина Философа (1 декабря, в день его памяти, было заключено русско-польское перемирие) и Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость (в ознаменование радости тюремных сидельцев, освобожденных в честь прибытия владыки в Москву). Ближе к стене Белого города располагалось торговое Шведское подворье, которое начало действовать с 1630 г. согласно условиям Столбовского мира (1617). Каменное здание подворья выстроили в 1685 г. Здесь жили не только торговые, но и дипломатические представители Швеции. Аналогичный русский торговый двор в Стокгольме был создан в 1630-х гг.

ОПРИЧНЫЕ ЗЕМЛИ

При введении опричнины (1565 г.) Иван Грозный первоначально забрал в свой удел часть Москвы от Никитской улицы к югу, вплоть до Москвы-реки, а позднее расширил опричную территорию до Неглинной. Возможно, что уже к середине XVI в. западная часть Москвы приобрела социальную и экономическую специфику — здесь располагались многочисленные дворцовые

слободы, в том числе и кормовые, и ее выбор Иваном Грозным для своей резиденции и размещения опричников определялся чисто прагматическими причинами.

На этой территории находились четыре крупные радиальные улицы: Никитская, Воздвиженка (Смоленская), Знаменская и Чертольская. Опричная территория простиралась и дальше, на земли позднейшего Земляного города, включая Арбат и Сивцев Вражек, до самой городской окраины — «Дорогомиловского вполия». У Никитской улицы была включена в опричнину только левая сторона. На этих землях, с которых были изгнаны прежние владельцы, поселились опричники: «Ив тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поймал (взял. — *С. Ш.*) в опришнину, а которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в иные улицы на посад»¹.

Никитская улица представляет собой начало древней Волоцкой (на Волок Дамский) дороги. Свое наименование она получила по церкви Великомученика Никиты «у Ямского двора», известной с 1534 г. Вероятно, еще при Иване III здесь, на границах Москвы, был поставлен Ямской двор. В 1582 г. боярин Никита Романович Юрьев основал при храме женский монастырь во имя своего святого покровителя. В 1629 г. в обители выстроили Храм Димитрия Солунского, а в 1680 — придел Введения во Храм Пресвятой Богородицы в соборной церкви.

В 1655 г. в обители жили 40 монахинь, а согласно описанию 1701 г. — уже 100 «удельных стариц», 29 «безудельных стариц вкладчиц», «вкладчиц» девок и вдов — соответственно 5 и 37, «да безместных стариц 11 человек» (они размещались в деревянных богадельнях)². В кельях у монахинь обитали также 18 келейниц — вдов и девок. В небольшой обители, какой был Никитский монастырь (его территория представляла собой прямоугольник со сторонами 46 на 39 саженей), 200 монахинь и белиц умещались, видимо, не без труда. Монастырь не имел вотчин и иных угодий и жил за счет царской руги (содержания) в 240 рублей в год, до-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 395; *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 175.

² Число «удельных стариц», по-видимому, не случайно. В 1655 г. в Ивановском монастыре также было 100 стариц, не считая игуменьи и девяти «безместных» вкладчиц. Столько же обреталось в Страстном (и еще пять «безместных»), а в Алексеевском немногим больше — 103 (ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 11-12, 21).

Н.В. Некрасов. Опричники. 1888 г.

ставляемых с Житного двора ржи и овса (по 356 четвертей), а также пожертвований¹.

Сама Никитская улица впервые упоминается в летописи в 1548 г., когда дядя молодого царя Ивана IV князь Михаил Васильевич Глинский, тайно вернувшийся в Москву после неудачной попытки бежать в Литву, был арестован князем П.И. Шуйским во дворе церкви Вознесения Господня «у Хорошие колоколницы». Вероятнее всего, так именовался храм на правой стороне улицы, ближе к Кремлю, ныне известный как «Малое Вознесение». 13 июля 1560 г. от этой церкви начался пожар, во время которого «погорело много дворов»².

Здесь в 1566 г. началось строительство Опричного двора, о котором уже говорилось выше. После кончины Ивана Грозного двор оставался в казне. Пискаревский летописец сообщает о строительстве нового здания Земского приказа «у мосту, против старого государева двора, где после князь Дмитрий Шуйский жил»³. Когда на месте Опричного двора жил князь Дмитрий Иванович Шуй-

¹ *Материалы...* Ч. 1. Стб. 507—511.

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 155, 327.

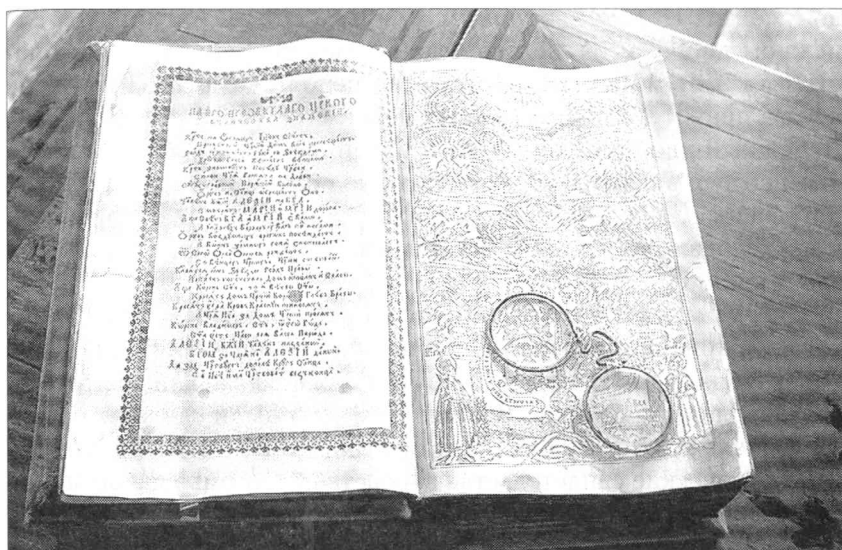
³ Там же. Т. XXXIV. С. 202.

ский, брат царя Василия, не вполне понятно. Возможно, князь получил это владение при Борисе Годунове. Где-то в начале XVII в., быть может в царствование Лжедмитрия I, территория бывшей опричной резиденции была пожалована боярину И.Н. Романову, обширное владение которого стало называться Романовым двором. По Никитской улице он протянулся на 40 саженей, по переулку — на 50 саженей. Романов двор занимал половину современного квартала по левой стороне Никитской от Моховой до Романова переулка. В настоящее время на этой территории находятся корпуса старого здания Московского университета (в том числе и церковь Святой Татианы), а также доходный дом постройки 1900 г., выстроенный по проекту К.М. Быковского.

Боярин Иван Никитич Романов — видный деятель Смутного времени, чудом выживший во время ссылки братьев Никитичей, был одним из кандидатов на престол в 1613 г. После избрания на трон племянника И.Н. Романов принимал деятельное участие в управлении государством, занимаясь в основном дипломатическими делами. После его кончины в 1640 г. двор отошел к его единственному сыну Никите Ивановичу.

Никита Иванович получил боярство в 1645 г. Он был противником царского воспитателя и правителя при юном царе Алексее, боярина Б.И. Морозова. Особого влияния на государственные дела Никита Иванович не имел, но занимал одно из первых мест при дворе, как по близкому родству с царем, так и по своей знатности и богатству. Ему принадлежало более 7 тысяч крестьянских дворов, в том числе и два города.

Роспись имущества боярина Никиты Ивановича, скончавшегося в 1654 г., и список тех, кому оно было роздано, занимает более ста страниц — здесь перечислены драгоценности, одежда, посуда (в том числе «солоница» царевича Федора Ивановича, ковши царей Бориса Годунова и Василия Шуйского), иконы и святыни, книги, оружие, конская сбруя, экипажи, съестные припасы и другое имущество бездетного боярина, отошедшее в казну. Из него царь забрал себе деньги и драгоценные камни (алмазы, изумруды, яхонты, топазы), редкое оружие (в том числе и трехствольную пищаль). Немало досталось и патриарху — 1000 рублей, пуд серебра в слитках, часы и многое другое, включая даже оружие. Своему тестю, боярину И.Д. Милославскому, царь пожаловал дубовую ванну, боярину князю Я.К. Черкасскому — «кровать немецкое дело дерево гебан с завесой», боярину

Очки царя Алексея Михайловича

князю И.А. Воротынскому — одежду, иконы, украшения. Щедрые пожалования получили слуги покойного боярина и духовенство Знаменской церкви, что «у Романова двора», которое ранее содержал сам Никита Иванович. Впечатляет количество съестных припасов, принадлежавших боярину. Семи стрелецким полкам (всего 3444 человека) было роздано 21 куль сухарей, 90 кулей толокна, 250 кулей муки, 180 четвертей ржи, 200 четвертей овса, 500 полтей (то есть половины свиных туш) ветчины. В восемь московских женских монастырей раздали муку, сухари, толокно, горох и другие припасы, всего — 550 четвертей. Кроме того, на помин души Никиты Ивановича были сделаны щедрые раздачи тюремным сидельцам, а также в другие монастыри Москвы¹. По-видимому, боярину принадлежал и нож с рукоятью из моржового клыка и серебряной обоймицей, датированный концом XVI—XVII в., найденный во время раскопок на Романовом дворе.

Во время монетной реформы царя Алексея Михайловича на Романовом дворе был создан денежный двор, именовавшийся в

¹ *Роспись* всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова, и дачи по нем на помин души / Сообщ. Е.В. Барсов // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 1—128.

документах Новым дворцовым. Как и на Новом Английском денежном дворе, здесь велась чеканка медной монеты. Просуществовал этот монетный двор также недолго — в 1663 г., после отказа правительства от медных денег, его работа прекратилась. Денежный двор был опечатан и охранялся стрельцами, а вслед этим сгорел в пожаре. В результате под слоем пожара оказались погребены следы монетного производства, которые обнаружили и исследовали во время археологических работ, проводившихся здесь с 1996 по 2002 г.

Здесь были найдены многочисленные монетные заготовки и готовые копейки, падавшие и терявшиеся при чеканке. Немало обнаружено и инструментов — зубил для откалывания заготовок от проволоки и чеканов. Все инструменты были сделаны из железа очень плохого качества и быстро ломались. Сохранились археологические свидетельства воровства — восемь кладов, шесть состояли из готовых копеек, а два — из заготовок. Последние спрятали мастера, имевшие дома чеканы. Клады прятали у стен деревянной постройки, в которой чеканились деньги, а один был зарыт с внутренней стороны частокола. Среди производственного мусора нашлись косточки слив и вишен, скорлупа орехов, рыбы хвосты — остатки «перекуса» рабочих. Рядом с постройкой, в мусорной куче валялись коровьи кости, а на самом дворе — старые лапти, их обрывки, куски ткани, рваные шерстяные носки, стельки. Все это бросалось прямо в грязь, через которую положили доски для прохода¹.

После того как денежное производство на Романовом дворе прекратилось, он был передан в ведомство Оружейной палаты «для пушечных и иных разных дел», а также для иконописного и «золотного и серебряного дела». При этом южная часть двора с церковью Знамения с приделами во имя преподобных Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского осталась в собственности государя, и в 1671 г. он пожаловал ее своему тестю К.П. Нарышкину, отцу царицы Натальи Кирилловны. В 1689—1691 гг. брат царицы, глава Посольского приказа боярин Лев Кириллович Нарышкин перестроил церковь Знамения в пышной стилистике московского (нарышкинского) барокко, сближающей этот храм с другой знаменитой постройкой Нарышкина — церковью Покрова Пресвятой Богородицы в Филях. В 1722 г. боярский

¹ *Археология* Романова двора. С. 242—243.

домовый храм был обращен в приходской, однако Нарышкины продолжали заботиться о нем. Позднее усадьба перешла от Нарышкиных к графам Разумовским, а от них — к графам Шереметевым, из-за чего церковь стали называть Знамения на Шереметевом дворе.

В XVII в. Никитская улица также была заселена знатными людьми, как и Тверская. Первый двор с левой стороны, соседний с Романовым и угловой с Моховой улицей, принадлежал боярину князю Григорию Сунчалеевичу Черкасскому, выходцу из кабардинских князей. Он появился в Москве при царе Михаиле Федоровиче, принял крещение и получил видное место в придворной иерархии. В 1645 г. он женился на княжне Прасковье Никитичне Одоевской, дочери влиятельного боярина князя Н.И. Одоевского и внучке еще более значительного боярина Ф.И. Шереметева. В 1657 г. он и сам получил боярский чин. В 1660—1662 гг. князь был воеводой в Астрахани, а в 1662—1664 гг. — в Царицыне. Управляя Нижним Поволжьем, Черкасский многое сделал для укрепления российских позиций во взаимоотношениях с горцами и калмыками. По словам биографа, «князь Григорий Сунчалеевич был истый горец-дикарь, искавший случая показать телесную силу, лихой наездник, умевший укрощать самых диких коней, страстный любитель лошадей, которыми были наполнены его конюшни, более сострадательный к животным, чем к людям». По-видимому, это его и погубило — в 1672 г. боярин был убит в свей вотчине «неизвестно кем».

Напротив него, по правой стороне улицы, обитал князь Иван Борисович Репнин — также боярин, служивший воеводой в различных городах. В 1679 г. он возглавил Сибирский приказ и управлял им вплоть до своей кончины в 1697 г. Соседствовала с двором Репнина церковь Успения Божией Матери, более известная как Дионисия Ареопагита — по придельному храму. За этим храмом шел Леонтьевский переулок, выходивший к другой церкви, во имя Леонтия Ростовского, находившейся в глубине квартала.

За Романовым двором налево уходил переулок, который и ныне носит наименование Романов. На его углу с другой стороны находился двор боярина Богдана Матвеевича Хитрово — видного деятеля царствования Алексея Михайловича. Он начал свою карьеру стольником, в 1646 г. был воеводой в Темникове, а в следующем году получил чин окольничего. В 1653 г. Богдан Мат-

веевич участвовал в посольстве в Речь Посполитую, однако его основанная деятельность прошла при дворе. В 1661 г. Хитрово был назначен оружничим и возглавил все работы по украшению дворцов и дворцовых храмов, созданию икон, одежд, оружия и утвари, а в 1677 г. стал еще и дворецким. Примечательную характеристику дает ему англичанин С. Коллинс, врач царя Алексея Михайловича: «Жиды с недавнего времени очень размножились в городе и при дворе: им покровительствует лекарь-жид (почитаемый за лютеранского перекреста), который помогает в любовных делах Богдану Матвеевичу, заведывающему домовыми делами царя, и жил долго в Польше, доставляет ему полек. Жена Богдана Матвеевича (имея важные причины к подозрению) приревновала своего мужа к прекрасным невольницам, которые жили отчасти в его садах, а отчасти в доме; это было ему неприятно, и прошедшей зимою ее угостили каким-то кушаньем, после которого она сделалась очень весела, а поутру найдена была мертвая в постели. Другие говорят, что ей поднесли отравленную чашу вина, вылечившую ее от всех болезней. Это происшествие сделало много шуму в народе, и царь приказал Богдану Матвеевичу жениться, отказаться от развратной жизни с польскими своими любимицами или удалиться от должности. Говорят, что Богдан намерен жениться на одной из своих любовниц. Богдан Матвеевич любимец царя и правитель домашних его дел; он ровесник царю и с самого детства с ним вместе воспитывался. Его называют шепчущим любимцем, потому что, приходя в совет, он действует всегда из-за двери. Нащокин (А.Л. Ордын-Нащокин. — С. III.) с ним не в ладу; а он, получая много денег от голландцев, не любит англичан»¹. Сообщение англичанина невозможно проверить, единственное, что мы знаем о семейной жизни Б.М. Хитрово, — это что его жена Мария Ивановна пережила его самого и скончалась в 1693 г.

В конце улицы, на правой стороне располагался двор князя Федора Юрьевича Ромодановского, одного из самых близких к Петру I людей. Царь особо почитал Ромодановского за верность и исполнительность и поручил ему руководство страшным Преображенским приказом, в котором велось следствие по поли-

¹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. С. 223—224.

тическим преступлениям. Бывая ежедневно в застенке, князь Ромодановский снимал страх старинным русским способом — выпивкой. «Пьян по вся дни», — писал о нем современник князь Б.И. Куракин. Пьянство Ромодановского возмутило даже Петра, однако князь на упреки царя с достоинством отвечал: «Некогда нам с Ивашкой знаться (эвфемизм, обозначающий выпивку), всегда в кровях омываемся». Помимо этой важнейшей в государстве должности, Ромодановский занимал высшую ступень в шутовской иерархии дружеской компании царя. Он именовался «князь-кесарем», и Петр соблюдал по от-

ношению к нему видимые знаки почитания — входил во двор Никитского дома пешком, снимал в его присутствии шляпу, писал письма с обращением Sir. От князя-кесаря Петр принимал военные чины и награды. Помимо этого, Ромодановский исполнял много важных и серьезных поручений царя — управлял Москвой, занимался формированием гвардейских и солдатских полков, возглавлял Боярскую комиссию в Ближней канцелярии, Аптекарский и Сибирский приказы.

Портрет Ромодановского свидетельствует о том, что с князем было опасно шутить — у него широкое, волевое лицо с длинными на польский манер усами, жесткие глаза. Зато сам Федор Юрьевич любил юмор, причем весьма своеобразный, свойственный тому грубому времени. Согласно свидетельствам современников, при входе в дом Ромодановского гостей встречал медведь, который подносил входящим чарку водки; тех же, кто отказывался пить, медведь драл.

Дом Ромодановского располагался в приходе храма Вознесения Господня, известного как Малое Вознесение. Как уже говорилось выше, возможно, именно эта церковь упоминается как церковь Вознесения «у Хорошие колоколницы» в летописном рассказе 1548 г. На кладбище при этом храме в 1990-х гг. было

Князь Ф.Ю. Ромодановский.

Гравюра XIX в. по портрету
начала XVIII в.

обнаружено надгробие одного из холопов Ромодановского — Якова Анисимовича Князева. Сам храм был выстроен в 1630-х гг., а затем неоднократно перестраивался и достраивался. До нашего времени сохранились и церковь, и шатровая колокольня.

На другой стороне улицы, в переулках по направлению к Воздвиженке (Смоленской), в XVII в. находились дворцовая и патриаршая Кисловские слободы. Их обитатели готовили кислые щи — прохладительный напиток из ржаного и ячменного солода и пшеничной муки, похожий на квас. Дворцовая Кисловская слобода находилась в ведении приказа Царицыной мастерской палаты. Память об этих слободах сохранилась в наименовании местных переулков — Большого, Среднего, Нижнего и Малого Кисловских.

Соседями кислошников были калачники, также трудившиеся на царский обиход. Калачи подавались в обыденные и праздничные дни, рассылались духовенству, «всяким чинам», нищим и «тюремным сидельцам». О существовании Калашной слободы напоминает одноименный переулок, соединяющий Никитскую улицу с Воздвиженкой. Перепись 1638 г. упоминает среди местных жителей калачников Федьку Борисова с сыном Гришкой, Мишку Степанова, Савку Иванова, Михалка Екимова с сыном Савкой, а также иных тружеников пищевого цеха: масленика Лукьянку Андреева, хлебника Ивашку Иванова, медовщика Артемку Иванова, блинника Никитку Алексева, государевых мельников Кирилку Екимова и Трофима Овдокимова, «трешневика» (готовившего запеканки из гречневой каши) Федьку Ильина и др.¹

Улица Воздвиженка, называвшаяся также Смоленской, а иногда и Арбатом, начиналась от Кутафьей башни, замыкавшей мост от Троицких ворот Кремля. Как и Никитская, она возникла в древности и являлась началом дороги на Смоленск. Неподалеку от башни находилась церковь Николая Чудотворца «у Каменного моста». Во время строительства первой очереди Московского метрополитена рабочие наткнулись на кладбище этого храма. В дневнике известного археолога И.Я. Стеллецкого есть запись: «При проходке тоннеля метро через кладбище у башни Кутафьи встреченные погребения не могли, конечно, замедлить темпы работ... Один цельный гроб велел окопать. Пока осматри-

¹ *Переписная книга Москвы 1638 г. М., 1881. Стб. 42—45.*

вал другой, первый был растащен крючьями, а череп из него, с волосами, усами, бородой, вызвав огромный интерес, пошел по рукам, пока не исчез бесследно... В шахте № 30, что возле Кутафьи, на глубине 7—8 метров найдено очень интересное погребение: в выдолбленной колоде белый труп, все сохранилось как следует, только кончик носа поврежден. Ляжки, как у живого. Куски савана (полотно) и толстая подошва...»¹ Рядом с церковью Николы на берегу Неглинной стояли кузницы, за которыми, опять-таки у реки, располагался Аптекарский сад.

Ведал этим садом Аптекарский приказ, созданный в конце XVI в. для охраны здоровья царя и членов его семьи. Позднее пользоваться лекарствами из государственной аптеки получили возможность бояре, а с 1673 г. — и все остальные москвичи. Первоначально Аптекарский приказ находился в Кремле, а в 1676 г. его перевели на Воздвиженку, на двор боярина Ивана Богдановича Милославского, где был выстроен комплекс каменных зданий, получивший название Нового Аптекарского двора. Руководил строительными работами Гурий Варфоломеев. Там не только составляли лекарства, но и врач вел осмотр в «докторской палате», а также жили сами лекари и фармацевты. До настоящего времени сохранилась двустолпная Трапезная палата приказа со сводчатыми перекрытиями, поставленная на подклет из трех белокаменных погребов с коробовыми сводами.

Здание Трапезной палаты выходит в современный Староваганьковский переулочек, получивший свое наименование от села Ваганькова. В московедческой литературе это название обычно связывается с глаголом «ваганить» — играть, что якобы свидетельствует о существовании здесь слободы скоморохов. С.К. Романюк выдвинул другое объяснение: денежный налог за взвешивание товара назывался «ваганным», а место его взимания могло именоваться Ваганьковым. Правда, тот же исследователь отмечает, что в XVII в. Ваганьково служило местом публичных увеселений, и приводит текст указа царя Михаила Федоровича 1627 г.: «...Чтоб вперед за Старое Ваганково никакие люди не сходились на безделицу николи; а будет учнут ослушаться и учнут на безлепицу ходить, и Государь указал тех людей имать и за ослушание бить кнутом по торгам... и о том память по-

¹ *Стеллецкий И.Я.* Мертвые книги в московском тайнике: документальная история библиотеки Ивана Грозного. М., 1993. С. 11, 208.

слана, чтоб на безлепицу за Ваганково с кабацким питьем не въезжали»¹.

Впервые эта местность упоминается в летописи под 1446 г., когда великий князь Василий II приехал в Москву и «ста на дворе матери своеа за городом на Ваганкове». Следовательно, в первой половине XV в. здесь существовал загородный двор великой княгини Софьи Витовтовны. Документы XVII столетия упоминают о трех церквях на Старом Ваганькове — Благовещения (построена в камне при Василии III Алевизом Фрязином), Живоначальной Троицы и Николая Чудотворца. В приходе последней находился двор боярина князя Ивана Ивановича Шуйского, младшего брата царя Василия и последнего представителя знаменитого рода. Он организовал погребение при храме Николая Чудотворца останков брата Дмитрия Ивановича Шуйского и его супруги Екатерины Григорьевны Шуйской (дочери Григория Лукьяновича Бельского, более известного как Малюта Скуратов), привезенных из Польши. Отпевал их 16 июля 1635 г. патриарх Иоасаф. По владению князя И.И. Шуйского, переулок, ныне известный как Староваганьковский, назывался Шуйским.

За Аптекарским двором находился Воздвиженский мужской монастырь, давший наименование этой улице. Время его основания неизвестно. В 1547 г. с него начался страшный московский пожар. Соборный храм из кирпича был выстроен в 1550-х гг. В описи Москвы 1629 г. упоминается также каменная трапезная. В начале XVIII в. собор сильно обветшал и был перестроен в редкой для Москвы стилистике, близкой к украинскому барокко. Из документа 1734 г. следует, что в обители была еще и «издревле построенная» церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. После французского нашествия и пожара в Москве Воздвиженский монастырь был упразднен, а собор обращен в приходскую церковь. В 1934 г. его разрушили.

По составу домовладельцев Воздвиженка не сильно отличалась от Никитской и Тверской. Уже в XVI в. здесь жило немало аристократов. Во время пожара 18 апреля 1564 г. сгорели дворы царского шурина князя Михаила Темрюковича Черкасского, князя Семена Палецкого, церковь Дмитрия Солунского и иные строения, располагавшиеся в начале улицы. Опись 1638 г. упо-

¹ Цит. по: Романюк С.К. Из истории московских переулков. М., 1998. С. 83-84.

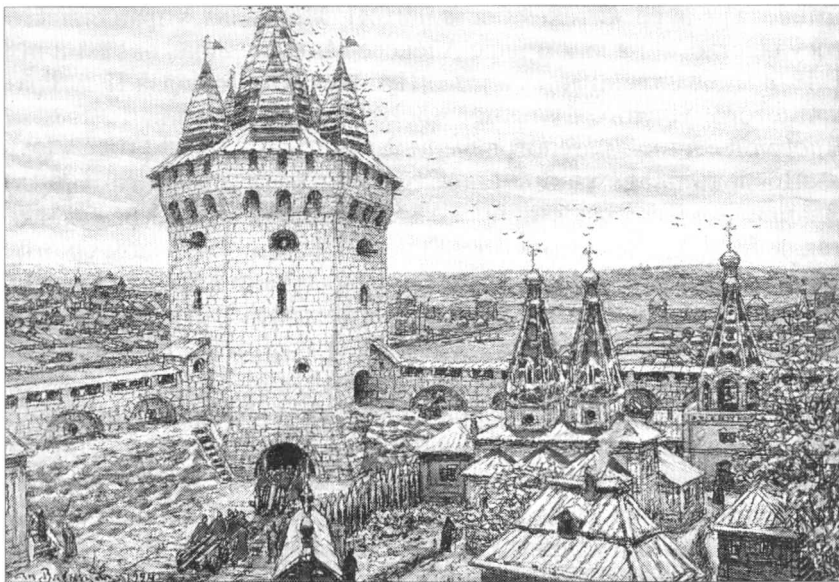
минает среди ее жителей боярина Б.И. Морозова, управлявшего государством при юном царе Алексее Михайловиче, окольничих В.И. и Ф.С. Стрешневых, судью Пушкарского приказа П.Т. Траханиотова, убитого во время московского восстания 1648 г. за многочисленные злоупотребления¹.

Последние две улицы в юго-западной части Белого города, Знаменка и Чертольская, шли от Боровицких ворот Кремля, где также был перекинут мост через реку Неглинную, рядом с которым был создан Лебязий пруд, где выращивали птиц для царского стола. Слева в начале Знаменки располагалась стрелецкая слобода с церковью Николая Чудотворца Стрелецкого (на левой стороне улицы), справа — стоял храм Михаила Малеина, святого патрона царя Михаила Федоровича, вероятно в правление этого государя и выстроенный. Сама улица получила название по существовавшей, по-видимому, еще в XVI в. церкви Иконы Божией Матери Знамение. В 1948 г. во время строительных работ в районе этого храма был обнаружен белокаменный саркофаг с женскими останками. В собрание Музея истории города Москвы поступили фрагмент крышки этого саркофага и женский головной убор из погребения — волосник, шитый золотыми нитями, с изображениями мирового древа и единорогов. По части сохранившейся эпитафии можно предположительно реконструировать ее текст и установить имя женщины, скончавшейся в 1603 г.: Мария, супруга «мутьянского воеводича» Радула (выходца из молдавских феодалов), дочь окольничего Афанасия Федоровича Нагого, в постриге нареченная Александрой².

Чертольская улица получила название от ручья Черторый, бравшего начало из Патриаршего пруда, текшего за стеной Белого города и впадавшего в Москву-реку за Алексеевским женским монастырем. Благочестивый царь Алексей Михайлович счел наименование, созвучное слову «черт», неприемлемым, и в 1658 г. он указал переименовать улицу в Пречистенскую в честь Смоленской иконы Божией Матери (Пречистой), находившейся в Новодевичьем монастыре, к которому вела эта улица.

¹ 11СРЛ. Т. XIII. С. 382; *Переписная* книга Москвы 1638 г. ... Стб. 40—41.

² *Шокарев С.Ю.* Фрагмент надгробия и волосник из погребения Марии Мутьянской (1603) // Труды Музея истории города Москвы (далее — ТМИГМ). Вып. 10. Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Материалы научно-практического семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья». М., 2000. Ч. 3. С. 200—204.

А.М. Васнецов. Семиверхая угловая башня Белого города. XVII в.
1924 г.

Еще с XIV в. берега реки Москвы к западу от Кремля использовались для выпаса великокняжеских лошадей и заготовки сена, чем объясняется расположение в более поздние времена между Знаменкой и Пречистенкой государевых конюшен и Колымажного двора (на нем хранились царские экипажи). Другие конюшни и Конюшенные слободы располагались чуть дальше, в Земляном городе. Возведенная на Колымажном дворе церковь Священномученика Антипия, одна из древнейших в Москве, датируется первой половиной столетия.

В самом конце Пречистенки, на левой стороне, находились два храма, связанные с чудотворными иконами из Ржева — Параскевы Пятницы и Божией Матери. Их размещение здесь не случайно — к стене Белого города примыкали дворы черной Ржевской сотни. Справа, у самой стены (до ее постройки — на берегу реки Москвы), находился женский Алексеевский монастырь. Он был основан около 1360 г. святителем Алексием митрополитом Московским и его сестрами преподобными Иулианией и Евпраксией и первоначально располагался на Остоженке на месте позднейшего Зачатьевского монастыря. Иулиания стала его первой

игуменьей. В 1514 г. Алевиз Фрязин выстроил здесь по велению Василия III каменную церковь во имя преподобного Алексия человека Божия. В 1547 г. (по другим данным — в 1514 или 1571) после пожара Москвы монастырь перенесли на урочище Чертолье, ближе к Кремлю. Обитель вновь пострадала от пожара в 1629 г. и была восстановлена в 1634 г. В 1655 г. в монастыре было 100 стариц (сакральное «круглое» число), в 1712 — 187 (вместе с игуменьей). В этом году была создана опись монастырских строений, при составлении которой игуменья Олимпиада подала прошение о пристройке монастырской ограды непосредственно к стене Белого города, объясняя это тем, что «за монастырскою их оградю меж городской стены у Алексеевской башни от воровских людей бывает грабеж и в монастыре их из того глухого проезде крадут»¹. Вот уж поистине — ничего святого!

¹ *Материалы...* Т. 1. Стб. 523.

Часть шестая

ЗЕМЛЯНОЙ (ДЕРЕВЯННЫЙ) ГОРОД, ИЛИ СКОРОДОМ

Глиняные холмы Заяузыя

Укрепления Земляного города замкнули кольцо вокруг полукольца стен Белого города, придав городу завершённый вид окружности с расходящимися от центра лучами радиальных дорог. Самая значительная по площади территория Земляного города включила в себя наибольшее количество слобод, придав этому району определённую социальную специфику. Здесь уже гораздо реже селились дворяне, а дома, принадлежавшие ремесленникам, а также стрельцам и иным служилым людям «по прибору», были, как и большинство храмов, по преимуществу деревянными. Каменные церкви стали появляться в Земляном городе во второй половине XVII в. Ещё одной особенностью Земляного города было незначительное количество монастырей. Старинные московские обители концентрировались по большей части в пределах Белого города, а загородные монастыри — Данилов, Донской, Симонов, Новоспасский, Спасо-Андроников — находились уже за городской чертой.

Заяузые было освоено ещё в домонгольский период. Московское предание связывало первоначальное расположение древнего города с одной из местных возвышенностей — Таганным холмом (он также именовался Швивой или Вшивой горкой), чего не исключали и историки Москвы. Первые стационарные археологические раскопки, проводившиеся здесь в 1946—1947 гг. под руководством М.Г. Рабиновича, доказали ошибочность этого суждения. Было установлено, что у подножия холма, в местности, носившей название Пристанище, располагалась пристань на Яузе. Вершину холма венчала церковь Никиты Великомученика, впервые упоминаемая в 1476 г. В 1533 и 1595 гг. храм был построен в камне (второй раз — на средства купца Саввы Емель-

**Медведь. Глиняная игрушка. XVII в.
Собрание Музея Москвы**

яновича Вагина) и перестроен в 1684—1685 гг., тогда же возведена колокольня. Вокруг храма и развернулись археологические работы.

Во время этих раскопок, а также при других исследованиях и наблюдениях за строительными работами были обнаружены многочисленные следы гончарного производства. Память о существовавшей здесь в XV—XVII вв. Гончарной слободе сохранила и местная топонимика — у устья Яузы находятся Гончарные переулки, Гончарная набережная. Слободским храмом была церковь Успения Богородицы в Гончарах, с великолепными изразцами и изразцовыми же рельефными фигурами четырех евангелистов, выполненными прославленным мастером Степаном Полубесом. Другую слободскую церковь, Воскресения Христова, украшали не менее интересные изразцы с сюжетами осады польско-литовским войском Троице-Сергиева монастыря в Смутное время, а на изразцах круглой формы были изображены двуглавые орлы. Гончарная слобода впервые упоминается в источниках в 1547 г. Она занимала склоны и подножия Таганского холма, простираясь вдоль реки Москвы вплоть до устья Яузы. На склонах холма располагались гончарные горны, в стороне — мастерские и дома.

Археологи исследовали гончарный горн, яму для бракованной посуды (в ней обнаружено множество черепков, в том числе с клеймом мастерской — крест в круге — на днище, глиняные игрушки и изразцы. Эти находки ученые датировали XVII в. К тому же времени относится и развал печи, облицованной всеми существовавшими тогда видами изразцов: красными с индивидуальными рисунками и фрагментами общей композиции, муравлеными (покрытыми зеленой прозрачной глазурью) с изображениями птиц, «ценинными» (глазурованными многоцветными и рельефными) с растительным орнаментом. Эта печь в жилом доме в Гончарной слободе, по-видимому, демонстрировала возможности местных мастеров¹. Аналогичные находки были сделаны при раскопках и наблюдениях за строительными работами в этом районе и позднее. При этом в ямах, куда сбрасывалась бракованная посуда, обнаружили фрагменты сосудов с клеймом одной мастерской, но с восемью разных гончарных кругов, следовательно, в ней работали не меньше восьми мастеров.

М.Г. Рабинович установил, что первоначально московские гончары работали на Великом посаде и брали глину в его восточной части, в местности, именовавшейся Глинищи. Там стояла церковь Спаса на Глинищах, давшая название современному Спасоглинищевскому переулку. В Заяузье гончары брали глину и песок из моренных отложений на Яузе и Москве-реке. Позднее, в XVII в., глину стали привозить из подмосковной Гжели. Мастера Гончарной слободы славились на всю Москву и за ее пределами, у них проходили обучение гончары из других городов. Например, в Ярославле до настоящего времени сохранились постройки с изразцами, выполненными по московскому образцу. Очевидно, их изготавливали ученики московских гончаров².

Помимо гончаров, в Заяузье, ограниченном двумя реками, жили и работали другие ремесленники, чьи производства были связаны с применением открытого огня, поскольку заниматься ими здесь было наименее опасно. Рядом с Гончарной слободой нахо-

¹ Рабинович М.Г. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 5-43.

² Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973. С. 161-168.

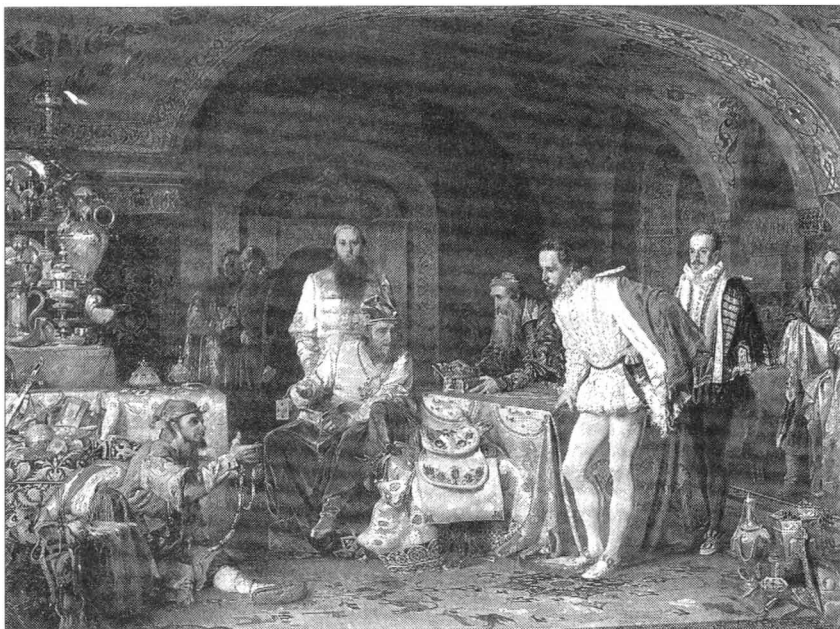
дились Кузнецкая, Котельная и Таганная (Таганская). В XVII в. они также были дворцовыми. Их приходские храмы — Николы в Кузнецах, Николы в Котельниках, Космы и Дамиана на Вшивой горке и одноименный в Старых Кузнецах — были посвящены святым, считавшимся покровителями кузнечного дела. Мастера Котельной и Таганной слобод делали котлы, таганы (треножные подставки либо котлы на ножках), кумганы (большие кувшины с узким горлом и узким изогнутым носиком, использовавшиеся для умывания) и другую металлическую посуду. Жили здесь и оружейники. При раскопках М.Г. Рабиновича было обнаружено погребение скончавшегося в 1596 г. Григория Дмитриева, сына кольчужника¹.

Согласно переписи Москвы 1638 г., в соседней Семеновской черной слободе (получила название по храму Симеона Столпника за Яузой, сохранившемся до наших дней) жили бронники. Их соседями по слободе опись называет портного, «оловеничника», денежного мастера, мельника, серебряного мастера, подмастерья каменного дела, мясника, солодовника, сапожников, багырщика, кузнеца печатного дела, пирожника, печника и иных мастеров. Напротив, в Котельной слободе, обитали, судя по описи, исключительно котельники, а в Кузнецкой преобладали кузнецы².

При Иване Грозном рядом с Таганной слободой, в местности, известной как Болвановка, существовала московская Иноземная слобода. Вероятнее всего, она переместилась сюда в 1560—1570-х гг. со своего первоначального места — с позднейшей Шаболовки, где она известна как слобода Наливки. Английский торговый агент и дипломат Джером Горсей писал, что по его совету царь создал из лифляндцев, французов, голландцев, шотландцев и англичан, взятых в плен в Ливонской войне, отряд в 1200 человек, которые «сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами». Горсей, очевидно, прихвастнул, о Болвановской слободе, где «живут немецкие воинские люди, которых великий князь употребляет против крымского царя», сообщает Штаден, живший в Москве до приезда в нее англичанина. Вероятнее всего, ливонские плен-

¹ *Рабинович М.Г.* Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы... С. 18. Ныне находится в собрании Музея Москвы.

² *Переписная книга Москвы 1638 г. ...* Стб. 299—316.

*А.Д. Литовченко. Царь Иван Грозный показывает сокровища
английскому послу Горсею. 1875 г.*

ники, служившие царю, составили основное ядро населения слободы. В слободе существовали два протестантских храма и кладбище, плиты с которого обнаружены в кладке церкви Николы на Болвановке (она же — «в Кузнецах»). Это надгробия Варвары, дочери Э. Гротхузена (умерла 8 июня 1593 г.), уроженца (уроженки) города Магденбурга (конец XVI — начало XVII в.), и др. В 1995 г. Центром археологических исследований были проведены раскопки этого некрополя, но плит с эпитафиями обнаружено не было.

В ноябре 1578 г. после неудач в Ливонской войне — разгрома русского войска под Кесью и измены герцога Магнуса, которого Иван Грозный намеревался сделать королем Ливонского королевства, — слобода подверглась разгрому, но уцелела. В следующем, 1579 г. разряды упоминают «на Москве немец 400 человек». Судя по эпитафиям, Болвановская немецкая слобода просуществовала до конца XVI в. В это время образовалась и другая иноземная слобода — за пределами города, на Яузе. По-видимому, при Борисе Годунове жители Болвановской слободы переместились в

Яузскую слободу, где была открыта кирха. Эта слобода просуществовала до разорения в Смутное время¹.

В XVII в. наряду с ремесленными слободами в Заяузые существовала еще и стрелецкая, насчитывавшая в 1699 г. 198 дворов «жилых и пустых». Стрелецкая слобода соседствовала с Гончарной и Котельной, а ее слободским храмом была церковь Спаса Всемилоственного в Чигасах, имевшая древнюю историю. Под 1483 г. летопись сообщает: «...Заложи церковь кирпичну Спас святых за Яузою игумен Чигас». В 1480-х гг. храм был расписан великим Дионисием, но в московском пожаре 1547 г. фрески погибли. Когда прекратил существование Чигасов монастырь, неизвестно, но с 1625 г. церковь Спаса упоминается как приходская. И сам храм, и его приход в XVIII в. славились богатством, о чем гласит народная песня:

У Спаса в Чигасах, за Яузою,
Живут мужики богатые,
Гребут золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.
Слава!

Бараши, огородники, пушкарки, печатники

Восточная и северо-восточная части Земляного города, протянувшиеся между реками Яузой и Неглинной, занимали более обширное пространство, нежели компактное Заяузые, и, соответственно, отличались большей пестротой профессионального и социального состава жителей. Всего на этой территории насчитывалось четырнадцать слобод: четыре стрелецких, семь дворовых, Пушкарская, иноземная и черная.

Сразу за Яузскими воротами Белого города, на берегу Яузы находились Кошельная и Денежная слободы. В Денежной слободе жили мастера монетного дела и ювелиры, о чем свидетель-

¹ Горсей Д. Указ. соч. С. 70, 71; Щепкин В.Н. Описание надгробий // Отчет императорского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1906 год. М., 1907. С. 83, 84; Золотов Ю.М. Две надписи московских немцев // Советская археология. 1961. № 3. С. 249—252; Зимин А.А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 53—54; Беляев Л.А., Векслер А.Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980—90-х годов) // Российская археология. 1996. № 3. С. 127.

ствует наименование слободского храма — Троицы в Серебряниках. Сложнее ответить на вопрос о происхождении наименования Кошельной слободы и занятиях ее жителей. Ремесленники, изготавливавшие кошеле, неоднократно упоминаются в документах XVII в. Возможно, эти мастера и населяли Кошельную слободу. Но по другой версии, котельниками могли называть рыбаков, ловивших в подмосковных селах рыбу и доставлявших ее на дворовую кухню в особых садках-«кошелях»¹.

Местность к востоку от Денежной слободы с XIV в. именовалась Воронцово поле или Воронцово. Историки Москвы связывают это наименование с прозвищем владельца — боярина Федора Васильевича Воронца, происходившего из рода Вельминовых и жившего в эпоху Дмитрия Донского. При Иване III эти земли уже принадлежали великому князю. Здесь находился великокняжеский загородный двор, который перешел к Василию III. «Да ему ж (Василию. — С. III.) даю селцо Воронцовское на Язуе, где мой двор и з дворы с Городецкими со всеми по обе стороны Язуы и с мельницами, как было при мне»².

В 1515 г. летопись сообщает, что Василий III «летовал в Воронцове на своем дворе». По велению государя Алевиз Фрязин возвел здесь церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, более известную впоследствии по приделу Пророка Илии. В 1611 г. здесь был похоронен руководитель Первого ополчения думный дворянин Прокофий Петрович Ляпунов, злодейски убитый казаками. Впоследствии прах Ляпунова перенесли в Троице-Сергиев монастырь³. В приходе этого храма находился первоначально двор князя М.П. Гагарина, сибирского губернатора и известного казнокрада, о котором уже говорилось выше. В 1702 г. на средства братьев-князей Ивана и Матвея Гагариных рядом с существующим храмом был возведен новый, пятиглавый, бесстолпный. Престол Благовещения Пресвятой Богородицы перенесли в новую церковь, а старую переосветили во имя мученицы Параскевы Пятницы.

¹ См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1980. Вып. 7. С. 394; *История московских районов: Энциклопедия* / Под ред. К.А. Аверьянова. М., 2008. С. 105.

² *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.* / Подгот. к печ. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 354.

³ 4 августа 2013 г. на месте первоначального захоронения П.П. Ляпунова был установлен Памятный крест.

В XVII в. на Воронцовом поле находилось целых пять слобод — две стрелецких, садовничья, тяглая Воронцовская и иноземная. Постепенно стрельцы вытеснили других жителей этой местности, и в 1699 г. из 317 дворов в приходе церкви Благовещения на Воронцовом поле 302 принадлежали стрельцам. Существовал здесь и еще один стрелецкий храм — за стеной Белого города располагалась церковь Николая Чудотворца в Воробине (Воробине) (уничтожена в 1932 г.), получившая свое наименование от расположенного здесь полка Даниила Воробина.

Между Покровкой и Воронцовым полем располагались две крупные дворцовые слободы — Казенная и Барашевская. В конце XV — начале XVI в. на месте Казенной была «слободка княж Васильевская Ромодановского», которая в 1504 г. перешла во владение великого князя Ивана III. Очевидно, ее основал и владел ею князь Василий Васильевич Ромодановский, который уже упоминался ранее в рассказе о Богоявленском монастыре.

Население Казенной слободы составляли дворцовые служители и ремесленники, подведомственные Казенному приказу. Перепись 1620 г. в числе местных домовладельцев упоминает холщевников, кузнецов, калачников, красильников, сапожников, хлебников, мясника, сермяжника, плотника, рукавичника, шапошника, седельника, бочарника и других мастеров. Схожие специальности перечисляет и перепись 1638 г., причем о принадлежности одного из мастеров к казенному ведомству в этом документе говорится прямо: «Иван Артемьев сын, портной мастер, делает на казенном дворе, с пищалью». Казенная слобода протянулась на обширном пространстве от Воронцова поля до Покровских ворот. На одном ее конце располагался храм во имя апостола Иакова Зеведеева, на другом — церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи. В 1699 г. приходы обоих храмов насчитывали 216 дворов, из которых 93 двора составляли владения слобожан Казенной слободы¹.

Барашевская, или Барашкая, слобода была населена барашами — дворцовыми служителями, которые в походах ставили шатры, занимались их изготовлением и ремонтом, а также, по-видимому, обивкой стен тканями. Слобода возникла еще до Смутного времени, поскольку в 1615 г. правительство разыскивало ее жи-

¹ *Переписи московских дворов XVII столетия*. М., 1896. С. 48—52; *Переписная книга Москвы 1638 г.* ... Стб. 279; *Материалы...* Ч. 2. Стб. 516.

Церковь Введения в Храм Пресвятой Богородицы в Бараших.
Фотография из «Найденовского альбома». 1881 г.

телей даже в Перми, ибо сказывался недостаток людей, способных исполнять «шатерную службу». В 1632 г. в слободе было 69 дворов, в 1638 — 163, в 1679 — 183. К концу столетия эта слобода утратила свою специализацию: в 1699 г. в приходах храмов Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Бараших и Воскресения Словущего в Бараших была ровно сотня дворов, из которых один принадлежал шатернику, а пять — барашам¹.

К концу столетия в слободе было значительное количество дворов, принадлежавших крупным купцам — гостям и членам Гостиной сотни. Немало в это время здесь было и дворовладельцев дворян и приказных. В 1666 г. двор в слободе приобрел дьяк Андрей Андреевич Виниус — видный государственный деятель и

¹ *Переписная книга Москвы 1638 г. ... Стб. 276; Материалы... Ч. 2. Стб. 516, 518.*

просветитель, сподвижник Петра I, один из создателей отечественной почты, дипломат, переводчик, автор и руководитель географических и картографических трудов. Покупку двора сопровождали неожиданные для Виниуса сложности — продавец, гость Г.И. Микляев, неожиданно исчез, а сам двор был отписан в казну за его долги. Часть денег Виниус уже выплатил и просил выдать ему из казны новое владение, обещая расплатиться. Окончание этого дела до нас не дошло, но, вероятнее всего, Виниус все-таки получил двор в Барашевской слободе, о чем свидетельствует то, что его «жена, дети и внучата» были погребены под алтарем придела во имя святого Илии храма Введения Богородицы в Барашах. Впоследствии Виниус переселился на Сретенку, жил в приходе церкви Марии Египетской в Сретенском монастыре, умер в этом доме и, вероятно, в церкви во имя Марии Египетской и был похоронен¹.

В приходе этого храма жил еще один крещеный иноземец — генерал-поручик Афанасий Федорович Траурнихт. Он выехал в Россию из Германии в 1660-х гг., а в 1670 или в 1671 гг. принял православие. В 1671 г. он служил в чине полковника рейтарского строя, вскоре был пожалован в стольники, а в 1675 г. получил генеральский чин. В 1677 г. Траурнихт возглавил оборону Чигирина от турок и сумел удержать город, затем был воеводой в Кевроле и на Мезени, в Устюге. В 1699 г. в приходе церкви Введения в Барашах упоминается один двор генеральский. Вскоре А.Ф. Траурнихт скончался. В переписи московских дворов 1716 г. упоминается, что его вдова владела двором на Покровке «идучи в Чекеневу улицу, что на правой стороне».

Заметной фигурой был и его сын, стольник и полковник Дорофей Афанасьевич, женатый на дочери А.А. Виниуса, Марии. В 1697—1704 и 1708—1711 гг. он служил воеводой в Якутске, а в 1711 — 1715 гг. комендантом в Иркутске, в 1715 г. — в Тобольске, в 1716 г. — на Соли Камской. Траурнихт отправлял казачьи отряды для исследования новых земель и сбора ясака (дани пушнина) с местных охотников, усмирал волнения тунгусов, расследовал злоупотребления прежних воевод. Воевода оставил по себе хорошую память у якутских служилых людей, которые при опросе в Сибирском приказе говорили о нем и дьяке М.Г. Романове:

¹ Юркин И.Н. «От первопрестольного града Москвы...»: А.А. Виниус в Москве и Подмоскowie. М., 2009. С. 66—73.

«Против прежних воевод злых обыкностей взятков себе оне, Дорофей и Максим не емлют... и великого государя казной не корыстуютца». Скончался Д.А. Траурнихт в 1717 г. и был погребен на кладбище при церкви Введения в Бараших. Его надгробие в форме саркофага было обнаружено при земляных работах в 1719 г. и поступило в собрание Музея Москвы. Это первое известное нам надгробие нового, барочного типа¹.

Оба храма Барашевской слободы сохранились до наших дней. В 1476 г. здесь существовала церковь Илии Пророка «под сосенками». К 1620 г. она стала приделом храма Введения во Храм Пресвятой Богородицы, каменное здание которого было возведено в 1647—1653 гг., а в 1688—1701 гг. перестроено в стилистике московского барокко: окна украшены наличниками с колонками и замысловатыми гребнями, стены завершаются наличниками, восьмигранный барабан единственной главы — граненой главкой. В трапезной находятся два придела — северный во имя Илии Пророка и южный во имя Лонгина Сотника. Церковь выстроена в стилистике московского (нарышкинского) барокко, ее окна украшены наличниками с колонками и замысловатыми гребнями, стены завершаются наличниками, восьмигранный барабан единственной главы — граненой главкой. А.А. Виниус пожертвовал храму образ Спаса Нерукотворного, некогда принадлежавший царю Ивану Грозному и пожалованный самому дьяку царем Федором Алексеевичем. В документе 1652 г. сообщается, что при церкви была богадельня, в которой содержались шестнадцать старцев. В 1660-х гг. священник Введенской церкви Иван Фокин устроил на свои средства школу при храме. Позднее, когда Фокин был переведен на службу в церковь Адриана и Натальи в Мещанской слободе, он перевез с собой и здание школы.

Церковь Воскресения Словущего в Бараших известна с XVI в. В 1652 г. ее выстроили в камне, а современное здание возвели в XVIII столетии, включив в него нижний ярус более древнего храма. С 1769 г. церковь имела приделы Захарии и Елисаветы и Мученика Севастиана: первый — в честь святой покровительницы императрицы Елизаветы Петровны, а второй — в честь святого, память которого отмечалась в день рождения государы-

¹ Шокарев С.Ю. Памятник петровского барокко надгробие Д.А. Траурнихта в собрании Музея истории города Москвы // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. С. 162-167; Юркин И.Н. Указ. соч. С. 35-37, 45-46.

ни. Тогда же главу храма украсили императорской короной, что породило легенду о том, что в нем Елизавета Петровна венчалась с графом А. Г. Разумовским.

Барашевская слобода примыкала к Покровке. Между Покровкой и следующей радиальной улицей, Мясницкой, располагалась еще одна дворцовая слобода — Огородная, где жили царские огородники и находились сами огороды, на которых в парниках («содилках») выращивали даже арбузы и дыни. По описи 1638 г., в слободе было 212 дворов «разных чинов людей»; причем из 267 учтенных жильцов 260 человек имели оружие, в том числе 136 — пищали¹. В 1679 г. в слободе насчитывалось уже 373 двора.

Как и Барашевская слобода, Огородная имела два храма — Трех Святителей (впервые упоминается в 1635 г.) и Харитона Исповедника (известна с 1618 г., в 1652-м выстроена в камне), к названиям которых прибавлялось «в Огородниках». Этот храм упоминается в «Евгении Онегине», именно здесь, «у Харитонья в переулке», А.С. Пушкин поселил семью Лариных, что имело тесную связь с биографией самого поэта. В этих местах прошло раннее детство Пушкина.

На землях Огородной слободы проживало много «немцев», которые в конце 1620-х гг. выстроили здесь кирху. Ее пастором был Мартин Мюнстенберг (в русских документах — «Мартын Мартынов»), В 1638 г. этот храм был зафиксирован в военной переписи населения Москвы: «Немецкой приходной двор, на нем ропота, в нем живет пономарь немецкой стар и увечен, ружья нет». Рядом с ним находился двор пастора: «Двор немецкого попа, а в нем с людьми его 3 человека; у них 2 пищали». Та же перепись отмечает в Огородной слободе дворы служилых иноземцев, а за Земляным городом, между Мельничной и Сыромятной слободами целую иноземную слободу, состоявшую из 51 двора. В 1643 г. по челобитью московских священников эта кирха была приговорена к сносу. Напрасно доктор Иван Белау и его товарищи били челом царю, пытаясь убедить его, что удаленная кирха не угрожает православным: «...О том дворе челобитчиков, и близ его русских храмов нет, кругом все огороды...» — кирху сломали.

Однако вскоре положение изменилось в благоприятную для протестантов сторону. Предприниматель и торговец Петр Марселис (Марселиус), бывший посредником на переговорах о сва-

¹ *Переписная книга Москвы 1638 г. ...* Стб. 256.

товстве королевича Вольдемара и царицы Ирины Михайловны, сумел получить у царя разрешение на строительство новой кирхи, место под которую было отведено совсем недалеко от Огородной слободы — между Фроловскими и Покровскими воротами, но уже за Земляным валом, в 20 саженьях от него, на бывшем огороде Н.А. Зюзина¹. После образования Ново-Немецкой слободы на Яузе в 1652 г. эта кирха была перенесена туда. За стеной Белого города, ближе к Мясницкой располагался Поганный пруд, рядом с которым жил сам П.Г. Марселис, и до сноса протестантских храмов в мае 1643 г. существовала еще одна — кальвинистская церковь. В переписи 1638 г. она упоминается как «Покровской сотни двор немецкой мирской; живет немецкий поп Индрик».

Как можно видеть, восточную часть города еще с XVI в. заселяли западноевропейцы, жившие здесь как слободами, так и отдельными дворами. Именно здесь существовали известные нам протестантские храмы. Логическим продолжением истории московских «немцев» в этой части столицы стало переселение их в особую иноземную слободу на Яузе, известную также как Ново-Немецкая или Кокуйская, в 1652 г.

На Сретенке в пределах Земляного города располагались четыре слободы, из которых самой крупной была Пушкарская. По описи 1638 г. она насчитывала 204 двора пушкарей и работников Пушечного двора — пушечных мастеров, литцов, учеников, колокольников, паникадильных мастеров, плотников, канатных мастеров, зелейщиков и зелейных учеников и т. д. Их приходским храмом была церковь Сергия Радонежского в Пушкарях (выстроен в камне в 1689 г.). Когда из нее совершался крестный ход на Неглиненский пруд, пушкари салютовали залпами из орудий. В 1699 г. в ее приходе было 124 двора, из которых 103 принадлежали пушкарям. Примечательно, что более чем за полвека количество пушкарских дворов в этом приходе не изменилось: в описи 1638 г. говорится о 102 дворах. Был в слободе и другой храм — во имя Спаса Преображения, приход которого включал 218 пушкарских дворов.

Соседями пушкарей были работники Печатного двора, приходской храм которых — Успения в Печатниках (известен с

¹ *Переписная книга Москвы 1638 г. ...* С. 255—256, 285—286; Цветаев Д.В. Указ. соч. С. 58—77.

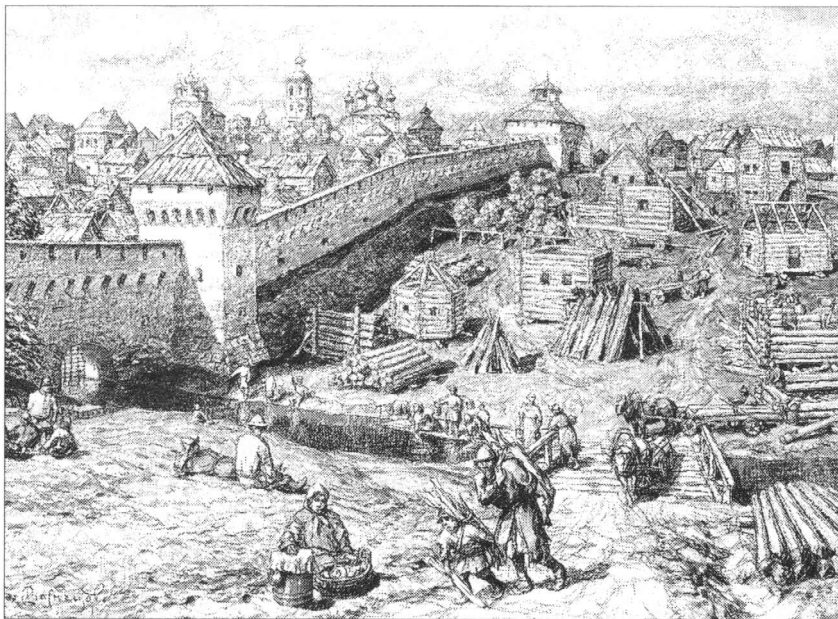
1625 г., современное здание построено в 1695) — сохранился до нашего времени. По описи 1638 г. в слободе насчитывалось 76 дворов. Помимо печатников здесь жили дворяне, приказные иноземцы (греки, немцы, литвин и татарин), царские мастера, торговые люди¹.

Ближе к Сретенским воротам Земляного города находилась черная Панкратьевская слобода, получившая наименование по храму Священномученика Панкратия. Кроме ремесленников разных специальностей, в 1638 г. здесь жили служилые люди — казаки. По другую сторону Сретенки, также у стены Земляного города, существовала стрелецкая слобода. В 1657 г. командиром размещавшегося здесь стрелецкого полка был Василий Пушечников, и слободской храм именовался церковью Троицы, что «в Васильеве приказе Пушечникова», а также в Листах. Эта церковь, возведенная в 1651 — 1661 гг., сохранилась до нашего времени. На ее строительство из приказа Большого дворца в 1657 г. было заимообразно выделено 150 тысяч кирпичей. Отдать этот долг стрельцы не торопились либо не могли, и царь Алексей Михайлович распорядился его простить «за поимание и привод в Москву бунтовщика Стеньки Разина с товарищами». После ликвидации стрелецких полков в 1699 г. храм получал государственное содержание — ругу, однако было предписано: «...Давать сполна, покамест вместо стрельцов иных чинов люди будут на их местах жить, а того смотреть накрепко, чтоб гой дач при прямых прихожанах не было». Ранее в приходе этого храма было 92 двора стрелецких и двор капитана².

С 1685/86 г. полком командовал стольник Лаврентий Панкратьевич Сухарев. Во время противостояния Петра I с сестрой-царевной Софьей в 1689 г. Сухарев со своим полком одним из первых перешел на сторону молодого государя. Согласно московскому преданию, Петр распорядился в знак признательности за поддержку возвести на месте Сретенских ворот Земляного города башню с часами и наречь ее именем полковника. На самом деле возведенная в 1692—1695 гг. башня, великолепный памятник гражданской архитектуры XVII в., получила название

¹ *Переписная книга Москвы 1638 г. ... Стб. 256—266; Материалы... Ч. 2. Стб. 516, 517.*

² *Переписная книга Москвы 1638 г. ... Стб. 246—249; Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг.... М., 1888. Стб. 26, 58, 59; Материалы... Ч. 2. Стб. 517; История московских районов... С. 70.*

А.М. Васнецов. Лубяной торг на Трубе. 1926 г.

Сухаревой по общепринятой традиции называть храмы и местности по фамилиям стрелецких командиров.

Двигаясь к западу от Сухаревой башни, вдоль сооружений Земляного города, путешественник подходил к Неглинной, которая за земляным валом разливалась, образуя пруд у загородной Троицкой слободы. Ближе к центру, под стеной Бёлого города река была заключена в «трубу». Это гидротехническое сооружение и дало здешней местности наименование Труба, позднее — Трубная площадь и Трубная улица.

На западном берегу Неглинной, «на Трубе», находился Лубяной торг. Олеарий описывает его таким образом: «В этой части находится лесной рынок и вышеназванный рынок домов, где можно купить дом и получить его готово отстроенным [для установки] в другой части города через два дня: балки уже пригнаны друг к другу, и остается только сложить их и законопатить щели мхом». Вторит ему курляндец Яков Рейтенфельс, живший в России в 1671 — 1673 гг.: «Подле Скородума простирается обширнейшая площадь, на которой продается невероятное количество всякого леса: балок, досок, даже мостов и башен, срубленных и уже от-

деланных домов, которые без всякого затруднения, после покупки и разборки их перевозятся куда угодно»¹. Иностранные авторы справедливо замечали, что существование такого торгового было связано с частыми пожарами, опустошавшими Москву.

Жизнь Бронной слободы

Земли по другую сторону Неглинной, в северной части Земляного города, имели много общего с территориями, о которых уже шла речь выше. Здесь также наблюдается чересполосица слободских владений — военных, дворцовых, тяглых и иноземных слобод. Одной из крупнейших слобод в этом районе была Бронная, память о которой сохранилась в наименовании современных Малой и Большой Бронных улиц. Исследование М.Ю. Романова и документы по истории этой слободы, подготовленные к печати Б.Н. Морозовым, позволяют увидеть жизнь этой слободы во многих малоизвестных подробностях, рассмотреть на ее примере, как существовали и другие московские слободы².

Дворцовая Бронная слобода являлась одной из древнейших в Москве. По-видимому, она возникла на окраине городской территории на рубеже XV—XVI вв. Ее населяли мастера-оружейники — бронники, делавшие доспехи, самопальные и сабельные мастера, серебряные мастера, кузнецы, позднее, в XVII в., к ним прибавились ремесленники других специальностей, торговцы, служилые люди. В штате Бронного приказа при Иване Грозном находились 97 мастеров, работавших по 22 различным специальностям: тут были сабельники, лучники, стрельники, ножевники, самопальные мастера, копейный мастер, мастера, делавшие отдельные детали и заготовки, мастера, занимавшиеся отделкой оружия, и т. д. Работали они не только для царского двора, но и по заказам частных лиц, что служило хорошим приработком к жалованью — оружие и доспехи стоили немало: «панцырь» 5 рублей, «шелом» — столько же, стоимость богато украшенного полного доспеха достигала 50 рублей. Не случайно бронники упо-

¹ Оlearий А. Указ. соч. С. 150; Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 306.

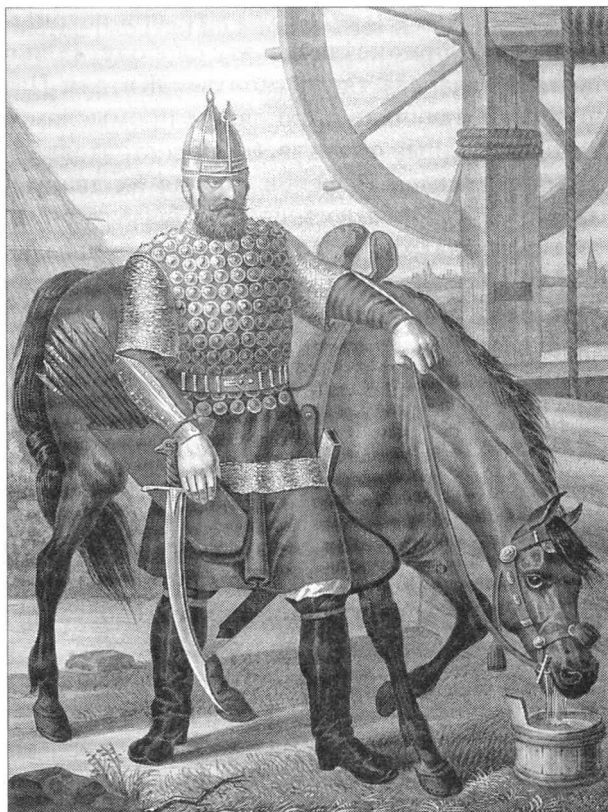
² Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010. В качестве приложения к этому исследованию помещены выписи из писцовой книги 1638/39 г., переписная книга Бронной слободы 1663 г. и другие документы, подготовленные к печати Б.Н. Морозовым.

минаются среди кредиторов удельных князей. Князь Андрей Васильевич Меньшой, брат Ивана III, был должен Сенке броннику 51 рубль. Его племянник, князь Иван Борисович Рузский, задолжал другому Семену броннику 44 рубля.

В каждой московской слободе существовало самоуправление. Ее жители составляли «мир», который на слободском сходе выбирал старосту, полномочия которого длились год (с 1 сентября по 1 сентября). На старосту возлагались обязанности по сбору податей и экстренных сборов, наблюдению за общественным порядком, соблюдению противопожарных мер, разбору конфликтов. Сведения о выплатах податей и расходах на слободские дела заносились в приходные и расходные книги. В помощь старосте выбирались сборщики (занимались сбором податей), окладчики (составляли окладные книги), десятские (наблюдали за порядком в своих кварталах, включавших десяток дворов), слободские нарядчики, караульщики. Мирской сход собирался на братском дворе рядом со слободской церковью. Братский двор также называли съезжей избой. Здесь староста вел свою документацию, разбирал дела, принимал доклады десятских, отчитывался перед объезжими головами, которых присылал для наведения порядка Земской приказ. Слободской «мир» мог заключать коммерческие сделки, выступать заказчиком тех или иных работ, но при этом от его лица выступал староста. Отвечал староста перед оружным, главой Оружейного приказа и Оружейной палаты (первоначально, по-видимому, Бронная слобода, как и другие дворцовые слободы, находилась в ведении дворецкого).

В 1625 г. наименование Бронники впервые появляется в документах как место расположения слободских храмов Рождества Христова и Иоанна Богослова. После Смутного времени правительство, стремясь восстановить разрушенную экономику страны и восстановить ее прежние границы, ужесточает порядок сборов с посадского населения. С этого времени только личная служба в дворцовых учреждениях могла освободить ремесленника от тягла, остальные слобожане были вынуждены платить все налоги и подати «с посадскими черными людьми ровно». Груз этих обязанностей изнурил посадских, тем более что бок о бок с тяглецами жили их более удачливые соседи, сумевшие «обелиться», освободиться от тягла на царской службе или «заложившись» за патриарха, епископов, монастыри, бояр. Этот конфликт вылился наружу во время московского восстания 1648 г., в результате по

Вооружение русского воина. XVI—XVII вв. Гравюра XIX в.

принятому в 1649 г. Соборному уложению белые слободы были ликвидированы, но само разделение на тягловцев и свободных от посадского тягла сохранилось.

Перепись 1638/39 г. отразила сосуществование на землях Бронной слободы черных (тяглых) и белых дворов, а также проникновение в слободу представителей иных сословий и профессий. Согласно этой переписи, между Тверскими и Никитскими воротами Белого города располагалось 328 дворов. Большая их часть относилась к Бронной слободе. Из них 140 дворов были обелены, 187 были записаны как тяглые, касательно одного пустого дворового места писцам не удалось установить его принадлежность. Большинство обеленных дворов принадлежало жителям соседней Патриаршей слободы. Значительная часть из них

была переведена на эти земли в 1620-х гг. при патриархе Филарете, другие позднее приписались в эту слободу, «для своей легкости, не хотя государева тягла тянуть». Жители Патриаршей слободы ничем не отличались по своим промыслам от других посадских, но, свободные от тягла, были состоятельнее и постепенно вытесняли соседей-тяглецов, скупая их дворы. В 1649 г. их счастливое время закончилось: слобода была отписана на царя, а ее жители стали платить тягло, как и другие посадские люди.

Также в этой местности обеленные дворы принадлежали иноземцам, в том числе и «немецкому попу» Якову. Среди них были служилые люди и ремесленники, работавшие в Оружейной палате. На дворе одного из них — «золотаря и серебряника» Индрика Арнса — 6 июня 1637 г. произошло трагическое происшествие. К постояльцу Арнса сержанту Петру Фальку явился его сослуживец, тоже сержант Григорий Томосов (Томас Грельс), требуя вернуть 2 рубля за заложенный ранее карабин. Оба сержанта были пьяны, вспыхнула ссора, Грельс ударил Фалька по щеке и позвал сражаться на улицу. Там они схватились на шпагах, и Петр ударом в сердце лишил жизни своего противника. Убийцу арестовали, и началось долгое следствие, во время которого Фальк оправдывался тем, что убил «без хитрости со пьяна, не ведая государева указа, чая как и в иных землях вызываются на поединок». В тюрьме о Фальке надолго забыли. Спустя более чем три года, 28 ноября 1640 г., он обратился со слезной просьбой к царю: «Пожалуй меня бедного, вели государь меня крестить в православную крестьянскую веру, чтоб мне бедному холопу твоему, сидя на чепи и в железах, в неверии голодной смертью не умереть, и в том свой царский указ учини. Царь государь, смилуйся, пожалуй!» Этот крик остался без ответа, и спустя еще два года на Масляной неделе 1642 г., просидев пять лет в тюрьме, Петр Фальк скончался¹.

Жили в слободе и русские служилые люди — дворяне и подьячие. От тягла были освобождены и мастера Оружейной палаты (всего — 17 дворов). Среди них встречаются имена прославленных русских оружейников. Самый известный из них — муромец Никита Давыдов, приглашенный в Москву в 1613 г. оружником М.М. Салтыковым и назначенный старшим мастером Оружейной

¹ Эксин Ю.М. Дуэль в Московии 1637 года // Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1997. С. 456-463.

палаты. Мастер работал над доспехами и оружием, предназначавшимися для самого царя. Он создал шлем (1621 г.) и шишак (до 1639 г.) царя Михаила Федоровича, латы (1630—1650-е гг.), наручи (1663 г.), «зерцальный» доспех царя Алексея Михайловича (оценен в 1000 рублей), отличающиеся высочайшим качеством работы и великолепной парадной отделкой. Сохранилось и огнестрельное оружие работы Никиты Давыдова — дробовая пищаль, нарезная пищаль, пара нарезных карабинов, нарезной карабин, гладкий карабин, пара гладких карабинов, четыре пары пистолетов. В 1664 г. мастер отошел от дел и принял монашеский постриг¹.

Крупным мастером был ювелир Третьяк Алексеевич Пестриков, работавший в Оружейной палате в 1620-х гг. Им были изготовлены фигура «вола припадного», нательный крест с чернью и камнями для крещения князя Я.К. Черкасского, золотой ковш царя Михаила Федоровича и другие изделия.

Среди тех, кто нес в слободе «государево тягло», больше всего мастеров, занимавшихся изготовлением одежды, — портных, шапочников, Красильников. Среди тяглых дворов упоминаются жилища кузнецов, сабельников, бронников, денежных мастеров — они сохраняли традиционный для слободы уклад жизни. Помимо этого, в Бронной слободе жили ремесленники и торговцы различных специальностей, которые встречаются и в других районах Москвы. В число тяглецов были записаны и трое нищих, владевших дворами в Бронной слободе. Как можно видеть, правительство не делало поблажек для тех, кто «кормится Христовым именем», хотя духовенство и клир от тягла, естественно, освобождались.

Неравномерное распределение обязанностей и неудачные эксперименты в налоговой сфере, которые проводило правительство боярина Б.И. Морозова при молодом царе Алексее Михайловиче, привели к оскудению посадских людей в 1640-х гг., что стало еще одной причиной социального взрыва в 1648 г. Документы свидетельствуют, что недоимки с Бронной слободы в 1646 и 1647 гг. составили 348 рублей. В 1648 г. приказным приставам удалось выбить из должников только 100 рублей. Возможно, устав бороться с недоимками, Приказ Большого дворца, в ведении которого находилась слобода, инициировал ее передачу в ведение Оружейной палаты в 1649 г.

¹ Шокарев Ю.В. Русское оружие. Мастера и фирмы. М., 2005. С. 170.

Оружничий Григорий Гаврилович Пушкин, сын известного деятеля Смутного времени, уделял большее внимание слободе, нежели его предшественники. При нем на службу в Оружейную палату были приняты мастера и кузнецы, проживавшие в слободе. Происходил и обратный процесс — в слободу переселялись служащие Оружейной палаты и иных учреждений, подведомственных оружнику. Возможно, Пушкин намеревался сделать слободу целиком ведомственной и обеленной.

Нормальный ход развития слободы прервала страшная эпидемия чумы, охватившая Москву в 1654 г., вслед за которой последовал новый всплеск в 1656 г. Перепись 1663—1665 гг. показывает, что «моровое поветрие» имело катастрофические последствия для слободы. По подсчетам М.Ю. Романова, жертвами эпидемии стали более 80 процентов жителей Бронной слободы. Излагая судьбы слобожан, перепись бесстрастно фиксирует трагический конец многих семейств: «Двор Афонки Иванова сына бобровника, а у него был племянник Ганка — померли в моровое поветрие... Двор тяглой Максимка Степанова сына, шапошника, у него сын Федька. Максимко умре в моровое поветрие, а сын Федька пострижен в Новинском монастыре... Двор Захарка Левонтьева, у него было детей Васка да Родька — в моровое поветрие померли... Двор Оски Ивановна сына, огнившика — в моровое поветрие умре... Двор Гришки Петрова сына, конского барышника, у него был сын Юшка — померли в моровое поветрие...» Многие дворы лежали «в пусте», другие были сожжены из опасения распространения заразы.

Всего в 1665 г. в Бронной слободе было 224 двора, из которых пустых — 41. Более ранние переписи свидетельствуют о сокращении количества дворов. В 1634/35 г. в слободе было 267 дворов, в 1654 г. — 247 дворов. Эпидемия чумы привела к сокращению количества тяглецов и дальнейшему проникновению в слободу беломестцев. Если в 1634/35 г. в слободе было всего 33 обеленных двора, то в 1654 г. их стало 44, а в 1665 г. — 77. Все больше и больше представителей привилегированных сословий проникают на территорию Земляного города, вытесняя тяглецов со слободских земель. Переписная книга свидетельствует о том, что тяглые люди сами стремились всеми путями изменить свой статус — уходили в стрельцы, в «вольные казаки», трое тяглецов были призваны на военную службу во время русско-польской войны 1654—1667 гг. В результате этой войны

в слободе появились мастера-белорусы, принятые на службу в Оружейную слободу, — оружейники, резчики по кости, мастера серебряного дела, живописцы и иконописцы.

По-прежнему в слободе было много ремесленников разных специальностей, кормившихся плодами своих рук, а не государевым жалованьем. Согласно подсчетам М.Ю. Романова, больше всего среди них было мастеров, занимавшихся пошивом одежды, торговлей тканями и готовой одеждой, — пятнадцать. Мастеров серебряного дела и торговцев серебряными изделиями в слободе проживало 13 человек. Столько же было и торговцев товарами домашнего обихода, они торговали в иконном, коробейном, лапотном, мыльном, сенном, щепетинном рядах, а также «походячим» торгом. Почти столько же (двенадцать) торговали съестным в луковом, мучном, мясном и овощном рядах. 11 мастеров изготавливали металлические изделия и торговали ими, пять являлись кожевниками, пять — оружейниками. Два слобожанина были извозчиками, по одному в слободе были представлены каменщик, плотник, дегтярь, конский барышник.

В числе жителей слободы упоминаются известные имена. Потомственный слобожанин, сын ствольного мастера, Иван Артемьевич Безмин остался сиротой в 12 лет в 1661 г. Видимо, за заслуги отца он был взят на службу в Оружейную палату, где делал восковые свечи. Талантливому мальчику удалось выдвигаться, и в 1662 г. его взяли учеником живописца С. Лопуцкого. Затем Безмин учился у голландца Д. Вухтерса, а с 1670-х гг. начал работать самостоятельно, расписывая церкви и дворцы, создавая иконы. Ему принадлежат два портрета царя Алексея Михайловича. В 1679 г. за художественный талант И.А. Безмин был пожалован в чин дворянина московского (видимо, сказалось и то, что его отец по происхождению был шляхтичем) и получил денежный оклад 65 рублей 23 алтына и 2 деньги. Позднее он стал получать вместо дворцового питья и корма дополнительно 50 рублей в год «против Симона Ушакова». В 1686 г. Безмин попал в опалу и сослан в Козлов из-за того, что отказал царице Наталье Кирилловне «списать персону» ее умершего брата боярина Л.К. Нарышкина. Но вскоре опала была снята, и Безмин проработал в Оружейной палате до смерти, которая наступила между 1696 и 1701 гг.¹

¹ *Словарь русских иконописцев XI—XVII вв.* / Ред.-сост. И.А. Кочетков. М., 2003. С. 82.

И.А. Безмин. Портрет царя Федора Алексеевича. 1678 г. (?)

Появление в слободе выходцев из белорусских и украинских земель повлекло за собой перемены в ее культурной жизни. Создание каменного храма во имя Иоанна Богослова началось в слободе в 1652 г. Обрушившееся на Бронную слободу «моровое поветрие» остановило процесс строительства, которое возобновилось только в 1662 г. К 1665 г. церковь была завершена и началось ее украшение. В иконостасе храма особое место заняла престольная икона, которую подарил царь Михаил Федорович. Однако полностью обустроить храм жителям слободы было не под силу, и они просили государя пожертвовать в храм богослужебную утварь. В 1667 г. прихожане обратились к царскому духовнику Андрею Савинову, сообщая ему о намерении открыть при храме училище «славянской грамматики». Опасаясь встретить разного рода препятствия, слобожане рассчитывали на покровительство влиятельного книжника, и оказались правы. Большую помощь оказал своим землякам и Симеон Полоцкий, начинавший в это время входить в силу при дворе. В 1668 г. вселенские патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, находившиеся в Москве по случаю суда над патриархом Никоном, направили в церковь Иоанна Богослова сразу две благословенные грамоты. Греческие иерархи посылали свое благословение прихожанам, украсившим свой храм «киевского обычая прекрасным великолепием», разрешали духовенству облачаться в одеяние «греческого обычая», а хору петь по «киевскому обычаю» и на греческом языке. Также благословляли патриархи и намерение создать школу «греческого и славенского языка».

Духовенство церкви Иоанна Богослова как нельзя лучше подходило для осуществления этих планов. В 1669 г. настоятелем слободского храма стал протоиерей Иван Андреевич Шматковский, бывший ранее настоятелем Троицкого собора города Глухова. Тогда же певчим в храме служил Иван Федорович Волошеинов, который впоследствии был переведен в храм Мещанской слободы и получил известность как учитель слободской школы и знаток «комедийного искусства». По-видимому, они и являлись учителями школы при церкви Иоанна Богослова. После того как в 1671 г. Шматковского сменил другой священник — Иоанн, деятельность школы, по-видимому, прекратилась. В 1695 г. упоминается богадельня при храме.

Второй приходской храм — Рождества Христова — носил также наименование «в Старых Палачах». Впоследствии оно при-

обрело форму «в Старых Палашах», а близлежащий переулок получил название Палашевского. Версия о том, что здесь жили мастера, изготавливавшие палаши (прямые кавалерийские сабли), явно несостоятельна, поскольку в документах XVII—XVIII вв. прослеживается только один вариант — «в Старых Палачах». Несмотря на сомнения М.Ю. Романова, следует признать, что здесь располагалась слобода палачей. К XVII в. она прекратила свое существование и ни одного представителя этой профессии в приходе храма Рождества Христова не встречается.

О московских палачах в источниках сохранились разрозненные свидетельства. Известно надгробие 1591 г. (в литературе предлагается также чтение — 1551 г.) палача Марка Никитина. Любопытно также указание лейб-медика царя Алексея Михайловича англичанина С. Коллинса, который пишет: «Должность палача наследственна, и он учит детей своих сечь кожаные мешки». Представляется, что в существовании слободы палачей нет ничего невозможного, что вполне допускали такие знатоки древней Москвы, как А.А. Мартынов, И.М. Снегирев и П.В. Сытин¹.

В Бронной слободе существовал и еще один храм — во имя Воскресения Христова. Об этой церкви известно мало. В документах 1642 г. она упоминается как «новоприбылая», каменный храм был выстроен в 1680—1690 гг. В 1935 г. эта церковь была разрушена.

В ДВОРЦОВЫХ КОРМОВЫХ СЛОБОДАХ

С восточной стороны к Бронной слободе примыкала Патриаршая слобода, о которой уже говорилось выше. Святой патриарх Гермоген выстроил здесь церковь во имя своего покровителя — священномученика Ермолая, давшую название современному Ер-

¹ *Карийский Н.М.* Русская надпись XVI в. с именем Марка, сына палача // Труды Секции археологии Институт археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук: В.А. Городцову к сорокалетию юбилею научной деятельности. М., 1928. Т. 4. С. 268—278; *Коллинс С.* Указ. соч. С. 210; *Мартынов А.А., Снегирев И.М.* Москва: подробное историческое и археологическое описание города: В 2 т. М., 1875. Т. 1. С. 181; *Сытин П.В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959. С. 228. А.А. Мартынов и И.М. Снегирев также указывают на церковь Святого Георгия в Палачах и Палачевский переулок в Мещанской слободе.

молаевскому переулку. В 1683—1684 г. при патриархе Иоакиме здесь было устроено три пруда, которые получили наименование Патриарших прудов. Позднее два из них были засыпаны, однако древнее наименование сохранилось и по сей день. К Патриаршим прудам примыкала местность с говорящим названием Козье болото. Отсюда вытекал крупнейший московский ручей — Черторый, который проходил под стенами Белого города и впадал в реку Москву. Притоком Черторыя была речка Сивка, образовавшая Сивцев вражек (овражек).

Эти земли, протянувшиеся на западе Москвы от Патриарших прудов и верхнего течения Черторыя, были заняты по преимуществу дворцовыми слободами. Значительную часть из них составляли кормовые слободы, жители которых работали для обеспечения изобильного царского стола. Кормовые слободы занимали все пространство между Никитской улицей и Арбатом (Смоленской). Память о них сохранили современные наименования переулков — Хлебный, Столовый, Ножевой, Скатертный, Поварская улица. Переписи Москвы XVII в. демонстрируют все разнообразие поварских специальностей местных жителей. В 1668 г. здесь жили повара, сытники, хлебники, укусники, помясы (мясники), винокуры, браговары, курятники, коровники, пивовары... Ножевники, скатертники и бочары занимались посудой и кухонной утварью. Немало здесь проживало и других дворцовых служителей — истопники, ключники, сторожа, сокольники, дрововозы, певчие. Среди них упоминается «накрачей» Иван Григорьев сын Кузовлев. Он был музыкантом и играл на накрах — ударном инструменте восточного происхождения, керамических литаврах¹.

Как и везде, в кормовых слободах проживали также дворяне, служилые люди (особенно много встречается солдатских дворов), приказные и дворовладельцы иных профессий. Однако дворцовые служители, и прежде всего занимавшиеся обеспечением царского двора продовольствием, преобладали. Ведал этими людьми Приказ Большого дворца, в составе которого находились Сытный дворец, Кормовой дворец и Хлебный дворец. В 1701 г. в нем служили 532 человека, среди них — 69 поваров, 69 хлебников, 44 помяса, 22 укусника, 8 коровников, 7 кислошников, 9 куретников, 4 винокура, 6 браговаров, 8 квасоваров и др. Вероятнее всего,

¹ *Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. ...* Стб. 1 — 13; 145—152.

большинство служителей этого приказа жили в кормовых слободах между Никитской и Арбатом.

Рядом с кормовыми слободами находились и другие поселения дворцовых служителей. Так, современный Трубниковский переулок, протянувшийся от Арбата до Большой Никитской улицы, обязан своим происхождением Трубничьей слободе. В свою очередь, чем занимались трубники, населявшие эту слободу, не вполне ясно. А.А. Мартынов полагал, что трубники были печниками, чистильщиками труб. С ним был согласен и П.В. Сытин, который писал, что здесь жили не только печники и трубочисты, но также «мастера казенных соляных варниц в XVII в. на Девичьем поле, выкачивавшие трубами раствор соли из земли». Таким образом, ученый свел в одну слободу мастеров разных специальностей, но называвшихся одинаково. Но было и другое значение слова «трубник» — трубач. Описывая индийских бояр, Афанасий Никитин писал: «А все их носят на кровати своей на серебряных, да пред ними водят кони в снастях золотых до 20: а на конех за ними 300 человекъ, а пеших пятьсот человекъ, да трубников 10 человекъ, да нагарниковъ 10 человекъ, да свирелников 10 человекъ». Нагарники — это уже упоминавшиеся выше накрачи (накры входили в состав «трубничьей рухляди»). Трубники, дворы которых часто встречаются в переписи 1665 г. по соседству с двором накрачея Кузовлева, вполне могли быть царскими трубачами. Здесь же находился и «двор государев съезжий трубного ученья». Надо ли было учить трубочистов? Скорее он предназначался для музыкантов-трубачей¹.

Неподалеку от Трубничьей слободы находились царские Кречетный и Псаренный дворы, обслуживавшие государеву охоту. Местная церковь во имя Иоанна Предтечи «у Кречетного двора» впервые упоминается каменной в 1657 г. Ныне на ее месте — Дом Морфлота, выходящий на угол Нового Арбата и Новинского бульвара. Трубничью слободу окружали три стрелецкие слободы. Еще три стрелецкие слободы были расселены в южной части Земляного города, у Арбатских и Чертольских (Пречистенских) ворот. Такая концентрация стрелецких слобод здесь вполне объяснима — западное направление справедливо в XVII в. считалось

¹ *Мартынов А.А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1888. С. 212; *Сытин П.В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. С. 303; Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. ... Стб. 1—4.

более опасным, нежели восточное. В 1618 г. отсюда наступал на Москву польский королевич Владислав, намеревавшийся саблём взять московский трон, обещанный ему Семибоярщиной.

Между Никитскими и Арбатскими воротами, за Земляным валом располагался Новинский монастырь, основанный митрополитом Фотием. Главный собор монастыря был посвящен празднику Введения во храм Пресвятой Богородицы. Монастырь был митрополичьей загородной резиденцией и часто назывался Владычным Новинским. В XV—XVII вв. монастырь был одним из богатейших в Москве, он имел развитое хозяйство, обширные конюшни и обслуживал нужды митрополичьего, а потом патриаршего двора.

В этой обители 26 декабря 1540 г. великий князь Иван IV Васильевич вместе с митрополитом Иоасафом встречали два чудотворных образа, явленных в городе Ржеве в 1539 г., — Ржевскую икону Богоматери и список с Оковицкой Ржевской иконы Богоматери. Иконы некоторое время находились в монастыре, потом были перенесены в Успенский собор Кремля, позднее переданы в храмы Ржевской иконы Божией Матери на Поварской и у Пречистенских ворот. В память встречи икон в монастыре была построена церковь Похвалы Богородицы, потом снесенная, но престол ее был перенесен в придел Введенского собора. В 1565 г. в монастыре во время пожара сгорела первая деревянная Введенская церковь, которую в том же году возобновили в камне. При патриархе Иоакиме Введенский собор подвергся перестройке и приобрел черты, характерные для московского узорочья XVII в. На рубеже XVII—XVIII вв. в монастыре находилось четыре храма, много жилых и хозяйственных построек, территория была окружена каменными стенами с башнями по углам.

Еще один монастырь — Федоровский — находился на другом конце Никитской улицы, за Никитскими воротами Белого города. Он был основан патриархом Филаретом в ознаменование своего освобождения из польского плена. Когда 14 июня 1619 г. владыка возвращался в Москву, сын-государь встречал его на Пресне, за стенами города, далее шествие двигалось по Никитской улице, а духовенство встречало патриарха крестным ходом у стен Белого города за Никитскими воротами. Видимо, эти обстоятельства и повлияли на выбор места будущей обители. В память о том, что он находился в заточении в Смоленске, патриарх Филарет дал обет устроить мужской монастырь во имя Смоленской

иконы Божией Матери. Осветили новую церковь 1 февраля 1627 г.: главный престол — в честь Смоленской иконы Божией Матери, придел — во имя преподобного Феодора Студита, располагавшийся в трапезной.

Документы патриаршей канцелярии сохранили подробности того, как создавался этот монастырь, — иконописец Назарий Истомин писал для него иконы, завершалась отделка храма, в сусальном ряду купили подсвечники, в иконном «променяли» деревянный напестольный крест. Из патриаршей домово́й казны и с Печатного двора в новую обитель поступили богослужебные книги. Часть книг была куплена у торговцев овощного ряда. В котельном ряду купили «в церковь сосуды церковные потир, блюдца и копье и лжица», укропник медный и два деревянных ковшика, а позднее — два колокола и паникадило; в железном ряду приобрели крест на Святые ворота. Были куплены также «ризы миткальные», «оплечье бархательное», «стихарь полотняной», «поручи бархателные», пошиты хоругвь и «пелены комчатые». Плотник Никита Онофриев с товарищами огородили монастырь «заметом», поставив 50 прясел. Работы по организации обители проводились с 6 сентября 1626 г. по 8 апреля 1627 г. Их заключающим аккордом стал сбор братии в монастырь. Из Новоспасского монастыря были взяты шесть черноризцев и переведены «с рухлядью» в Федоровский монастырь, а из Симонова монастыря в обитель привезли «нищего старца». Обустройство монастыря продолжалось и далее, из патриаршей казны неоднократно выдавались средства на платье, посуду, бытовые предметы. Так, 6 марта 1629 г. старцы купили за 8 денег бадью с веревкой, «черпати вода из колодезя», а 6 августа за 5 алтын — «доску сосновую, на чем капусту сечи про братию на шти»¹.

В XVII—XIX вв. монастырский собор неоднократно перестраивался, но во время реставрации 1990-х гг. ему был придан первоначальный облик. По приделу наименование Федоровского закрепилось за всем монастырем. Как и Новинский монастырь, Федоровский был домовым патриаршим и после упразднения патриаршества пришел в упадок. В 1709 г. обитель упразднили, братию перевели в Новинский монастырь, а церковь стала приходской. В 1729 г. в ней крестили А.В. Суворова, который и позднее оставался ее прихожанином и даже пел на клиросе.

¹ *Материалы...* Т. 1. Стб. 653—658.

От Федоровского монастыря к Арбату тянулась Матрюкина улица (она же — Мамстрюков переулок). Ее название связано с существованием здесь загородного владения боярина и князя Д.М. Черкасского. После кончины Черкасского его двор был продан, а деньги розданы на помин души князя. Перепись 1670 г. отмечает здесь полтора десятка дворов, один из которых, принадлежащий стольнику Самсону Емельяновичу Бутурлину, находился на месте современного дома по Никитскому бульвару, 7а, в котором прожил последние годы и скончался Н.В. Гоголь¹. Соседний с этим владением переулок к XIX в. приобрел более привычное для русского слуха наименование Мерзляковский, под которым существует и поныне.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АРБАТ

Арбат впервые называется в летописи в 1475 г., когда в этом районе сгорел двор окольничего Никифора Басенкова, сына Федора Басенка, видного деятеля эпохи Василия II. Двор находился напротив Кремля, в районе позднейшей Воздвиженки, которая и в XVII в. часто именовалась Арбатом. Следующее упоминание встречается спустя 18 лет при описании страшного пожара, начавшегося от церкви Николы на Песку. Историки Москвы определяли ее местоположение на Арбате, связывая с известным храмом XVII в. Николая Чудотворца на Песках, однако М.Н. Тихомиров установил, что так в XV в. именовался храм в Замоскворечье, позднее получивший название Никола на Берсеневке. 28 июля «загореся церковь от свечи святых Никола на Песку, и в том часе воста буря велия зело, и кинуло огонь на другую сторону Москвы-реки ко Всем Святым, а оттоле на Неглиму, к Егорию Святому каменной церкви; и в том часе воста буря, и нечислено нача горети во многих местах...». Пожар 1493 г., начавшийся от «копечной свечи», был одним из крупнейших: «...Летописец и старые люди сказывают: как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал»². Он начался за рекой, потом огонь пере-

¹ Шокарев С.Ю., Ястржембский Д.А. «Он жил тогда на Никитском бульваре...» М., 2012. С. 16-24

² ПСРЛ. Т. XII. С. 237; Шмидт С.О. Арбат в истории и культуре России // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 173-174.

кинулся в район Чертолья, охватил Арбат, Занеглименье, Кремль и Великий посад. В числе храмов, пострадавших от пожара, упоминается церковь Бориса и Глеба на Арбате.

В XV—XVI вв. Арбатом (Орбатом) называли довольно значительный район в Занеглименье, от самой Неглинной до городских границ, вплоть до Новинского монастыря. Главная улица в этой местности именовалась (в пределах Земляного города) Арбатом, Смоленской и Воздвиженкой. Царский указ 1658 г. предписал закрепить за ней название Воздвиженка, однако ее по-прежнему звали Арбатом вплоть до XVIII в., когда две ее части получили разные имена: от Кремля до Арбатской площади у одноименных ворот Белого города протянулась Воздвиженка, далее до границ бывшего Земляного города — Арбат.

Название Арбат имеет несколько объяснений. Историк князь М.М. Щербатов полагал, что оно происходит от восточного слова «арба». И.Е. Забелин выводил этот топоним от русского слова «горбат». В.К. Трутовский связывал Арбат и арабское «рабад», «рабат» — предместье. Есть и другие гипотезы, с разной степенью убедительности объясняющие это странное название, однако ни одна из них не является окончательной¹.

В XVII в. к Арбату с обеих сторон примыкали слободы. У начала улицы с правой стороны размещалась черная Арбатская четверть сотни, с левой — дворцовые Иконная и Царицына слободы. Слободские храмы были освящены во имя Воскресения Словущего (с приделом Апостола Филиппа) и Афанасия и Кирилла Александрийских. Церковное предание гласит, что храм Воскресения в XVI в. находился на загородном дворе митрополита Филиппа (Колычева), осмелившегося обличать кровавые злодеяния Ивана Грозного и убитого по приказу царя.

Впервые эта церковь упоминается в источниках в 1631 г. как церковь Иконной слободы. В 1688 г. на средства стольника Ивана Косьмина было выстроено каменное здание храма и шатровая колокольня. Храм во имя Афанасия и Кирилла Александрийских был основан в XVI в. как подворье Кирилло-Белозерского монастыря. В Смутное время храм был сильно разрушен и долго не восстанавливался. В конце XVII в. выстроили каменное здание церкви, причем с 1681 г. главным являлся престол во имя Спаса Нерукотворного Образа. К наименованию храма в Сред-

¹ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 175—178.

**Церковь Николая Явленного на Арбате.
Фотография из «Найденовского альбома». 1881 г.**

ние века прибавляли «на Сивцевом вражке» — река Сивка протекала непосредственно за дворами Царицыной мастерской слободы по линии современного переулка Сивцев Вражек.

Украшением улицы являлась великолепная церковь Николая Явленного на Арбате, построенная в 1600 г. «повелением царя и великого князя Бориса Федоровича»¹. Она была приходской для части стрелецкой слободы, располагавшейся по правую сторону улицы, за дворами Арбатской черной четверти сотни. Одноглавый храм с тремя ярусами кокошников получил посвящение по «явленному» образу Николая Чудотворца. В 1689 г. у него появилась каменная шатровая колокольня. В 1696 г. патриарх Адриан отпевал в этом храме окольничего Ивана Ивановича Чаадаева — видного дипломата, предка «басманного философа» П.Я. Чаада-

¹ 11СРЛ. Т. XXXIV. С. 202-203.

ева. Позднее, в XIX в., этот храм славился особой красотой своего звона. Один из его колоколов был пожалован церкви царем Михаилом Федоровичем в 1638 г. В правление этого государя здесь появился придел, посвященный его святому покровителю — преподобному Михаилу Малеину. В Арбатской стрелецкой слободе стояли еще два храма — Николая Чудотворца и Спаса Преображения, оба именовавшиеся также «на Песках». По другую сторону улицы, в дворцовой Плотничьей слободе, находился еще один Никольский храм — Николы в Плотниках, — что дало Арбату еще одно, поэтическое наименование — «улица трех Никол» или «улица святого Николая».

За Сивцевым вражком вплоть до Пречистенки располагались дворы царской Конюшенной слободы. Здесь же стояла церковь Святого Власия, считавшегося покровителем домашней скотины (другой слободской храм был освящен во имя Иоанна Предтечи). Как мы помним, юго-западная часть города издревле была связана с великокняжеским, а затем и царским конюшенным хозяйством.

Низкий правый берег Москвы-реки к западу от Кремля (как и Васильевский луг) в древности был занят покосами, отчего и произошло название этой местности — Остожье, а позднее и улицы Остоженка. В XII—XIII вв. по будущей Остоженке шла дорога на Киев (с XIV столетия этот путь пошел по Арбату через Смоленск). В XIV в. местность Остоженки занимало село Семчинское (Семцинское), упоминаемое еще в духовной грамоте Ивана Калиты. Память о нем сохраняла в XVII в. стоявшая на Остоженке церковь Успения Богородицы «в Семьценском селе». Неподалеку от нее на берегу реки у стены Земляного города располагался государев Конюшенный острожный двор. Рядом находились еще две слободы царских конюхов — на Остоженке и за Пречистенскими (Чертольскими) воротами Земляного города.

По обе стороны Пречистенки тянулись дворы двух стрелецких слобод, а за стеной Земляного города — обширная казенная Хамовная слобода, населенная мастерами Хамовского двора, одной из первых московских ткацких мануфактур. Центром слободы была великолепная церковь Николая Чудотворца в Хамовниках, сохранившаяся до наших дней (построена в 1679—1682 гг.). В стрелецких слободах были расквартированы полки Афанасия Ивановича Левшина и Ивана Дмитриевича Зубова. Фамилии этих командиров дали прибавки к наименованиям слободских

храмов: Покрова Богородицы в Левшине, иконы Божией Матери Знамение и Живоначальной Троицы в Зубове, а в настоящее время они сохранились в названиях Большого и Малого Левшинских переулков, Зубовского бульвара и площади.

Переписи 1669 и 1676 гг. показывают, что эта местность, как и Арбат, была населена дворцовыми служителями, в первую очередь конюхами. Встречаются здесь также трубники, накрачеи, сурначеи (игравшие на духовых музыкальных инструментах — сурнах или зурнах), сытники, бараши, подключники, истопники, сторожа, певчие, стряпчие, ремесленники разных специальностей, дворяне и приказные (в основном дворцовых приказов)¹.

В конце XVII в. Пречистенка и Остоженка стали заселяться крупными вельможами, возводившими здесь каменные хоромы. Два таких памятника сохранились до настоящего времени — Белые палаты и Красные палаты. Первые были поставлены (1685—1688) по заказу боярина князя Бориса Ивановича Прозоровского (1661—1718) и перестроены (1712—1713). Хоромы Прозоровского (современный адрес — Пречистенка, дом номер 1) представляют собой обширные двухэтажные палаты «на погребках» Г-образной формы, в отличие от большинства других палат того времени, не укрытые в глубине двора, а ориентированные на проезжую часть улицы. В центре здания находилась арка, выведившая в парадный внутренний двор.

Владелец палат известен своей драматической судьбой. Его отец, князь Иван Семенович, был воеводой в Астрахани с 1666 г. Во время восстания Степана Разина он пытался организовать оборону города, но казаки захватили Астрахань, а князя схватили и жестоко умертвили. Его сына Бориса по приказу Разина подвесили за ноги на городской стене и истязали. Он чудом остался жив и впоследствии стал стольником, а с 1682 г. — боярином, управлял Царицыной мастерской палатой, был воеводой в Великом Новгороде (1692—1697). С 1687 г. он владел селом Борисовским, известным также как Зюзино. Ныне это район Москвы.

Другой памятник, Красные палаты, находится на стрелке Пречистенки и Остоженки. Их возвели в 1680-х гг. для боярина Бориса Гавриловича Юшкова (7—1713), бывшего «дядьки» царевича, а затем — царя Ивана V. Дом Юшкова на Остоженке — двухэтажное величественное здание, первоначально имевшее еще

¹ *Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг....* Стб. 89—96, 202—220.

Зачатьевский монастырь.

Фотография из «Найденковского альбома». 1881 г.

один — деревянный — этаж. Внизу располагались хозяйственные помещения, второй этаж предназначался для приемов, третий был жилым. Соединяла их винтовая лестница. Здание выходило торцом на Остоженку, а лицевым фасадом, декорированным пышными наличниками, было обращено к Чертольским воротам Белого города.

В этой же части города находился один из древнейших женских монастырей Москвы — Зачатьевский. Согласно преданию, он был основан митрополитом Алексием Московским, а его первыми насельницами стали сестры святителя, преподобные Иулиания и Евпраксия. Возможно, уже в древности деревянная соборная церковь обители была освящена в честь Зачатия праведной Анны, но по престолу во имя преподобного Алексия человека Божия монастырь именовался Алексеевским. Так он упоминается в летописи под 1473 г. Называли монастырь также и Стародевичьим, как старейший девичий монастырь в Москве. В 1514 г. Алевиз Фрязин построил здесь каменный храм во имя преподобного Алексия человека Божия.

После московского пожара 1547 г. (по другим данным — 1514 или 1571) монастырь перенесли на новое место — в урочище Чертолье, где он просуществовал под именем Алексеевского до 1837 г., когда его постройки разобрали в связи с начавшимся строительством в этой местности храма Христа Спасителя, а насельницы были переведены в Красное Село. После этого место монастырской обители на некоторое время оказалось в запустении. Возрождение монастыря началось при царе Федоре Ивановиче. Государь, не имевший детей, в 1584 г. в заброшенной обители выстроил по обету храм в честь Зачатия праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. Монастырский собор получил также приделы во имя великомученика Феодора Стратилата и мученицы Ирины (святых покровителей царя и царицы Ирины Федоровны, урожденной Годуновой) и трапезный храм Рождества Богородицы. В Смутное время обитель была разорена и при царе Михаиле Федоровиче восстановлена. В последней трети XVII в. в монастыре велось большое каменное строительство. В 1696 г. на средства стольника Андрея Леонтьевича Римского-Корсака на месте надвратной часовни был возведен храм в честь Спаса Нерукотворного Образа.

В советское время монастырь был уничтожен, а на месте собора поставлена школа. В 1995 г. обитель была возрождена, а в 2006—2010 гг. сооружен собор Рождества Богородицы. В его подземелье открылся церковно-археологический музей, в котором выставлены экспонаты, обнаруженные во время предшествовавших строительству раскопок: средневековые надгробия, фрагменты деревянных срубов, монеты, сосуды и т. д. Археологические работы на территории Зачатьевского монастыря под руководством Л.А. Беляева подтвердили существование на этом месте древней обители XIV в.

Часть седьмая ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ, ИЛИ «СТРЕЛЕЦКИЙ ГОРОД»

В СТРЕЛЕЦКИХ СЛОБОДАХ

Замоскворечье, именовавшееся чаще Заречьем, в конце XVI—XVII в. входило в границы Земляного города, однако чаще всего воспринималось как отдельная часть Москвы. Это было вызвано и его удаленностью и особенностями местного уклада. Обширная местность за рекой Москвой, к югу от Кремля стала заселяться позднее других частей Москвы из-за постоянной угрозы ордынских и крымских набегов. С этим связана и бедность этого района в Средние века (каменные храмы появляются только во второй половине XVII в.; исключение — монастырская церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи под Бором, выстроенная Алевизом Новым), и обилие военных слобод (стрелецких и казачьих).

Основная дорога, проходившая через Замоскворечье, именовалась Ордынской (ныне — улицы Большая и Малая Ордынка). С татарским влиянием связаны и другие топонимы этой местности — улица Балчуг, Большая Татарская улица, Толмачевский переулок. Здесь располагались слободы татар, а южнее, за пределами города, Крымский и Ногайский торговые дворы. Возможно, здесь находился Ордынский посольский двор. Не случайно именно в Замоскворечье в начале XIX в. была выстроена древнейшая в Москве мечеть.

Как и другие районы Москвы, Замоскворечье отличалось пестротой социального состава жителей. Со стрелецкими слободами соседствовали черные ремесленные и дворцовые. Добавлялось к этому и этническое своеобразие. После создания в 1652 г. Иноземной (Ново-Немецкой) слободы на Яузе только в Замоскворечье сохранились иноземные слободы, и не одна, а целых три — Панская, Татарская и Толмачевская (Толмацкая).

Впервые Заречье упоминается при описании крупного пожара 1365 г., известного как Всехсвятский, поскольку он начался от церкви Всех Святых. Еще в XIII—XIV вв. за рекой Москвой существовали села, которые можно проследить по более поздним источникам. К западу от современной Якиманки — Голутвино, рядом с ним — Колычево, в районе метро «Полянка» — Хвостово. Наименование последнего, в котором стоял храм во имя святых Петра и Павла (в XVII в. известен как «в старом Хвостове»), связывают с личностью московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. А.П. Хвост был активным политическим деятелем XIV столетия. Он боролся за должность тысяцкого с Вельяминовыми, вступил в конфликт с великим князем Семеном Гордым, но уже затем был прощен и в 1347 г. ездил за невестой московского государя в Тверь. В княжение Ивана Красного Алексей Хвост стал тысяцким. Однако его торжество было недолгим. Утром 3 февраля 1356 г. мертвое тело Алексея Петровича нашли на одной из московских площадей. Летописец отмечал: «Убиение же его дивно некако и незнаемо... неции же рекоша (некоторые говорили), яко втаю (в тайне) совет сотвориша и ков коваша на нь (на него), и тако всех общею думою, да яко же Андрей Боголюбивый от Кучкович, тако и сий от своя дружины пострада». Память о древнем Хвостовском селе (оно упоминается в духовной грамоте великого князя Василия I, составленной в 1423 г.) сохранилась в наименовании 1-го и 2-го Хвостовых переулков¹.

Превращение Замоскворечья в полноценную городскую территорию завершилось во второй половине XV в. Рассказывая о пожаре 1475 г., который произошел за рекой, летописец говорит: «И погоре дворов много». При описании пожара 1493 г. упомянута церковь Иоакима и Анны (в середине позднейшей Якиманки), по-видимому стоявшая тогда на городской окраине. Далее простирались луга, выгоны, огороды, пахотные поля. Венецианец Амброджио Контарини, посетивший Москву в 1476 г., сообщает, что на одной стороне реки Москвы «находится замок и часть города, на другой — остальная часть города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой». Рассказывая о рынке на льду, Контарини еще раз повторяет, что

¹ *Московская энциклопедия* / Под ред. С.О. Шмидта. М., 2012. Т. 1. Кн. 5. У-Я. С. 179-180.

застройка подступала к реке с двух сторон: «Место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра»¹.

Академик М.Н. Тихомиров указывал, что в XVI в. Замоскворечье было самым бедным и наименее благоустроенным районом Москвы. «Территория Замоскворечья, — писал он, — примыкавшая непосредственно к Китай-городу, называлась Балчугом, по правдоподобию предположению, от татарского названия «Балчуг», грязь. Поблизости от этой улицы находилось урочище «в Ендове», или в «Яндове», т. е. в яме. Непролазная грязь отделяла Замоскворечье от города и в других местах, оставив о себе воспоминание в названиях «болото», «за болотом». Крупнейшую ремесленную слободу в Замоскворечье называли Кадышевской слободой — «в Кадышеве», «что на грязи»².

Южная часть Москвы по-прежнему оставалась самой уязвимой во время татарских набегов. Видимо, этим было вызвано решение Василия III создать здесь слободу иноземцев-военных, о которой сообщает Герберштейн. «Далее, неподалеку от города заметим какие-то домики и заречные слободы (villae), где немного лет тому назад государь Василий выстроил своим телохранителям (satellites) новый город Nali; на их языке это слово значит «налей», потому что [другим] русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мед и пиво, а телохранителям одним только предоставлена государем полная свобода пить [и поэтому они отделены от сообщения с остальными, чтобы прочие не соблазнились, живя рядом с ними]»³.

С легкой руки Герберштейна наименование первой московской иноземной слободы Наливки (в Наливках?) прочно связывалось со льготой, предоставляемой иноземцам на производство и потребление спиртного. Флорентийский купец Джиованни Тедальди, неоднократно бывавший в Москве, сообщает: «В городе Москве существовало нечто вроде маленького городка, называемого Наливки, где жили католики, но без церкви; они приезжали в этот квартал с правом продажи вина, пива и прочего; что не дозволено самим москвитам...» Вторят Герберштейну и Те-

¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 157, 237; *Барбаро* и Контарини о России... С. 228—229.

² *Тихомиров М.Н.* Труды по истории Москвы / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. С. 340.

³ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 132.

дальди и другие авторы XVI в., например англичанин Джильс Флетчер, сообщающий, что в пожаре 1571 г. Москва была страшно опустошена «в особенности же на южной стороне города, где незадолго до этого царь Василий построил дома для солдат своих, позволив им пить мед и пиво в постные и заветные дни, когда другие русские должны пить одну воду, и по этой причине назвал новый город Нaleyка, то есть Наливайка»¹. Вероятно, после пожара Москвы 1571 г. эта слобода не возобновлялась, а поселение «немцев» сосредоточилось на Болвановке.

Историки Москвы склоняются к мнению, что наименование Наливки не имеет отношения к призыву налить спиртного, а происходит от слова «наливка», означающего рошу. В подтверждение этого приводилось одно из постановлений Стоглавого собора 1551 г.: «В первый понедельник Петрова поста в рощи ходят и в наливки бесовские потехи деяти. И о том ответ. Чобы православные хрестьяне в понедельник Петрова поста в рощи не ходили, и в Наливках бы бесовских потех не творили, и от того бы в конец престали, понеже то все еллинское бесование и прелесть бесовская, и того ради православным хрестьяном не подобает таковая творити»². Действительно, если судить по контексту, то и рощи и наливки были местом «бесовских потех», однако архимандрит Макарий (Веретенников) предположил, что составители Стоглава имели в виду конкретную иноземную слободу в Наливках в Москве, от дурного влияния которой и намеревались оградить христиан³. Круг замкнулся, а название Наливки так и осталось непонятным.

При иноземной слободе в Наливках существовало кладбище, на котором была погребена супруга полоцкого воеводы Станислава Довойны, взятого в плен в 1563 г. при захвате Полоцка и обменянного в 1567 г. на князя В.И. Темкина-Ростовского. Штаден сообщает, что после освобождения Довойна «велел выкопать тело своей супруги с немецкого кладбища за городом Москвой — Наливки — и увел его с собой в Польскую землю». Русские документы рассказывают о судьбе этого захоронения более подробно. Выясняется, что тело Петрониллы Довойны (урожденной княж-

¹ *Иностранцы о древней Москве*. С. 66; см. также: *Олеарий А.* Указ. соч. С. 150; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 306.

² *Емченко Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. М., 2000. С. 315.

³ *Макарий (Веретенников), архим.* Стоглавый Собор и Наливки // <http://www.sedmitza.ru/data/2011/04/03/1233681924/Makarii.pdf>

ни Радзивилл) должны были обменять на тело воеводы князя П.И. Шуйского, убитого в Ливонской войне. Царь дал свое согласие на обмен, и к марту 1569 г. Довойна «тело паньи своей... осмотрев и запечатав, в Смоленску оставил», ожидая согласия на этот обмен короля. В то же время в Литву отправился холоп Шуйских В. Булгаков, который тело князя Шуйского переложил в новый гроб и запечатал. Однако этот обмен, по всей видимости, не состоялся. Прибывший из Литвы 5 февраля 1570 г. В. Булгаков рассказал, что у короля «о теле княж Петрове (Шуйского. — *С. III*) рада была, и король и все паны литовские и лядцкие приговорили княж Петрово тело отдати и грамоту о том бискупу послали, и один виленский воевода да староста жемотцкий о том не прирадили, потому что Виленскому воеводе з Довойном недружба о именьях, а жемотцкий ему друг, и за то тело не отдали»¹.

Штаден также сообщает, что похоронил своего соотечественника — ливонского немца Каспара фон Эльферфельдта (Эльверфельдта), советника Ивана Грозного, скончавшегося во время чумной эпидемии. Согласно сообщению Штадена, Эльферфельдт велел соорудить себе кирпичный склеп «за городом и всеми ближайшими предместьями, где хоронили всех христиан, немцев и других». В 1989 г. во время земляных работ в районе Конной площади (между улицами Мытной и Шаболовской) было обнаружено надгробие с немецкой эпитафией К. Эльферфельдта, а также фрагменты других плит с немецкими надписями. Подобные находки обнаруживались здесь и ранее, в XIX в., по-видимому, с этого некрополя происходят и плиты с иностранными эпитафиями, использованные при строительстве стен Данилова монастыря. С некрополя древнейшего иноземного кладбища в Наливках происходят плиты с надписями на латыни, немецком, голландском, английском и итальянском языках. Эпитафии сообщают, что тут были погребены военные, купцы, переводчики, священнослужители².

¹ Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 221; *Сборник Русского исторического общества*. Т. 71. СПб., 1895. С. 599-602, 625.

² Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 365, 367; Беляев Л.А. Лицензиат при дворе Ивана Грозного (Надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве) // *Он же*. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996. С. 233-245.

С.В. Иванов. Стрельцы. 1908 г.

После учреждения стрелецкого войска в Замоскворечье были созданы стрелецкие слободы. К концу XVII в. в этом районе их было пять, что дало основание иностранцам называть Замоскворечье «Стрелецким городом» или «Стрелецкой слободой». Наиболее подробно повествует о стрелецких слободах за Москвой-рекой Б. Таннер: «Прямо против Кремля, на той стороне реки, лежит Стрелецкая слобода, населенная, как выше сказано, княжескими солдатами и разделенная, ввиду их многочисленности, на 8 кварталов; им только и позволяется иметь тут дома. Их обязанность — охранять великого князя; каждому из них из княжеской казны дается ежегодно и жалованье, и одинакового цвета одежда; престарелые и негодные на службу на княжеский же счет содержатся с женами и детьми во многих назначенных для того богаделнях до самой смерти. Так как для незнающих число их может показаться превышающим вероятие, то я счел лучше умолчать о нем; скажу только одно, что солдат, охраняющих г. Москву, свыше 50 тысяч. В то время, когда мне лично удалось видеть то, о чем я рассказываю (в июне 1678 года), для обороны от турок одного города Чигирина выставлено было войско в 200 000 человек, и когда из них погибло сто тысяч, то в короткое

время их опять стало столько же. Этот солдатский город крепок столько же силой и множеством воинов, сколько и своим положением. С одной стороны обтекает его полукругом р. Москва, с другой защищают двойным рядом стены. Он стоит оплотом г. Москве, ибо тут-то и происходили у москвитян схватки с татарами, с этой-то стороны и могли только вторгаться эти злейшие их враги. Кроме торговцев разными дешевыми товарами — чесноком, луком, хлебом, они никому не позволяют жить здесь с солдатами»¹.

Стрелецкие слободы располагались в южной, удаленной части Замоскворечья. Одна из них находилась у Калужских ворот Земляного города. Здесь в первой половине XVII в. был выстроен деревянный слободской храм во имя Николая Чудотворца, который к концу столетия по чтимой иконе получил название Казанской иконы Божией Матери. В 1701 г. сюда перевели из Кремля государев Житный двор, и храм получил наименование «что у Житного двора». Во второй половине XVII в. у Калужских ворот находились торговые лавки и «шалаши», принадлежавшие стрельцам соседней слободы.

П.В. Сытин характеризует внутреннее устройство стрелецких слобод таким образом: «Своеобразная форма управления была в стрелецких слободах. Центром административной и общественной жизни была Приказная изба, где сосредоточивалось управление и снаряжение полка. У этой избы на площади собирався народ, делались объявления, производился призыв, обучение. Подле Приказной избы обычно находилась стрелецкая караульная и церковь с кладбищем. Вокруг располагались линиями по улице и переулкам дворы, отражавшие размерами и застройкой социальный состав стрелецкого войска. Дворы полковника, назначавшегося исключительно из дворян, и сотского — из детей боярских, имели 12х12, 14х12 и 16х12 саженей. Размер же двора рядового стрельца равнялся 5х6 саженей. Внутри первых дворов поднимались высокие хоромы и стояли хозяйственные постройки; у рядовых стрельцов... ставилась вдоль линии улицы или переулка избенка окна в два, одна или с «сенишками», и на дворе — небольшая хозяйственная постройка»².

¹ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 68—69.

² *Сытин П.В.* История застройки и планировки... С. 107.

В 1628 г. приход Никольского храма состоял из стрельцов полка Даниила Юрьевича Пузикова. В 1613 г. этот полк был послан на службу под Смоленск, воевать с поляками. В середине столетия полком командовал Андрей Семенович Коптев, под началом которого стрельцы участвовали в русско-польской войне 1654—1667 гг., а в 1677 г. с командиром Борисом Степановичем Корсаковым стрельцы обороняли Чигирин от турецких войск. В 1680-х гг. полк возглавил стольник и полковник Илья Иванович Дуров, под командой которого стрельцы участвовали в Крымском походе 1698 г. Потери стрельцов в этом тяжелом походе составили 40 человек. В 1689 г. полк Дурова поддержал Петра I, отправив в Троице-Сергиев монастырь внушительную делегацию. Находился при царе и сам полковник, которому пятисотенный Исачка Борисов сообщал: «...В слободе твоего полка, дал Господь Бог, все смирно». Проявленная верность не спасла полк от расформирования, в январе 1700 г. часть стрельцов приписали к белгородскому посаду, остальных включили в солдатские полки В. Ельчанинова и того же И. Дурова. Соседняя стрелецкая слобода располагалась в уже известных Наливках. В 1641 г. стрельцы выстроили слободской храм во имя Спаса Преображения. В 1650 г. приход этого храма насчитывал 500 человек. Командовал стрельцами, жившими в этой слободе, Григорий Власьевич Остафьев. В 1671 г. под его командованием семь стрелецких сотен участвовали в штурме Астрахани, которую удерживали мятежные разницы. В 1698 г. слобода состояла из 319 дворов, из которых два двора принадлежали сотникам, два — пятидесятникам, 50 — вдовым стрельчихам, остальные — рядовым стрельцам¹.

Еще одна слобода располагалась на месте древнего села Хвостова. Ее главным храмом была церковь Петра и Павла в Хвостове (в Старом Хвостове), которую, как считал И.Е. Забелин, мог основать еще отец тысяцкого Алексея Петровича Хвоста в первой половине XIV в. Дворы этой слободы стояли по обе стороны Якиманки, и часть стрельцов являлись прихожанами соседних храмов — Рождества Богородицы в Голутвинной слободе и Благовещения Богородицы в Панской слободе. В 1650 г. пятисотенным полком командовал голова Иван Полтев. В это же время было возведено здесь каменное здание храма, которое, однако, оказалось непрочным. В 1713 г. духовенство этого храма

¹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 290—294.

сообщало, что церковь «весьма ветха и за ветхостию служить невозможно», а в декабре 1711 г. «в ночи средняя глава от ветхости внутри церкви пала, и от того паденья отлари и в трапезе стены разседались...». Перестроили храм только в середине XVIII в., но до наших дней он не сохранился. В 1671 г. под командованием Даниила Ивановича Логовчина стрельцы этой слободы участвовали в сражении за Астрахань, во время которого понесли большие потери — от «семисотного приказа» в строю осталось только шестьсот человек. Шведский военный агент капитан Э. Пальмквист сообщает, что парадная форма стрельцов полка Логовчина состояла из темно-коричневого кафтана с зеленой подкладкой, желтых сапог и зеленой шапки. В середине 1670-х гг. Логовчина сменил стольник и полковник Федор Васильевич Мещеринов, под командованием которого полк в 1682 г. нес службу в Астрахани. В бою с «юртовскими татарами» погибли 46 стрельцов. В том же году, охваченные общим брожением, стрельцы из Астрахани отправили выборных в Москву с челобитной, содержащей требование выплаты жалованья. Стрелецких посланников задержали в Тамбове, изъяли у них челобитную и другие бумаги, в том числе и письма стрельцов домой. В наказание за дерзость выборных было указано отправить на службу в Козлов, а полк Мещеринова вернули в столицу. В 1695 и 1696 гг. стрельцы участвовали в Азовских походах, после окончания которых были оставлены на службе в Азове. В 1700 г. полк расформировали, тех, кто владел ремеслами, приписали к азовскому посаду, остальных отправили в солдатский полк в Смоленск. В стрелецкой слободе опустели 370 дворов, духовенству местной церкви была выдана руга, которую было указано платить «покаместь на стрелецких дворах иных чинов жители будут»¹.

На Ордынке находилась слобода полка, впервые упоминающегося в 1635 г. Стрельцы были расселены на землях бывшей Кожевенной слободы, храм которых во имя Благовещения Пресвятой Богородицы стал стрелецким. Под командованием головы Василия Ивановича Философова этот полк принимал участие в русско-польской войне. В 1668 г. его возглавил стольник и полковник Богдан Клементьевич Пыжов (что примечательно — дальний потомок А.П. Хвоста). При нем полк сражался на

¹ Романов М.Ю. Указ. соч. С. 294—297; *Материалы...* Т. 1. Стб. 880; Т. 2. Стб. 524.

Украине и в Нижнем Поволжье против разинцев. В 1677—1678 гг. стрельцы находились на службе в Астрахани и были посланы против яицких казаков. При Пыжове в слободе завершили строительство нового каменного здания церкви (в 1672 г.), которая по приделу именовалась церковью Николы в Пыжах. Этот великолепный образец пятиглавого посадского храма дошел до нашего времени. Шатровая колокольня, выстроенная на одной линии с храмом и трапезной, была возведена в 1691—1692 гг. Имя Пыжова вошло в московскую топонимику, но стрельцы были недовольны полковником. Зимой 1682 г. они жаловались, что Пыжов вычитает из их денежного жалованья значительные суммы. После долгих разбирательств Пыжов был отставлен от командования полком, а его преемником стал стольник Матвей Федорович Философов. Вскоре полк Философова отправили на службу в Киев, откуда стрельцы привезли в слободской храм крест с мощами киевских чудотворцев Антония и Феодосия, во имя которых в церкви был создан придел. В конце XVII в. стрельцы из Ордынской слободы несли службу в Астрахани, откуда им уже было не суждено вернуться в столицу. 650 стрельцов составили выписной Московской полк Е.Б. Армянинова и вошли в состав гарнизона астраханской крепости. Ныне о стрелецкой слободе напоминает великолепный храм и название соседнего Пыжевского переулка¹.

Имя еще одного стрелецкого командира — Матвея Михайловича Вешнякова — также вошло в замоскворецкую топонимику. Он командовал полком, слобода которого находилась между Пятницкой и Кузнецкой улицами, в приходе церкви Троицы в Вешняках (ныне — в Вишняках; отсюда и современный Вишняковский переулок). Впервые этот храм упоминается как деревянный в 1642 г. В 1678 г. рядом со старым выстроили здание нового, каменного. В дальнейшем церковь была перестроена в стилистике классицизма.

В середине XVII в. полком командовал Иван Леонтьевич Монастырев. При нем полк участвовал в русско-польской войне. В 1662 г. во время Медного бунта стрельцы предпочли остаться в стороне, наблюдая, как толпа народа проходит мимо них в Коломенское. За бунтовщиками из любопытства увязались шестнадцать новобранцев из полка Монастырева, которых там и по-

¹ Романов М.Ю. Указ. соч. С. 297—300.

вязали. После разбирательства их было указано бить батогами и сослать на службу в Терки, на Кавказ. В 1678 г. под командованием полковника М.М. Вешнякова стрельцы участвовали в обороне Чигирина от турецких и татарских войск, затем воевали на Украине. В начале стрелецкого восстания стрельцы подали челобитную на своего полковника, обвинив его в различных злоупотреблениях. Вешняков был отставлен от должности, а вслед за этим был схвачен его отец, дьяк Михаил Вешняков, которого обвинили в намерении собрать дворян и перебить стрельцов. Отца и сына подвергли пыткам, от которых престарелый дьяк скончался, а Матвей выдержал истязания и по приговору стрельцов должен был быть пострижен в монахи и отправлен в ссылку. Возможно, М.М. Вешняков избежал монашеского клобука — в 1685—1686 гг. он (или его полный тезка?) упоминается в чине стольника и саратовского воеводы. После того как правительство царевны Софьи Алексеевны сумело восстановить порядок в Москве, стрелецкий полк, которым ранее командовал Вешняков, был отправлен на Украину. В конце XVII в. полк под командованием Ивана Клементьевича Ушакова нес службу в Киеве. После упразднения стрелецкого войска полк И.К. Ушакова был включен в состав украинских гарнизонов¹.

Слобода у Коломенских ворот Земляного города возникла позднее, чем другие стрелецкие слободы в Замоскворечье, — в начале 1660-х гг. В это время стрельцами командовал Кузьма Григорьевич Хомутов, в 1667 г. полк возглавил стряпчий Лука Иванович Грамотин. Под его командой полк воевал на Украине, причем сам полковник в одном из столкновений был взят в плен. Уже весной 1669 г. он возвратился из плена и вновь возглавил свой стрелецкий полк. В 1670 г. стрельцы участвовали в подавлении восстания Степана Разина в Нижнем Поволжье. В 1699 г. эта слобода была упразднена, а на ее землях поселили служащих Кадаевского монетного двора — монетчиков. Слободская церковь во имя Воскресения Христова какое-то время сохраняла двойное наименование — «в Хомутове, что в Монетчиках»².

¹ *Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. М., 1976. С. 279; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции...* М., 1853. С. 66; *Романов М.Ю.* Указ. соч. С. 300—303.

² *Романов М.Ю.* Указ. соч. С. 303—304.

Между стрелецкой слободой в Хвостове (полк Д.И. Логовчина) и слободой на Ордынке (полк Б.К. Пыжова) располагалась еще одна военно-служилая слобода — Казачья. Ранее здесь существовала Коломенская ямская слобода, которую перевели южнее, за ворота Земляного города в район позднейшей Зацепы. Слободу населяли казаки, которые несли регулярную службу, как стрельцы и пушкарки, получая за это жалованье. Слободская церковь во имя Успения Божией Матери в документах 1686 г. числится как деревянная, а в 1695—1697 гг. на пожертвования стольника В.Ф. Полтева была отстроена в камне. В эпоху Петра I, как и другие военно-служилые слободы, Казачья слобода была ликвидирована, но здесь сохранилось представительство войска Донского — подворье, на котором еще в начале XIX в. жили несколько казаков с урядником. В настоящее время память об этой слободе хранят 1-й и 2-й Казачьи переулки, сохранилась и церковь, перестроенная в стилистике классицизма.

ТАТАРЫ И ТОЛМАЧИ

Летописи, документы и данные археологии свидетельствуют о многообразных торговых, культурных, дипломатических и прочих связях Московского княжества с Золотой Ордой и ее преемниками — Крымским, Казанским, Астраханским ханствами и Ногайской Ордой. Татары начали селиться в Москве, вероятно, еще в XIII в. В следующем столетии приток ордынских выходцев увеличился. Царевич Серкиз (Черкиз) прибыл на службу к Дмитрию Донскому, крестился с именем Иван и получил во владение село, названное в его честь Черкизово. В 1393 г. приняли крещение три знатных татарина — Бахты Хозя, Хидырь Хозя и Мамат Хозя, получившие имена Ананий, Азарий и Мисаил, — «и была радость велика в граде Москве». Крестил их сам митрополит Киприан, а присутствовали на обряде «великий князь, и вси князи, и боаре их и весь народ града Москвы»¹.

Одна из немногих московских берестяных грамот, датированная рубежом XIV—XV вв. (найдена при раскопках в Кремле в августе 2007 г.), представляет собой перечень имущества некоего Тура-

¹ *Воскресенская летопись* / Подгот. к печ. А.И. Цепков // *Русские летописи*. Рязань, 1998. Т. 3. С. 93.

**Фрагменты золотоордынских сосудов из раскопок в Москве. XVI в.
Собрание Музея Москвы**

бия, жившего на Подоле в Кремле. Судя по имени, Турабий был выходцем из Орды. Он владел большим стадом — в грамоте дается внушительный перечень лошадей, как ездовых, так и «страдных», пашенных, — и, вероятно, землями. В грамоте также перечисляются «молодые люди», служившие Турабию и, видимо, составлявшие его дружину. Как и их господин, многие из них были татарами — упоминаются Елбуга, Байрам, Ахмед.

Приток выходцев из Орды усилился в княжение Василия II Темного. В 1446 г. хан казанский Улу-Мухаммед послал на помощь Василию II против Дмитрия Шемяки сыновей Касима и Якуба. Царевичам удалось соединиться с войском сторонников низложенного великого князя и способствовать его победе. Затем Касим и Якуб остались на службе у московского князя и вместе со своими отрядами участвовали в военных походах московских воевод. В конце правления Василия II Касим получил в удел Городец Мещерский, где под протекторатом Москвы было создано татарское ханство на территории Руси — Касимовское.

Потомки ордынской, татарской и ногайской знати вошли в состав российского дворянства, многие роды заняли видное положение в среде московской аристократии. Это — Годуновы, Сабуровы, Вельяминовы, князья Юсуповы, князья Урусовы, князья Ширинские-Шихматовы, князья Сулешовы, князья Мещерские, Беклемишевы, Апраксины, Барановы, Нарбековы, Мансуровы, Измайловы, Юшковы, Тургеневы, Огаревы, Баскаковы, Талызины, Ханыковы, Бахметевы, Комынины, Бибиковы, Карамышевы и другие, служившие в XV—XVII вв. боярами, окольничими, думными дворянами, стольниками, воеводами...¹

Источники не сообщают о существовании до XVI в. в Москве татарских слобод, хотя о тюркском присутствии в Замоскворечье свидетельствует топонимика. Выше уже говорилось, что легенда о существовании Ордынского посольского двора в Кремле недостоверна. Возможно, он располагался в Замоскворечье. В конце XV в., когда Крымское ханство являлось союзником России в борьбе против Большой Орды, Крымский посольский двор недолгое время существовал в Кремле. В 1508 г. Василий III отправил ясельничего Федора Семеновича Хлопова встречать крымских послов. Тот встретил крымцев «за рекою Москвою за поклонной гор, и ехал с ними в город до их подворий, а как приехал, стали на подворье...». Нет сомнений, что под словом «город» посольская книга имеет в виду Кремль. В 1515 г. послов хана Магмет-Гирея вновь встречали на Поклонной горе и сопровождали до подворья в Кремле. Вероятно, после страшного набега хана на Москву в 1521 г. Крымский двор был выведен из Кремля. В 1532 г. он располагался «за рекою», вероятно, там, где существовал и позднее, в XVII в. — на окраине Земляного города, у Калужских ворот². По всей видимости, одновременно с Крымским двором в XVI в. в Замоскворечье и появилась Татарская слобода.

Крымский двор, огороженный забором, представлял собой прямоугольник со сторонами 98 м (с западной и восточной), 81 м с южной и 88 м — с северной. Внутри находились несколько деревянных изб, деревянные поварни, конюшни, у ворот — сторожевая изба. По досмотру служащих Посольского приказа, в 1643 г. эти строения находились в самом плачевном состоянии — «На Крым-

¹ Подробнее см.: *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

² *Иванов О.А.* Замоскворечье: страницы истории. М., 2000. С. 8—20.

ском посольском дворе десять изб сгнили и углы пообвалились, и впредь в тех избах, послом и гонцом от дождя и морозу стоять не мочно; да две поварни были рублены, и те поварни сгнили и развалились...» — и так все остальные строения. Впоследствии Крымский двор не раз перестраивали, и в последний раз, видимо, в 1702 г., когда крымские татары привезли сюда 54 «полонянинов», которых должны были обменять на пленных татар.

Крымские послы прибывали в Москву с большой свитой — до 50 человек, содержание которой вставало казне в значительную сумму. В 1649 г. Посольский приказ потребовал от крымских дипломатов ограничить число послов до трех человек, их свиту — до 12 человек, а у гонцов — до трех. В итоге торговли сошлись на цифре в 25 членов свиты послов и 15 — гонцов. На время пребывания крымцев на подворье их строго охраняли, не допуская сюда посторонних людей и не давая возможности самим татарам выйти в город. Караул на Крымском дворе состоял из 50 стрельцов. Когда во время эпидемии чумы их число уменьшилось только до пяти, то было принято решение направить сюда еще 25 человек из опасения «как бы и от крымских татар на Москве какова дурна не учинилась». «Дурно», однако, все равно «учинялось», правда в пределах самого Крымского двора — в 1642 г. стрельцы жаловались на татар, которые их побили, а пятью годами ранее, в 1637 г., крымцы убили самого посла Ибрагима¹.

Важной задачей властей было ограничить общение послов со своими соплеменниками, жившими в Москве. К европейским послам не пускали московских «немцев», крымцев всячески старались оградить от контактов с жителями Татарской слободы. Эта задача облегчалась для караульщиков еще и тем, что слобода находилась в другой части Замоскворечья — за Кузнецкой улицей.

Впервые Татарская слобода упоминается в документах в 1619 г. Документы XVII в. сохранили сведения, полученные от старожилов, что слобода существовала здесь еще «до Московского разорения». Вероятно, тогда же возникло и кладбище за Калужскими воротами Земляного города, о существовании которого известно из жалобы жителей Татарской слободы на ямщиков Коломенской слободы (1638—1639). Татары жаловались, что ямщики распахали их старинное кладбище — «на могилах камня»

¹ *Иванов О.А.* Замоскворечье: страницы истории. С. 36—51.

сломали и кирпич развозили и могилы многие разорили». Ямщики оправдывались, что получили эти земли по царскому указу. Однако царь принял сторону татар и указал «то их прежнее татарское кладбище отмерить вдоль и поперек по сту сажень, а ямщикам того их кладбища и никакой порухи чинить не велено». При Петре I над татарским кладбищем нависла новая угроза — эти земли облюбовал Ф.В. Наумов, статский советник, впоследствии — генерал-лейтенант. Захватчик намеревался выстроить здесь загородный двор и уже начал сваливать на могилах строительные материалы, но царь распорядился оставить кладбище в покое. После чумной эпидемии 1771 г. этот некрополь был ликвидирован, а новое татарское кладбище создали неподалеку от Даниловского¹.

Переписные книги Татарской слободы 1669 и 1672 гг. показывают, что здесь жили в основном переводчики и толмачи, а также «кормовые иноземцы», как татары (Янгур Бегишев, Тугей Имеv, Тугей Кангулов), так и европейцы (капитан Григорий Барановский). Были здесь и владения московских дворян и приказных. В челобитной в защиту татарского кладбища 1638 г. среди жителей слободы на первом месте упоминаются татарские князья и мурзы. Однако и тогда большинство слобожан составляли переводчики и толмачи. Согласно переписи 1669 г., в Толмачевской (Толмацкой) слободе жили в основном приказные, а также несколько толмачей, правда носивших русские имена и фамилии. Толмачевская слобода, располагавшаяся к западу от Ордынки (ныне о ее существовании напоминают Большой, Малый и Старый Толмачевские переулки), видимо, когда-то выделялась из Татарской слободы. В 1634 г. в ней жили переводчики и толмачи Посольского приказа, которые переводили не только с татарского, но и с других языков. Вероятно, со временем в Толмачевской слободе стали селиться переводчики и толмачи, не являвшиеся татарами. Переписи 1639 и 1671 гг. слободы показывают здесь дворы толмачей, «кормовых иноземцев», подъячих. Здесь же стоял двор головы Б.К. Пыжова, сгоревший в числе других от пожара 1 июня 1671 г.²

¹ Иванов О.А. Замоскворечье: страницы истории. С. 20—25.

² *Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. ...* Стб. 18—19, 68, 102—103; *Дворы толмацкие и разных чинов людей в Москве в Толмацкой слободе («за Москвою рекою у Николы Чудотворца, в Толмачах»)* // ЧОИДР. 1906. Кн. 4. Смесь. С. 23-28.

Толмачами в Средние века называли устных переводчиков. Об их службе в Посольском приказе подробно пишет Г.К. Котошихин: «Для переводу и толмачества переводчиков Латинского, Свейского, Немецкого, Греческого, Полского, Татарского, и иных языков, с 50 человек, толмачей с 70 человек. А бывает тем переводчиком на Москве работа по вся дни, когда прилучатца из окрестных государств всякие дела; также старые писма и книги для испытания велят им переводити, кто каков к переводу добр, и по тому и жалованье им даетца; а переводят сидячи в Приказе, а на дворы им самых великих дел переводити не дают, потому что опасаются всякие порухи от пожарного времени и иные причины». Жалованье переводчиков составляло от 100 до 50 рублей, «смотря по человеку», толмачей — от 40 до 15 рублей. Получали они и «поденный корм», тоже разных размеров, в зависимости от квалификации. «Да они ж толмачи, — пишет Котошихин, — днюют и начуют в Приказе, человек по 10 в сутки, и за делами ходят и в посылки посылаются во всякие; да они ж, как на Москве бывают окрестных государств послы, бывают приставлены для толмачества и кормового и питейного збору»¹.

О том, что основной контингент жителей Татарской слободы также составляли переводчики и толмачи, свидетельствуют строки из челобитной слобожан, составленной в защиту татарского кладбища при Петре I: «В прошлых, государь, годах выехали нижепоименованных рабов ваших прадеды, и деды, и отцы наши [во] всероссийский царствующий град Москву к прадеду, и деду, и к отцу вашему великих государей, и к вашему царскому величеству, и служили в вашем государственном Посольском приказе в переводчиках и толмачах...»²

О внутренней жизни Татарской слободы свидетельствует интересный документ, обнаруженный и опубликованный О.А. Ивановым. Это — фрагмент дела, содержащего жалобу романовского³ татарина Досая Мамкеева на переводчика Абдулу Баицына. Мамкеев выдвигал против Баицына весьма серьезное обвинение в том, что он «держит у себя великого государя заповедных людей русской благочестивой веры и поженил на татарках и кор-

¹ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 78—79.

² Иванов О.А. Указ. соч. С. 23.

³ Поселение татар в Романове (Ярославский уезд) берет свое начало в XVI в., когда этот город был дан во владение ногайским мурзам.

мит кобылятиною». Иноверцам запрещалось держать в холопах православных, которых именовали в таком случае «заповедными людьми». Соборное уложение 1649 г. предусматривало за нарушение этого запрета жестокое наказание, как господам, так и холопам, «что им и иным таким не повадно было так делати». Еще страшнее было наказание за принуждение к «бусурманской» вере, насаждение «бусурманских» обычаев также ничем хорошим не грозило обвиняемому. В ответ Абдула выступил с похожими обличениями уже против самого Досая, говоря, что у него «и у братьей его и иных у многих их братья татар такие многие люди в дворах есть и женаты на татарках». На очной ставке Абдула добавил, что Досай «держит у себя русских жонок и тем жонкам принесет он, Абдул, роспись». К сожалению, окончание этого дела не сохранилось, но если взаимные обвинения подтвердились, то обоих участников этого столкновения ожидало суровое наказание¹.

Впрочем, навести порядок в этой удаленной от центра и своеобразной по этническому составу части Москвы правительству было непросто. Если здесь даже не удавалось навести элементарный порядок на улицах, то что говорить о том, чтобы можно было контролировать то, что происходит на дворах. 30 мая 1695 г. десятник Яким Леонтьев, назначенный в этот район Замоскворечья для организации ночного караула по охране порядка, доносил: «Улицы Татарской иноземцы, толмачи и переводчики по наряду десятского на уличный караул не ходят, и людей не высылают, и десятника бьют и собаками травят, и говорят такие слова, что объезжего с подьячими и служилыми людьми хотят бить до смерти». Не лучше были и соседи жителей Татарской слободы, обитатели Ордынки, Пятницкой и Екатерининской улиц, на которых в том же году жаловался объезжий голова Никита Головин: «...Чинятся не послушны... дневных и ночных караулов нет, и надолбов на ночь не закладывают, и избы и мыльни топят безвременно, и чинятся бои и драки и ножевое резанье, а уличные караульщики не стоят николи, взять не с кем и ночью в объезде ездить опасно...»²

¹ Иванов О.А. Указ. соч. С. 33—35.

² Зерцалов А.Н. Объезжие головы и полицейские дела в Москве в XVII в. М., 1894. С. 52, 56.

РЕМЕСЛЕННЫЕ СЛОБОДЫ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ

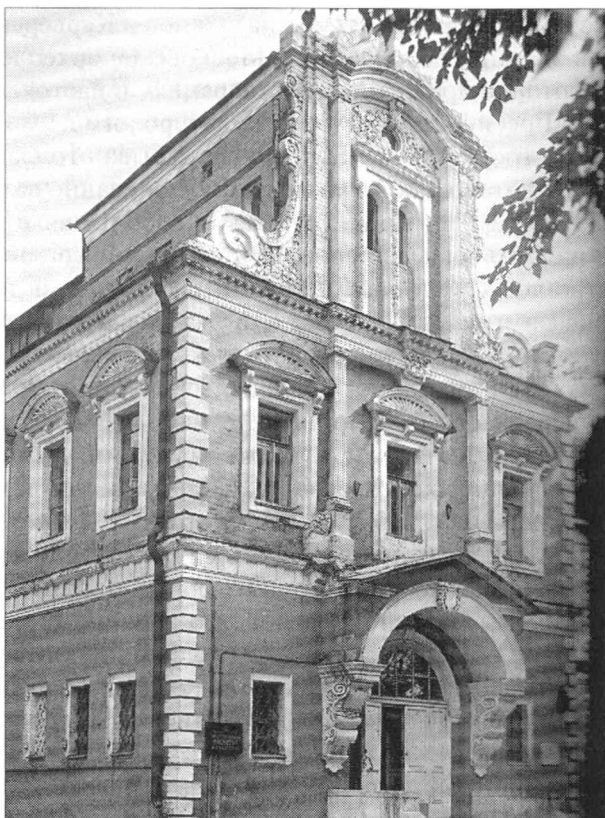
Помимо стрельцов и татар, довольно многочисленную группу составляли жители ремесленных и дворцовых слобод Замоскворечья. За Москвой-рекой напротив Кремля раскинулся обширный Государев сад. В 1495 г. для защиты Кремля от огня Иван III повелел снести все строения в Заречье на протяжении 110 саженей и на этом месте «чинити сад». Он хорошо виден на планах Москвы XVI—XVII вв., правда, его планировка показана по-разному; однако очевидно, что сад был устроен по регулярному плану, его территория разбита на участки (куртины), проложены аллеи, выкопаны клумбы и гряды¹.

Государев сад был главным в Москве, он постоянно находился перед глазами царя, его показывали иностранным дипломатам, поэтому его устройству и содержанию уделялось особое внимание. Слободы царских садовников занимали всю прибрежную часть Замоскворечья: Верхняя Садовническая слобода располагалась к востоку от Государева сада, Средняя — сразу за ним, напротив Китай-города и Васильевского луга, Нижняя — в восточной части Замоскворечья, напротив Заяузья. Во второй половине XVII столетия в Садовнических слободах было более четырехсот дворов.

По соседству с Верхней Садовнической слободой находился двор крупного приказного деятеля и купца XVII в. — думного дьяка Аверкия Степановича Кириллова. Согласно легенде, в XVI в. на этом месте располагался двор Малюты Скуратова и якобы отсюда был прорыт подземный ход в Кремль, проходивший под Москвой-рекой. Подлинная история палат Аверкия Кириллова не менее интересна. Здесь располагался двор известного боярина Ивана Никитича Берсенья Беклемишева, от прозвища которого здешний храм Николы на Песках получил наименование Николы в Берсеневке (в XVII в. также именовался «за Берсеневою решеткою», «в Берсеневских садовниках», «в Верхних Садовниках»).

Сам А.С. Кириллов был выходцем из рода «государевых садовников». Его дед Кирилл, отец Степан Кириллович (в схи-ме — Сергей) и дядя Филипп были садовниками. Их надгробия, как и захоронение самого Аверкия Кириллова, обнаружены при

¹ Черный В.Д. Указ. соч. С. 106—109.

Палаты думного дьяка А.С. Кириллова. 1695—1697 гг.

реставрационных работах в церкви Николы в Берсеневке. По-видимому, это владение принадлежало еще предкам А.С. Кириллова.

Палаты были выстроены в 1656—1657 гг. и, по-видимому, соединялись с церковью переходом и имели третий, деревянный этаж. Впоследствии комплекс достраивался — в 1690-х гг. появились постройки с восточной и западной сторон, а также богато украшенное красное крыльцо. В 1703—1711 гг. к основному зданию пристроили выступ с мезонином в центре парадного фасада, богато украшенного в стилистике петровского барокко (авторство проекта приписывается М.И. Чоглокову или И.П. Зарудному). С 1739 г. палаты перешли в ведение казны. В XVIII в. в здании находился Сенатский архив, затем в нем жили сенат-

ские курьеры (отсюда его второе название — Курьерский дом). С 1868 г. в здании располагалось Московское археологическое общество, которое провело его реставрацию, в настоящее время их занимает Российский институт культурологии.

В 1665 г. в гостях у А.С. Кириллова побывал голландец Николас Витсен, который оставил подробное описание палат дьяка. «Он живет в прекраснейшем здании: это большая и красивая каменная палата, верх из дерева. Во дворе у него собственная церковь и колокольня, богато убранные, красивый дом и сад. Обстановка внутри дома не хуже, в окнах разрисованные немецкие стекла [витражи]. Короче — у него все, что нужно для богато обставленного дома: прекрасные стулья и столы, картины, ковры, шкафы, серебряные изделия и т. д. Он угостил нас различными напитками, а также огурцами, дынями, тыквой, орехами и прозрачными яблоками, и все это подавалось на красивом резном серебре, очень чистом. Не было недостатка в резных кубках и чарках. Все его слуги были одеты в одинаковое платье, что не было принято даже у самого царя. Он угощал нас очень любезно, беседовал о недавно появившейся комете; русские об этом рассуждают неправильно. Он показал нам книгу предсказаний будущего, переведенную на русских язык, будто в ней истинные предсказания, и спросил мое мнение об этом»¹.

Интересна биография владельца палат. В 1660-х гг. он вел активную предпринимательскую деятельность, вошел в состав привилегированной купеческой корпорации — Гостиной согни, в 1666/67 г. исполнял обязанности таможенного и кабацкого головы в Архангельске, а затем перешел на государственную службу. С 1676/77 г. он в чине думного дьяка управлял сразу несколькими финансовыми приказами (Приказ Большого прихода, Приказ Большой казны, Галицкая, Владимирская и Новгородская четверти и др.). В 1681 г. Кириллов получил в управление еще и Приказ Большого двора. 16 мая 1682 г. Аверкий Степанович был убит мятежными стрельцами. Впоследствии стрельцы оправдывались тем, что дьяк, «будучи у великих государевых дел, со всяких чинов людей великие взятки имал и налогу всякую и неправду чинил». Так ли это, или в стрельцах говорила злоба и зависть — мы никогда не узнаем, однако перечень бояр-

¹ Витсен Н. Указ. соч. С. 161.

ских преступлений, поданный стрельцами, включает в себя многие фантастические обвинения, и доверять ему нельзя¹.

Похоронили А.С. Кириллова при храме Николы на Берсеневке, который был выстроен на его пожертвования в 1656—1657 гг. Невестка А.С. Кириллова, Ирина Симоновна, вдова его сына Якова, также служившего думным дьяком, а затем принявшего постриг в Донском монастыре, в конце XVII в. выстроила церковную колокольню над воротами и пожертвовала храму колокол в 200 пудов. Изящная церковь в стилистике посадской архитектуры, украшенная кокошниками, наличниками, колонками, изразцами с изображением двуглавых орлов, к счастью, сохранилась до настоящего времени².

На правой стороне Большой Ордынки располагалась Кадашевская слобода, которая в 1630 г. насчитывала 413 дворов, а в 1682 — 510. Она получила название от села Кадашева, упомянутого в завещании Ивана III. Существует мнение, что это название происходит от слова «кадка» и, таким образом, отражает главное занятие жителей. Есть также предположение, что наименование Кадашево идет от мужского некалендарного (отсутствующего в святцах) имени или прозвища Кадаш. К началу XVII в. относятся сведения о ткацком производстве в Кадашеве. Ремесленники изготавливали льняное полотно для нужд двора, а потому слобода находилась в привилегированном положении: управлялась приказом Царицыной мастерской палаты и была одной из самых богатых. Ее жителям выделялись земельные участки, от размеров которых зависели количество и тип тканых изделий, сдаваемых ими в казну. В слободе было немало редких для того времени каменных домов.

В 1658—1661 гг. в Кадашах выстроили комплекс государева Хамовного двора, располагавшийся на месте современных домов номер 5—11 по Старомонетному переулку: «Четыре палаты поземные, а меж них сени, а мерою тех палат и сеней длиннику

¹ *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук (далее — ААЭ): В 4 т. СПб., 1836. Т. 4. С. 359; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. / Подгот. В.И. Буганов, В.Б. Левшин. М., 1975. С. 233—234; Богоявленский С.К. Управление Москвой в XVI—XVII вв. // Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII вв. / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост., вступ. ст., коммент. А.В. Топычканова. М., 2006. С. 247.*

² *Романюк С.К. Остров. С. 30—42.*

21 сажень, поперек 5 саж[еней]. А против тех палат другие же четыре палаты и сени, а мерою тако ж». В каменных палатах стояли ткацкие станы, в деревянных избах располагались белильные и вышивальные мастерские. В плане Хамовный двор представлял собой почти квадрат со сторонами приблизительно 86 м. Каменные палаты производственных помещений стояли по всему периметру, над ними возвышались высокие бочкообразные кровли. После строительства Хамовного двора на нем сосредоточились все ткацкое производство и отделка тканей, которые ранее мастера и мастерицы осуществляли на дому¹.

Храм Кадашевской слободы во имя Воскресения Христова впервые упоминается в завещании князя И.Ю. Патрикеева (1498 г.), где именуется церковью Воскресения, что на Грязех. В 1657 г. он был возведен в камне. Строительство современного церковного здания началось около 1687 г. на средства купцов Кондрата и Логина Добрыниных, отца и сына. Возможно, архитектором был Сергей Турчанинов, колокольных дел мастер, завершивший шатер Воскресенского собора в Новом Иерусалиме. Церковь Воскресения в Кадашах — уникальный памятник архитектуры конца XVII в., сочетающий в себе черты традиционного посадского храма со стилистикой московского (нарышкинского) барокко. Церковь и колокольня, выстроенные на одной линии («кораблем»), отличаются изяществом и четкостью силуэта. Двухъярусная композиция и наличие обходной галереи (гульбища), а также декоративное оформление — все это сближает Воскресенскую церковь с другим выдающимся памятником — церковью Никола Большой Крест. Воскресенский храм имеет очень необычное оформление в верхней части, которая завершается тремя ярусами белокаменных «петушиных гребней» — фронтонов, расположенных уступами. Украшает храм и резная виноградная лоза. Пять глав, венчающих церковь, установлены на граненых барабанах, грани которых подчеркнуты тонкими витыми колоннами. Не менее пышным было и внутреннее убранство храма, здесь находился резной иконостас XVI в., стены церкви расписывали царские изографы.

По другую сторону Большой Ордынки, в восточной части Замоскворечья находилась еще одна казенная слобода — Овчинная.

¹ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 115; *Романюк С.К.* Из истории московских переулков. С. 616—618; *История московских районов.* С. 115—117.

В 1632 и 1658 гг. здесь было 103 двора. Слобода относилась к конюшенному ведомству, а ее население обрабатывало овечью шерсть и выделывало шкуры. До нашего времени сохранилась слободская церковь Михаила Архангела (возведена в XVII в., сильно перестроена в 1700 г.), а также палаты XVII—XVIII столетий (Средний Овчинниковский переулок, дом номер 10). Там, возможно, находился административный центр слободы — братский двор — либо производственные помещения. Перепись 1672 г. перечисляет в Конюшенной Овчинной слободе только имена дворовладельцев, следовательно, в слободе не было чужих людей, здесь селились только овчинники, что довольно редко встречается в слободах второй половины XVII в.¹

Севернее Овчинной располагалась черная Кузнецкая слобода, именовавшаяся также Новой Кузнецкой. Вероятно, ее жители переселились из Заяузья, и потому слобода получила название Новой (память о ней сохранилась в названии Новокузнецкой улицы). В 1638 г. в слободе насчитывалось 72 двора, спустя 20 лет — 185. Скорее всего, их обитатели там и работали, поскольку проводившаяся в 1641 г. перепись кузниц зафиксировала в Замоскворечье всего 28 штук, часть которых принадлежала жителям соседних слобод — Садовнических и Кадашевской². Слободская церковь Николая Чудотворца была возведена в камне в 1681 — 1683 гг. (дошедшее до нашего времени здание выстроили в начале XIX в.).

Другая черная слобода — Голутвинная — находилась в западной части Замоскворечья, за Якиманкой. Она и ее слободской храм во имя Рождества Богородицы впервые упоминаются в 1504 г. в духовной грамоте Ивана III. Считается, что она являлась слободой Богоявленского Старо-Голутвинского монастыря, основанного в XIV в. на окраине Коломны, однако наименование слободы могло происходить и от слова «голутва», означающего ровное, расчищенное место. В XVII столетии слобода была черной. В 1632 г. здесь было 77 дворов, в 1653 г. — 111 дворов. Жителям слободы принадлежали лавки, стоявшие на Большой Калужской улице. К Голутвинной слободе примыкала Панская, населенная выходцами из Польши, Литвы и иных земель. Среди них встречаются немало офицеров «полков иноземного строя», военные музыкан-

¹ *Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. ...* Стб. 65—66.

² *Материалы...* Ч. 2. Стб. 1160—1163.

ты, толмачи, русские дворяне. Жил в слободе даже иовокрещеный «араплинин» Дмитрий — соплеменник пушкинского предка, «арапа» Абрама Петровича Ганнибала¹. Слободской храм был посвящен празднику Благовещения Пресвятой Богородицы. К концу столетия ее приход состоял из стрельцов полка Д.И. Логовчина, а иноземцев постепенно вытеснили из Замоскворечья. Поэтому к наименованию храма прибавлялось «в Старых Панех».

Местность, расположенная к западу от Голутвинной и Панской слобод, по направлению к Москве-реке, называлась Бабьим городком. И ныне здесь находится Бабьегородский переулок. Это название вызвало много различных гипотез. Впервые название Бабий городок встречается в источнике начала XVII в. в форме «Бабья городня». И.М. Снегирев предположил, что это название связано с мостом через реку Москву, устроенным на «городнях» — «клетках и сваях». Но при этом осталось непонятным наименование Бабий. Его обычно связывают со словом «баба», означающим тяжелые болванки, которыми забивают сваи. Возможно, при помощи таких «баб» здесь укрепляли («городили») берег реки Москвы. В XVIII в. название Бабьего городка объясняли цветистыми легендами. Согласно первой, здесь татары брали с русских дань красивыми женщинами, по другой — в этом месте женщины, в укрепленном городке, сумели отбиться от нападения татар. Перечисляя эти гипотезы, москвовед А.В. Рогачев замечает, что их авторы «догадывались, но, наверное, из этических соображений вслух не говорили о наиболее вероятной версии происхождения названия — от существовавшего в неудобной для жилья местности промысла определенного сорта»². Такая версия объяснения названия вполне допустима, однако ни она, ни какие-либо другие пока не подтверждены документально.

¹ *Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. ...* Стб. 109—111.

² *Рогачев А.В.* Последний день Москвы. М.; Ростов-н/Д, 2009. С. 152.

Часть восьмая ЗА ГОРОДСКОЙ ЧЕРТОЙ

Пригородные слободы

Во второй половине XVII в. столица уже сильно шагнула за границы Земляного города. За его пределами находились 34 слободы, тесно связанные с Москвой как в административном, так и в экономическом отношении. Некоторые из них, например Новая Дмитровская, были продолжением старых, городских; другие — Мещанская и Иноземная (Ново-Немецкая) — создавались правительственными указами; третьи развивались самостоятельно. К 1701 г. число дворов за городскими стенами (6117) было сопоставимо с их количеством в самом Земляном городе (7394). За пределами города находились десять монастырей — Спасо-Андроников, Покровский, Новоспасский, Симонов, Данилов, Донской, Андреевский, Саввинский, Новодевичий, Новинский, — воспринимавшихся как московские святыни. Наконец, за городом — в Коломенском, Измайлове, Рубцове, Преображенском, Воробьеве, Алексеевском и других местностях — в XIV—XVI вв. возникали и обустраивались, а в XVII столетии достигли расцвета царские усадьбы, в которых располагались архитектурные и садово-парковые ансамбли, а также одни из первых русских промышленных производств — казенные мануфактуры.

Таким образом, местность за Земляным городом к концу XVII столетия стала если не полноправной, то вполне заметной и неотъемлемой частью города. Наиболее населенными из московских пригородов были слободы, из которых самой значимой являлась сравнительно молодая на то время Мещанская слобода. Ее историю, устройство, внутреннее управление, нравы и быт жителей подробно изучил выдающийся историк Москвы С.К. Богоявленский¹.

¹ Богоявленский С.К. Московская Мещанская слобода в XVII в. // *Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII в.* С. 9—170.

Эта слобода возникла в результате русско-польской войны 1654—1667 гг. Когда царские войска вступили на территорию Белоруссии, царь издал указ, призывавший население «итти на его великого государя имя». Многие православные жители Речи Посполитой, с восторгом встречавшие русских, воспользовавшись этим указом, переселились в Россию. Наряду с добровольными переселенцами было много пленных — офицеров, солдат, мирных жителей.

Судьба жителей белорусско-литовских городов (они именуются «мещанами» от польских слов *miasto* — город, *mieszczanin* — горожанин) была определена мирными договорами 1667 и 1672 гг. Желавшие возвращения на родину могли вернуться; те же, кто хотел остаться в России, могли оставаться. Так в Москве образовалась крупная колония выходцев из Речи Посполитой — белорусов, литовцев, поляков, евреев. В начале 1671 г. за Сretenскими воротами Земляного города была образована Мещанская слобода, в которую свели всех выходцев из белорусско-литовских земель, ранее живших в слободах Москвы, а также в других русских городах и уездах. В документах того времени слобода также называется Новомещанской. В XVIII — начале XX в. территорию бывшей Мещанской слободы занимали параллельные 1-я, 2-я, 3-я и 4-я Мещанские улицы. В настоящее время это — проспект Мира, улицы Гиляровского и Щепкина и Мещанская улица. Слобода была многолюдной. Не полностью сохранившиеся результаты первой переписи 1676 г. зафиксировали в ней 570 дворов. По переписи 1684 г., в слободе было 692 двора¹.

Большинство жителей слободы занимались торговлей; правда, вполне возможно, что они сами и производили товары, которыми торговали, и, следовательно, были одновременно и ремесленниками. Жители слободы сбывали свою продукцию в торговых рядах на Красной площади и около нее. В двух Мещанских рядах, располагавшихся у Нового Гостиного двора и на Ильинке, были лавки 21 мещанина. Еще 26 мещан торговали в мучном и ветошном рядах. От одного до шести торговцев стояли в москательном, житном, игольном, шапочном, шелковом и других рядах. Кроме того, мещане-торговцы встречались и в других частях Москвы — на Болоте они продавали хлеб, на Неглинной — мясо. Многие

¹ *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. С. 25; *Сытин П.В.* Из истории московских улиц: Очерки. М., 1958. С. 641.

Лавка сапожника и московитские деньги. Гравюра из книги
А. Олерея «Описание путешествия в Московию и через Московию
в Персию и обратно». 1656 г.

торговали «походячим товаром» (вразнос): закусками, яблоками, орехами, хлебом. Были среди «походячих» и продавцы предметов роскоши. Двое мещан ходили по боярским дворам с «каменем и жемчугом».

Ремесленники Мещанской слободы работали для царского двора, по заказам москвичей и для слобожан. В слободе трудились серебряники, кузнецы, золотых дел мастера, портные, сапожники, скорняки, гончары, свечники, мыльники, хлебники, печники, плотники, сабельники, в том числе мастера высокой квалификации. Например, Ян Граковский изготавливал серебряные изделия с чернью для государя и имел весьма высокий оклад — 10 рублей в месяц. Другие мастера до переселения в слободу состояли в государственной Серебряной палате, куда брали только лучших профессионалов. Ремесленные навыки мещане передавали своему окружению. В документах часто встречаются указания, что тот или иной ремесленник «жил меж своей братьи» и научился мастерству.

Особенностью слободы было наличие в ней представителей свободных профессий. Одним из ее жителей был Иван Федорович Волошенинов — учитель и руководитель актерской труппы, заменившей при московском дворе артистов из Иноземной слободы. Она состояла в основном из юношей и мальчиков. В 1673 г. «в учение комедии» было набрано 26 человек из слободы, в 1674 — 50 человек, а в 1675 г. — 70. Они получали кормовые деньги — в день по копейке, а Волошенинов — 5 копеек. Участвовали актеры не только в драматических представлениях. Инженер Николай Лима поставил балет, для которого мещанским мальчикам были пошиты платья немецкого покроя, украшенные красными и зелеными шнурами и золотым шитьем. После смерти царя Алексея Михайловича придворный театр был закрыт и молодежь Мещанской слободы освобождена от этой своеобразной придворной службы.

Слобода была подведомственна Посольскому приказу. В ней сосуществовали центральное управление и самоуправление. От лица центральной власти слободой управлял дворянин. С 1684 г. им был стольник Петр Петрович Жадовский, близкий к правителю государства князю В.В. Голицыну. Наказы дворянам, управлявшим слободой, демонстрируют стандартный набор их обязанностей: сбор пошлин «с питейных явок и работничих записей», суд и расправа, противопожарные меры, наблюдение за порядком, в частности за тем, чтобы москвичи не ездили сюда «без дела». Дворянин решал далеко не все судебные дела — расследование уголовных преступлений и дел о нанесении крупного ущерба велось в Посольском приказе.

Злоупотребления, присущие всей системе управления в Московском государстве, наблюдались и в слободе. Дворянин часто практиковал бессудную расправу, был груб и жесток. Житель слободы Юрий Евреинов жаловался на стольника И.Н. Тараканова, державшего на цепи и бывшего батогами в съезжей избе его сына Феодосия. Делу дали ход, и всю семью Евреиновых, занимавшую значительное положение в слободе, изъяли из-под юрисдикции Тараканова, подчинив напрямую Посольскому приказу. Правда, бедствий семейства такое решение не прекратило — вскоре Евреинов снова пожаловался, что его сына насильно держали в съезжей избе.

Самоуправление в слободе существовало в виде мирского схода и выборных лиц — старост, окладчиков (они составляли окладные книги, по которым взималось тягло) и сборщиков (собирали деньги «по окладу»). Мирской сход представлял собой собрание

жителей, однако далеко не всех, а «лучших», «пожиточных» и «добрых», плативших значительные суммы податей. Помощниками старосты в наведении порядка были десятские — представители от каждого десятка дворов (неясно, выборные или назначаемые). Исполняя обязанности по управлению слободой, староста и другие должностные лица часто вступали в конфликты со слобожанами. Преследуя корчемство и контрабанду табака, надзирая за соблюдением противопожарных мер, наводя порядок на улицах, старосты часто слышали в свой адрес «скардную брань» и, не справляясь с буйными слобожанами, жаловались в приказ.

В свою очередь, жители слободы били челом на старост, злоупотреблявших своим положением — присваивавших окладные деньги, незаконно распоряжавшихся слободским имуществом. Впрочем, такие жалобы были редки, поскольку в старосты обычно выбирали людей наиболее уважаемых и солидных. Напротив, известны случаи, когда староста вносил собственные деньги, если не мог собрать достаточную сумму со слобожан. Служба старосты не оплачивалась ни государством, ни «миром». К тому же, занятый делами управления, староста запускать собственные дела, и хозяйство его приходило в упадок. Так, староста Игнатий Алексеев жаловался, что «за слободским всяким делом ходил и, ходя за тем, оскудал, и одолжал великим долгами, и промыслу своего отбыл». Другой староста, Степан Холщевник, влез в долги ради решения слободских дел и оказался банкротом. Поэтому старосты обычно работали по году — с 1 сентября. Не только в старосты, но и в другие выборные лица городского управления слобожане не рвались, а, напротив, стремились уклониться от исполнения этих обязанностей, чреватых ссорами с соседями, ответственностью и потерей времени.

В 1672 г. в слободе был построен храм во имя святых Адриана и Наталии. Святая Наталия была покровительницей царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной — воспитанницы А.С. Матвеева, друга иностранцев, в том числе мещан. Слобожане щедро украсили свой храм. Когда спустя два года церковь ограбили, воры вынесли из нее драгоценные оклады, прикладные кресты и камни на сумму 160 рублей. В 1688 г. деревянный храм сгорел, и на его месте возвели каменный, освященный уже во имя апостолов Петра и Павла, один из которых был святым покровителем юного царя Петра I. В этом храме служил священник Иван Фомин, ранее бывший настоятелем церкви Введения во храм Пресвятой Бого-

родицы в Барашах и создавший при ней школу. После перевода на новое место служения Фомин забрал школу с собой. Ее здание было на средства мещан разобрано и перевезено в их слободу (жители Барашевской слободы отказались его выкупить и сами предложили вывезти). Учителем в этой школе работал уже упоминавшийся Иван Волошенинов. В те времена учебное заведение, содержавшееся на средства слободского мира, было редкостью. Известны еще две слободские церкви — Апостола Филиппа и Преподобного Сергия Радонежского на Трубе (по главному престолу — Святой Троицы), существовала и богадельня.

К концу XVII в. слобода значительно пополнилась выходцами из коренных российских территорий. Постепенно разрушался традиционный слободской уклад, а сами жители начинали забывать о своем «иноземском» происхождении. Один из них, мещанин Василий Самойлов, даже был арестован за то, что называл иноземцев «шишами» и чинил с ними «задоры и брани». Буйного патриота наказали батогами.

Параллельно с развитием Мещанской слободы шел процесс слияния слобод и сотен в единое пространство посадской Москвы. Уже при создании слободы властям не удалось собрать в нее всех мещан, многие из которых к тому времени уже обжились в других слободах и платили там тягло. Общее единство посадского мира осознавали и сами мещане. Один из них, обвиненный (1692 г.) в том, что пишется тяглом разных слобод, отвечал, что «то-де ему не улика», поскольку он «посадский человек, а не гулящий и тягло и всякие подати, также промыслу своего подати в казну великих государей платит»¹.

Городская реформа 1699 г. стала важным шагом на пути унификации слободского устройства и введения единого финансового управления в городе. В первой половине XVIII в. земли слободы стали покупать и застраивать купцы, дворяне, ремесленники, а в 1785 г. термин «мещане» был распространен на всех городских обывателей «среднего рода», то есть не зажиточных.

Другой слободой, обладавшей еще более своеобразным укладом, являлась Иноземная (или Ново-Немецкая), располагавшаяся на Яузе. Выше уже говорилось, что созданию этой слободы в 1652 г. по царскому указу предшествовала долгая история суще-

¹ Цит. по: *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. С. 38.

ствования аналогичных поселений в разных местах Москвы — на Шаболоке (слобода Наливки), в районе Таганки (иноземная Болвановская слобода), на Яузе (уничтожена в Смутное время) и, наконец, в районе Покровки (здесь иноземцы не образовывали особой слободы, а селились рядом с русскими). В очередной раз слобода была создана за пределами города, чуть к северу от того места, где она существовала при Борисе Годунове.

Слобода была четко распланирована на пустом месте дьяками Земского приказа, что позволило выделить «служилым иноземцам» дворы разной площади в зависимости от их статуса. На земли слободы были перевезены деревянные дома и другие постройки. Здесь возвели три церкви — две лютеранские и голландскую реформатскую. Слобода расположилась между реками Яузой, Олховцом и Чечорой. Через нее протекал ручей Кокуй (Кукуй), который дал еще одно название слободе — Кокуйская или Кокуй.

Последнее наименование слободы носило оскорбительный характер, что вызвано явным созвучием топонима с известным матерным словом. На это прямо указывает Олеарий: «Это место лежит на реке Яузе и получило название Кокуй по следующей причине. Так как жены немецких солдат, живших там, видя что-либо особенное на мимо идущих русских, говорили друг другу: «Киск! Киске hie!», т. е. «Смотри! Смотри здесь!» — то русские переменили эти слова в постыдное слово: «х..й, х..й» (что обозначает мужеский член) и кричали немцам, когда им приходилось идти в это место, в виде брани: «Немчин, мчись на х..й, х..й», т. е. «Немец, убирайся на...» и т. д. По этому поводу к его царскому величеству была направлена жалостливая челобитная: они, немцы, видят, что в настоящее время, безо всякой причины, подвергались они поношению со стороны русской нации и, несмотря на верную службу свою и доброе расположение, выказанные перед его царским величеством и его подданными, тем не менее, на улицах, со стороны разных оборванцев, встречают и слышат вслед столь постыдные слова. Они просят поэтому его царское величество, чтобы он, по похвальному примеру предков своих, принял их под милостивейшую защиту свою и оберегал от таких поносителей и т. д. После этого его царское величество велел публично объявить следующее: «Кто с этого дня будет кричать подобные слова, хотя бы вслед самому незнатному из немцев, тот, безо всякого снисхождения, будет наказан кнутом»... Действительно, несколько человек нарушителей этого запрета

были так наказаны, что ушли домой с окровавленными спинами. Теперь немцы освободились от этих позорных криков вслед»¹.

Олеарий прав, когда связывает дразнилку немцев с матерной бранью, но ошибается, говоря о ее полном запрете. Несмотря на то что за «задоры и брани» с иноземцами действительно наказывали, издевательский клич «Кыш на Кукуй!» или «Шиш на Кукуй!» — а бывало похлеще, — продолжал бытовать вплоть до конца XVII столетия.

Первоначально Немецкая слобода не сильно отличалась по внешнему облику от деревянных русских городов. Однако к концу XVII в., когда здесь появилось значительное количество каменных зданий, она приобрела черты, сближавшие ее с западноевропейскими городами. В 1686—1694 гг. все три протестантских храма были отстроены в камне. «Основавшись там, — пишет об обитателях слободы Таннер (1678 г.), — они сохранили ненавистный москвитянам порядок на образец германских городов при сооружении и умножении домов, которые они строили красиво и расчетливо... При каждом доме есть хорошо содержимый сад, засаженный латуком и цветами, хотя это и дает повод москвитянам смеяться»².

В слободе было три рынка — Большой (Верхний), Средний (на нем находилась съезжая изба) и Нижний. На улицах стояли кабаки, харчевые избы, лавки и шалаши, типичные для всей Москвы. В 1665 г. в слободе было 206 дворов, в 1702 — 336. По подсчетам В.А. Ковригиной, население слободы составляло примерно 1200 человек в 1665 г. и около 2500 человек в первой четверти XVIII в. — всего 2 процента от общего числа жителей Москвы³.

Указ об образовании слободы перечислял основные категории ее населения: «служилые немцы» (офицеры полков «иноземного строя»), доктора, аптекари, мастера, торговцы. Больше всего было военных. Из 206 дворов, переписанных в 1665 г., 126 принадлежали штаб- и обер-офицерам, 32 — офицерским вдовам, 14 — сиротам. Преобладание военных накладывало особый отпечаток на жизнь слободы. Будничным делом были дуэли, тем более что удаленность от властей позволяла скрывать эти эксцессы. Шотландец Патрик Гордон в дневниковой записи от 25 октября 1662 г. упомянул о трех дуэлях: на одной полковник Штрасбург убил обидевшего его полковника Лицкина (правда, дуэль происходила в Севске); другая произо-

¹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 297.

² *Таннер Б.* Указ. соч. С. 69, 70.

³ *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 28—31, 35—37.

шла за Яузой, и дуэлянты вернулись «с честью и целыми шкурами»; наконец, третья дуэль не состоялась, так как ее участников помирил сам Гордон. Через четыре года влип в историю и он — стрелялся с майором Монтомгери. Оба промахнулись, и было решено сразиться холодным оружием, но возникла заминка, а на другой день противников помирили. Еще об одной дуэли упоминает Иоганн Корб¹.

Однако далеко не всегда конфликты в слободе решались «судом чести». Грубость нравов, свойственная наемникам, усугублялась при соприкосновении с бытовой агрессией, царившей на московских улицах и в домах. Брань, кулачные расправы, нанесение увечий — все это было одинаково распространено и в слободе, и в Москве в целом. В 1659 г. один капитан, заманив к себе другого, жестоко избил его, а когда тот стал жаловаться, ложно обвинил в попытке совершить насилие над его женой. Причиной инцидента стала вражда по службе. Спустя несколько дней генерал-майор Друммонд также назвал в свой дом купца Карла Коля и вместе со слугами избил батогами за то, что он непочтительно отзывался о шотландцах. В том же году некая генеральша изувечила свою служанку — та «не хотела уступать своей хозяйке по части распутства или, по крайней мере, до известной степени подражала ей»².

Частыми были и конфликты между «немцами» и москвичами, зачинщиками которых являлись как русские, так и иноземцы. В ночь на 3 сентября 1651 г. шведский резидент К. Поммеринг «скакал из гостей пьян» и напал на спешивших тушить пожар боярина князя А.Н. Трубецкого со стрельцами. Трое стрельцов получили ранения, причем двое были тяжело ранены. Ночью 14 января 1678 г. англичане из свиты посланника И. Гебдона подрались в Немецкой слободе со стрелецким караулом. Дворянина Ивана Пазухина иноземцы «тащили по земли, и били, и за волосы драли», а стрельца Андрея Нестерова застрелили из пистолета. В обоих случаях царь не решился покарать преступников, обладавших дипломатическим иммунитетом, и просил монархов Швеции и Англии «достойное учинить наказание»³.

¹ Гордон П. Дневник. 1659—1667 / Пер., ст. и примеч. Д.Г. Федосова. М., 2003. С. 122, 162; Корб И. Указ. соч. С. 149.

² Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. С. 23, 24, 26, 27.

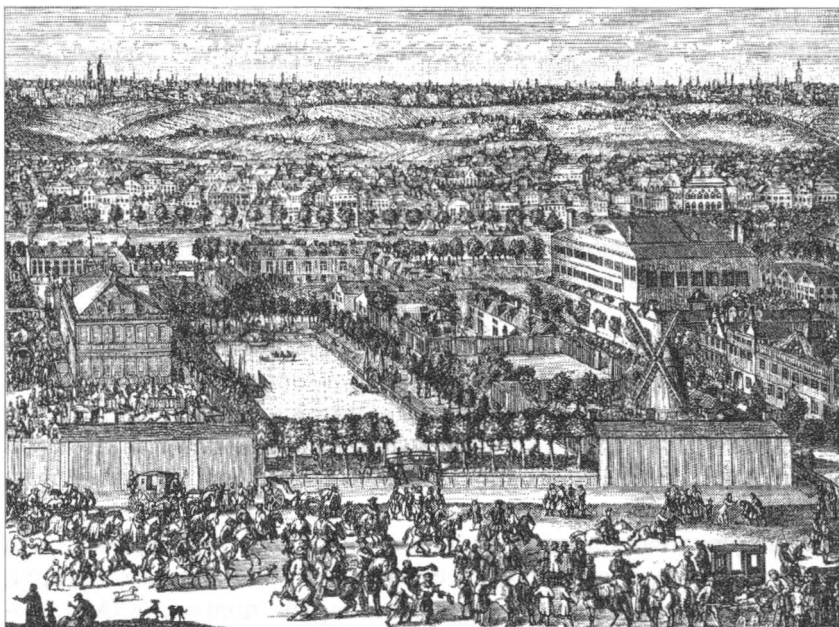
³ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в.: правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 198.

Другие столкновения заканчивались не столь трагично. В 1659 г. майор фон Зален, напившись у датского посланника, возвращался домой и по дороге, решив «пошутить» над торговцем, бросил в того несколько яиц, запачкав ему лицо и одежду. Набежавшие торговцы отлупили майора и его слугу, которых спасли от дальнейшего избиения стрельцы. 8 июля 1677 г. англичанин Чарлз Гердон, поругавшись на Балчуге со стрельцом, выхватил шпагу, но, получив поленом по голове, бросился наутек от разъяренной толпы русских и нашел спасение у стрелецкого караула. Материалы этого дела свидетельствуют, что поводом к драке стали выкрикнутые кем-то слова: «Шиш на Кукуй!» Бывало, иностранцы становились невинными жертвами. Так, 9 октября 1685 г. на Мясницкой улице на карету датского резидента А. Бутенанта фон Розенбуша напали с палками и дубинами люди стольника Б.К. Пыжова, при этом слуг дипломата побили, а его самого «безчестили и оскорбляли»¹.

Поддержанием порядка в слободе были озабочены и московские власти, и сами жители. В январе 1658 г. тамошние купцы жаловались царю, что «у них учало в слободе от служилых иноземцев и от всяких прихожих людей воровство большое, людей их грабят, побивают до смерти, и из слободы де им в город рано и из города поздно ездить страшно, и московским и их торговым людям для расплаты в товарных денгах ходить к ним опасно ж», и просили «их от таких людей оберечь». Царь указал дворянину Василию Кузьмичу Безобразову организовать в слободе охрану порядка согласно установленным в Москве правилам: «...в всех улицах и переулках со всех сторон для брежения ото всякого воровства верно учинить решетки», «учинить в Немецкой слободе з дворов сторожи з десяти дворов по человеку», «да и самому ему будучи в Немецкой слободе, ездить по слободе по часту и смотреть, и беречь того на крепко: что б в той Новой Немецкой слободе отнюдь никакого воровства и душегубства, и поединков, и корчмы, и блядни не было». Естественно, в число запретов входили также курение и нюханье табака². Караулы в слободе были учреждены, что, однако, не являлось гарантией тишины и спокойствия. Так, 13 сентября 1671 г. жена голландца Адольфа Гутмана

¹ Роде А. Указ. соч. С. 34; Орленка С.П. Указ. соч. С. 181, 312, 313, 319, 320.

² Цит. по: Орленко С.П. Указ. соч. С. 296—299.

Немецкая слобода. Фрагмент гравюры А. Шхонебека. 1705 г.

«иноземка Сарка Антонова» жаловалась на «неведомо каких воровских людей», которые поджгли и разграбили ее дом¹.

В наказе В.К. Безобразову и его преемникам правительство особо подчеркивало необходимость следить за соблюдением установлений Соборного уложения, запрещавших службу у «немцев» православных людей. Такие случаи были далеко не редкими. Сохранилось несколько дел, связанных с жалобами русских слуг на религиозные притеснения со стороны хозяев-иноземцев. «К церкви не отпускает», «в посные дни» «сквернит» своими яствами и хочет привести «в немецкую веру» — таков их стандартный набор. В свою очередь, бывшие господа всячески откешивались от приписываемых им деяний, объясняли доносы злобой нерадивых слуг. Представляется, что правду говорили иноземцы, поскольку, прекрасно зная о жестоком наказании, грозившем тому, кто в России покусится на православие, они вряд ли стали бы принуждать слуг к перемене веры или притеснять их в религиозном отношении.

¹ Цит. по: Орленка С.П. Указ. соч. С. 300.

Центром слободского управления и самоуправления была съезжая изба. Здесь находился противопожарный инвентарь, хранились «цепи одношейные да железа ножные» для преступников. Распространение на слободу власти объезжего головы встретило серьезное сопротивление иноземцев, добивавшихся подсудности только Посольскому приказу. В результате к концу XVII в. здесь сложилась своеобразная система управления. С 1695 г. всеми делами в съезжей избе ведал полковник-иноземец, назначавшийся из Военного приказа, а для несения караула в его подчинение командировались двадцать солдат и капрал. Зачастую в конфликтах с представителями московской администрации полковник «укрывал» и «не выдавал» жителей Немецкой слободы. Наряду с представителем центральной администрации в управлении слободой участвовали и «знатные люди», выборные от населения. По всей видимости, они же занимали первенствующее положение и в трех церковных общинах слободы.

Как уже говорилось, в слободе существовали три храма — два лютеранских и один реформатский. Община лютеранской кирхи Святого Михаила, основанная еще в первой половине XVII столетия иноземными купцами, именовалась «старой» или «купеческой». Вторая кирха, Петра и Павла (ее каменное здание было заложено в 1694 г. в присутствии царя Петра I), объединяла «новую», или «офицерскую», общину. Впоследствии «офицерская» распалась на две и под влиянием энергичного генерала Николая Баумана была построена еще одна кирха, пастором которой стал Иоганн Готфрид Грегори, сыгравший впоследствии значительную роль в создании русского театра. Реформатская кирха именовалась также голландской. С 1692 г. в Немецкой слободе было разрешено и католическое богослужение. Главное кладбище слободы было единым для всех исповеданий¹.

Большинство жителей слободы были выходцами из германских земель. Вероятно, на втором месте находились шведы и голландцы. Жили в слободе также датчане, англичане, шотландцы, ирландцы, значительно меньше было французов и итальянцев.

Немецкая слобода и ее жители оставили и более заметный след в истории Москвы, нежели уличные драки и стычки. Повседнев-

¹ Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты до эпохи преобразований. С. ИЗ, 114, 119—121; Ковригина В.А. Указ. соч. С. 66—69; Корб И. Указ. соч. С. 81.

ное общение москвичей с носителями иных культурных традиций подготовило почву для восприятия петровских реформ, развернувших Россию в сторону Запада. Далеко не все москвичи считали иноземцев «погаными» и сторонились их. Русские аристократы бывали в домах генералов и полковников в слободе, а те, в свою очередь, посещали их усадьбы. Например, зимой 1678 г., когда проводилось следствие по убийству стрельца в слободе, один из опрашиваемых, ротмистр И.И. Март, заявил, что ничего не может сообщить о происшествии, поскольку в тот вечер был в гостях у стольника князя Михаила Волконского¹.

Западное влияние успешнее всего распространялось в России через бытовую культуру — мебель, посуда, картины, гравюры и даже одежда из Европы были широко распространены в домах московских бояр и дворян. По свидетельству Олеария, двоюродный брат царя Михаила Федоровича боярин Н.И. Романов часто выезжал на охоту в «немецком платье». Да и сам Алексей Михайлович царевичем для «потехи» наряжался в иноземное платье, а уже будучи государем, в 1660 г. велел прислать себе из-за границы «кружев, в каких ходит шпанский король и французский, и царь». При его дворе носили польские ферезеи и турецкие кафтаны, однако более радикальные перемены в одежде запрещались. В 1675 г. царь выпустил указ, предписывавший дворянам, «чтобы они иноземских немецких и иных изычаев не перенимали, волос у себя на голове не постригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили, и людем свои потомуж носить не велели». Поводом к появлению этого указа стало поведение стольника князя Андрея Михайловича Кольцова-Мосальского, который «на голове волосы у себя постриг», за что был понижен в чине — переведен в жильцы. Следование князя западноевропейской моде легко объяснимо — его отец, по свидетельству голландского посланника Кунрада фон Кленка, жившего и торговавшего в Москве, был тому «брат названной, пивали и едали вместе по многие времена в дому боярина Никиты Ивановича Романова»².

В 1680 г. царь Федор Алексеевич выпустил первый в отечественной практике указ о регламентации придворной одежды: «...С 24 числа (октября. — С. III.) носить служивое платье ферезей

¹ Орленко С.П. Указ. соч. С. 177.

² Седов П.В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII в. СПб., 2006. С. 504-505; ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 1007-1008; Орленко С.П. Указ, соч. С. 176-177.

и турецкие, и долгополые кавтаны, а бешметов и коротких кованов отнюдь не носить». Было велено «отставить» также охабни и однорядки — верхнюю долгополую одежду. Очевидно, что главный смысл указа состоял не в том, чтобы ориентировать московскую знать на ту или иную культурную традицию, а во введении единообразия придворного платья¹. При этом сам придворный костюм при Федоре Алексеевиче подвергся влиянию и с Запада, и с Востока, сохранив при этом традиционную основу.

Весьма существенным было влияние западноевропейцев на военное дело в Московском государстве. Они служили офицерами в полках «иноземного строя», численность которых на протяжении XVII в. постоянно увеличивалась, пока к концу столетия они не составили более половины российской армии. При Петре I полки «иноземного строя» стали основой для формирования регулярной армии, а военные из Немецкой слободы — ее создателями. Оттуда вышли многие сподвижники царя-реформатора, сыгравшие большую роль не только в военной, но и в иных сферах — в науке, просвещении, промышленности: Ф.Я. Лефорт, П.И. Гордон, Я.В. Брюс, Л.А. Блюментрост, Н. Бидлоо, И.П. Тамес и др.

В Немецкой слободе берет начало история русского театра. В 1672 г. любимец царя Алексея Михайловича Артамон Матвеев организовал в «комедийной хоромине» в Преображенском представление «Артаксерксова действия» (по сюжету библейской Книги Эсфирь). Режиссером выступил пастор Грегори, актерами — «немцы» и русские. Царь был в восторге от представления, щедро наградил его участников и приказал создать постоянную театральную труппу, для которой закупили за границей музыкальные инструменты и создали богатые декорации².

Третьей по численности жителей из московских загородных слобод следует назвать Хамовную. Ее население объединялось не по национальному, а по профессиональному признаку: тут проживали ткачи — хамовники. Это наименование происходит от слова «хамьян», обозначавшего один из сортов недорогой шелковой ткани³. Слобода была образована еще в конце XVI в., когда сюда переселили жителей села Константиново Тверского уезда.

¹ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 509—515.

² *История Москвы с древнейших времен до XIX в. ...* С. 226—227.

³ *Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенные. СПб., 1896. С. 160.

Поэтому слобода в XVII в. некоторое время называлась Тверской-Константиновской.

Хамовники, как и кадаши, работали на царский двор, изготавливая ткани для шитья скатертей, занавесок, полотенец и др. Часть продукции уходила и на рынок. Земельные наделы хамовников напрямую зависели от количества продукции, которые они должны были доставить во дворец. За участок в 240 квадратных саженей полагалась полная норма выработки — «дело», за участок в два раза меньший — «полдела» и т. д. Всего в конце XVII в. слобода производила для нужд царского дворца до 230 кусков полотна. Помимо земельного жалованья, слобожане получали денежное и хлебное — по рублю и 6—7 четвертей ржи или овса за «дело». В середине XVII в. в Хамовной слободе насчитывалось 90 дворов¹.

До наших дней сохранилась великолепная церковь Хамовной слободы. Впервые она упоминается в документах под 1624/25 г. Современное каменное здание храма заложили в мае 1679 г., а освятили в 1682 г. Это великолепный памятник посадской архитектуры, обильно украшенный цветными изразцовыми вставками, пышными наличниками и порталами. При реставрации храма восстановили его подлинную раскраску конца XVII в. — белый фон и ярко-красные с зеленым детали. Колокольня, соединяющаяся с храмом посредством трапезной («кораблем»), выполнена еще более изящно и декоративно, чем сам храм. Во втором ее ярусе выделяются два окна со сложными наличниками из фигурного кирпича, увенчанные килевидными кокошниками, соединенные киотом в единую композицию. Особую нарядность создают цветные изразцы. Очень богато украшен «звон» с зубчатыми арками и большими и малыми кокошниками «вперебежку» в подножии шатра. На колокольне сохранились многие старинные колокола, в том числе колокол 1685 г., отлитый мастером Михаилом Ладыгиным.

Церковь Николая Чудотворца в Хамовниках была одной из многих, которая не закрывалась в советское время. Поэтому в ней сохранились старинные внутреннее убранство и чтимые иконы. Главной святыней храма является чудотворная икона Божией Матери Споручница грешных в иконостасе северного (левого) придела, в особо устроенном резном киоте. Изображение Пречистой Девы Богородицы на святой иконе — поясное, Она держит Бого-

¹ История московских районов: Энциклопедия... С. 36—37.

младенца, обеими ручками сжимающего Ее руку. В старину такой жест был распространен при заключении договоров в знак ручательства за верность взятым обязательствам. Само слово «Споручница» означает — Поручительница, Посредница между милосердным Богом и грешным человеком, Ходатаица за род человеческий. По старой московской традиции иконой Пресвятой Богородицы Споручница грешных родители благословляют детей на брак.

В храме находятся две иконы XVII в. святителя Алексия, митрополита Московского. Одна из них — в иконостасе южного придела — по преданию, происходит из Чудова монастыря, другая — в центральном иконостасе, — написанная царским изографом Иваном Максимовым (1686 г.). Примечательной особенностью этого образа является изображение на нем Московского Кремля со Спасскими воротами. Другие почитаемые иконы — Смоленская икона Божией Матери (XVII в.), Владимирская икона Божией Матери (подарок патриарха Пимена к 300-летию храма), икона Божией Матери Утоли Моя Печали, икона Божией Матери Скоропослушница, икона Божией Матери Троеручица, икона Мученика Иоанна Воина (XVII в.)¹.

В начале XVIII в. Петр I основал здесь казенную полотняную фабрику (Хамовный, или Полотняный, двор), отданную в 1718 г. в управление голландцу Ивану Павловичу Тамесу. Фабрика Тамеса на протяжении нескольких десятилетий была самой крупной в Москве.

Из других слобод, земли которых раскинулись за пределами Земляного города, следует отметить ямские. Ямщики несли службу на почтовых трактах и традиционно обитали на окраинах древнерусских городов, у выездов. Московские ямские слободы возникли в начале XVI в., но окончательно были обустроены при Борисе Годунове. Если двигаться против часовой стрелки, начиная с востока, то мы увидим Рогожскую ямскую слободу на Владимирском тракте, Переяславскую ямскую слободу на Троицком тракте, Тверскую ямскую слободу, Дорогомиловскую ямскую слободу и Коломенскую ямскую слободу на юге Москвы.

Рогожская ямская слобода упоминается еще в 1506 г. Ее наименование происходит от села Рогожи (впоследствии — город Богородск) на Владимирском тракте. В 1628 г. в Рогожской слободе было 67 дворов, в 1653 г. — 142 двора. Уже до 1625 г. здесь

¹ *Вострышев М.И., Шокарев С.Ю.* Москва православная: Все храмы и часовни. М., 2012. С. 322—324.

стояло каменное здание церкви Преподобного Сергия Радонежского (Святой Троицы), замененное более вместительным в конце XVIII в. В 1697 г. ямщики построили еще одну церковь, освященную во имя святителя Николая и перестроенную в 1868 г.

Переяславская слобода, согласно преданию, была основана еще Иваном IV. Эти земли были хорошо освоены уже в те времена. Сосуществовали с Переяславской ямской слободой Троицкая слобода, принадлежавшая Троице-Сергиеву монастырю, и земли села Напрудного. Слободской храм этой слободы был посвящен святому Иоанну Предтече.

Тверская ямская слобода была одной из крупнейших. В 1652 г. она насчитывала 96 дворов, а в 1686 г. — 107. Столь обширные размеры слободы вполне объяснимы — Тверская дорога на Тверь и Новгород являлась одной из самых основных и наиболее загруженных. По ней шло сообщение со всем Северо-Западом Российского государства. В 1624/25 г. упоминается слободской храм во имя Василия Кесарийского, который к 1688 г. уже выстроили в камне. Документы сохранили известие, что 7 марта 1633 г. священник этой церкви Феодор ходил на двор к слободскому приказчику Савве Рогозину петь молебен «от нечистово духу»¹. Вероятно, молебен этот возымел действие, поскольку о повторном богослужении документы не упоминают.

Дорогомиловская ямская слобода располагалась в старинном селе Дорогомилово, за Москвой-рекой. Вероятнее всего, это село существовало еще в домонгольскую эпоху, о чем свидетельствует его название — от славянского имени Дорогомил, утраченного в послемонгольские времена на Руси, но сохранившегося у южных славян. Ямщики расположились прямо за Дорогомиловской переправой, которая в XVI в. была лодочной и паромной, а в XVII в. здесь выстроили живой, или наплавной, мост. В 1638 г. в слободе насчитывалось 74 двора, в 1653 г. — 87 дворов. Как и другие ямские церкви, местная церковь во имя Богоявления впервые упоминается в 1624/1633 г. На протяжении XVII в. церковь просуществовала как деревянная — документы 1722 г. свидетельствуют о том, что в этом году было велено церковь достроить в камне. Следовательно, каменное строительство могло начаться либо в самом конце XVII в., либо в начале XVIII в.²

¹ *Материалы...* Ч. 1. Стб. 214.

² *История московских районов: Энциклопедия...* С. 123; *Материалы...* Ч. 1. Стб. 713.

Наконец, Коломенская ямская слобода, по всей вероятности, обслуживала все дороги, направлявшиеся на юг, — Калужскую, Серпуховскую (Тульскую) и Коломенскую (Рязанскую). Она была создана при Борисе Годунове. В 1628 г. здесь было 69 дворов, а в 1653 г. — 88 дворов. Слободской храм во имя святых Флора и Лавра в перестроенном виде сохранился до нашего времени. Он особо почитался московскими конюхами и извозчиками, которые приводили в престольный праздник нарядно украшенных лошадей, с разноцветными лентами и цветами, вплетенными в гривы, а священник в парадном облачении кропил их святой водой.

Загородные монастыри

Если посмотреть на карту Москвы XVI—XVII вв., то можно увидеть, что загородные монастыри полукольцом располагаются на востоке, юге и западе, но отсутствуют на севере. Возможно, это обстоятельство сыграло свою роль в возникновении существовавшего в московедческой литературе еще с XIX в. представления о «монастырях-сторожах», имевших важное оборонительное значение — север был той стороной света, откуда в Средние века не опасались нападения.

Новейшее исследование сакральной топографии Москвы, проведенное Л.А. Баталовым и Л.А. Беляевым, продемонстрировало несостоятельность представления о развитой системе обороны Москвы с участием монастырей. Нет данных о том, что на монастыри рассчитывали как на опорные пункты при обороне города, а участие монастырей в боевых действиях в эпоху Смутного времени было случайным. Из всех «загородных» монастырей Москвы можно выделить только три — Новоспасский, Симонов и Новодевичий, на которые уже в сравнительно позднее время (при царе Михаиле Федоровиче) рассчитывали как на узлы обороны в случае набега ногайских или крымских татар. Здесь, согласно разрядам, должны были сесть в осаду стрельцы и «монастырских слобод люди». Очевидно, расчет на возможность применения этих монастырей в обороне опирался на опыт Смутного времени, во время которого под стенами Симонова и Новодевичьего шли бои¹.

¹ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Указ. соч. С. 181—201.

Обзор «загородных» московских монастырей эпохи Средневековья мы начнем с востока, двигаясь далее по часовой стрелке на юг и на запад. Первым в этом ряду будет Спасо-Андроников монастырь. Он находился неподалеку от Владимирского тракта, на высоком берегу Яузы. Этот монастырь основан около 1360 г. святым Алексием в благодарность за спасение от бури во время путешествия в Константинополь на поставление в сан митрополита. Главный собор монастыря был посвящен иконе Нерукотворного Образа Спасителя, которой святитель молился на корабле и в день празднования которой он ступил на твердую землю. Память об этих событиях сохранилась и в местной топонимике. Ручей, протекавший неподалеку от монастыря, получил от преподобного Алексия имя Золотой Рожок — в память о константинопольской бухте Золотой Рог. Ныне это название отражено в наименовании Золоторожской набережной, улицы, проезда и улицы Золоторожский Вал. Новая обитель была создана митрополитом совместно с преподобным Сергием Радонежским, ученик которого преподобный Андроник стал первым игуменом монастыря¹.

Во второй половине XIV столетия в обители выстроили белокаменный собор во имя Спаса Нерукотворного Образа. Древнейшей датой строительства этого храма принято считать 1360-е гг., наиболее поздней — 1420-е гг. В любом случае Спасский собор, которому в 1959—1960 гг. был возвращен (согласно исследованиям историков архитектуры) первоначальный облик, в настоящее время является одним из древнейших каменных зданий Москвы. Росписи собора выполнены преподобными Андреем Рублевым и Даниилом Черным, которых позднее похоронили в этом храме. Здесь же находилась и усыпальница первых игуменов обители — преподобных Андроника и Саввы Московских. После разгрома обители в 1920-х гг. эти погребения были утрачены².

В XV—XVI вв. значение монастыря постепенно возрастало. В 1439 г. в нем была учреждена архимандрития (в Троице-Сергиевом монастыре она появилась только в 1561 г.). Продолжалось и каменное строительство — в 1504—1506 гг. создана обширная одно-

¹ *Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря.* М., 2003. С. 5-11.

² *Ульянов О.Г.* Древнейшая история некрополя Спасо-Андроникова монастыря // *Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. Материалы научно-практической конференции 31 марта — 1 апреля 1994 г.* М., 1996. С. 24-27.

столпная каменная трапезная монастыря. В 1690-х гг. по велению царицы Евдокии Федоровны Лопухиной трапезную достроили ярусным храмом в стиле нарышкинского барокко (строительство было окончательно завершено только в 1739 г.) во имя Михаила Архангела. В нижнем ярусе этого храма была создана церковь Знамения Божией Матери, ставшая усыпальницей Лопухиных.

Земельные богатства обители можно назвать средними. В 1653—1661 гг. она владела 204 дворами, а в 1678 г. — 210¹. Однако и этого было немало. Основная часть монастырских владений находилась в Московском уезде. Среди них в 1763 г. упоминаются села Карачарово, Печатники и деревня Кожухово — ныне районы Москвы². Вокруг самого монастыря возникла Андроньева (впоследствии — Воронья)слобода.

На протяжении XVI—XVII вв. Андроников монастырь неоднократно становился местом заключения многих лиц, знаменитых в летописях церковной истории. В 1509 г. в монастыре был заточен бывший новгородский архиепископ Серапион, вступивший в конфликт с преподобным Иосифом Волоцким и великим князем Василием III. Серапиону приходилось в монастыре тяжело, поскольку его преследовал андрониковский игумен Симеон, ученик Иосифа. Но заточение бывшего владыки в Спасо-Андрониковом продолжалось недолго. Великий князь, вероятно чувствуя свою вину перед Серапионом, повелел перевести его в Троице-Сергиев монастырь, в котором тот ранее был игуменом, где братия с почтением относилась к опальному. В 1511 г. отлучение от церкви с Серапиона было снято, а Василий III и митрополит Симон примирились с ним. В середине XVI в. Серапион был причислен к лику святых³.

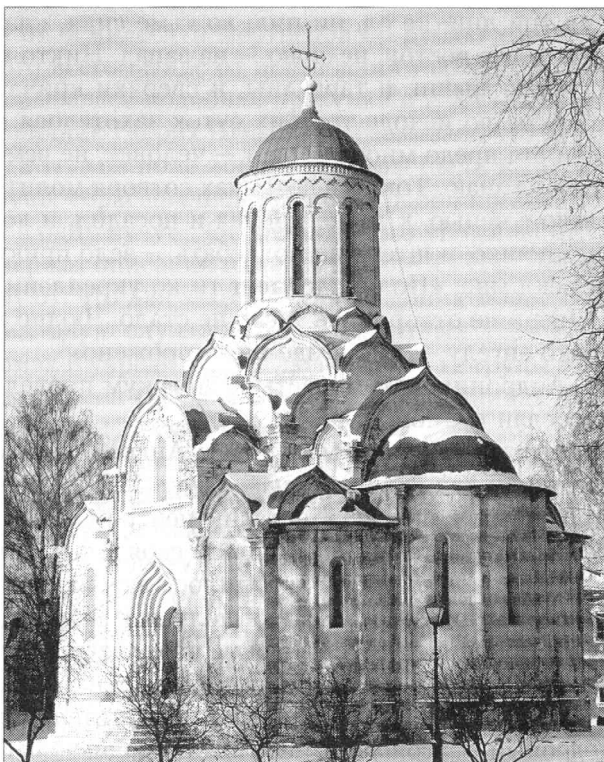
В июле 1553 г. в Спасо-Андрониковом в заточении оказался еще один бывший троцкий игумен — Артемий. Его обвиняли в причастности к ереси Матвея Башкина, и на соборном суде, благодаря показаниям свидетелей, осудили и отправили в Соловецкий монастырь. С Соловков Артемию и его ученику Фео-

¹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 85.

² *Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря...* С. 49. По ревизии 1744 г. монастырских крестьян насчитывалось 1674 души (Там же. С. 49).

³ *Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря...* С. 26—27; *Словарь книжников и книжностей Древней Руси*. Вторая половина XIV—XVI вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М., 1989. Ч. 2. Л—Я. С. 319.

Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря

досию Косому удалось бежать в Литву, где он создал несколько сочинений против католичества и лютеранства. Сочинения Артемия, написанные в России, свидетельствуют о его приверженности к нестяжательству и снисходительному отношению к еретикам. «Дела», в которых исполняются заповеди Господни, Артемий считал более важным средством для спасения души, нежели истовое исполнение обрядов¹.

Третий узник монастырской темницы наиболее знаменит. Летом 1653 г. сюда привезли скованного протопопа Аввакума и бросили, как он сам вспоминал впоследствии, «в темную палатку, ушла вся в землю». Вот как описывает Аввакум заключение в Спасо-Андрониковом монастыре:

¹ *Словарь книжников и книжностей Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI вв.* / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М., 1988. Ч. 1. А-К. С. 71-72.

«И сидел три дни, не ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чеши, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Также во исходе третьих суток захотелось есть мне; после вечери ста предо мною, не вем — человек, не вем — ангел, и по се время не знаю. Токмо в потемках сотворя молитву и взяв меня за плечо с чепью, к лавке привел и посадил, и лошку дал, и хлебца немношко, и штец дал похлебать — зело прикусны, хороши! — и рекл мне; «Полно, довлеет ти ко укреплению!» И не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало. Чюдно только — человек, а что ангелу — ино везде не загорожено»¹.

В Спасо-Андрониковом монастыре Аввакум провел месяц, а затем был сослан в Сибирь.

Не стоит, однако, воспринимать Спасо-Андроников монастырь лишь как темницу для вольнодумцев. Уже в XV в. обитель стала крупным духовным и просветительским центром, здесь была собрана большая библиотека, существовала своя школа книгописания. В Андрониковом монастыре родилось важное новшество в книжном деле, которое впоследствии получило широкое распространение. В Изборнике 1402 г. впервые появляется оглавление в начале книги². В XVI—XVII вв. из Спасо-Андроникова монастыря вышли многие архиереи, в том числе — просветитель Казанского края преподобный Варсонофий, впоследствии епископ Тверской.

Документы XVII в. свидетельствуют, что при Спасо-Андрониковом монастыре (или неподалеку от него) существовал Убогий дом, или скудельница. Об этом примечательном явлении средневековой русской жизни следует сказать отдельно. Убогие дома (божедомы, скудельницы) представляли собой братские могилы, в которых хоронили умерших от эпидемий, погибших во время вражеских нашествий или от несчастных случаев, казненных, а также иноверцев, о которых некому было позаботиться.

Впервые скудельницы упоминаются в 1215 г. при описании мора в Новгороде. Во время чумы XIV в. в Москве «полагаху по пяти и по десяти во едину могилу». В братских могилах совершались погребения жертв разгрома Москвы Тохтамышем в 1382 г.: Дмитрий Донской «повелеша телеса мертвых хоронити

¹ *Житие* Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. М., 1991. С. 37.

² *История* Москвы с древнейших времен до XIX в. ... С. 83.

и даваста от осмидесяти мертвецов по рублю хоронящим мертвыя. И того всего выиде от погребания мертвых 300 рублей»¹.

Не прерывалась подобная практика и в XV—XVII столетиях. Немец-опричник Генрих Штаден рассказывает, что во время чумы 1566—1572 гг. «на поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу»². Особенно много упоминаний о скудельницах содержат описания голода в начале XVII в. Источники свидетельствуют, что для захоронения умерших Борис Годунов создал специальную службу: «Повеле мертвых людей погребати в убогих домах и учреди к тому людей, кому те трупы збирати». По мнению Авраамия Палицына, в трех скудельницах под Москвой было погребено 127 тысяч человек³.

Обычно над ямами, в которых складывались трупы, ставились деревянные сооружения с крестом наверху, а сами ямы оставались открытыми до Семика (четверга седьмой недели по Пасхе, а по древним языческим представлениям — Русальей недели). В Семик горожане шли со свечами крестным ходом «проводить скудельницу». Священники служили общую панихиду по умершим, и братская могила засыпалась (иногда перед этим трупы извлекались, омывались, заворачивались в саваны и погребались в отдельных гробах). Тут же выкапывалась новая яма. Затем справлялась поминальная трапеза; блины, пироги и другие яства раздавались нищим. Связь Семика с древними языческими праздниками была очевидна уже для первого исследователя этого явления И.М. Снегирева. В Новгороде (1636 г.) народ устраивал у убогих домов в Семик «позорища», «многонародный зело безчинства, полны и убийства». В то же время обычай братского соучастия в погребении и поминовении «убогих» мертвецов был близок к раннехристианской традиции с ее особой заботой о телах единоверцев⁴.

В Москве XVII в. известны убогие дома при Варсонофьевском монастыре, за Серпуховскими и Петровскими воротами,

¹ Зеленин КД. Избранные груды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 62; ПСРЛ. Т. X. С. 223; Т. XI. С. 3; Т. XXV. С. 182, 210.

² Штаден Г. Указ. соч. Т. 1. С. 123.

³ ПСРЛ. Т. 14. С. 55; Буссов К. Указ. соч. С. 35; Сказание Авраамия Палицына. С. 106.

⁴ Зеленин КД. Указ. соч. С. 62—66, 77, 98—101; Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Т. I. С. 13, 200; Баталов А.Л., Беляев Л.А. Указ. соч. С. 272, 273.

при Покровском (о нем — далее) и Андрониковом монастырях. Неоднократно упоминаются убогие дома и во второй половине XVII в. — при деревянной церкви Воскресения Лазаря в Марьиной Роще, у Немецкого кладбища; при церкви Иоанна Воина на Божедомке; возможно, при Андреевском и Даниловом монастырях. Названия церквей Пречистенского сорока — Спаса Нерукотворного Божедомская, Пятница Божедомская и др. — свидетельствуют об их связи с убогими домами¹.

В 1732 г. указом епархиального управления убогий дом при церкви Иоанна Воина был переведен в Марьину Рощу. Приходскому священнику предписывалось «новоопределенной анбар, которой от сея Воздвиженской церкви перенесен и поставлен в поле на новых ямах для кладбища человеческих мертвых тел убогих, телес ведать и смотреть, и ключ анбарный держать и присланные из разных приказов человеческие мертвые тела в анбаре класть и по вся лета в четверток седьмая неделя по Пасце в погребение мертвых телес поминовение чинить тебе попу»². Запрещение хоронить при убогих домах вышло в 1771 г., однако прекратилась эта практика только в конце XVIII в.

Широкую известность в начале XVII в. приобрела скудельница, находившаяся за Таганскими (Болвановскими) воротами Земляного города. В нее бросили труп Лжедмитрия I, что повлекло за собой грозные происшествия — «...паде мраз на всеплодие и отъят от наю тука пшенична и гроздия, доднеже зломсрадно тело его на земли повержено быша»³. Другие сочинения сообщают не только об угрожающих природных явлениях, но и о знамениях у тела мертвого самозванца. Поэтому труп Лжедмитрия был извлечен из скудельницы и сожжен, а пеплом выстрелили из пушки на запад, в сторону Речи Посполитой.

В 1626 г. здесь упоминается церковь Покрова Пресвятой Богородицы, «что за Яузою, Убогова дому». При ней в 1635 г. царь Михаил Федорович основал монастырь в память об отце, патриархе Филарете, и вместо упраздненной обители Покрова в Ста-

¹ Буссов К. Указ. соч. С. 75; Флетчер Д. Указ. соч. С. 150; Коллинс С. Указ. соч. С. 195; Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 235—263.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 327. Оп. 1. Д. 51. Л. 89.

³ Русская историческая библиотека (далее — РИБ): В 39 т. Т. 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Стб. 59-60.

рых Садах. В 1655 г. собор монастыря был отстроен в камне, а в 1682 г. здесь построили каменную церковь Всех Святых. Несмотря на это, небольшой и новый монастырь занимал весьма скромное положение. Примечательны лишь таланты некоторых монашествующих этой обители. В 1697 г. строитель монастыря иеромонах Паисий починил часы, находившиеся в серебряном паникадиле в Крестовой палате, за что был награжден патриархом 16 алтынами и 4 деньгами. В 1702 г. он же чинил «боевые часы» в паникадиле все в той же Крестовой палате, за что получил 3 алтына и 2 деньги. Из документов не ясно — те ли это были часы или иные, и в связи с этим награда Паисию уменьшилась в пять раз или после кончины патриарха Адриана местоблюститель был не столь щедр. В те же годы, в 1701 г., старец Иаков удостоился гораздо большей награды уже от царя. Он получил 50 рублей за то, что «признал от Москвы к Воронежу разными реками новый водный путь»¹.

В отличие от Покровского Новоспасский монастырь являлся одним из наиболее крупных и значимых. Он возник в XV в. при необычных обстоятельствах. После пожара 1487/88 гг., во время которого выгорел старейший кремлевский монастырь — Спасский на Бору, великий князь Иван III распорядился перенести обитель на новое место, а бывшую монастырскую территорию в Кремле изъять под строительство дворца. Новая обитель на берегу Москвы-реки создавалась при участии великого князя. В 1491 г. по его велению архимандрит Афанасий заложил каменный собор во имя Преображения Господня, который завершили в 1496 г. Новый монастырь получил наименование Спас на Новом или Новоспасский. Вскоре после завершения строительства собора, в 1497 или в 1498 г., в этой обители упокоился прах боярина Василия Юрьевича Захарьина-Кошкина, положившего начало традиции погребения здесь этого знатнейшего старомосковского рода. По различным письменным источникам XVII в., более поздним описаниям и результатам археологического исследования соборной усыпальницы установлены имена 41 представителя рода Захарьиных-Кошкиных-Юрьевых-Романовых и их родственников (князей Черкасских, Трубецких, Сицких и др.), погребенных в Спасском соборе и в Знаменской церкви. В их числе — Роман Юрьевич Захарьин, отец царицы Анастасии, ее брат, Никита Ро-

¹ *Материалы...* Ч. 1. Стб. 839.

манович Юрьев, прославленный как «добрый боярин» в народных песнях, «государыня-инока» Марфа, в миру Ксения Ивановна Шестова, мать царя Михаила Федоровича. Последним по времени в эпоху Средневековья стало погребение здесь в 1679 г. царевны Ирины Михайловны, дочери царя Михаила Федоровича¹.

Значение усыпальницы «царских прародителей» определило судьбу монастыря в XVII в. Он пользовался особым почитанием первых Романовых, которые совершали сюда богомольные походы, здесь часто бывал патриарх, совершавший заупокойные или поминальные службы по умершим родичам царствующей династии. На протяжении этого столетия Новоспасский монастырь получал щедрые пожалования и к концу XVII в. по объему земельных богатств находился на третьем месте среди московских монастырей после Троице-Сергиева и Чудова (2266 дворов в 1678 г. и 2854 в 1700 г.)².

В монастыре велось активное каменное строительство. Еще в конце XVI в. здесь построили колокольню, на которой были установлены часы «с боем». Впоследствии колокольня неоднократно перестраивалась. В 1620 г. в обители выстроили палату для патриарха, в 1640—1642 гг. — стены и башни, в 1642—1644 гг. — братские келии, в 1645—1649 гг. монументальный Спасский собор, в 1656 г. — церковь Николая Чудотворца, в 1673—1675 гг. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1678 г. известный живописец Оружейной палаты Федор Евтихьевич Зубов с артелью дворцовых мастеров исполнили росписи Спасского собора. Среди других сюжетов в южной галерее изобразили родословную русских государей — от княгини Ольги до царя Алексея Михайловича. В XVIII столетии в обители сложились усыпальницы знатнейших фамилий, родственных Романовым, — князей Черкасских и графов Шереметевых.

Новоспасский монастырь обладал обширным хозяйством и на окружавшей его территории. В самой обители располагался фруктовый сад, а за ее стенами — два копанных живорыбных пруда. С южной стороны к монастырской стене примыкал конюшенный двор. В XVII в. вокруг обители возникла монастырская Новоспасская слобода.

¹ Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносивтов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре / Под ред. д. и. н. А.К. Станюковича и д. м. н. В.Н. Звягина. Кострома, 2005. С. 18—24, 178, 179.

² Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 85.

Новоспасский монастырь.

Фотография из «Найденовского альбома». 1882 г.

Благодаря уникальному статусу Новоспасского монастыря настоятельство в нем часто становилось ступенькой для достижения епископской, а то и патриаршей кафедры. В 1646 г. царь Алексей Михайлович добился Новоспасской архимандритии для полюбившегося ему Никона, в ту пору игумена Кожеозерского монастыря, а позднее — патриарха и реформатора русской церкви. Из настоятелей Новоспасского монастыря были также еще два патриарха — Иов и Питирим.

Неподалеку от Новоспасского монастыря расположен еще один уникальный архитектурный памятник эпохи Средневековья — подворье митрополитов Крутицких и Подонских. Само наименование Крутицы, давшее название как подворью, так и митрополии, связано с крутизной берега Москвы-реки, на котором оно было выстроено. История этой митрополии весьма примечательна. Она была основана как епископия в 1261 г. с центром в столице Золотой Орды — городе Сарае (Сарай-Бату) и именовалась Сарайской. Позднее каноническая территория этой епархии сместилась, и она получила наименование Подонской (от реки Дон), а по названию резиденции — Крутицкой и Подонской.

Московское предание гласит, что первый храм на Крутицах в честь Успения Пресвятой Богородицы был сооружен по желанию святого благоверного князя Даниила Московского в конце XIII в., а затем возле него возникла небольшая обитель. Упоминания о монастыре «святой Богородицы на Крутицах» содержатся в духовных грамотах великих князей Московских Ивана Ивановича (1359 г.) и Дмитрия Ивановича Донского (1372 г.). Впрочем, известный историк В.А. Кучкин высказал сомнения в том, что здесь в XIV в. существовал монастырь. Ученый предположил, что в духовных грамотах имеется в виду будущий Симонов монастырь, которому предшествовала великокняжеская богородичная обитель на берегу Москвы-реки¹.

Резиденция сарайского епископа здесь известна с середины XV в. В 1589 г., как один из главных архиереев Российского государства, он был возведен в сан митрополита. Со второй половины XVII в. митрополия получила современное наименование — Крутицкая и Коломенская.

В 1516 г. на Крутицком подворье завершили строительство каменного Успенского собора, который ко второй половине XVII в., видимо, обветшал. В 1665—1670-х гг. возвели двухэтажные митрополичьи палаты. На подклете старого Успенского собора в 1672—1675 гг. поставили Крестовую палату (в 1760-х гг. перестроена в церковь Воскресения Словущего) и домовую церковь Святителя Николая. Новый Успенский собор с нижней церковью Апостолов Петра и Павла и колокольной, служившей усыпальницей митрополитов, был построен в 1682—1689 гг. В 1693—1694 гг. переходами он был соединен с митрополичьим дворцом.

Главной достопримечательностью Крутицкого подворья являются Святые ворота, выстроенные в 1693—1694 гг. Ларионом Ковалевым и Осипом Старцевым. Ворота с двумя арочными проемами были увенчаны «теремком», фасад которого, украшенный богатым архитектурным декором (разорванные фронтоны, наличники, декоративные колонки, увитые виноградной лозой и т. д.), целиком состоит из поливных многоцветных изразцов. В комплекс подворья также входили палаты Крутицкого казенного приказа и Набережные палаты (архиерейские иокои с кухней), а также прекрасный большой сад².

¹ Кучкин В.А. О начале Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV-XVI вв. М., 1995. С. 120.

² Вострышев М.И., Шокарев С.Ю. Указ. соч. С. 516.

Крутицкий сад был устроен в середине XVII в. с большой любовью и тщанием. Здесь произрастали редкие породы деревьев и кустарников, лекарственные и ароматические травы, цветы. Вероятно, на углах сада были возведены теремки, на пересечении аллей поставлены беседки, в некоторых местах выведены на поверхность родники (возможно, оформленные как фонтаны). Он был вынесен за пределы подворья, разбит вдоль восточной стены и обнесен оградой. Создание этого прелестного сада должно было обеспечить «упокоение» и «прохлаждение» трудившимся здесь над переводом Библии ученым монахам во главе с Епифанием (Славинецким)¹.

Далее к югу, также на левом берегу Москвы-реки находился Симонов монастырь. Выше уже говорилось, что эта обитель, основанная племянником преподобного Сергия Радонежского Феодором Симоновским в 1377 г., позднее им же была перенесена на новое место. Первоначальный монастырь с церковью во имя Рождества Пресвятой Богородицы, что в Старом Симонове, сделался скитом, а с середины XVII в. — приходским храмом.

Ранняя история монастыря известна по монастырским преданиям. Само его наименование принято связывать с богатым вкладчиком Симоном (в миру князем Стефаном Васильевичем), выходцем из Крыма, «сурожанином» и родственником византийской империи Комнинов, который на старости лет принял постриг в этой обители. Существует мнение, что князь Стефан Васильевич принадлежал к династии Гаврасов и правил в княжестве Феодоро, располагавшемся в горном Крыму (его столица — крепость Мангуп). Под напором татар, а также из-за каких-то еще причин Стефан передал бразды правления над Феодоро сыну Алексею, а сам в конце XIV в. поехал в Москву, возможно за помощью в отражении агрессии степняков. Вместе со Стефаном выехал и его сын Григорий Ховра, упоминающийся в источниках как строитель Симонова монастыря, родоначальник Ховриных и Головиных, бывших вкладчиками этой обители и погребавшихся здесь вплоть до XIX в.²

В.А. Кучкин высказал иное предположение о возникновении названия Симонов. Он связывает его с именем великого князя Семена Ивановича Гордого и считает, что земли, на которых впо-

¹ Черный В.Д. Указ. соч. С. 77—79.

² Кесмеджи Г., Кесмеджи П. Княжество Феодоро. Симферополь, 1999. С. 43.

следствии возник монастырь, принадлежали великокняжескому дому. Здесь некогда стояла великокняжеская обитель, посвященная одному из праздников, связанных с земной жизнью Богородицы. В 1377 г. преподобный Феодор основал Рождественский монастырь, впоследствии известный как Старый Симонов, а в 1379 г. — Успенский монастырь, получивший название Симонов¹.

Как можно видеть, загадок в ранней истории монастыря немало. Еще одной можно считать факт захоронения в церкви Рождества в Старом Симонове героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, чьи гробницы бережно сохранялись до революции и в настоящее время восстановлены. Не вполне ясно, чем обусловлено это захоронение — ведь Пересвет и Ослябя были монахами Троицкой, а не Симоновской обители, — и почему для погребения избрана церковь старого, а не нового монастыря. К счастью, сама церковь, выстроенная в начале XVI в., до нашего времени сохранилась, несмотря на то что пространство вокруг нее было в советское время застроено корпусами завода «Динамо». Меньше повезло территории Успенского Симонова монастыря, где были уничтожены собор, четыре монастырские церкви, колокольня и другие монастырские постройки и уцелели лишь часть стен с башнями, келарский корпус, Тихвинская церковь, трапезная, сушило и казначейские кельи.

Существует предание, что Симонов монастырь посещал преподобный Сергий Радонежский, который своими руками ископал здесь Святое озерко, или Сергиев пруд, ныне не существующий. В 1405 г. монастырский Успенский собор был выстроен в камне. В 1485 г. была построена монастырская трапезная. При царе Федоре Алексеевиче трапезную перестроили известные зодчие П. Потапов и О. Старцев. Этот прекрасный памятник московского барокко сохранился до нашего времени.

Успенский собор был местом упокоения многих знатных родов Московского государства. В 1433 г. в нем похоронили младшего сына Дмитрия Донского, князя Константина Углицкого, в монашестве Кассиана. Здесь погребали князей Мстиславских, Сулешовых, Урусовых, бояр и дворян Головиных, Татищевых, Бутурлиных, Мусиных-Пушкиных и др. В 1610 г. в соборе был похоронен царь Симеон Бекбулатович, по воле Ивана Грозного сидевший на московском престоле, а затем страдавший за это

¹ Кучкин В.А. О начале Симонова монастыря... С. 120—121.

Церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове.
Фотография из «Найденовского альбома». 1882 г.

при Годунове, самозванце и Шуйском, которые видели в несчастном старике династического соперника.

Сохранившиеся монастырские стены и башни производят внушительное впечатление и действительно учитывались в XVII в. при организации обороны Москвы от возможных татарских набегов. Кирпичная ограда (вряд ли серьезная была) выстроена здесь еще в середине XV в. Владимиром Григорьевичем Ховринным. В Смутное время ее укрепили, и монастырь использовался как опорный пункт во время борьбы с поляками. После разгрома мартовского восстания 1611 г. «последние люди Московского государства седоша в Симанове монастыре в осаде и начаша дожидаться ратных людей под Москву»¹. В 1618 г. во время похода королевича Владислава на Москву в Симоновом монастыре оборонялся Никон Федорович Бутурлин с 391 ратными людьми.

¹ *Новый летописец*... С. 109.

Позднее сам воевода упокоился в родовой усыпальнице в Успенском соборе обители.

Симонов монастырь рассматривался как возможный узел обороны и в дальнейшем. В 1640-х гг. здесь была выстроена мощная ограда, которая частично сохранилась до нашего времени, как и три внушительного вида башни — Дуло, Кузнечная и Солевая. Из них наибольшее впечатление производит Дуло, ее украшает высокий шатер со множеством небольших окошечек-слухов и двухъярусной смотровой вышкой, который, по мнению историка архитектуры М.А. Ильина, создавался под влиянием шатра Воскресенского собора в Новоиерусалимском монастыре¹. Не вполне ясно — на собственные средства строил монастырь каменные стены и башни или в строительстве принимала участие государева казна. В любом случае в XVI—XVII вв. Симонов монастырь являлся одним из самых богатых, уступая только Троице-Сергиеву, Чудову и Новоспасскому. В 1653—1661 гг. он владел 2407 дворами, в 1678 г. — 2636 дворами, а в 1700 г. — 2508 дворами².

Данилов монастырь справедливо считается древнейшей обителью Москвы. Как показали археологические исследования Л.А. Беляева, проведенные в обители в период ее возрождения в 1980-х гг., монастырь возник в местности, освоенной уже на рубеже X—XI вв. Здесь, на берегах речки Даниловки, обнаружено крупное Даниловское селище, являющееся одним из наиболее ранних свидетельств проникновения славянских поселенцев на эту территорию. На месте славянского селища, согласно летописному свидетельству середины XIV в., первый московский князь Даниил Александрович создал монастырь, главный храм которого был посвящен его святому покровителю — Даниилу Столпнику.

Данилов монастырь мыслился как княжеский, совмещавший богомолье и загородную усадьбу, что близко к домонгольским традициям. Управлялся монастырь архимандритом, что еще раз свидетельствует о его особом положении. В 1330 г. при создании Иваном Калитой кремлевского Спасского монастыря (на Бору) архимандрития была перенесена в новую обитель, а Данилов монастырь постепенно пришел в запустение. Вероятнее всего, его

¹ Ильин М.А. Москва. М., 1963. С. 151—152. М.А. Ильин также считал, что сама башня Дуло была выстроена еще в конце XVI в., возможно известным зодчим Федором Конем.

² Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 85.

деревянный храм стал приходским для села Даниловского, а вокруг церкви возник погост, сельское кладбище. В середине XVI в. получило известность местное предание о том, что на кладбище в Даниловском покоятся останки основателя династии московских князей — Даниила Александровича. В Степенную книгу, составленную в 1560-х гг., были включены известия о чудесных явлениях от могилы князя, происходивших во времена Ивана III и Василия III. При Иване Грозном монастырь был возрожден, а во второй половине 1550-х и до 1561 г. в нем выстроили каменный храм, получивший редкое посвящение — во имя Святых Отцов семи Вселенских соборов¹.

В 1591 г. под стенами монастыря русские войска встретили татар хана Казы-Гирея, подступившего к Москве. Здесь был устроен «обоз», сюда подтянулась и артиллерия, однако татары побоялись вступить в бой и расположились у села Коломенского. Ночью возникла тревога, по всей линии обороны русских войск стали стрелять из пушек, что привело татар в замешательство, а высланная вперед разведка внушила мысль о нападении. В панике крымцы отступили.

В Смутное время Даниловское вновь стало местом боевых действий. Здесь осенью 1606 г. столкнулись войска Ивана Болотникова и молодого воеводы князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Казаки Болотникова выстроили острог в соседнем с Даниловским селе Заборье, где были осаждены и долго отбивались, пока не капитулировали. Позднее Данилов монастырь был сожжен тушинцами.

«Все эти события показывают Даниловскую местность как поле, большое открытое пространство, удобное для собраний, маршей, маневров, сосредоточения сил, — пишет археолог Л.А. Беляев. — Причем поле это занимает важное в стратегическом отношении место: возможно, в силу имеющейся переправы оно контролирует южное предполье Москвы. В то же время монастырь нигде не упоминается как центр обороны, нет никаких сведений о его осадах или штурмах: он не имел мощных укреплений»².

В середине XVII в. произошло событие, которое вновь, как и сто лет назад, привлекло внимание всей Москвы к Данилову монастырю. 30 августа 1652 г. в монастыре были обретены и пере-

¹ Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы... С. 101 — 151.

² Там же. С. 106.

**Собор Святых Отцов семи Вселенских соборов.
Фотография из «Найденовского альбома». 1882 г.**

несены в храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов мощи благоверного князя Даниила Московского. Во второй половине XVII в. в монастыре выстроили еще один храм — во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Впрочем, на протяжении всего XVII столетия Данилов монастырь так и не стал ни знаменитым, ни богатым. Об этом свидетельствуют данные о его земельных владениях: в 1653—1661 гг. — 176 дворов, в 1678 г. — 242 двора, в 1700 г. — 142 двора¹. Известность пришла к этой обители только в XIX в., когда на монастырском кладбище упокоились многие представители знатного дворянства, крупного купечества, литераторы, ученые и общественные деятели, и в первую очередь Н.В. Гоголь.

¹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 85.

Донской монастырь был создан как памятник победе над ханом Казы-Гиреем в 1591 г., о которой уже упоминалось при описании Данилова монастыря. Набег Казы-Гирея являлся последним нашествием крымских татар на Москву. Об этих событиях красочно рассказывает Н.М. Карамзин:

«Казы-Гирей шел осторожно, стал против села Коломенского, и с Поклонной горы обозрев места, велел своим Царевичам ударить на войско Московское. Дотоле все было тихо; но как скоро многочисленная конница неприятельская спустилась с высоты на равнину; загремели все бойницы стана, монастырей, Кремлевские, и Сотни отборные из каждого полку с отборными Головами, дружины Литовские, Немецкие с их Капитанами выступили из укрепления, чтобы встретить Крымцев; а Воеводы с главным войском оставались в дощатом городке и ждали своего часа. Битва началась вдруг во многих местах: ибо неприятель, осыпанный пушечными ядрами, разделился, пуская стрелы и в схватке действуя саблями лучше наших; но мы имели выгоду, искусно стреляя из ручных пищалей, стоя и нападая дружнее. Песчаная равнина покрывалась более Мусульманскими, нежели Христианскими трупами, в виду у Хана и Москвитян, коими стены, башни, колокольни были унижены, вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса; ибо дело шло о Москве: ее губили или спасали победители!..

Сражение было не решительно. С обеих сторон подкрепляли ратующих; но главные силы еще не вступали в дело: Мстиславский, Годунов с Царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались с места, ожидая Хана, который с своими надежнейшими дружинами занял ввечеру село Воробьево и не хотел сойти с горы, откуда алчный взор его пожирал столицу, добычу завидную, но не легкую: ибо земля стонала от грома Московских пушек и Россияне бились мужественно на равнине до самой ночи, которая дала наконец отдых тому и другому войску. Множество Татар легло в сече; множество было ранено: Царевич Бахты-Гирей, несколько больших Князей и Мурз; взято в плен также немалое число людей знатных. Дух упал в Хане и в Вельможах Крымских: они советовались, что делать, и более ужасали, нежели ободряли друг друга рассуждением о следствиях новой, решительной битвы, — слыша пальбу беспрестанную, видя сильное движение между нашим станом и Москвою: ибо Годунов, не жалея пороха, велел и ночью стрелять из пушек, для устра-

Икона Донской Божией Матери

шения неприятеля, и граждане после сечи толпами устремились в стан, приветствовать храбрых, видеть живых друзей и родственников, узнать о мертвых. Пленники Российские, верные отечеству и в узах, ответствуя на вопросы Хана, говорили ему, что в Москву пришло свежее войско, из Новагорода и Пскова; что мы стреляем в знак радости, не сомневаясь в победе, и еще до рассвета ударим всеми силами на Крымцев. Хан мог им и не верить; но уже видел обман Короля Шведского: видел, что Россия, не взирая на войну с Шведами, имеет довольно защитников — и бежал за час до света!»¹

В знак чудесного избавления Москвы от крымского нашествия, которое связывали с заступничеством чудотворной иконы Дон-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. IX. С. 150-153.

ской Божией Матери, на том месте, где находился обоз русского войска, по царскому велению был создан монастырь во имя этой святыни. Древнейшее сооружение монастыря — Малый (или Старый) собор был выстроен в 1591—1593 гг. Это небольшой одноглавый храм с тремя ярусами кокошников, выстроенный в господствовавшем в то время годуновском стиле. Благодаря сложному крещатому своду собор не имеет внутренних столбов. Современник этих событий дьяк Иван Тимофеев сообщает, что этот храм был выстроен Борисом Годуновым, который по своему безмерному тщеславию приказал изобразить собственный образ в храмовой росписи¹. Проверить это утверждение мы, к сожалению, не можем — первоначальные фрески собора не сохранились. В 1670-х гг. к нему были пристроены небольшая шатровая колокольня, трапезная и приделы во имя преподобного Сергия Радонежского и преподобного Феодора Студита.

В конце XVII в. монастырь пополнился новым, более величественным собором, который также посвящен Донской иконе Божией Матери и получил наименование Большой или Новый. Его начали строить по обету, данному царевной-правительницей Софьей, в 1684 г. Очевидно, строительство в Донском монастыре было связано с внешнеполитическими планами правительницы — началом борьбы с Крымом в составе общеевропейской коалиции (Священной лиги). Начиная строительство собора, она стремилась снискать благословение Пресвятой Донской Богородицы в борьбе с «безбожными агарянами». Но, увы, походы были не удачны и разорительны, и в связи с этим средства на строительство, выдававшиеся из казны, иссякли. Когда же сама Софья лишилась престола, храм достраивали на пожертвования царевны Екатерины Алексеевны и других жертвователей. Закончили его только в 1698 г.

Это — величественный пятиглавый собор, стоящий на высоком подклете и окруженный двухъярусной арочной галереей. Лестницы галереи расположены по четырем сторонам света, крестообразно. К основному кубическому объему храма также с четырех сторон примыкают полукруглые выступы, увенчанные боковыми главами. С восточной стороны таким же образом создана алтарная часть. Белокаменный декор собора (оконные проемы и порталы)

¹ *Временник* Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О.А. Державиной, под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 2004. С. 43.

выполнен в стилистике нарышкинского барокко. Великолепным образцом этого стиля является восьмиярусный резной иконостас собора, выполненный в 1688—1689 гг. и 1692—1693 гг. мастерами Оружейной палаты К. Золотаревым, Л. Андреевым, Г. Алексеевым и И. Федоровым.

В те же годы, что и строительство собора, была возведена монументальная ограда с массивными башнями, украшенными в стилистике нарышкинского барокко. В конце XVII в., когда южные границы государства отодвинулись далеко в степь, такие стены уже не рассматривались как средство обороны, скорее они подчеркивали значимость и могущество обители.

А между тем еще в середине XVII в. Донской монастырь как беднейший был приписан к соседнему Андреевскому. В 1678 г. царь Федор Алексеевич указал восстановить обитель, и с этого времени в Донской монастырь стали поступать щедрые пожалования — самого царя, его сестер Софьи и Екатерины и тетки Ирины Михайловны. В результате к 1700 г. число монастырских дворов возросло до 1525¹. При царевне Софье монастырь получил архимандритию, в 1681 г. к нему приписали Тверской Видогоцкий монастырь и Медведеву пустынь в Дмитровском уезде, а в 1685 г. — Жиздринский монастырь в Брянском уезде, Шаровкин монастырь в Перемышльском уезде и Тихонову пустынь в Малоярославецком. Приписывали новые обители к Донскому монастырю и в первой половине следующего столетия.

В XVIII в. монастырский ансамбль пополнялся новыми сооружениями, а во второй половине столетия здесь начал формироваться некрополь московского дворянства. Благодаря тому, что в советскую эпоху в монастыре был создан Музей архитектуры (впоследствии — имени А.В. Щусева), монастырский некрополь XVIII — начала XX в. сохранился до нашего времени. В 1930—1950-х гг. сюда свозили надгробия с других, разрушавшихся старинных кладбищ Москвы. В результате под галереей Большого собора можно обнаружить немало интересных надгробных памятников XVII в. Среди них, например, надгробие боярина Ивана Михайловича Милославского (умер 27 июля 1685 г.), дяди царицы Софьи и одного из зачинщиков Стрелецкого бунта 1682 г. Оно было перевезено в Донской монастырь после разрушения церкви Святого Николая, что в Столпах (в Армянском переулке).

¹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 85.

Предания относят основание Андреевского монастыря к XIII в., однако документально эта дата не подтверждена. Монастырь расположен на берегу Москвы-реки у подножия Воробьевых гор. Считается, что первоначально монастырь был посвящен празднику Преображения Господня. В 1547 г. монастырь сгорел. В 1591 г. здесь в знак избавления Москвы от нашествия хана Казы-Гирея (в День мученика Андрея Стратилата) здесь был построен деревянный храм во имя этого святого, который дал новое наименование обители. Вероятно, после Смутного времени обитель пришла в упадок и была упразднена¹.

В документах патриаршей канцелярии церковь Святого Андрея Стратилата, что в Пленницах («Пленицах»), упоминается с 1624/25 г. Сохранилось ее описание того времени: «На реке на Москве у Воробьевских круч, церковь Андрея Стратилата деревяна клетки; а в церкви образы, и свечи, и книги и на колокольнице колокола — все государево; а у церкви во дворах: поп Иван Кондратьев, поп Алексей Денисов, церковный дьячек Тимошка Иванов, место пономарское пусто, место просвирничино; да тут же на церковной земле во дворе бобыль; да на церковной же земле сараи, а них жгут кирпичье; да сарай попа Ивана Кондратьева, а в нем жжет кирпич сам поп на продажу... Да к церкви Андрея Стратилата вотчина в Сосенском стану пустошь Катеринкина с пустоши, да в Торокмановом стану пустошь Косилово с путошами»².

Существует несколько версий происхождения наименования Пленницы. Первая гипотеза связывает его со словом «поленица». Якобы здесь, на берегу Москвы-реки, было удобно связывать сплавляемый лес в плоты-поленицы. Другая версия связана с тем, что где-то здесь в незапамятные времена содержали пленников. Наконец, еще одна производит наименование от иконы мученика Андрея Стратилата, хранившейся в монастырском соборе, на которой имелась надпись: «Се образ принесен бысть из селца, глаголемого Пленницы». Тогда, правда, возникает вопрос о происхождении названия самого этого селца.

В 1648 г. монастырь на берегу Москвы-реки был возобновлен (а возможно, создан) видным деятелем просвещения окольничим Федором Михайловичем Ртищевым. По инициативе Ф.М. Рти-

¹ Бураков Ю.Н. Под сенью монастырей московских. М., 1991. С. 129—130.

² Материалы... Ч. 1. Стб. 734—735.

щева и его друзей из кружка «ревнителей древнего благочестия» здесь была создана одна из первых в Москве высших школ. Организацией монастыря занимались Ртищев и другой участник кружка, новоспасский архимандрит Никон — будущий патриарх. Ртищев пригласил сюда украинских монахов, они переводили книги и обучали русское духовенство языкам, грамматике и другим наукам. Ртищевская школа была признана важным государственным делом — иноки Андреевского монастыря получали «корм» в Посольском приказе. Возможно, с организацией этой школы связано и создание «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, изданной в Москве в 1648 г. В это время Андреевский монастырь пользовался вниманием царя и патриарха. К нему около 1650 г. приписали Донской монастырь, а в 1658 г. — тверской Никольский Видогожский монастырь.

В 1660-х гг. деятельность Андреевской школы постепенно затихает. Вероятно, после смерти Ртищева в 1674 г. она была окончательно закрыта. Это не помешало строительству в обители в 1675 г. каменного надвратного храма во имя святого мученика Андрея Стратилата и началу строительства в 1689 г. также каменного собора Воскресения Христова (закончен в 1703 г.). К этому времени сам монастырь превратился в приписной — в 1682 г. его приписали к Заиконоспасскому, в котором в этот год открылось «латинское училище» Сильвестра Медведева, а в 1687 г. — знаменитая Славяно-греко-латинская академия. С этого времени монастырь постепенно угасал, пока не был упразднен в 1765 г., а его храмы обращены в приходские.

Новодевичий по праву считается самым красивым из всех монастырей Москвы. Расположенный на берегу пруда, он величаво возвышается над водной гладью, сверкая золотом куполов и радуя глаз праздничной раскраской храмов и стен, возведенных в нарядном стиле московского барокко. История этой обители связана с борьбой Москвы и Литвы за Смоленскую землю — древнерусское княжество, земли которого в XIV—XVII вв. неоднократно переходили от одной державы к другой. Монастырь получил посвящение в честь чудотворной Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы), которая впервые появилась в Москве в 1389 г. Тогда икону привезла великая княгиня Московская Софья Витовтовна, супруга Василия I Дмитриевича и дочь великого князя Литовского Витовта, от которого она и получила эту святыню. В Москве икону поместили в

дворцовом Благовещенском соборе, но в 1447 г. смоленский епископ Михаил упросил великого князя Василия II вернуть икону в Смоленск. К этому времени Смоленск был захвачен Литвой, и чудотворная икона должна была поддержать дух жителей, находившихся под властью государей-католиков. После того как была изготовлена копия, оставшаяся в Благовещенском соборе, 28 июля 1456 г. икону торжественно передали смолянам. Из Кремля святыню провожал крестный ход, а передача состоялась за городом, на Девичьем поле у небольшого митрополичьего Савина (Саввинского) монастыря. С этого времени ежегодно на Девичье поле совершались крестные ходы.

В начале XVI в. московские князья вступили в борьбу с Литвой за древнерусское наследие. Конечной целью войны был Смоленск. Но походы, предпринятые великим князем Василием III, были неудачны. Наконец, в 1514 г. он назначил штурм города на 29 июля, на следующий день после празднования дня прощания со Смоленской иконой Божией Матери Одигитрии. Великий князь дал обет выстроить монастырь в честь этой святыни, если город будет взят. Несмотря на то что штурмом захватить Смоленск не удалось, город все-таки был завоеван. Его защитники восстали, и гарнизон сдался на милость победителей. Создание женского монастыря началось в 1523 г., и основали его на Девичьем поле, на месте, где некогда произошло прощание со Смоленской иконой Божией Матери Одигитрии. Первой игуменьей монастыря стала схимонахиня Елена Девочкина († 1548 г.), которая почитается как местночтимая святая. Ее могила находится под алтарем собора, а напротив нее, с внешней стороны создан мемориал, состоящий из иконописного лика и надгробной плиты XVII в.

В 1525 г. было завершено строительство главного монастырского храма во имя Смоленской иконы Божией Матери. Автором этого монументального сооружения, развивающего архитектурную традицию кремлевского Успенского собора, считается Алевиз Фрязин. Однако есть мнение, что строителем мог быть русский зодчий — инок Нестор. В соборе поместили главную святыню обители — Смоленскую икону Божией Матери. Он представляет собой четырехстолпный пятиглавый храм, с трех сторон окруженный закрытой галереей. В XVII в. с северной и южной сторон к галерее было пристроено еще два крыльца. Первоначальная роспись была выполнена в 1520-х гг. В XVII в. фрески

неоднократно поновлялись, здесь работали иконописцы И. Елизаров и Ф. Карпов. Пятирусный резной иконостас был изготовлен в 1683—1685 гг. резных дел мастером К. Михайловым, О. Андреевым и С. Зиновьевым. В нем находятся иконы работы С.Ф. Ушакова и других иконописцев Оружейной палаты. Ушаков также написал фреску «Седьмой Вселенский собор» на одном из столпов собора, а его ученик Н.И. Павлов — фреску «Царь царей». Также в иконостасе находятся иконы работы известного мастера Ф.Е. Зубова. Четыре верхних ряда — иконы XVI в., из иконостаса, изготовленного при Борисе Годунове. Собор имеет приделы Апостолов Прохора и Никанора, Чуда Архангела Михаила, Мучениц Веры, Надежды, Любви и Матери Их Софии.

В храме находится усыпальница представителей московских аристократических родов. Самое раннее из захоронений — боярыни Ирины Захарьиной — относится к 1533 г. Здесь погребены княжны, княгини и боярыни Кубенские, Воротынские, Шереметевы, Голицыны, Одоевские, Хитрово, Морозовы; дочь Ивана Грозного — Анна (f 1550 г.), вдова его брата, Ульяна (f 1574 г.), вдова царевича Ивана Ивановича инокиня Леонида (Шереметева) (f 1596 г.). В четверике Смоленского собора находятся погребения царевны Софьи Алексеевны (f 1704 г.), оказавшей большие благодеяния обители, ее сестер, царевен Евдокии (f 1712) и Екатерины (f 1718), царицы Евдокии Федоровны Лопухиной (в иночестве Елены) (f 1731), первой супруги Петра I¹.

В 1598 г. монастырь ненадолго стал центром политической жизни страны. Сюда удалилась от мира вдова царя Федора Ивановича, царица Ирина Федоровна Годунова, которая приняла монашество с именем Александра. Она поселилась в палатах XVI в., получивших наименование Ирининских. Ранее в них жила вдова князя Юрия Васильевича, брата Ивана Грозного, Ульяна, поэтому палаты именовались Ульянинскими. К палатам была пристроена церковь, которую впоследствии переосвятили во имя святителя Амвросия Медиоланского. Вместе с сестрой удалился в монастырь и Борис Федорович Годунов, являвшийся фактическим правителем государства при царе Федоре Ивановиче. Он отказывался от предложения престола и изъявлял желание покинуть

¹ Трубникова О.Л. Некрополь Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. — 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 106-114, 122-123.

мир. В этом поведении правителя не было лицемерия — он должен был продемонстрировать, что не сам стремится к престолу, а вынужден принять его по неотступной просьбе народа. Это придавало новому царю легитимность, которой Годунову не хватало. У стен монастыря толпы москвичей молили правителя снизойти на их призывы и стать царем, пока, наконец, Борис согласился и покинул монастырь.

В правление Бориса Годунова были перестроены палаты для царицы-инокини, а обитель обнесена каменными стенами высотой 13 м и толщиной 3 м. В Смутное время монастырь был неоднократно разорен казаками, поляками и литовцами. Его восстановление началось при царе Михаиле Федоровиче. В XVII в. были созданы основные сооружения монастырского ансамбля. Обитель, находившаяся под покровительством царевны Софьи Алексеевны, активно отстраивалась в последней четверти XVII в. в стилистике московского, или нарышкинского, барокко. В 1680 г. были перестроены стены, получившие фигурные зубцы и завершения башен в виде своеобразных корон. Всего в ограде 12 башен; круглые угловые — Напрудная, Никольская, Чеботарская и Сетунская; квадратные — Лопухинская, Царицынская, Иоасафовская, Швальная, Покровская, Предтеченская, Затрапезная, Саввинская.

В те же годы в монастыре велось активное храмовое строительство. В 1683—1688 гг. над южными воротами возвели церковь во имя Покрова Божией Матери, в 1684—1687 гг. была выстроена трапезная церковь Успения Божией Матери, в 1687—1688 гг. над северными воротами возвели церковь Преображения Господня, в 1689—1690 гг. была создана величественная шестиярусная колокольня (последний ярус достроен в 1794 г.), высотой 72 м, в нижнем ярусе которой располагается храм Преподобных Варлаама и Иоасафа, а в среднем — храм Апостола Иоанна Богослова. Все эти постройки являются великолепными образцами московского (нарышкинского) барокко, их отличают торжественная монументальность и пышный декор. В обители также были выстроены и многочисленные деревянные сооружения, в частности палаты самой царевны Софьи, которые до настоящего времени не сохранились. Благодаря щедрым пожертвованиям царевны Новодевичий монастырь к концу XVII в. был одним из наиболее богатых. К 1700 г. он владел 2346 дворами. Примечательно, что владения монастыря продолжали увеличиваться и в XVIII в. Даже после

Смоленский собор Новодевичьего монастыря

секуляризации Екатерины II он сохранил благополучное существование, особенно в сравнении с другими обителями. Новодевичий монастырь был причислен к обителям первого класса. Из казны монастырь получал ежегодно более 1,5 тысячи рублей и 214 т хлеба.

Но вернемся во времена царевны Софьи, которая, сама того не зная, выстроила себе в Новодевичьем золотую клетку. В 1689 г. в противостоянии с возмужавшим Петром I царевна потрепела поражение и была заключена в Новодевичий монастырь. В монастыре Софья пользовалась большим уважением, ей воздавались подобающие ее сану почести, но охрана наблюдала за тем, чтобы правительница не имела контактов вне монастырских стен. Так прошло почти 10 лет... Начались первые реформы, создавалась регулярная армия и промышленность, был завоеван Азов. Преобразования тяжким бременем ложились на все население Московского государства — от служилых высокого ранга до крепостных крестьян. Особенно сильно роптали стрельцы, вспоминавшие вольготное житье-бытье при царе Алексее Михайловича и сладкое время вольностей во время майского восстания 1682 г., когда вся столица была во власти этих бородачей с бердышами и пищальми.

Московские стрельцы участвовали в обоих Азовских походах, гибли и были ранены на приступах, а после взятия Азова были направлены на новую службу — в Великие Луки. По дороге стрельцам даже не позволили зайти в Москву, чтобы отдохнуть и повидаться с семьями. Запасов и жалования стрельцам давалось недостаточно, и зачастую им приходилось просить милостыню. За это многие из стрельцов были наказаны батогами. В марте 1698 г. 175 стрельцов, бежавших со службы, пришли в Москву и обратились с жалобами на свое бедственное состояние к начальнику Стрелецкого приказа боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову. У дома боярина в Георгиевском переулке собралась целая толпа стрельцов, и только после выдачи им жалования, при помощи солдат, власти смогли выгнать стрельцов из Москвы к их месту службы. Однако это было только начало стрелецкого выступления.

В мае 1698 г. четыре полка были переведены из Лук в Торопец. Стрельцы надеялись, что их вернут в Москву, но этого не произошло; правительство решило развести полки по разным городам. Кроме того, вышел указ о наказании стрельцам, бежавшим в Москву в марте. Но когда командующий князь М.Г. Ромодановский попытался арестовать беглецов, в полках начался бунт. Стрельцы отбили своих товарищей, отказались подчиняться своим командирам и на совете решили идти в Москву.

К этому времени царь находился за границей более года. По Москве ползли слухи, что он умер «за морем». Большинство стрельцов, двигавшихся в Москву, не имели никаких политических намерений. Устав от походной жизни, они хотели отдохнуть и встретиться с женами и детьми, однако среди зачинщиков бунта были и такие, которые хотели перебить бояр, генералов, солдат и иностранцев, убить Петра, когда он вернется из-за границы, и царевича Алексея, освободить из Новодевичьего монастыря царевну Софью и возвести ее на престол.

На подходе к Москве, у стен Новоиерусалимского Воскресенского монастыря боярин А.С. Шеин и генерал П.И. Гордон с артиллерией и солдатами Преображенского и Семеновского полков разгромили нестройные толпы мятежников. Стрельцов пленили и привели в Москву, где начался первый розыск. Впоследствии Петр был в гневе на Шеина за тот, что тот, как ему казалось, провёл розыск «наскоро», не выявив корни мятежа и его связи с давним врагом царя — сестрой Софьей. По приговору Боярской думы

Царевна Софья Алексеевна. Гравюра 1680-х гг.

было казнено 122 человека, 140 биты кнутом, а 1987 человек — остатки от четырех полков — в оковах развезены в ссылки по городам и монастырям.

Вечером 25 августа 1698 г. в Москву прибыл царь. После известия о бунте он прервал свое путешествие и из Вены спешно отправился в Москву, первые три дня не останавливаясь даже на ночь. За это время он преодолел 294 версты, и лишь на четвертые сутки изнурительной гонки царя догнали курьеры с известием, что бунт подавлен. Петр не поехал во дворец, а остановился в Преображенском. Вскоре начался новый розыск, поразивший своими масштабами и кровавостью москвичей, уже привыкших к виду казней и истязаний на площадях города.

Петра интересовали прежде всего политические корни заговора. Стрельцов начали свозить в Москву, и в Преображенском приказе усиленно заработали палачи. Руководил следствием сам царь. В ходе расспросов хотя и не удалось добыть убедительных

свидетельств о причастности царевны Софьи к восстанию, но по крайней мере было установлено, что царевна пользовалась у стрельцов популярностью как вероятный кандидат на престол. Удалось узнать, что стрельцы вели с Софьей какую-то переписку, но какую — осталось неясным. 27 сентября царь сам приехал к сестре и пытался добиться от нее признания, но безуспешно. Царевна отрицала любую связь с бунтовщиками.

В сентябре начались первые казни. Стрельцов казнили на Красной площади, вешали на виселицах и на зубцах стен Белого города. Всего было казнено более тысячи человек. Трех стрельцов повесили под окнами кельи царевны Софьи в Новодевичьем монастыре. Именно это и изобразил Илья Репин на картине «Царевна Софья в Новодевичьем монастыре» (1879 г.). Трупы казненных не убирались в течение пяти месяцев, и лишь в конце февраля 1699 г. они были захоронены в братских могилах, вырытых за московскими заставами. Надо полагать, что царевну Софью, а заодно и монахинь Новодевичьего от этого жуткого зрелища царь не избавил. Так закончился для Новодевичьего монастыря блестящий XVII век...

К северу от Новодевичьего монастыря простиралась обширная местность, известная как Девичье поле. Московское баснословие, естетственно, связывает с ней множество различных легенд, которые мы не станем приводить из-за их нелепости. Вероятно, этот топоним древнее самого монастыря, который в первой четверти XVI в. был не только «Девичьим новым», но новым на Девичьем поле, что и образовало в итоге его наименование. Как уже говорилось выше, уже в XV в. здесь существовал небольшой Саввинский монастырь. Чудом сохранился документ, проливающий свет на начальную историю этого монастыря, — духовная грамота боярина Петра Константиновича Добрынского (1454 г.). Согласно духовной, боярин завещал «своему господину Ионе митрополиту Киевскому и всея Руси монастырь святого Савы, на Москве, на посаде, и со всем тем, что к тому монастырю из старины потягло, и земель, и лугов, и Собакинская пустошь... А то есмь дал... на поминоки своих прародителей и родителей, и по своей души, и по всему своему роду». Из этого текста понятно, что обитель к этому времени уже существовала и представляла собой вотчинный монастырь, но когда она была основана — неизвестно. Следующее известие относится к 1456 г., когда под Саввинским монастырем москвичи прощались

с чудотворной Смоленской иконой Божией Матери, именуемой Одигитрией.

Монастырь считался домовым митрополичьим, а затем с 1589 г. и патриаршим. Известно, что в нем стояли патриаршие палаты. Сохранились сведения, что в 1637 г. «киот с деисусы поставлен в Саввинском же монастыре перед патриарши хоромы в сенях». С 1635 г. он известен уже не как мужской, а женский под названием «Ново-Саввинский Киевский, что под Девичьим полем». Первыми его монахинями были киевлянки. В том же году в монастыре выстроили и колокольню. Возле монастыря располагалась небольшая слобода, о которой писали: «Патриаршая вотчина, Саввинская слобода, на берегу Москвы-реки, Горетово стану, а в ней 32 двора бобыльских, людей в них 68 человек, кормятся на Москве всякою работою» (1646 г.). В 1649 г. Саввинскую слободу было указано упразднить, а людей переселить в иные московские слободы. В 1678 г. обитель причислили к соседнему Новодевичьему монастырю, а в конце столетия она была упразднена. После смерти в 1690 г. патриарха Иоакима деньги на помин его души были выданы уже в приходскую Саввинскую церковь¹.

Каменный храм Преподобного Саввы на месте деревянного был выстроен в 1592 г. Это была небольшая одноглавая постройка, которая за три века своего существования неоднократно перестраивалась и обростала пристройками. Известно, что в 1680-х гг. новые патриаршие палаты примыкали к южной стене Саввинской церкви и в них в 1696 г. прихожане устроили храм Святителя Николая (взамен сгоревшей второй монастырской Никольской церкви). Перестроенная впоследствии, эта церковь являлась приходской для местности Девичьего поля. В нее ходил Н.В. Гоголь, живший в доме друга историка и писателя М.П. Погодина. Здесь настоятельством его духовник, отец Иоанн Никольский. Сюда же писатель приходил на службу перед началом тяжелой болезни, которая свела его в могилу.

Замыкает наше путешествие самый западный из московских загородных монастырей — Новинский. Он был основан на высоком берегу Москвы-реки, из-за чего также носил наименование «на Бережках». Поблизости от обители, чуть севернее впадала в Москву речка Пресня. Монастырь создал святой митрополит Фотий, управлявший митрополией с 1410 по 1431 г. Он же заложил

¹ *Материалы...* Ч. 1. Стб. 751.

собор во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Монастырь был владычным домовым и являлся загородной резиденцией митрополитов, а затем патриархов.

Название Новинский имеет несколько вариантов происхождения. Возможно, оно происходит от слова «новинки», то есть новое поселение, выселки. Другой вариант близок к первому: Новинский — это искаженное «Новый». Наконец, есть сомнительная версия о том, что монастырь получил это наименование по соседней слободской церкви Иисуса Навина. Обычно слободы получали наименование от монастырей, а не наоборот. К тому же в этом случае монастырь должен был быть Навиновским, а не Новинским.

На рубеже XIV—XV вв. соседние земли принадлежали князю Владимиру Андреевичу. На Трех Горах, на речке Пресне находился Большой двор — центр княжеских владений, где находилась усадьба с церковью. В 1994 г. время строительных работ на территории Московского зоопарка, неподалеку от Верхне-Пресненского пруда, образованного на правом берегу запруженной Пресни, было обнаружено несколько надгробий, датируемых в пределах конца XV — второй половины XVI в. По-видимому, этот некрополь относится к неизвестной нам по названию церкви Большого двора Владимира Андреевича. В полукилометре от него, на другом берегу Пресни, у Волоцкой дороги располагалось другое владение князя — село Кудрино (Большое Кудрино). Вероятно, еще при своей жизни князь Владимир Андреевич передал Большой двор и Кудрино своей супруге княгине Елене Ольгердовне, а та пожаловала эти владения митрополиту Фотию. В свою очередь владыка передал Большой двор и Кудрино с их землями в монастырь¹.

Земли села Кудрина были весьма обширными. Деревни и пашни, «тянувшие» к Кудрину, простирались на восток до реки Ходынки, на юге границей монастырских владений была Москва-река, на севере — Тверская дорога. По писцовым книгам 1622/23—1623/24 гг., на этой территории находилось село и пятнадцать деревень, из которых ко времени составления переписи только одна была «живущей», остальные же лежали «в пусте»,

¹ Чернов С.З. Некрополь в Московском зоопарке на Пресне и локализация Большого двора князя Владимира Андреевича «на Трех горах» // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 3. С. 456-478.

**Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы
Новинского монастыря. Гравюра 1848 г.**

в том числе и само Кудрино¹. Таковы были разрушительные последствия Смуты — Пресня и Ходынка не раз становились местом ожесточенных боев в эту эпоху.

К середине XVII в. монастырское хозяйство, являвшееся частью более обширного патриаршего, было возобновлено. Здесь находились патриаршие конюшни и житницы. Для их защиты по росписи 1633 г. должен был быть направлен отряд в сорок солдат. Близ монастыря, на Ходынке находились кирпичные заводы, а в Пресненских прудах разводили рыбу.

В Новинском монастыре 26 декабря 1540 г. великий князь Иван IV Васильевич вместе с митрополитом Иоасафом встречали два чудотворных образа, явленные в городе Ржеве в 1539 г., —

¹ *Материалы...* Ч. 1. Стб. 742—744.

Ржевскую икону Богоматери и список с Оковицкой Ржевской иконы Богоматери. Иконы некоторое время находились в монастыре, потом были перенесены в Успенский собор Кремля, позднее переданы в храмы Ржевской иконы Божией Матери на Поварской и у Пречистенских ворот. В память встречи икон в монастыре была построена церковь Похвалы Богородицы, потом снесенная, но престол ее был перенесен в придел Введенского собора.

В 1565 г. сгорела первая деревянная Введенская церковь монастыря. В том же году ее возобновили в камне. В последней трети XVII в. этот храм был перестроен и богато украшен узорчатым декором. На рубеже XVII—XVIII вв. в монастыре находилось четыре храма, много жилых и хозяйственных построек, территория была окружена каменными стенами с башнями по углам. После упразднения патриаршества монастырь быстро пришел в упадок и в 1764 г. был окончательно упразднен, а Введенская церковь обращена в приходскую. В 1933 г. ее снесли. Ныне о нем напоминает только название бульвара и соседнего переулка.

Царские усадьбы

Загородные великокняжеские, а затем царские резиденции, усадьбы, сады, луга, охотничьи угодья, путевые дворцы и т. п. окружали Москву со всех сторон. Они возникли уже в раннюю княжескую эпоху, согласно существовавшей в те времена древней традиции. Такие загородные дворы были у князей как в Южной, так и в Северо-Восточной Руси. Часто при них существовал вотчинный монастырь. К концу XVII в. сложилась развитая инфраструктура придворного загородного хозяйства, предназначенного для «государевой прохлады» — отдохновения царя и членов его семьи.

Самая знаменитая из подмосковных средневековых царских усадеб — Коломенское, с 1960 г. находящееся в черте города. Коломенское, как и соседнее Нагатино, — одно из древнейших московских поселений. Они упоминаются в духовной грамоте Ивана Калиты (1339 г.). Первоначально это село именовалось Коломнинское. Происхождение его наименования окончательно не выяснено. По одной версии, образовано от славянского «коломень» — околица, по другой от слова «коломище» — кладбище

(из финно-угорских языков, по-фински *kalma* — могила). Существует также предание, что Коломенское было основано в 1237 г. жителями Коломны, бежавшими из родного города во время нашествия хана Батые. Еще одна версия связывает название села с наименованием реки Коломенки, которое, в свою очередь, может иметь балтийские корни и сопоставимо с литовским словом *kalmune* — заросли водного растения аира. На этом, впрочем, возможные варианты происхождения топонима Коломенское (Коломнинское), а также Коломна не исчерпываются¹.

Иван Калита передал Коломенское младшему сыну Андрею, от которого оно перешло к Владимиру Андреевичу Серпуховскому Храброму. Вдова князя Владимира Елена Ольгердовна завещала Коломенское великому князю Василию II Васильевичу, и село вновь вернулось в великокняжеские владения. Загородная государева усадьба здесь возникла в начале XVI в., если не раньше. В любом случае при Василии III в Коломенском началось возведение величественной церкви Вознесения Господня, строительство которой принято связывать с рождением в 1533 г. сына и наследника, великого князя Ивана Васильевича, будущего Грозного (как обетной или благодарственной). Также в XVI в. в Коломенском была построена редкая по архитектуре круглая церковь-ротонда во имя святого Георгия Победоносца, в облике которой угадывается западноевропейское влияние.

В 1606 г. под селом Коломенским состоялось решающее сражение между войсками царя Василия IV Шуйского и И.И. Болотникова, называвшего себя «воеводой царя Дмитрия». Болотниковцы были разгромлены, а сам он с остатками армии укрылся в Калуге. Непокойно было в Коломенском и спустя полвека. В 1662 г. сюда прибыли жаловаться царю на «злых бояр» толпы москвичей-челобитчиков. Царь Алексей Михайлович вступил с ними в переговоры, стремясь затянуть время до подхода верных ему сил. Когда же стрельцы и солдаты прибыли в Коломенское, царь отдал приказ рубить бунтовщиков. Многие из них были перебиты, другие сброшены в реку, третьи — схвачены.

На правление Алексея Михайловича приходится расцвет усадьбы. В 1661 — 1671 гг. здесь был построен огромный деревянный дворец (зодчие — стрелецкий голова Иван Михайлов и плотни-

¹ *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. С. 90—91; *Поспелов Е.М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000. С. 122.

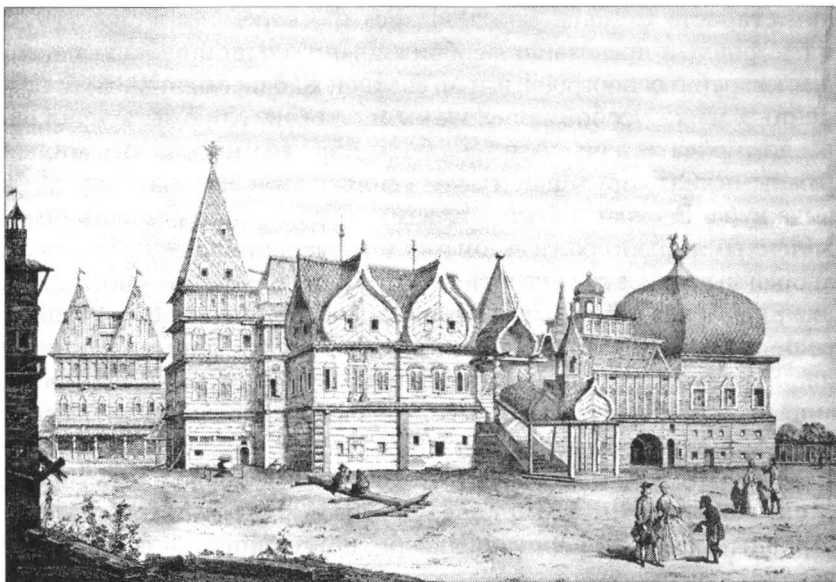

чий староста Семен Петров). Царский дворец имел свободную планировку и представлял собой сложное сочетание из двадцати шести срубных построек, высотой от двух до шести этажей, соединенных между собой переходами и сенями. Хоромы венчались разного рода завершениями — бочкообразными, шатровыми, теремными, Столовую палату венчало своеобразное завершение в виде куба. Раскрашенный красками, украшенный резьбой, позолоченными флюгерами и иными деталями внешнего убранства, дворец выглядел как сказочное сооружение, поражал наблюдателя. Еще более пышным было внутреннее убранство — стенная роспись, ткани, золоченая резьба, изразцы, слюдяные оконницы и др. Только жилых помещений во дворце было двести семьдесят, а помимо них существовали парадные — Столовая палата, Тронная комната, царский кабинет и др.

С дворцом соединялась переходом пятиглавая церковь Казанской иконы Божией Матери (1660-е гг.). В 1670-х гг. были построены въездные ворота с Часобитной башней. У входа были установлены деревянные фигуры львов, обтянутые бараными шкурами, которые при помощи специальных механизмов приводились в действие — раскрывали пасти, рычали, вращали глазами. Изготовил эти хитроумные фигуры мастер Оружейной палаты белорус Петр Высоцкий. Как и в других царских усадьбах, в Коломенском были созданы обширные сады; садовые служители жили в особых Штатной и Садовой, слободах, названия которых сохранились в наименованиях улиц — Штатная слобода, Садовая Слобода, Садовники.

В XVIII в. Коломенское постепенно пришло в упадок. В 1768 г. разобрали обветшавший царский дворец. В 1770-х гг. выстроили новое, также деревянное здание дворца, но он сгорел в московском пожаре 1812 г. Его преемник, созданный в 1825 г. по проекту архитектора Е.Д. Тюриня, также не дошел до настоящего времени. Зато сохранился обширный усадебный парк, в котором произрастают старейшие в Москве дубы, чей возраст составляет 600—800 лет. В сторону села Дьякова тянутся пойменные сады, а в овраге, разделяющем Коломенское и Дьяково, бьют ключи и находятся почитаемые еще с языческих времен фигурные камни.

Второй по значению в XVI в. была усадьба Измайлово. Это село известно с XV в. Его название произошло от имени одного из ранних владельцев (в русской истории известно несколько дво-

Коломенский дворец. Гравюра XVIII в.

рянских родов Измайловых; производным могло послужить также имя Измаил или Исмаил). В XVI в. Измайлово было центром обширной вотчины, принадлежавшей с 1550—1560-х гг. боярскому роду Юрьевых (Романовых-Юрьевых). Рядом с боярской усадьбой стояла церковь Покрова Пресвятой Богородицы. В Смутное время Измайлово запустело. Восстановление шло медленно — к 1623 г. в селе числилось всего 10 крестьянских и бобыльских дворов, в 1646 г. — 32 двора. В это время селом владел боярин Никита Иванович Романов, дядя царя Алексея Михайловича. После его смерти в 1654 г. Измайлово с окружающими землями перешло в ведение казны.

Царь Алексей Михайлович очень полюбил это владение и создал здесь великолепный усадебный комплекс. В 1663 г. управление Измайловом перешло в ведение Приказа Тайных дел, началось переселение сюда крестьян из других волостей, широко развернулись строительные работы и благоустройство местности. Центром усадьбы стал дворец на острове, окруженном искусственным Серебряно-Виноградным прудом (создан из двух прудов в 1667 г.). В 1660—1670-х гг. здесь были выстроены деревянный дворец, собор Покрова Пресвятой Богородицы, Мостовая башня, ограда с

воротами. В 1676 г. освятили новое здание приходской церкви села во имя Рождества Христова с приделами Святителя Николая и Казанской Богородицы, в 1688 г. завершилась отделка церкви Иоасафа, царевича Индийского. Дворцовый комплекс дополнялся обширным хозяйством, которое историк М.И. Семевский описывает следующим образом:

«Для пашен и сенокосов расчищено было в Измайлове несколько сот десятин лесу; построены смотрильные башни для наблюдения за рабочими, число которых впоследствии было очень значительно, так во время жатвы одних наемных жнецов набиралось до 700 человек. Кроме того, в Измайлове заведено было обширное садоводство, пчеловодство и хмелеводство; насажена роща на 115 десятин; реки и ручейки запружены плотинами и выстроено семь мукомольных мельниц. Тогда же было выкопано до 20 прудов, поставлены каменные риги и токи, льняной и стеклянный заводы, разные дворы, амбары и прочие хозяйственные постройки...

Выписаны были русские и иностранные мастера, специалисты своего дела: льняники из Пскова, черкасы — для скотного двора, садовники-иноземцы, пасечники, разные механики, «мастера зеленого стекла» и пр. Даже сделаны были попытки производить некоторые работы посредством машин. В 1666 году, 17 июня, велено, например, сделать три образца: 1) «как молотить колесами и гирями без воды»; 2) «как воду привезть из пруда к виноградному саду»; 3) «как воду выливать из риг гирями ж и колесы». Рядом с машинами и выпиской мастеров прибегали и к другим средствам: к дням ярового и ржаного посева государь выписывал из Троицы и Савина монастыря «освященное масло», «святую и омовенную воду» для окропления и освящения засеваемых полей...

И не вотще трудился Алексей Михайлович: в царских житницах в Измайлове бывало до 27 000 четвертей хлеба; в Ригу посылали на продажу до 200 берковцев (старинная русская мера массы (веса): 1 берковец равнялся 10 пудам, или 163,8 кг) льну; кроме того, Измайлово давало ежегодно от 500 до 800 пудов хмеля, до 179 пудов меда и почти столько же воску, не говоря уже о разных стеклянных изделиях, массе плодов и овощей, доставляемых во дворец; врачевных травах и кореньях, посылаемых в Аптекарский приказ, и т. п. ...»*

¹ Семевский М.И. Царица Прасковья. С. 19.

Вид села Измайлова и царского дворца.
Рисунок по гравюре И. Зубова. 1830-е гг.

Помимо обширного садов (в нем произрастали яблоки, груши, сливы, грецкие орехи, различные ягодные кусты), огородов и полей, в Измайлове и на окружающих его землях были созданы и промышленные предприятия — стекольный и кирпичный заводы, льняная мануфактура, риги, мельницы, плотины, маслобойни, пивоварни, медоварни. Трудились, обеспечивая это хозяйство, более тысячи крестьянских семей, переселенных из различных уездов¹.

В измайловском лесу был создан зверинец. Известно, что среди прочих диковинных зверей там находился слон, подаренный царю Алексею Михайловичу персидским шахом. В конце XVII в. его удалось повидать члену австрийского посольства И. Корбу, который пишет: «6 [декабря 1698 года]. Сегодня мы были в царском зверинце, где видели неимоверной величины белого медве-

¹ *Топычанов А.В.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлово в документах приказной избы последней четверти XVII века / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2004. С. 15. Опубликованные в этом издании документы являются ценнейшим источником для изучения усадьбы, ее топографии, экономики и повседневной жизни.

дя, леопардов, рысей и многих других зверей, которые содержатся здесь только для удовлетворения любопытства»¹. В XVIII в. Измайловский зверинец считался одним из крупнейших в Европе; помимо животных лесной полосы там содержались львы, тигр, дикобраз, антилопа гну и другие экзотические звери.

Широко известно, что именно в Измайлове Петр I нашел легендарный английский ботик, некогда принадлежавший еще боярину И.И. Романову и ставший «дедушкой русского флота». В предисловии к Морскому регламенту он сам описывает удивление при виде этого судна: «...Случилось нам в Измайлове на Лыняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца (Лефор-та. — *С. III*.), что за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил, где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил, какое преимущество имеет перед нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только по ветру, но и против ветра, которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно...» Петру и впрямь было с чем сравнить английский ботик в Измайлове и других царских усадьбах было множество «потешных» лодок для катания на прудах, включая и значительных размеров «карбусы» с «чердаками» — надпалубными беседками.

Там же, в Измайлове, на Просянском пруду и состоялись первые опыты плавания на ботике, которым управлял голландец К. Брант, приглашенный Лефортом. Документы Измайловской приказной избы подтверждают эти известия, упоминая восемь «лоток» в амбарах запасного двора, в числе которых находился, очевидно, и ботик, и хранившийся отдельно в теплой кладовой палате «парус полотняной с крашениною красною, к нему же значек кумачный с полотном, к нему ж пять вервей варвых...»².

При Петре I в усадьбе обосновалась царица Прасковья Федоровна, вдова царя Ивана V, с дочерьми, одна из которых — Анна — впоследствии Стала императрицей. Биограф царицы Прасковьи М.И. Семевский пишет, что в измайловской усадьбе государыня, «сообразно своему сану, все еще держала ключника, подключни-

¹ Корб И. Указ. соч. С. 107.

² Топычканов А.В. Указ. соч. С. 39—40.

ка, подъячих, стряпчих, конюхов, сторожей, истопников и всяких служителей. Женский царицын чин был, разумеется, еще многочисленнее».

«Помимо всей этой нужной и ненужной челяди царица, удовлетворяя своему личному вкусу, усвоенному с детства, — продолжает Семевский, — окружала себя целой толпой дармоедов другого рода: нищие богомольцы и богомолицы, ханжи, гадальщицы, всякие калеки, уроды, до того скромно проживавшие в подклетьях ее Кремлевских хором и являвшиеся только по зову, теперь свободно разгуливали по Измайловскому дворцу в своих грязных изодранных рубищах, выставляя напоказ свои увечья и раны, гнусливо тянули свои песни, плясали, проделывали разные шутки. Только при посещении Петра, не терпевшего этих остатков старины, они прятались в дальние чуланы»¹.

И все же, несмотря на собиравшийся вокруг царицы «госпиталь уродов, юродов, ханжей и шалунов» (выражение В.Н. Татищева), Измайлово было прелестным именем. «Особенно хорошо бывало Измайлово летом, когда в окна теремов заглядывала зелень и свежий воздух вносил прохладу в низенькие царские хоромы, запертые наглухо целую зиму, — пишет Семевский. — Выходили тогда царицы и царевны в сад, подолгу гуляли, посещали иногда для развлечения хозяйственные заведения села Измайлова, кормили рыбу в прудах, сзывая ее на корм по колокольчику. В праздники собирались хороводы перед дворцом; царевны раздавали крестьянкам пряники, куски маковой избойни и серебряные копейки»².

Став императрицей, Анна Иоанновна часто бывала и подолгу жила в Измайлове. Она проводила здесь совещания сената, создала новый обширный зверинец и назвала в честь его новый гвардейский Измайловский полк. Бывала в Измайлове и императрица Елизавета Петровна. При ней через лес была прорублена дорога (ныне известная как Главная аллея) от Измайлова к селу Перову — владению графа Алексея Григорьевича Разумовского, морганатического супруга императрицы.

Менее известна усадьба Рубцово, или Покровское-Рубцово, созданная царем Михаилом Федоровичем. Это село также было старинным именем Романовых и принадлежало Никите Рома-

¹ Семевский М.И. Указ. соч. С. 20—22.

² Там же. С. 22.

новичу Юрьеву. В 1619 г. в память об отражении похода на Москву польского королевича Владислава в Рубцове была заложена каменная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Ведь именно в день Покрова был отбит от Арбатских ворот самый мощный приступ войск королевича (1 октября 1618 г.). Строительство церкви Покрова было завершено в 1626 г. Это бесстолпный храм с двумя приделами во имя благоверного царевича Димитрия и преподобного Сергия Радонежского и обходной галереей. По архитектурной стилистике он скорее ближе к памятникам XVI столетия и отличается некоторой грубоватостью, отсутствием тонкой проработки деталей, пышного декора. Внешний облик храма напоминает о грозных событиях, в память о которых он был создан.

Царская усадьба в Покровском-Рубцове была обустроена при царе Михаиле Федоровиче. Здесь был выстроен деревянный дворец с хозяйственными помещениями, созданы пруды, разбит сад, построена мельница и т. д. В переписной книге 1646—1647 гг. в селе и окружающих деревнях значилось 139 дворов. Среди жителей дворцовой волости были сторожа, садовники, рыбные ловцы, серебряники, бобровники, мельник, портной, мясник и т. д. В числе серебряников упоминается Митька Данилов Посошков — дед известного публициста и экономиста Петровской эпохи Ивана Тихоновича Посошкова (1652—1726), уроженца этого села¹.

Царь Алексей Михайлович, занятый обустройством Измайлова, редко бывал в Покровском. Село отошло к его сестре, царевне Ирине Михайловне. При ней была построена деревянная церковь в честь святой великомученицы Ирины, а после ее кончины, в 1681 г., — каменная плотина с мостом на Рыбинском пруду. Судьба царевны Ирины Михайловны примечательна, у нее была возможность изменить традиционный удел московской царевны, о котором писал Котошихин: «Удовольствие имей царственное, не имей бо удовольствия такова, как от всемогущего Бога ведано человеком совокуплятися и плод творити». В 1640 г. были начаты переговоры о браке между царевной и датским королевичем Вольдемаром. Об этой печальной истории уже говорилось выше — переговоры встали в тупик из-за нежелания королевича переменить веру. Тяжкие переживания по этому поводу ускорили кончину царя Михаила Федоровича, а Вольде-

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 98.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове

мар, уже и не надеявшийся получить свободу, был наконец отпущен на родину. Датчане, сообщая о перипетиях переговоров, писали, что бояре якобы говорили королевичу: «Быть может, он думает, что царевна Ирина не хороша лицом; так был бы покоен, будет доволен ее красотой, также пусть не думает, что царевна Ирина, подобно другим женщинам московским, любит напиваться допьяна; она девица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна»¹. Вряд ли, конечно, бояре действительно так говорили, но в уме и добродетелях царевны нет никаких сомнений. Как старшая, она пользовалась в царской семье особым уважением, заступалась за старообрядцев и даже спасла Аввакума от урезания руки и языка. В 1672 г. вместе с царевичем Федором Алексеевичем Ирина стала крестной матерью Петра I.

Сам Петр I также бывал в Покровском-Рубцове, где его посещал созданную там ткацкую фабрику. В правление дочери царя-реформатора Елизаветы наступает новый расцвет Покровского. Сама царевна во времена Анны Иоанновны жила в этой усадьбе

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V. Т. 9. С. 230.

и полюбила ее. Уже в эти времена она начала перестраивать свою резиденцию, а после вступления императрицы на престол эти работы приобрели широкий размах. В 1742—1743 гг. здесь был построен новый дворец, а в 1752 г. проекту Ф.Б. Растрелли заново разбит парк.

К югу от Москвы находилось старинное дворцовое село Воробьево. Оно было загородной усадьбой еще при великом князе Василии III. В 1547 г. молодой Иван IV прятался здесь от страшного московского пожара, и сюда же пришли к царю мятежные горожане, требовавшие у него выдачи его родни — князей Глинских, которых обвиняли в поджогах. Приход вооруженной толпы испугал царя. Позднее он вспоминал: «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой». Ивану IV удалось убедить москвичей, что он не прячет у себя родственников, и народ разошелся. По описанию 1646 г., здесь находился деревянный дворец, деревянная же церковь Троицы, 11 дворов «государевых деловых людей», 10 крестьянских дворов и 2 двора садовников. Размеры усадьбы, как можно видеть, существенно уступали Покровскому-Рубцову, не говоря уж о Коломенском и Измайлове. Тем не менее цари не забывали Воробьево. Здесь бывали и Алексей Михайлович, и Федор Алексеевич. В 1684 г. царевна Софья Алексеевна распорядилась перестроить сильно обветшавший дворец, под который было указано «сделать каменные подклеты». Закончились эти работы уже при Петре I, в 1690 г. В XVIII в. Воробьевский дворец постепенно ветшал, пока, наконец, не был разобран в конце столетия¹.

Царский дворец в селе Алексеевском на Троицкой дороге, выстроенный при царе Алексее Михайловиче, принадлежал к особому типу дворцов, который получил широкое распространение в XVIII в. Он был путевым и предназначался для отдохновения государя в пути, в данном случае — на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Такие дворцы («хоромы») известны и в других дворцовых селах, лежавших на выездных дорогах, — Красном селе, Хорошеве и др.

Алексеевское упоминается еще в духовной Василия I, в числе владений, ранее принадлежавших боярину Федору Андреевичу Свибло, а затем оказавшихся в руках великого князя. В 1621 г. царь Михаил Федорович пожаловал Алексеевское вид-

ному деятелю Смутного времени боярину и князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, после смерти которого село перешло к его вдове Анне Васильевне, а от нее — в казну. В 1673 г. здесь началось строительство путевого дворца. О его масштабах свидетельствует количество работников — сюда было привлечено четыреста мастеров. Царю Алексею Михайловичу не удалось увидеть свое творение полностью законченным. В 1676 г. он скончался, и закончили дворцовый комплекс уже при царе Федоре Алексеевиче. В 1680 г. здесь завершили строительство церкви во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Это монументальный пятиглавый двухэтажный храм, богато украшенный архитектурным декором и великолепно отделанный внутри. Здесь были созданы особые молельные комнаты царя и царицы (зимняя и летняя).

Судьба Алексеевского дворца повторила участь других деревянных царских дворцов. На протяжении XVIII в. он постепенно приходил в упадок и в начале XIX в. был разобран. Его успел увидеть и описать Н.М. Карамзин, который рассказывает об этом сооружении так: «...Стены разрушаются, но я осмелился войти в дом и прошел во всю длину его, если не с благоговением, то, по крайней мере, с живейшим любопытством. Печи везде большие, с резными, отчасти аллегорическими фигурами на изразцах. Внутренние украшения не могли истощить казны царской: потолки и стены обиты выбеленным холстом, а двери (и то в царских комнатах) красным сукном с широкими жестяными скобами; окна покрашены зеленою краскою...»¹

СЕЛА, ДЕРЕВНИ, ПАШНИ, ВЫГОНЫ

За границами слободских земель, монастырскими оградами и межами царских угодий простирались луга, поля, выгоны и леса. Здесь лежали села и деревни, тянулась бесконечная в своем разнообразии владельческая чересполосица — царские и монастырские вотчины, боярские владения, дворянские поместья... Рассказ о селениях, окружавших средневековую Москву, а ныне вошедших в состав современного города, может составить еще одну книгу, подобную этой. Поэтому данный обзор будет кратким. Он

¹ *История московских районов. Энциклопедия...* С. 403—407.

лишь приоткрывает историческую панораму той местности, которая окружала «царствующий град» в Средние века.

Земли Московского уезда делились в XIV—XVI вв. на села, волости и станы, к концу XVII в. сохранилось деление на станы, но при этом отдельно выделились дворцовые владения и городские выгоны. Территория современной Москвы делилась на тринадцать станов: Васильцов, Почернев, Бохов, Манатын (Быков, Коровин), Горетов, Сетуньский, Пехорский, Чермнев, Сосенский, Таракманов, Молоцкой, Ратуев и Копотенский¹. Между ними вклинивались обширные территории дворцовых владений, а вокруг Москвы, в пределах 2 верст от городских стен были отведены земли под выгон для скота горожан.

Эти выгоны появились вокруг Москвы только в 1649 г. во исполнение соответствующей статьи Соборного уложения: «А выгону быти около Москвы на все стороны от Земляного городу оторву по две версты...»² Как показывает карта московских окрестностей конца XVII в., составленная В.С. Кусовым, данная статья Соборного уложения не была реализована полностью — выгоны занимали территории лишь на востоке, северо-западе и отчасти на юго-западе от Москвы³. Однако и это было достижением — под выгоны государю пришлось конфисковать земли различных владельцев — монастырей и ямских слобод. В частности, под выгон отошла обширная вотчина Новинского монастыря от Кудрина до Ходынки⁴.

Рассматривая лишь самые крупные и значимые села XIV—XVII вв., располагавшиеся вокруг Москвы, начнем этот обзор, как обычно, с востока. Здесь, как уже говорилось выше, находились владения Спасо-Андроникова монастыря. Далее на восток, между Владимирской и Новой Коломенской дорогой, лежали села Косино, Вешняково (Спасское тож), Кусково, Перово, Гиреево, Либерцы (Назарово тож). Наиболее древним из них являлось Коси-

¹ *Веселовский С.Б., Перцов В.Н.* Исторические карты Подмосковья / Подгот. К.А. Аверьянов, Л.Е. Додэ (История сел и деревень Подмосковья. XIV—XX вв. Вып. 4). М., 1993; *Кусов В.С.* Земли современной Москвы при государях Иоанне и Петре. 1682—1696 гг. М., 1998.

² *Соборное уложение...* С. 99.

³ *Кусов В.С.* Земли современной Москвы при государях Иоанне и Петре... (карта).

⁴ *Смирнов П.П., Голубцов И.А.* Москва в кольце феодальных вотчин в середине XVII в. и конфискация земель под выгоны 1648—1649 гг. (карта) // История Москвы. М., 1952 (Приложение). Т. 1.

но, прославленное своими озерами, и в первую очередь Белым озером, имеющим ледниковое происхождение и глубину до 14 м. Оно входило в состав владений князя Владимира Андреевича Храброго и по его духовной было передано вдове, княгине Елене Ольгердовне. В духовной оно упоминается как Косино «с тремя озера» — уже в те времена Косинские озера представляли местную достопримечательность. Вдова князя в 1433 г. передала село Рождественскому монастырю, а затем оно переходило из рук в руки и в XVII в. стало поместьем рода Телепневых, потомков деятеля Смуты, думного дьяка Василия Григорьевича Телепнева. Согласно писцовому описанию 1623 г., в селе находилась церковь Святителя Николая Чудотворца, двор помещика с «деловыми людьми», 5 крестьянских и бобыльских дворов. В 1678 г. в Косино было 6 дворов с 17 душами мужского пола, в 1704 г. — 5 дворов и 26 человек. Согласно местному преданию, в конце XVII в. в косинском Белом озере совершал первые опыты плавания на ботике Петр I. В память об этом царь подарил Никольскому храму икону Божией Матери, привезенную графом Б.П. Шереметевым из итальянского города Модены.

Соседние с Косином земли (Кусково, Губино-Гиреево, Вешняково), согласно писцовой книге 1573—1574 гг., принадлежали Ивану и Федору Васильевичам Шереметевым¹. В первой половине XVII в. они перешли к известному деятелю Смуты и правления царя Михаила боярину Федору Ивановичу Шереметеву, сыну Ивана Васильевича. В Вешнякове (ныне — район Вешняки) он выстроил каменную церковь во имя Воскресения Христова (ныне — Успения Пресвятой Богородицы — по престолу на первом этаже этой двухэтажной церкви), которая сохранилась до наших дней (1644—1646 гг.). При Шереметеве здесь построили барские хоромы, вокруг которых жили «задворные люди» — слуги.

От Шереметева Вешняки перешли к его зятю, ближнему боярину Никите Ивановичу Одоевскому, занимавшему видное положение при дворе царя Алексея Михайловича. В 1653 г., когда боярин был на воеводстве в Казани, государь заехал в его вотчину, Вешняково, где его с почтением встречали сыновья князя, Михаил и Федор. Сам царь так описывал этот визит в письме к Н.И. Одоевскому:

¹ *Писцовые книги XVI века* / Под ред. Н.В. Калачова. Отд. I. СПб., 1872. С. 2, 3.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Вешняках

«...И тот день был я у тебя в Вешнякове, а он (князь М.Н. Одоевский. — *С. III.*) здоров был; потчивал меня, да рад таков, а его такова радосна николи не видал; да лошадью он, да князь Федор челом ударили, и я молвил им: «По толь я приезжал к вам, что грабить вас?» — и он, плачучи, да говорит мне: «Мне-де, государь, тебя не видать здесь; возьмите, государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и нас, нам же и до века такова гостя невидать». И я, видя их нелестное прошение и радость несумненую, взял жеребца темносера. Не лошадь дорога мне, всего лутчи их нелицемерная служба, и послушание, и радость их ко мне, что они радовалися мне всем сердцем. Да жалуючи тебя и их, везде был, и в конюшнях, всего смотрел, во всех жилищах был, и кушал у них в хоромех...» А вслед за этим произошло несчастье — в тот

же день князь Михаил тяжело заболел и вскоре скончался. Жалея отца, царь Алексей Михайлович написал ему письмо с этим известием, описал христианскую кончину князя Михаила и как мог утешил и обнадежил его¹.

В XVIII в. Вешняково вернулось к Шереметевым и стало частью их обширных кусковских владений. На это столетие приходится расцвет Шереметевской вотчины в Кускове, а также вотчины графа А.Г. Разумовского в Перове. Эти земли в XVII в. входили в Васильцов стан, простиравшийся на северо-запад до Сущева и Новой Дмитровской слободы. По линии Владимирской дороги с Васильцовым станом граничили обширные дворцовые владения, тянувшиеся от Покровского-Рубцова до Измайлова и далее на северо-восток и на север до самих Мытищ и Тонинского (ныне — Тайнинское). Сюда входили Преображенское, Семеновское, Гольяново, Алексеевское.

Среди обширных измайловских вотчин особняком стояло Черкизово, принадлежавшее Чудову монастырю. Выше уже говорилось, что наименование этого села произошло от владельца, татарского царевича Серкиза, который перешел на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу и крестился. От него произошел боярский род Старковых-Серкизовых. Сын «царевича» Андрей Иванович Серкизов погиб в бою со своими родичами — был убит в 1380 г. в Куликовской битве, а его правнук — Иван Федорович Старков-Серкизов — коломенским наместником при Василии II. Позднее он принял участие в заговоре против Василия Темного, но серьезно не пострадал, хотя его потомки и были из состава московского боярства². На этом повествование о Старковых-Серкизовых можно было бы закончить, если бы не одно обстоятельство, на которое не обратил внимание известный историк и генеалог С.Б. Веселовский, создавший очерк истории этого рода. Мне представляется, что имя Серкиз созвучно пространному имени Саркис (Сергий), которое принадлежит легендарному армянскому святому первых веков христианской эры. В связи с этим, возможно, корни Старковых-Серкизовых следует искать не в Орде, а в Армении.

¹ *Московия и Европа* // Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович / Сост. А.А. Либерман, С.Ю. Шокарев. М., 2000. С. 506.

² *Веселовский С.Б.* Очерки по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 397-410.

Дача московских митрополитов в Черкизове.
Фотография из «Найденовского альбома». 1888 г.

В XVI в. село Черкизово находилось во владении Чудова монастыря. Переписная книга 1620-х гг. отмечает здесь церковь, уничтоженную в Смутное время, а также 4 крестьянских и бобыльских двора. К 1646 г. число дворов увеличилось до десяти, была восстановлена Ильинская церковь. На 1678 г. в Черкизове находилось до 30 дворов. По переписи 1715 г. в селе числилось 18 дворов, к концу XVIII в. их количество возросло до двадцати пяти. В 1764 г. село перешло в казну, а в конце столетия Павел I подарил его московскому митрополиту Платону (Левшину). Здесь возникла загородная резиденция московских архиереев, деревянный дом которых простоял до 1998 г. и погиб в пожаре.

Вернемся в северную часть Васильцова стана. На Стромынской дороге, которая в древности вела в Переяславль-Залесский, располагалось крупное Красное село. Оно упоминается в духовной грамоте Василия I (1417 г.) как сельцо «над Великим прудом». Тот факт, что селение упомянуто без названия, свидетельствует о его недавнем основании. При Василии II Темном оно было обустроено и по красивой местности получило название

Красное. В духовной этого князя оно упоминается как Красное село над Великим прудом¹. Позднее и пруд получил наименование Красного. К концу XVI в. село сильно разрослось и приобрело характер слободы: по свидетельству иностранцев, здесь жили богатые купцы и золотых дел мастера.

В 1605 г. в Красное село прибыли посланцы Лжедмитрия I Г.Г. Пушкин и Н.М. Плещеев. Они «смutilи» грамотами самозванца «мужиков-красносельцев» и при их поддержке проникли в Москву, где вызвали мятеж, свержение власти царя Федора Годунова и признание самозванца. В 1609 г. Красное село сжег казачий атаман Горохов, переметнувшийся в лагерь Тушинского вора, Лжедмитрия II.

После Смуты село медленно восстанавливалось. К 1638 г. в нем насчитывалось 118, а в 1646 г. — 120 дворов. Треть населения занималась ремеслами и торговлей, обслуживала царское хозяйство (в XVII—XVIII вв. здесь находился государев Красносельский дворец). Храм села был посвящен празднику Пресвятой Богородицы, его современное здание выстроили к 1701 г., а затем неоднократно достраивали. В это время в Красном селе насчитывалось уже 220 дворов.

Неподалеку от Троицкой дороги на другом крупном пруду также еще в XIV в. образовалось село, которое так и было названо — Напрудное (Напрудское). Оно упоминается уже в духовной грамоте Ивана Калиты — в 1339 г., и далее в других духовных московских государей, вплоть до Ивана Грозного. В XVII в. здесь находилась Напрудная дворцовая слобода, насчитывавшая в 1632 г. 17 дворов, а в 1638 г. — двадцать. Сохранился уникальный памятник архитектуры — церковь Трифона в Напрудном, выстроенная в эпоху Ивана III. Согласно преданию, здесь молодой сокольничий Трифон Патрикеев потерял любимого государева сокола. Его предупредили, что, если в течение трех дней он не разыщет сокола, его ждет грозное наказание. После бесплодных поисков несчастный обратился с молитвой о помощи к мученику Трифону, после чего во сне увидел своего покровителя на белом коне с соколом на руке. Святой рассказал, где искать пропажу. Очнувшись от сна, Трифон Патрикеев действительно нашел в указанном месте потерянного сокола. В благодарность Богу и святому Трифону он

¹ Духовные и договорные грамоты... С. 58, 194.

выстроил здесь часовню, а затем каменную церковь. Несмотря на то что среди придворных Ивана III такое лицо не известно, а служили бояре и князья Патрикеевы, которые вряд ли могли рыскать по лесам в поисках сокола, определенное зерно истины в этом рассказе есть. Подтверждением этого является фреска XVI в. — начала XVII в. с изображением мученика Трифона на белом коне с соколом в руке, находившаяся до 1930-х гг. на внешней стороне алтарной апсиды (ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее).

Церковь сложена из белого камня, что свидетельствует о ее древности. На ее стенах были обнаружены граффити, позволяющие датировать время постройки концом XV в. Одноглавый бесстолпный храм имеет прямоугольный основной объем и завершается главой с восемью килевидными кокошниками в основании. Апсидные выступы разделены лопатками. Над юго-западным углом храма возведена двустолпная двухпролетная звонница. Облик храма сближает его одновременно и с псковскими и новгородскими постройками XV в., и с памятниками московского зодчества XV — начала XVI в. В XIX в. церковь достраивалась и перестраивалась, а первоначальный вид ей был возвращен во время реставрации, проведенной в 1947—1948 и 1952—1957 гг. архитектором-реставратором Л.А. Давидом. В сентябре 1992 г. в храме возобновилось богослужение.

Далее, к западу, между Троицкой и Тверской дорогами лежали земли Манатына (он же Быков или Коровын) стана. В пределах этой территории отметим крупные села Останкино, Свиблово, Медведково, Ховрино, Всесвяцкое (Всехсвятское).

Село Останкино (первоначально Осташково) принадлежало видному государственному деятелю времен Ивана Грозного и Смуты — думному дьяку Василию Яковлевичу Щелкалову. Он управлял Посольским приказом, хранил государеву печать и был одним из немногих причастных к самым значимым государственными тайнам. В 1617 г. село перешло во владение князя Ивана Борисовича Черкасского, боярина и двоюродного брата царя Михаила Федоровича. Князь И.Б. Черкасский был очень влиятельной фигурой при дворе царя Михаила, он начал обустривать село, построил здесь Троицкую церковь, но детей не оставил, и вотчина перешла к племяннику, князю Якову Куденетовичу Черкасскому — видному военачальнику и государственному деятелю эпохи Алексея Михайловича.

*Н.А. Мартынов. Церковь Живоначальной Троицы
в Останкине. 1880-е гг.*

Князь Я.К. Черкасский и его сын, князь Михаил Яковлевич, унаследовавший Останкино в 1666 г., также активно занимались обустройством своей подмосковной вотчины. Если в 1633 г. в селе было всего 22 бобыльских двора, то к 1678 г. население Останкина значительно увеличилось. Здесь стоял двор приказчика, на сокольничьем дворе жили 15 человек, стояли 55 дворов дворовых и задворных людей. В 1678—1683 гг. крепостной зодчий князей Черкасских Павел Сидорович Потехин выстроил в селе каменную церковь во имя святой Троицы в стилистике московского барокко, отличающуюся особой пышностью и декоративностью. В XVIII в. Останкино все более и более украшалось сначала князьями Черкасскими, затем графами Шереметевыми,

к которым оно перешло в результате брака княжны Варвары Алексеевны Черкасской и графа Петра Борисовича Шереметева.

История села Свиблова уходит в XIV столетие. Его владельцем был боярин эпохи Дмитрия Донского — Федор Андреевич Свибло, вотчина которого располагась на Яузе. В начале XV в. Свибло, вероятно, попал в опалу, и его владения были конфискованы великим князем Василием I. В их числе и село Тимофеевское на Яузе, которое стали именовать Свибловое. Затем наименование Свибловое надолго исчезает из документов. В середине XVII в. оно переходит во владение Михаила Львовича Плещеева, отличавшегося весьма скандальным и неуживчивым нравом. Он начал службу стольником у царевича Алексея Михайловича, с 1645 г. — стольник при царском дворе. В 1649 г. Плещеев бил челом на рынду князя Василия Хилкова, считая, что с ним ему служить «невместно», и, несмотря на битые батогами, не отступил от своего намерения, за что был бит еще раз. В следующий раз Плещеев сильно провинился в 1655 г., когда не смог организовать доставку хлебных запасов в действующую армию и пытался свалить вину на князя И.Н. Хованского. Был приговорен к битью кнутом, конфискации имений и ссылке в Сибирь, но царь заступился за Плещеева, и того записали в разрядных документах «вечным клятвoprеступником и ябедником и бездушником и клеветником». Несмотря на это, Плещеев продолжил службу и в 1675 г. оказался в еще одной конфликтной ситуации — грозился убить межевщика князя Шаховского, который якобы делил его владения с князем Ю.И. Пожарским в пользу последнего. В итоге Плещеев до преклонных лет прослужил стольником и только в 1682 г. в день венчания государей Иоанна и Петра получил боярство, минуя чин окольничего¹.

М.Л. Плещеев выстроил в Свиблове деревянную церковь (1677 г.). При нем в селе находился господский двор, дворы попа, дьячка, 4 двора конюхов и 4 двора поваров в И людьми. На скотном дворе жили 9 семей «деловых людей». В самом начале XVIII в. родич Плещеевых К.А. Нарышкин завладел селом, что вызвало его судебную тяжбу с другими родственниками М.Л. Плещеева. В 1721 г. Иван Дмитриевич Плещеев добился передачи ему Свиблова, но на пользу имению это не пошло —

¹ *Русский биографический словарь*. СПб., 1905. Т. 14. Плавильщиков-Примо. С. 109-111.

обозленный Нарышкин вывез оттуда всю роскошную обстановку и даже крепостных¹.

Село Медведково первоначально принадлежало роду Пожарских. В XVI в. его владельцем был князь Василий Федорович Медведь (отсюда и название села — Медведево-Медведково) Пожарский, а к началу XVII в. оно перешло к князю Дмитрию Михайловичу — «спасителю Отечества». В загородной усадьбе князь выстроил церковь Покрова Пресвятой Богородицы — еще один Покровский храм, посвященный преодолению Смуты и победе над иноземными захватчиками. Храм Покрова в Медведкове выстроен в традициях редкой для XVII в. шатровой архитектуры на возвышенности при впадении в Яузу реки Чермянки. Он эффектно смотрится и ныне со стороны широкой, еще не застроенной поймы Яузы, а в XVII в. производил издалека еще более внушительное впечатление. Документы той эпохи сообщают, что при князе Д.М. Пожарском и его сыновьях в Медведкове, кроме каменной церкви, стоял двор вотчинника, И дворов служителей, 5 дворов причта и только 4 крестьянских двора. На берегах Яузы стояли 2 мельницы «на боярский обиход». В полях были устроены 4 копанных пруда, «а рыба в них всякая». Крестьянской пашни при селе не было. В общем, Медведково являлось типичной загородной боярской усадьбой, в которой князь Дмитрий Михайлович отдыхал, когда не мог надолго покинуть царскую службу.

В 1685 г. после смерти внука Пожарского, князя Юрия Ивановича, этот род пресекся. Село Медведково перешло к родичу Пожарских, князю Василию Васильевичу Голицыну, имя которого уже неоднократно упоминалось на этих страницах. Этот вельможа, стремившийся к изысканной и пышной жизни, заново обустроил имение Пожарских. При конфискации имений Голицыных в сентябре 1689 г. было составлено подробное описание и этой усадьбы. В церкви находились золоченые иконостасы, 14 слюдяных и 23 стеклянные окончины. Барский дом состоял из 7 горниц, соединявшихся между собой сенями и завершавшихся чердаками и вышками. Вели в него 4 крыльца с перилами на точных столбиках. Крыша была крыта гонтом (короткой дранкой) и тесом, на кровле установлены жестяные, расписные «прапоры». Внутри (переписчик смог описать лишь часть убранства)

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 429—430.

стояли изразцовые печи, стены и двери были обиты сукном, окончины были стеклянными и слюдяные, а стены украшались различными картинами, в том числе портретом шведского короля. Неподалеку от хором находились поварни, погреба, ледник.

Боярское хозяйство было немалым — здесь держали 16 лошадей, 5 коров, 11 быков, подтелков и телят и прочую живость. Для развлечения хозяина и его гостей на княжеском дворе жили три оленя. В вотчине было две мельницы, стояли житницы с хлебом, сарай, овины и амбары на гумне. Здесь существовали все те же четыре «живорыбных» пруда и специальный прудок «для садку рыбы» на Яузе. Переписчик дотошно перечислил виды рыб, разводившихся для княжеского стола, — осетры, стерляди, лини, окуни, плотва¹.

Село Всесвяцкое (Всехсвятское) на реке Ходынке, расположенное прямо на Тверской дороге, имеет древнюю историю. В XV в. здесь существовал Всехсвятский монастырь, а поселение, образовавшееся вокруг него, носило название «село Святые отцы на речке Ходынке» и принадлежало боярину и князю И.Ю. Патрикееву. В XVI в. оно перешло в казну, а со второй половины XVII в. стало владением известного боярина Ивана Михайловича Милославского. Милославский выстроил в селе в 1683 г. небольшую каменную церковь Всех Святых. Традиционалист, приверженец старины, он распорядился строить ее в стилистике XVI в. — шатрового типа. Эта церковь была перестроена в 1733 г. Согласно описанию 1686 г., село выглядело следующим образом: «Двор боярский, а в нем живет прикащик, да двор конюшенный, и скотный со всяким дворовым строением, да к селу ж Всесвяттскому на речке на Ходынке построена вновь мельница, мелет к 4 колеса. Всего в селе и на мельнице дворовых, и кабальных, и задворных людей и поваров 44 человека»².

Единственная дочь боярина И.М. Милославского Феодосия вышла замуж за царевича Александра, сына Арчила II, царя Имеретии (Западной Грузии), переселившегося с семьей в Москву. С этого времени история Всехсвятского и его церкви надолго оказалась связанной с грузинскими и имеретинскими царевича-

¹ Тихонов Ю.А. Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII — начале XVIII вв. // *Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв.: Сб. статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского*. М., 1975. С. 149—150.

² *История московских районов: Энциклопедия...* С. 303—305.

ми, находившимися в России. Царевич Александр Арчилович был в окружении молодого Петра I и в 1700 г. получил чин генерал-фельдцейхмейстера (главного начальника артиллерии русской армии). Его судьба печальна: в битве под Нарвой он попал в плен, провел десять лет в Швеции и скончался на обратном пути в Россию в 1711 г. Похоронен он в соборе Донского монастыря.

Село Всехсвятское перешло к сестре царевича Александра царевне Дарье (Дареджан), которая создала здесь культурный центр грузинской диаспоры Москвы. С 1740 по 1774 г. в селе работала типография, где издавались церковные и богослужебные книги на грузинском языке. В 1748 г. село было пожаловано ближайшим родственникам Дарьи Арчиловны — грузинским царевичам Бакару и Георгию Вахтанговичам, и оно находилось во владении их наследников до 1852 г.

Наименование села Ховрино происходит от Григория Степановича (Стефановича) Ховры, о котором уже шла речь выше, в рассказе о Симоновом монастыре. О том, что здесь некогда была обширная вотчина боярского рода Ховриных-Головиных, свидетельствует и название соседнего Головина, образованное от прозвища Ивана Владимировича Головы, внука Г.С. Ховры и казначея Ивана III. Головино вышло из рода к началу XVII в., а Ховрином потомки Григория Степановича владели до середины XVII в. По писцовой книге 1584 г., Ховрино принадлежало Семену Фомичу Третьякову (прапраправнуку Григория Ховры). В годы Смуты село было разорено, и стольнику Василию Семеновичу Третьякову досталась уже «пустошь, что была деревня Ховрино, на речке Лихоборке». В середине XVII в. Ховрино перешло к стольнику В.Б. Шереметеву, затем переходило из рук в руки и наконец в 1700 г. оказалось в казне. В том же году Петр I пожаловал его одному из ближайших сподвижников — генерал-адмиралу, боярину и графу Федору Алексеевичу Головину, потомку Григория Ховры. Возможно, сам царь исполнил просьбу Головина, желавшего вернуть в род старинную вотчину. На протяжении XVII — первой половины XIX в. Ховрино не отличалось крупными размерами. Перепись 1646 г. отмечает здесь 33 человека, в 1678 г. — 56 человек, в середине XIX в. — 153 человека¹.

Северо-запад Московского уезда, между Звенигородской и Тверской дорогами, занимали земли Горетова стана. Он грани-

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 328—329.

чил с Москвой от Тверских ворот Земляного города и далее на запад и юго-запад, включая излучину Москвы-реки с Новодевичьим монастырем и Лужниками. В XVII в. южная часть стана, от Волоцкой до Звенигородской дороги, отошла к дворцовому ведомству (села Хорошево, Хвили (Фили), Крылацкое (Крылатское), Кунцево, деревни Острогино (Строгино), Щукино, Мазилово, Давыдково и др.).

Из селений Горетова стана в пределах современной Москвы одно из древнейших — село Тушино. Историю этой крупной боярской вотчины исследовал С.Б. Веселовский. Вероятно, еще при Иване Калите на службу к московскому князю выехал откуда-то из Южной Руси Нестор Рябец. Согласно родословной легенде, его сын Родион Нестерович в 1304 г. отличился в бою с тверской ратью под Переяславлем и лично убил предводителя вражеского войска — боярина Акинфа Великого.

Сын Родиона, Иван Родионович Квашня, упоминается в источниках. Он был воеводой на Куликовом поле и свидетелем на обеих духовных грамотах великого князя Дмитрия Ивановича. Летопись особо отмечает его кончину в 1390 г.: «Тое же весны в великое говение преставися раб божий Иван Родионович, нареченный во мнишьском чину Игнатий, и положен у святого Спаса в монастыри, иже на Всьходне». Этот монастырь был создан в центре крупной вотчины Ивана Квашни и его потомков на реке Сходне. С.Б. Веселовский локализовал ее границы следующим образом:

«Километрах в десяти от Москвы, на высоком берегу р. Москвы, при впадении в нее р. Всьходни, растянулась вдоль шоссе большая деревня (до 200 дворов) Тушина, прежде село, знаменитое по событиям Смутного времени. По другую сторону Всьходни, верстах в двух от Тушина, лежит с. Спасское. В XVI в. этого села не было, а на окраине его, там, где теперь видны следы заброшенного кладбища, находился монастырь Спаса на Всьходне,

Ф.А. Головин. Гравюра 1706 г.

существовавший уже в XIV в. Если идти по Восточной вверх, то с правой стороны мы увидим деревни Петрову, Братцеву и Юрову. Последняя находится от Тушина километрах в восьми—десяти. С левой стороны Восточной, километрах в пяти от с. Спасского находится деревня Дудина. Все эти селения и монастырь входили в XIV—XVI вв. в состав вотчины Квашни» (1938 г.)¹.

Вотчина Ивана Квашы в XV—XVI вв. дробилась между его потомками, и отдельные ее части, села и деревни, получали наименования по своим владельцам: Тушино — по сыну Квашни, Василию Ивановичу Туше, Дудина — по его правнуку, Василию Родионовичу Дуде. Постепенно потомки Ивана Родионовича теряли земли в родовом гнезде, и, получая от государя вотчины, все дальше удалялись от Восточной. К концу XVI в. от бывшей вотчины остался лишь небольшой клочок — при царе Федоре Ивановиче его тезка, Федор же Иванович Тушин, владел деревней Юркино (Манасово тож, впоследствии — Юрова) на реке Восточной (Восточной), при которой было 16 четвертей «доброй земли» и 40 копен сена. Родовые земли постепенно раздавались потомками Ивана Квашни и Василия Туши в монастыри, в том числе и в Спасский на Восточной, который во второй половине XVI в. был приписан к Троице-Сергиеву. Часть земель были проданы, другие — раздавались в приданое².

Археолог А.А. Юшко исследовала центральную часть квашинской вотчины — Спас-Тушинское городище. Здесь была найдена керамика дьяковского и древнерусского (XIV—XVII вв.) времени, а неподалеку от фундаментов Спасо-Преображенской церкви (выстроена в 80-х гг. XVI в., разобрана в 1885 г.) обнаружены погребения, предшествовавшие времени строительства храма³.

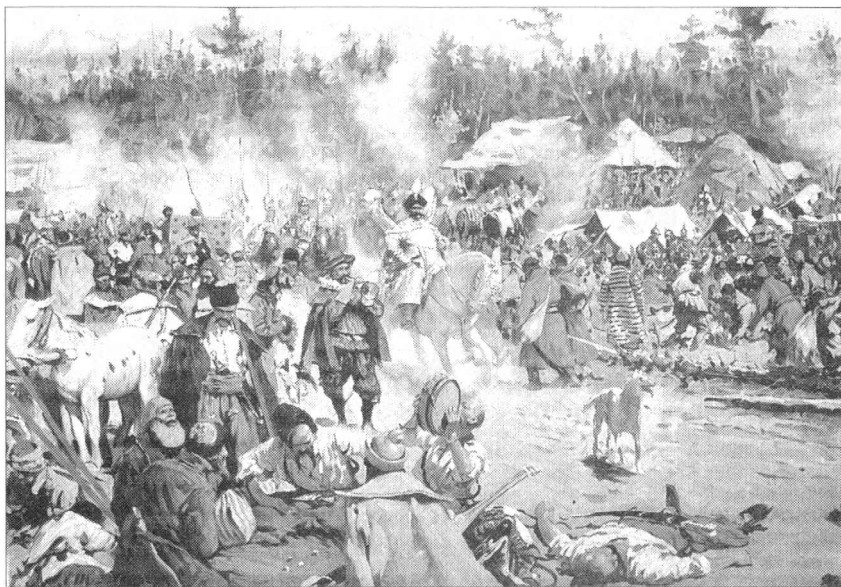
Спасский монастырь погиб в годы Смутного времени, когда в ближайшем соседстве от него, в Тушине, обосновался Лжедмитрий II. Тушинский лагерь представлял собой собрание людей различных народностей (сюда сошлись русские, поляки, донские, запорожские и волжские казаки, татары), объединенных под знаменами нового самозванца ненавистью к Шуйскому и стремлением к наживе. Лагерь Лжедмитрия II был хорошо укреплен и окружен с западной стороны рвом и валом, с других сто-

¹ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 268.

² Там же. С. 269-280.

³ Юшко А.А. Феодалное землевладение Московской земли XIV века. М., 2003. С. 154-156.

С.В. Иванов. В Смутное время. 1908 г.

рон — реками Москвой и Сходней; внутри его находились деревянные строения и шатры.

В конце XIX в. при строительстве Рижской железной дороги было обнаружено множество вещей, принадлежавших обитателям Тушинского лагеря. Большая часть собранной в зоне строительства коллекции была передана в Государственный исторический музей. В основном это были предметы вооружения, бытовой и хозяйственный инвентарь, железные фрагменты деревянных строений. Из оружия были найдены стволы пищалей, снабженные кремневыми и фитильными замками, пулелейки (щипцы для отливки свинцовых пуль), бердыши и боевые топоры, рогатины (мощные копья), ударное холодное оружие — булавы и кистени. Среди прочего были найдены образцы весьма своеобразного оружия, именовавшегося чесноком. Он имел вид железных «звездочек» с острыми краями или крючьями на концах и использовался против неприятельской конницы. Эти «звездочки» разбрасывали по земле, и во время атаки лошади тяжело ранили о них себе копыта. Из предметов хозяйственного инвентаря на месте Тушинского лагеря были обнаружены плотницкие топоры, рыболовные крючки, ножницы, серпы, косы, ножи, двер-

ные замки, петли и скобы. По этим находкам территория Тушинского лагеря довольно четко определяется поймой реки Сходни при впадении ее в Москву-реку, в районе между Волоколамским шоссе и участком Рижской железной дороги от станции Тушино до станции Трикотажная.

Ко времени Смуты Тушино находилось во владении Троице-Сергиева монастыря. В переписи 1623 г. оно названо селом с 16 крестьянскими и 20 бобыльскими дворами. Отмечает перепись и разорение Спасского монастыря: «Живоначальной Троицы Сергиева монастыря вотчино село, что был монастырь Восточная на реке, на Москве, а в нем церковь Преображения Господня с трапезою каменною, разорен, да другая церковь Андрея Стратилата каменная шатром вверх». В 1646 г. в Тушине проживало уже 120 человек мужского пола в 39 крестьянских и 10 бобыльских дворах. Эпидемия чумы 1654 г. привела к значительному сокращению численности населения: в 1678 г. в Тушине насчитывалось 62 жителя. Постепенный прирост его населения начался уже во второй половине XVIII в., когда Тушино перешло в ведение Коллегии экономии¹.

Село Хорошево (Хорошёво) издревле принадлежало московским великим князьям. Вероятно, оно служило местом отдохновения на пути в Звенигород, поскольку лежало неподалеку от этой дороги. Встречается другое наименование — Беседы, позволяющее предположить, что село могло быть местом встречи иностранных гостей великокняжескими приставами. По духовной Ивана Грозного (1572 г.) Хорошево было завещано младшему сыну, Федору Ивановичу. Вероятно, царь Федор и подарил это село шурина Борису Годунову, который сделал его одной из загородных резиденций. Голландец Исаак Масса писал о Годунове: «У него было также много земель, больше, чем у значительнейших бояр... Сверх того было у него много домов повсюду, в числе коих один весьма красивый, на расстоянии мили от Москвы, называвшийся Хорошево, что значит красивый. И был он построен на горе у реки Москвы; здесь он часто веселился, нередко приглашая к себе иноземных докторов и других подобных людей, превосходно угощая их, и дружески обходился с ними, нисколько не умаляя своего достоинства»².

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 230—237.

² *Масса И.* Указ. соч.

Церковь Живоначальной Троицы в Хорошево

При Годунове в селе была построена церковь во имя Живоначальной Троицы, архитектура которой сходна с Малым собором Донского монастыря. Здесь же был выстроен деревянный дворец, который в XVII—XVIII вв. неоднократно перестраивался, а в 1760 г. погиб в пожаре. В годы Смуты Хорошево пострадало, но вскоре возродилось. После 1631 г. село стало центром Хорошевской конюшенной волости, где готовились табуны лошадей для царского конного войска. Царь Алексей Михайлович часто приезжал охотиться в Хорошево. Здесь были устроены лисьи и волчьи осеки (засеки), а в самом селе — потешный волчий двор. Село и дворцовое хозяйство вокруг него в конце XVII в. были не малыми — здесь жили 366 душ мужского пола¹.

Река Москва служила границей между Горетовым и Сетуньским станами. На юге его земли лежали вплоть до дороги Каменки, которая шла между Боровской и Калужской. Таким образом, на севере в Сетуньский стан входило село Троицкое (Новое-Троицкое, Троицкое-Лыково), а на юге — Тропарево. В числе самых

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 279—282.

значимых в Средние века селений Сетуньского стана надо отметить села Троицкое, Крылацкое (Крылатское), Кунцево, Хвили (Фили), Волинское и Троицкое-Голенищевое.

Село Троицкое, ныне — Троицкое-Лыково, было образовано в начале XVII в. владельцем этих мест боярином и князем Борисом Михайловичем Лыковым и по праву носит его имя. Князь Лыков был одним из видных деятелей Смутного времени, он отличился как воевода, а во времена междоусобицы входил в число «съемочисленных бояр». При царе Михаиле Федоровиче Лыков занял видное положение, как по заслугам, так и по родству с государем — он был женат на его родной тетке, Анастасии Никитичне. Получив в поместье село Троицкое (на окраине Серебряного Бора) и деревню Черевково, князь Борис перенес храм и двор вотчинника в Черевково, которое стало называться Новым Троицким, Троицким или Троицким-Лыковым. Бывшее Троицкое, напротив, получило название Черевково, которое позднее превратилось в Черепково. Боярин прикупал к своему владению новые земли и сводил сюда людей. В 1627 г. в Троицком-Лыкове стоял двор вотчинника и 5 дворов «людских», а в 1646 г. находилось уже 16 дворов «задворных людей». После кончины князя Лыкова, а затем его вдовы село перешло в казну, а в 1690 г. досталось Нарышкиным, которые выстроили здесь новую церковь — один из ярких образцов московского (нарышкинского) барокко. Считается, что храм возводил известный строитель той эпохи Яков Бухвостов.

С родом Нарышкиных связана история других крупных селений Сетуньского стана — Хвилей (Филей) и Кунцева. Древнейшее упоминание о Кунцевской местности, согласно разысканиям И.Е. Забелина, относится к 1454 г. В духовной грамоте П.К. Добрынского в числе других земель, отданных митрополиту Ионе в Дом Пресвятой Богородицы, упоминается Ипское — деревня, существовавшая на месте позднейшей Кунцевской рощи. Хвили (Фили) и Кунцево упоминаются впервые в 1622 г., когда по указу царя Михаила Федоровича были переданы из вотчин покойного князя Ф.И. Мстиславского его сестре, княжне Ирине Ивановне, старице Вознесенского монастыря. Село Хвили являлось центром Сетуньской вотчины Мстиславских. Само наименование села происходит от реки Хвилки (Хвильки), имя которой, в свою очередь, возможно, имеет балтийское происхождение.

Согласно писцовой книге 1627 г., вотчина Мстиславских включала в себя село Хвили, деревни Гусарово, Ипское, Кунцево и

Церковь Живоначальной Троицы в Троицком-Лыкове

Мазилово, пустоши Бетино, Шевелево, Шульгине, Игнатьево, Матренино, Якимово, Корелкино и Петройково. Самым крупным селением были Хвили, где стояли 5 крестьянских и 3 бобыльских двора, да еще 3 двора были пустыми. Здесь же находилась деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы с приделом Зачатия Святой Анны и боярский двор, на котором жили приказчик и дворовые люди. Всего в Хвилях перепись отмечает 24 человек мужского пола. В деревне Кунцево был всего один двор, на котором жили крестьянин Ивашка Иванов да бобыль Кирилко Микитин. Очевидно, эти земли, и ранее не слишком населенные, были разорены в Смутное время, как и все ближайшее Подмосковье.

После смерти княжны-старницы Ирины Мстиславской ее вотчины отошли в казну, и в 1649 г. Кунцевская дача досталась царскому тестю боярину Илье Даниловичу Милославскому. К середине

XVII в. эти земли еще больше запустели, и Милославский начал здесь обустриваться заново, избрав центром своей вотчины Кунцево, и его вскоре в документах начинают называть сельцом. Здесь был поставлен деревянный боярский двор, в котором, вероятно, не раз бывал государь Алексей Михайлович. Так, 17 октября 1661 г. царь «ходил в поход тешитца на поле; а столовое кушанье было в селе Хорошеве; а тешился под селом Хвилями, да в Кунцевских Заразах...». Вероятно, в этот или другой день он мог и заглянуть в кунцевское имение тестя. Примечательно слово «заразы» — крутые овраги, которыми отличалась кунцевская местность. И.Е. Забелин считал, что в этих оврагах могли водиться медведи и волки, не говоря уже о более мелком зверье.

В 1668 г. после смерти И.Д. Милославского его Кунцевская вотчина перешла в казну. В 1677 г. царь Федор Алексеевич пожаловал ее родичу покойного, боярину Ивану Михайловичу Милославскому, имя которого уже неоднократно упоминалось на страницах этой книги. В 1685 г. умер и Иван Михайлович, и вотчина отошла к его дочери, княгине Феодосии Имеретинской, супруге царевича Александра Арчиловича. Она ненадолго пережила отца и в 1689 г. умерла, передав Кунцево в Успенский собор для вечного поминовения рода Милославских. Сохранилось писцовое описание Кунцева, выполненное в том же году. Кунцево было вполне рядовой, не богатой и не роскошной загородной боярской усадьбой: хоромы, состоявшие из двух горниц, баня, поварня, погреб, скотный двор, сады, пруд да «людские» избы — вот и все строения этого сельца. По сравнению с Медведковской вотчиной князя В.В. Голицына Кунцево было весьма скромным.

Соседнее с Кунцевом село Хвили имело другую судьбу. После кончины И.Д. Милославского оно оставалось в казне, а в том же 1689 г. было пожаловано боярину и главе Посольского приказа, дяде Петра I и врагу Милославских — Льву Кирилловичу Нарышкину. Тот желал округлить свои владения и с помощью соседа, стольника А.А. Матвеева, сделал это — Матвеев обменял свои земли патриарху на Кунцево, а затем продал сельцо Нарышкину. Так образовалась обширная вотчина Нарышкиных на Сетуни, которой этот род владел до 1865 г.¹

¹ Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетуньский стан. Исторические воспоминания // *Он же. Черты московской самобытности* / Сост., вступ. ст. В.Б. Муравьева. М., 2007. С. 197—230.

Здесь, в селе Хвили, Л.К. Нарышкин выстроил прекрасный памятник московского (нарышкинского) барокко — церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Филях. Строительство храма началось летом 1690 г. и закончилось не позднее лета 1691 г. Еще несколько лет продолжались работы над завершением внутреннего убранства. В нижнем ярусе освятили храм Покрова Пресвятой Богородицы и в него перенесли престол из деревянного храма. Этот храм был зимним. Верхний храм с престолом Спаса Нерукотворного Образа до 1783 г. являлся домовым храмом в усадьбе Нарышкиных.

На высоком подклете, окруженном открытой галереей на аркаде с тремя широкими лестницами, установлен двусветный четверик, к которому со всех сторон света примыкают полукружия притворов и апсид. На четверике установлены три убывающих по объемам восьмерика, средний из которых является звонницей, а верхний несет церковную главу. Еще четыре главы на граненых барабанах установлены над притворами и апсидами. Церковь обладает пышным белокаменным декором. По углам четверика и восьмериков ее украшают колонки, поддерживающие сложнопрофилированные карнизы, над которыми установлены изящные резные гребешки. Гребешки также украшают колончатые оконные наличники. Внутри храма сохранился уникальный резной девятирусный иконостас, увенчанный распятием. Предполагается, что иконостас был выполнен белорусскими резчиками по рисункам мастера Оружейной палаты Карпа Золотарева. Он же совместно с Кириллом Улановым и Богданом (Иваном) Салтановым выполнил большинство икон храма. В их числе — иконы «Архидиакон Стефан» и «Архидиакон Лаврентий», написанные Салтановым, в которых исследователи склонны видеть портреты царей Петра I и Ивана V Алексеевичей. Фрагменты первоначальных великолепных росписей храма сохранились на сводах. Храмовым образом стала переданная из деревянной Покровской церкви икона Спаса Нерукотворного Образа. Ее покрывала золотая риза, украшенная изумрудами, алмазами, рубинами и другими драгоценными камнями¹.

Крылатское (в документах Средневековья — Крылацкое) — одно из древнейших сел Сетуньского стана. Оно упоминается еще

¹ *Вострышев М.И., Шокарев С.Ю.* Указ. соч. С. 367—368. Подробнее об этом храме: *Михайлов Б., священник.* Храм в Филях. История прихода и храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях. XVII—XX века. М., 2002.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Филиях

в духовной великого князя Василия I (1417 г.) с указанием, что это село «было за татаром», то есть во владении некоего татарина. Это село в течение нескольких столетий находилось в числе дворцовых владений. Здесь часто бывал царь Иван Грозный, останавливавшийся в Крылатском на пути из Можайска или Волоколамска. Можно полагать, что в Крылатском находился путевой дворец этого государя. В окрестностях Крылатского охотился царь Алексей Михайлович. Само село в это время было немногочисленным: по переписи 1646 г., в Крылатском стояли 18 крестьянских дворов¹.

Троицкое-Голенищево, находившееся между Сетунью и Москвой-рекой, напротив, издревле и до XVII в. было владением митрополитов, а затем патриархов. Возможно, этим селом в XIV в. владел Василий Ананьевич Голенищев-Кутузов, родоначальник

История московских районов: Энциклопедия... С. 135—136.

Голенищевых-Кутузовых и предок фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова. Он завещал это владение митрополиту Киприану, которому очень полюбилась уединенная местность на Сетуни. Владыка возвел здесь церковь во имя Трех Святителей и, по отзыву летописи, «...часто любяше пребывати, и книги своей рукой писаше, понеже место бе тихо и безмолвно». Здесь же Киприан и скончался в 1406 г.

В 1474 г. митрополит Геронтий перенес резиденцию ниже по течению Сетуни, чуть ближе к Москве, где выстроил хоромы и церковь во имя Иоанна Богослова. Прежняя загородная усадьба митрополитов стала деревней Трехсвятской. Позднее храм митрополичьей резиденции получил новое посвящение — во имя Живоначальной Троицы. Писцовая книга 1627 г. описывает этот храм как деревянный и клетский, с приделом Святого Леонтия Ростовского. При селе были пять мельниц на реке Сетунь, одна деревня и двадцать шесть пустошей (в их числе и Трехсвятское). При селе также находились три печи для производства кирпича с шестью сараями, где эти кирпичи хранились. В 1644 г. в церковь в Троицком-Голенищеве была перестроена в камне. Ее возводил по чертежу Антипы Константинова каменных дел мастер Иларион Михайлович Ушаков. Согласно описанию начала XVIII в., эта церковь была шатровой и имела два придела — Святого Митрополита Ионы и Мученика Агапия, «а на церкви и на приделах главы три опаены белым железом; около церкви с дву сторон паперть — два рундука... церковь, приделы и паперть крыты тесом; в них полы кирпичные...». На колокольне было пять колоколов, весом 25 пудов.

Рядом с храмом находился патриарший дворец, нижний этаж которого был выстроен из камня, а верхние — из дерева. Это было солидное сооружение из нескольких палат, с каменными крыльцом и рундуком, верхними теремами и чердаками. На дворе находились разнообразные хозяйственные постройки — хлебня, поварня, сушило, скотный двор, конюшня, сарай, баня и др. Двор окружали обширные сады. В этот дворец в гости к владыке заезжали цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич¹.

Село Зюзино, лежавшее к югу от Москвы, неподалеку от Серпуховской дороги, впервые упоминается в 1627 г. В это время им владел боярин князь Алексей Юрьевич Сицкий, а до него — стре-

¹ Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетуньский стан... С. 179—186.

Церковь Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве.

Акварель неизвестного художника. 1880-е гг.

лецкий голова Федор Челюскин. Вероятно, еще в XVI в. оно находилось во владении боярского рода Зюзиных, от которого и получило свое название. Зюзины происходили из тверских бояр. После падения Тверского княжества один из них, Василий Андреевич, бежал в Литву. Его внук и тезка Василий Григорьевич при Иване Грозном вернулся в Россию и сделал карьеру в опричнине, став одним из приближенных тирана. Во время Новгородского похода 1570 г. он командовал передовым отрядом и уничтожал всех людей, которые попадались на пути. В 1573 г. Зюзин получал огромное жалованье в 400 рублей, такой же оклад был и у Малюты Скуратова. В отличие от многих товарищей-опричников, казненных царем или погибших в боях, Василий Григорьевич дожил до старости, удалившись на склоне лет в Чудов монастырь. Его сын Яков Васильевич — воевода в Смутное время, а двоюродный брат Алексей Иванович в 1613 г. был послом в Англию, а в

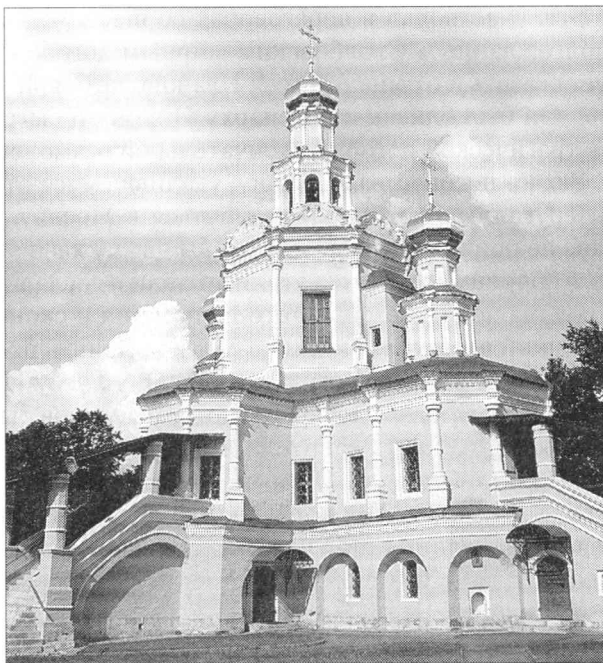
1616—1617 гг. участвовал в переговорах со шведами, завершившимися долгожданным Столбовским мирным договором. Наконец, следует сказать и о сыне Алексея Ивановича, боярине Никите Алексеевне. Он был близок к патриарху Никону и сыграл странную роль в трагической истории окончательной размолвки владыки и царя. Зюзин посоветовал Никону, удалившемуся от престола в Новый Иерусалим, неожиданно вернуться в Москву, что тот и сделал. Царь не принял патриарха, и тот был вынужден отправиться обратно, а боярина Никиту схватили, пытали и сослали в Казань. Супруга Зюзина не выдержала этого испытания и скончалась¹.

Князь Сицкий владел Зюзином до своей кончины, последовавшей в 1644 г., после чего село отошло к боярину Глебу Ивановичу Морозову, женатому на его дочери Авдотье. Морозов был братом известного воспитателя и правителя при молодом царе Алексее Михайловиче Б.И. Морозова. Однако еще более известна его вторая супруга — Феодосия Прокопьевна, урожденная Соковнина, знаменитая проповедница старой веры, боярыня Морозова. Она вступила во владение Зюзином после смерти супруга в 1662 г., но уже через четыре года, в 1666 г., это село, как и другие владения строптивой боярыни, было конфисковано и отошло в казну. Сохранилось описание этого имения, сделанное при конфискации. Согласно описи, здесь находились боярские хоромы, состоявшие из двух белых горниц и двух сеней. На дворе стояли сушило и три конюшенных сарая. К двору примыкал обширный сад, в котором, помимо прочего, для услады глаз боярина жили три павлина и две павы. Помимо этой красоты, в Зюзине были скотный двор, житницы и рыбные пруды. Стояла деревянная церковь, но владельцы готовились ее перестроить, о чем свидетельствуют запасы кирпича и извести².

Последний владелец Зюзина в XVII в. — князь Борис Иванович Прозоровский, чьим московским домом были упоминавшиеся выше Белые палаты на Пречистенке. В начале XVIII в. князь ушел со службы и занялся обустройством своего имения, в котором в 1688—1704 гг. перестроил местную церковь в камне. Ее описание того времени гласит: «церковь о двух службах: нижняя во имя святого князя Владимира, верхняя — во имя Бориса и Глеба; на той церкви

¹ *Московская энциклопедия* / Под ред. С.О. Шмидта. М., 2007. Т. 1. Кн. 1. А—З. С. 629.

² *Тихонов Ю.А.* Подмосковные имения... С. 139.

Церковь Бориса и Глеба в Зюзине

на верху колокольня каменная же»¹. Этот интересный памятник московского барокко, возведенный, возможно, при участии известного Якова Бухвостова, к счастью, сохранился до нашего времени.

С Зюзином соседствует район Коньково, ранее — также село, образовавшееся во второй половине XIX в. в результате слияния двух соседних сел Троицкого-Конькова и Сергиевского, именовавшихся так по храмам. Впервые Коньково (будущее Троицкое) упоминается в 1627 г. как пустошь. Его превращение в деревню связано с деятельностью Ильи Авраамовича Безобразова, сына, у которого Андрей и Федор поделили имение между собой. Здесь появились два господских дома и были заведены большие сады. Владелец Троицкого-Конькова Андрей Ильич был рачительным хозяином и превратил подмосковную вотчину в перевалочный пункт. В Коньково доставлялись различные припасы, поступавшие из южных владений стольника; впрочем, было тут и свое хозяйство — здесь жали хлеб и разводили скот.

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 706—708.

Судьба Безобразова была печальной. Он не стремился ни к придворной, ни к административной карьере, уделяя основное время успешному управлению своими вотчинами, но совсем уклониться от службы ему не удалось — в 1689 г. царь Петр назначил его воеводой на Терек — на самую дальнюю южную окраину государства. По всей видимости, эти была опала — Андрей Ильич был родичем любимца царевны Софьи, Ф.Л. Шакловитого, и, возможно, принадлежал к «партии» царевны, отстраненной Петром от власти. Безобразов, к тому времени уже достигший преклонных лет, пытался уклониться от терского воеводства и тянул время. В отчаянии он привлек ворожеев, желая, чтобы они приворожили юного царя и его мать, Наталью Кирилловну, к Безобразову, который попал бы в милость и сумел остаться при своих любимых вотчинах. Но все было напрасно, и Безобразов направился к месту службы. По дороге он зазимовал в Нижнем Новгороде, а между тем в Москве раскрылась его колдовская афера. В те времена чародейского умысла против государевой особы не прощали, стольника вернули в Москву, приговорили к казни и 8 января 1690 г. казнили. В казну были конфискованы не только любовно обустроенные им вотчины, но и богайтейший вотчинный архив, документы которого наглядно показывают методы управления крупным помещичьим хозяйством во второй половине XVII в.¹

Вскоре после конфискации Коньково было передано из казны одному из видных сподвижников Петра I, государственному деятелю и дипломату Гавриилу Ивановичу Головкину, впоследствии — канцлеру и графу. При Головкине Коньково превратилось в село — он выстроил каменную Троицкую церковь, каменные же хоромы, расширил сады, создал восемь живорыбных прудов. Головкин также выкупил у племянника неудачливого Безобразова вторую половину Троицкого-Конькова, однако на этом процесс образования позднейшего, единого Конькова еще не завершился. История второй половины села — Сергиевского — начинается в конце XVI в., когда здесь была деревня Серикова — владение Петра Никитича Шереметева, деятеля Смуты, убитого Псковским вором в 1609 г. В XVII в. Серикова перешла во владение рода Толочановых. Ими была выстроена церковь во имя преподобного Сергия Радонеж-

¹ *Архив* стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1 / Издание А.А. Новосельского, С.И. Коткова; сост. Л.Ф. Кузьмина, И.С. Филиппова; ред. О.В. Новохатко. М., 2012. С. 3—4. См. также: *Новосельский АА. Вотчинник и его хозяйство в XVII в.* М.; Л., 1929.

ского, возведен помещичий двор. Во второй половине Троицкое-Коньково и Сергиевское объединились в одно село, которое получило наименование Коньково, а в 1960 г. вошло в черту Москвы¹.

Старинное село Ясенево впервые упоминается еще в духовной грамоте Ивана Калиты как Ясиновское. Этот топоним очень интересен. Очевидно, что до того, как стать великокняжеским владением, село какое-то время принадлежало некоему «ясину» — так на Руси именовали осетин. Переходя из рук в руки среди князей Московского дома, это село так и осталось в казне. В первой трети XVII в. оно полюбилось патриарху Филарету, который повелел выстроить здесь деревянную церковь во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи. В середине столетия царь Алексей Михайлович пожаловал Ясенево своему тезке, боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову. Новый владелец перестроил церковь (она получила наименование в честь иконы Божией Матери Знамение с приделами Николая Чудотворца и Святой Мученицы Софии). В самом селе при князе Львове располагался двухэтажный терем, конюшни и скотные дворы, дворы «деловых» людей, крестьян и бобылей; всего в Ясеневе в 1646 г. проживали 65 душ мужского пола.

После кончины в 1653 г. князя А.М. Львова село вновь перешло в казну, и в 1690 г. царь Петр пожаловал его своему тестю боярину Федору (Иллариону) Авраамовичу Лопухину. Крушение этого несчастливого брака ударило по всей родне царицы — Ф.А. Лопухин в 1697 г. был отправлен на воеводство в дальнюю Тотьму, а его сын Авраам, ставший в начале XVIII в. владельцем Ясенева, оказался замешан в «дело царевича Алексея» (своего племянника) и в 1718 г. окончил жизнь на эшафоте. Все имения Лопухина были конфискованы, и в их числе — село Ясенево².

Историю села Борисова и возникновение здесь огромного Борисовского (Царе-Борисовского) пруда на запруженной речке Бороденке (приток Москвы) принято связывать с царем Борисом Годуновым. Правда, документов, подтверждающих, что Годунов владел Борисовом и по его приказу здесь было осуществленно строительство большой белокаменной плотины, не сохранилось. Но масштабный характер строительства свидетельствует в пользу этого предания. После обустройства императорской резиденции

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 723—725.

² Там же. С. 733-738.

Церковь Петра и Павла в Ясеневе

в Царицыне Борисовский пруд стал первым в каскаде прудов, в который также входили Шипиловский, или Нижне-Царицынский, и Верхне-Царицынский. Во время археологических раскопок на Борисовской плотине, проведенных в 2006 г., были обнаружены следы древних конструкций — водоотводный белокаменный желоб, по которому вода направлялась к колесам мельницы, фундамент мельницы, фрагменты кирпичной и каменной кладки начала XVII в. Проект музеефикации этих объектов, к сожалению, не получил поддержки, и остатки гидротехнических сооружений XVII—XVIII вв. продолжают разрушаться.

В Смутное время Борисово было разорено, запустело и пришло в упадок. Его возрождение началось в 1620-х гг. В это время село перешло в дворцовую Коломенскую волость, сюда были переселены крестьяне из Коломенского, и началось создание государственного хозяйства — были созданы сады, в пруду стали разводить рыбу. Рыбное хозяйство Борисова за XVII в. настолько выросло, что для пресечения браконьерства казна была вынуждена нанять прудовых сторожей. В XVIII в. их было уже 13 человек. В описании 1646 г. говорится, что в Борисове стояли деревянная Троицкая церковь, двор попа, три двора церковных бобылей и 36 крестьянских дворов. В 1710 г. церковь перестроили, но опять

же в дереве, а в 1887 г. рядом закончили строительство каменного храма. Церковь Петровской эпохи простояла до конца XIX в., пока ее не разобрали «за ветхостью»¹.

Завершает наше путешествие по окраинам средневековой Москвы село со смачным названием Черная Грязь, известное ныне как Царицыно. Уже в конце XVII в. оно являлось благоустроенным имением князя Алексея Васильевича Голицына, сына известного фаворита царевны Софьи, князя Василия Васильевича. Впервые Черная Грязь упоминается как пустошь в 1589 г., когда она входила в состав земель дворцового села Коломенского. В 1633 г. ее продали в вотчину царскому тестю окольничему Лукьяну Степановичу Стрешневу. От него пустошь перешла к сыну Семену Лукьяновичу, при котором стала сельцом — боярин поставил здесь свои хоромы. В 1673 г., когда умерла вдова С.Л. Стрешнева, Мария Алексеевна, село «отписали на государя», а в 1682 г. пожаловали родичу бывших владельцев, боярину Ивану Федоровичу Стрешневу. В этом году здесь отмечены «хоромы ветхи, да сад, а в нем яблони да вишни». В следующем году Стрешнев отдал село внуку — князю А.В. Голицыну, и молодой хозяин начал обустраивать имение.

В 1683 г. Голицын заложил в Черной Грязи деревянную церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы Живоносный Источник, а затем приступил к перестройке барского двора. В 1689 г., когда село было конфисковано после опалы князей Голицыных и была составлена опись, оно предстает уже в совершенно ином виде, нежели семь лет назад.

Согласно описанию, церковь села была крыта черепицей, а «с лица писаны краски». В окнах стояли 95 слюдяных окончин, на колокольне находились 7 колоколов. При церкви была и богадельня, что вообще редкость для Москвы, а для Подмосковья, которым тогда являлась Черная Грязь, — тем более. Видимо, в этом князь Алексей подражал матери, содержавшей богадельню на своей половине московского дома. Внутреннего описания хорм молодого князя не сохранилось — они были опечатаны. Переписчик лишь отметил, что хоромы брусяные, двухэтажные, чердаки ограждены точеными перилами. На боярском дворе жили 11 конюхов, садовник и плотник, на конюшне содержались имеретинский иноходец, 3 коня, 5 мерин (из них один — «водо-возный»), 12 лошадей «людских и пахотных», на скотном дворе —

¹ *История московских районов: Энциклопедия...* С. 676—677.

5 коров, бык, 6 телят, 10 овец, 3 свиньи, 9 поросят и мелкая живность вроде «кур индийских» (индеек), гусей и пр. Для красоты держали журавля и трех павлинов. Примыкал к господскому двору сад с рощей, отдельно стояли 7 житниц и огороженное гумно, на реке Язвенке — 2 мельницы, одна из которых — на каменной плотине. Конечно, имение князя Алексея уступало Медведкову, которым владел отец (см. выше), но так оно и должно было быть — владелец Черной Грязи еще только начинал самостоятельную жизнь придворного и хозяина — ему было 24 года. Едва начавшись, она скоро прервалась — Голицыных сослали в Яренск, оттуда на Мезень, а затем на Пинегу, где глава семьи умер в 1714 г., а Алексей возвратился только лишь после смерти Петра I¹.

Село Черная Грязь в 1712 г. было пожаловано бывшему молдавскому государю князю Д.К. Кантемиру, от которого перешло к сыну Константину, а затем к другому — Сергею. У князя С.Д. Кантемира в 1775 г. и приобрела это имение Екатерина II, повелевшая строить здесь загородный дворец, ставший шедевром русской неоготики и одним из загадочных строительных проектов XVIII в., в котором участвовали великие зодчие гоы эпохи — В.И. Баженов и М.Ф. Казаков.

□ 'fc -T'

Наше путешествие по средневековой Москве закончено. Оно началось в самом сердце города, в Кремле, и завершилось далеко за ее тогдашними границами — на землях, вошедших в городскую черту лишь после 1960 г. Конечно, не все удалось осветить в этой книге и многое осталось лишь обозначенным или недосказанным. Автор не претендует на исчерпывающее описание столицы Московского государства. Еще далеко не все тайны Москвы известны историкам, и многое нужно прояснить и исследовать.

Путеводитель указывает путь, направление, и на этом пути любознательного читателя ждут еще новые открытия. Постоянно происходит накопление новых знаний о Москве, ведутся археологические и архивные исследования. А это значит, что новые путешествия во времени и пространстве по старинному и волшебному городу еще впереди.

¹ *Розыскные дела о Федоре Шакловитом...* Т. 4. Стб. 341—349, 413—446; *Воскобойникова Н.П.* К биографии В.В. Голицына // *Архив русской истории.* М., 1995. Вып. 6. С. 126-152.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
---------------	---

Часть первая

ОТ ГРАДА «МОСКОВЪ» К СТОЛИЦЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Начало Москвы.....	9
Москва белокаменная.....	18
Московские пути-дороги.....	31
Расцвет средневекового города.....	33
Москва в эпоху Ивана Грозного.....	48
Накануне Смуты.....	63
Москва в XVII столетии.....	67

Часть вторая

«САМ ГОРОД - ДЕРЕВЯННЫЙ И ДОВОЛЬНО ОБШИРЕН...»

Внешний вид средневекового города.....	80
«По улице мостовой...».....	89
Ночь на московской улице.....	98
На крестце.....	ЮЗ
«Размера против наказу...».....	ИО
Московские дворы.....	119

Часть третья

СВЯЩЕННАЯ ЦИТАДЕЛЬ РУССКИХ

Святыни Кремля.....	130
Царский и патриарший дворцы.....	141
Деловой центр Кремля.....	152
Кремлевские обитатели.....	157
Князья, бояре и другие обитатели Кремля.....	162

Часть четвертая

КИТАЙ-ГОРОД, ИЛИ «СРЕДНИЙ ГОРОД»

Великий московский торг.....	174
Кровь на площади.....	185
Зарядье.....	192
«Священная» и другие улицы Китай-города.....	205

Часть пятая

БЕЛЫЙ, ИЛИ «ЦАРЕВ», ГОРОД

От Кулишек к Сретенке.....	228
Пушечный двор и Кузнецкая слобода.....	250
Петровка, Дмитровка, Тверская.....	259
Опричные земли.....	275

Часть шестая

ЗЕМЛЯНОЙ (ДЕРЕВЯННЫЙ) ГОРОД, ИЛИ СКОРОДОМ

Глиняные холмы Заяузя.....	290
Бараши, огородники, пушкарки, печатники.....	295
Жизнь Бронной слободы.....	305
В дворцовых кормовых слободах.....	314
Средневековый Арбат.....	319

Часть седьмая

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ, ИЛИ «СТРЕЛЕЦКИЙ ГОРОД»

В стрелецких слободах.....	326
Татары и толмачи	337
Ремесленные слободы Замоскворечья.....	344

Часть восьмая

ЗА ГОРОДСКОЙ ЧЕРТОЙ

Пригородные слободы.....	351
Загородные монастыри.....	368
Царские усадьбы.....	401
Села, деревни, пашни, выгоны.....	412

Научно-популярное издание

Шокарев Сергей Юрьевич

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ

Ответственный за выпуск *Д.О. Хвостова*

Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать 22.01.2014.
Формат 60х90^{*/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 25,4.
Тираж 2 500 экз. Заказ № 6993.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ

МОСКВЕ

СЕРГЕЙ
ШОКАРЕВ

историк, москвовед, кандидат исторических наук,
доцент Историко-архивного института РГГУ, главный
редактор историко-краеведческого альманаха
«Подмосковный летописец», автор более ста публикаций
по истории средневековой России и Москвы
некрополистике и генеалогии

ДАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ НЕ ВПОЛНЕ
ТРАДИЦИОНЕН. ОН ПОСВЯЩЕН СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МОСКВЕ — ГОРОДУ XII—XVII ВЕКОВ, В ГРАНИЦАХ
ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЦАРСТВОВАНИЯ
ПЕТРА — ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДА. ЗА ПРОШЕДШИЕ
СТОЛЕТИЯ МОСКВА КАРДИНАЛЬНО ИЗМЕНИЛАСЬ
ВНЕШНЕ, НО В ОБЛИКЕ УЛЬТРАСОВРЕМЕННОГО
МЕГАПОЛИСА СКРЫТНО ПРОСТУПАЮТ ЧЕРТЫ
ДРЕВНЕГО, ДЕРЕВЯННОГО И БЕЛОКАМЕННОГО
ГОРОДА. ПРОШЛОЕ ПРОДОЛЖАЕТ ГОВОРИТЬ
С НАМИ, РАССКАЗЫВАЯ О СЕБЕ ЧЕРЕЗ
МОСКОВСКУЮ ТОПОНИМИКУ
И ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ

ЦЕНТРОЛИТРАП

ISBN 978-5-227-05090-8

9 785227 050908